

Інститут української археографії та джерелознавства
імені Михайла Грушевського НАН України

МИХАЙЛО МОГИЛЯНСЬКИЙ. ЛИСТУВАННЯ З ЦАТАЛІЄЮ ПОЛОНСЬКОЮ-ВАСИЛЕНКО 1929-1941

Упорядкувала *Вікторія Сергієнко*

Харків
«ПРАВА ЛЮДИНИ»
2023

УДК 821.161.2'06-6
М74

Center for Governance and
Culture in Europe

University of St.Gallen

Це видання підготоване за фінансової підтримки
Центру досліджень урядування і культури в Європі
Університету Ст. Галлена.

This publication was prepared with the support
of the Center for Governance and Culture in Europe
at the University of St. Gallen.

Упорядкування і вступна стаття: Вікторія Сергієнко

**Михайло Могилянський. Листування з Наталією
М74 Полонською-Василенко 1929–1941** / упорядкування та
передмова Вікторії Сергієнко. — Харків: ТОВ «Видавництво
„Права людини“», 2023. — 496 с. фотоіл.

ISBN 978-617-8186-08-1.

Знайомство письменника і літературознавця Михайла Могилянського та історикіні Наталії Полонської-Василенко відбулося в 1923 році у Києві. Їх об'єднала робота у Комісії для складання Біографічного словника українських діячів Всеукраїнської академії наук, очолюваний Могилянським, та його дружба із чоловіком Полонської-Василенко — колишнім президентом ВУАН, академіком Миколою Василенком, яка поклала початок їхньої власної приязні, що протривала до смерті Могилянського. Збережені Полонською-Василенко листи до неї Могилянського були написані між 1929—1941 роками і охоплюють останні роки існування ВУАН та останні роки життя Могилянського, підданого остракізму радянською владою як «бувша людина». Ця книжка є першим науково коментованим виданням усіх 125 листів, що вміщені в Центральному державному архіві-музеї літератури і мистецтва України, а також кількох досі неопублікованих оповідань та есе Могилянського.

УДК 821.161.2'06-6

- © Михайло Могилянський,
нащадки, 2022
- © Наталія Полонська-Василенко,
нащадки, 2022
- © Вікторія Сергієнко,
упорядкування та передмова, 2022

ISBN 978-617-8186-08-1

Зміст

<i>Вікторія Сергієнко. Листи туги і надії</i>	4
Археографічна передмова	40
1929	43
1930	49
1931	55
1933	61
1934	85
1935	129
1937	211
1938	225
1939	231
1940	261
1941	287
Додатки	329
Примітки	363
Покажчик імен	482

Листи туги і надії

**МИХАЙЛО МОГИЛЯНСЬКИЙ
І НАТАЛІЯ ПОЛОНСЬКА-ВАСИЛЕНКО НА ТЛІ ЧАСУ**

Кілька разів Михайло Могілянський (1873–1942) і Наталія Полонська-Василенко (1884–1973) починали свої життя спочатку. Тоді їхні погляди спрямовувались на позір у протилежні сторони: вона дивилися назад, подалі від «сумного ХХ століття»¹, а він вірив, що дивиться вперед, у майбутнє людства, але насправді шукав самого себе, натхненного надіями юності. Обоє були змушені доводити свою лояльність як радянських громадян, а Полонська-Василенко — ще й власну українську ідентичність. Листи Могілянського до Полонської-Василенко, спершу писані українською, на початку 1930-х без намови стають російськомовними. Крім можливої самоцензури, для обох російська лишалася мовою родин, у яких вони зросли, та соціального прошарку, із якого походили. У 1933 році і 60-річного Могілянського, і 49-річну Полонську-Василенко як «бувших людей» було викинуто на узбіччя великого соціалістичного будівництва. Полонська-Василенко цінувала в Могілянському, як і в інших своїх кореспондентах — старших чоловіках-науковцях як історик Митрофан Довнар-Запольський (1867–1934) чи правознавець Володимир Грабар (1865–1956), людину втраченої доби. Не лише після Жовтневого перевороту 1917 року, який крім іншого приніс пошуки «нової людини», але й до цього Полонська-Василенко мала б виглядати старосвітською, несучасною. Історикія продовжувала писати опальному та забутому

¹ Лист Наталії Полонської-Василенко до батьків — Меньшова Д. П. та Меньшової М. Ф. Центральний державний архів літератури та мистецтва України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 87. Арк. 231.

більшістю друзів Могилянському і згодом, коли її кар'єра знову пішла вгору, а його — продовжувала спускатись на дно.

Цей текст є спробою зрозуміти, чому особиста і наукова біографія двох не настільки різних, як може видатися, людей складалася так неоднаково. Водночас оскільки життю Полонської-Василенко присвячено порівняно більше розвідок², то в цьому разі потреби детально зупинятися на її біографії немає, а фокус буде краще зосередити на Могилянському, який досі, на жаль, майже не привертав уваги дослідників. Такий акцент зумовлений теж фактом, що листи (за винятком кількох) Полонської-Василенко до Могилянського не збереглися і зараз неможливо відновити цілісну картину їхнього спілкування.

Полонська-Василенко пригадує...

У березні 1960 року в мюнхенській «Українській літературній газеті» вийшла стаття, затитулована «Михайло Михайлович Могилянський», котра мала нагадати майже забуте ім'я відомого колись літературного критика, літературознавця, письменника і правника. Авторкою була професорка Українського вільного університету 76-річна історикиня Наталія Полонська-Василенко. Крім неї, більше ніхто із численних кореспондентів Михайла Могилянського — Миха, як він себе називав, — не надрукував про нього спогадів. До власного минулого пам'ять Полонської-Василенко мимоволі почала звертатися ще в липні 1945 року у Трасфальдені, де вона опинилася, втікши із УРСР перед наступом радянських військ. «Сюди, — розпочинала вона свої спогади, — в район Пассау (південна Баварія) закинула мене доля рівно три місяці тому; оселила у великій

² Наприклад, див.: Василь Ульяновський. Наталія Дмитрівна Полонська-Василенко-Моргун: сторінками життєпису [в] Наталія Полонська-Василенко. Історія України. Т. 1. До середини XVII століття. 3-тє видання. Київ: «Либідь», 1995. С. I–LXXXVIII; idem. Життя і творчість Наталі Полонської-Василенко: Три державницькі контексти [в] States, societies, cultures East in Honor of Jaroslav Pelenski. New York, 2004. С. 1107–1151; I. В. Верба. Життя і творчість Н. Д. Полонської-Василенко (1884–1973), Київ: Національна академія наук України, 2000.

танц-залі сільського «гастгаузу» фрау Марії Вагнер, і невідомо, що зробить зо мною далі...»³. Доля виявилася не такою суворою, як вона побоювалась. У 1948 році Полонська-Василенко повинчасться із економістом Олександром Моргуном (1874–1961). Він захищатиме її від звинувачень у «великоросійстві», що лунали на її адресу в українських емігрантських колах, а вона ставитиметься до нього із поблажливістю і піклуванням матері за улюбленого балуваного сина⁴. Її чекатиме визнання, але і компроміси із собою. Проте одразу після війни, на порозі цього нового етапу життя, як рисунок намальований лимонним соком на шматку паперу, який видно коли він згорає, перед нею постав, перш ніж остаточно відійти у минуле, світ її дитинства і юності — дворянського гнізда, що було зруйноване.

Про Могілянського Полонська-Василенко пригадувала в іншому контексті: менше ніж за рік помре Моргун — і вона лишиться сама. Ця смерть не могла бути цілком несподіваною, врешті йому йшов 87-й рік і він був тяжко хворий. Радше це передчуття кінця нагадувало ситуацію, у якій виявилась Полонська-Василенко, коли після тривалої хвороби в 1935 році помер її другий чоловік — Микола Василенко (1866–1935), історик, академік Всеукраїнської академії наук, старший за неї на 18 років. Після смерті Василенка її підтримував листовно Могілянський, зараз — такого друга вже не було. Крім того, цією статтею Полонська-Василенко багато років потому віддячила за чудовий спогад про Василенка, надісланий Могілянським на її прохання⁵. Можливо теж, що в цей час Полонську-Василенко відвідували роздуми, як би інакше могло склалося її життя... Немов

³ Наталія Полонська-Василенко. Спогади. Упор. Валерій Шевчук. Київ: Видавничий дім «Києво-Могілянська академія», 2011. С. 22.

⁴ Лист Наталії Полонської-Василенко до Олександра Могуна від 25.10.1939 року. Центральний державний архів літератури та мистецтва України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 89. Арк. 36 зворот.

⁵ 5 липня 1936 року Могілянський занотував у щоденнику: «Полонська дуже задоволена сторінками моїх спогадів про Миколу Прокоповича.» Михайло Могілянський. Щоденник. 1934, листопад — 1937, жовтень. // Хроніка 2000. 2004. Випуск 59. С. 406.

випереджаючи ймовірні закиди недоброзичливців або обриваючи якісь власні незавершені міркування, Полонська-Василенко підкреслювала винятково дружній характер взаємин із Могілянським. Вона писала, що Василенко товаришував із ним до самої смерті⁶ і цю дружбу «успадкувала й я»⁷. Децю іншу картину видно із листа Могілянського від 12 червня 1937 року, у якому він вітає Полонську-Василенко із новим шлюбом:

«[...] не раз, когда, случалось, Ваша острая тоска заостряла и мою, давно уже приобретающую характер хронический, не раз я был близок к тому, чтобы – простите банальное выражение – сделать Вам «предложение». Непреодолимым препятствием к этому, однако, оказались: мое материальное положение, боязнь, при возможности в моем возрасте близкого наступления инвалидности, поставит Вас в положение сиделки и, наконец, соображения о том, что мой тревожно-беспокойный характер не гарантирует необходимых Вам спокойствия и тихого уюта. Вы понимаете теперь, как я счастлив сознанием, что жизнь дала Вам все для Вас необходимое, чего я сердечно, искренне Вам желал, но в силу различных непреодолимых обстоятельств не мог позволить себе предложить со своей стороны?»

В нормальных условиях жизни я, наверное, никогда бы и не признался Вам во всем этом. Но в настоящую минуту, когда надо мной беспредельный купол небес от полюса до полюса, а мне – еще раз простите банальное выражение – в буквальном смысле слова – негде «голову преклонить», когда я остался без крова с мучительной тоской тревоги за неизвестную судьбу близкого человека, и даже не знаю, буду ли я еще когда-н[и]б[удь] иметь адрес, по которому смогу получить письмо от Вас, отчего не признаться?» (лист від 12 червня 1937 року)

Не відомо, як Полонська-Василенко відповіла на цього листа, але Могілянський точно не справляв на неї однозначного враження. Один із «найцікавіших людей літературного Києва 1920 – 1930-х років, пристрасний знавець літератури, непоправний ідеаліст, естет, закоханий у книжки, який волів

⁶ Василенко вже не міг в останні роки писати листи через хворобу, отже відповідала Могілянському завжди Полонська-Василенко.

⁷ Наталія Полонська-Василенко. Михайло Михайлович Могілянський // Українська літературна газета. 1960. № 3 (57). С. 5.

тижнями не обідати, не витратити гроша на ремонт одягу, але купувати найдорожчі видання»⁸. Вона згадувала його «завжди бадьоре, веселе обличчя і по-дитячому ясні веселі блакитні очі», але писала, що одяг Могілянського був у такому стані, що він мав «вигляд жебрака». Вона відзначала у ньому порядність і принциповість, але водночас його бурхлива емоційність не знаходила в неї розуміння: йому бракувало спокою, властивої їй статечності. Він хотів жити тут і зараз, а вона сприймала такий підхід скептично. У спогадах вона несвідомо змінила сенс його фрази, начебто він писав: «“Мисленно” приніс букетик Вам. Хіба ж не однаково — чи здійснив я це реально, чи тільки подумав?»⁹. Тоді як Могілянський мріяв, що даруватиме їй справжні білі квіти: «Наталия Дмитриевна, Наталия Дмитриевна! Как это можно сохранять столько идеализма, чтобы утверждать (по поводу мысленных цветов), что желание выше осуществления?!». (лист від 7 березня 1935 року)

Але її особисте горе потребувало одnodумця, а Могілянський надсилав тужливі листи, які резонували із її власним станом. Із смертю Василенка настала порожнеча; Полонська-Василенко у листі до їхнього спільного із Могілянським кореспондента — 71-річного правознавця Володимира Грабаря, який мешкав у Москві, — писала, що в неї «нет и будущего. А прошлое владеет мною полностью»¹⁰. Вона збирала листи та спогади про Василенка, писала власні, сумувала і хворіла. Оскільки за рік до того Полонську-Василенко звільнили із ВУАН, то тепер пенсії Василенка не вистачало — доводилося брати обтяжливі і нецікаві для науковця підробітки, які проте дозволяли утримувати прислугу, «без которой я жить не могу»¹¹. А тим часом на власні дослі-

⁸ Ibid.

⁹ Ibid.

¹⁰ Письмо Наталии Полонской-Василенко к Владимиру Грабарю от 23.3.1936. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Фонд 40. Картон 1. Единица хранения 376. Лист 7 оборот.

¹¹ Письмо Наталии Полонской-Василенко к Владимиру Грабарю от 29.4.1937. Отдел рукописей РГБ. Ф. 40. Карт. 1. Ед. хр. 376. Л. 13.

дження сил і часу не лишалось, не опублікованими лежали в архіві ВУАН «две монографии, каждая листов по 25 — одна касалась времен Запорожья, другая — была история Киево-Межигорской фабрики»¹². Цілком резонно вона вважала, що без чоловіка-академіка їй «будет труднее определить свое место в городе»¹³, отже вона писала до знайомих у Москві, шукала їхньої протекції¹⁴. Те саме вона раніше радила і Могилянському: шукати «зацепку» в Ленінграді, чого він, на її думку, «легковажно» не зробив.

Загалом Могилянський в очах Полонської-Василенко мав риси наївності, дитячої нерозсудливості, невластивої його віку. Ще у 1888–1889 роках Полонська-Василенко — 5-річна єдина донька своїх батьків — відчула руйнування добробуту родини: втрату фамільного майна, заощадження на побуті, пошуки роботи батьком і сльози матері¹⁵. Все це рано наклало відбиток на неї, створювало атмосферу несталої, яку Полонська-Василенко не забула і в дорослому житті. На відміну від Могилянського, який довго пробував різні заняття, ризики чого підстраховувались за рахунок прибутків від продажу нерухомості, Полонська-Василенко знала, що не має хоч трохи заможної родини, яка могла б фінансово забезпечувати її пошуки себе. Крім того, попри потяг та здібності до історії, які вона виявила і в гімназії, і на вищих жіночих курсах, її як жінку в Російській імперії на початку ХХ століття, скоріш за все, не чекало нічого більшого за роботу вчителькою. Інший шлях, який зазвичай обирали її однокурсниці, — це роль домашньої мовчазної дружини колеги батька, офіцера Сергія Полонського, на яку вона погодитись так само не могла. Відповідно, їй потрібно було стати не просто

¹² Письмо Наталии Полонской-Василенко к Владимиру Грабарю от 9.4.1936. Отдел рукописей РГБ. Ф. 40. Карт. 1. Ед. хр. 376. Л. 9 оборот.

¹³ Письмо Наталии Полонской-Василенко к Владимиру Грабарю от 29.4.1937. Отдел рукописей РГБ. Ф. 40. Карт. 1. Ед. хр. 376. Л. 12 оборот.

¹⁴ Зокрема, збереглися у ЦДАМЛМУ (ф. 542) її листи до Юрія Готьє, Бориса Грекова та Володимира Пічети.

¹⁵ Наталія Полонська-Василенко. Спогади. Упор. Валерія Шевчука. Київ: Видавничий дім «Кієво-Могилянська академія», 2011. С. 79–81.

якоюсь, а кращою дослідницею, аби втриматись у конкурентному світі чоловіків-професорів. Вона рано усвідомила обидва ці факти: і власну незахищеність, і потребу слабкості перетворити на силу.

Якщо для Полонської-Василенко Лютнева революція, а потім Жовтневий переворот 1917 року став раптовим кінцем життя, яке вона любила, принісши відчуття безпорадності та численні втрати (вчителя і близької людини — Митрофана Довнар-Запольського, довгоочікуваної посади першої жінки приват-доцента в Київському університеті, смерті батьків), то так само вона хотіла зобразити і життя Могилянського, який — як марксист ще зі студентської лави — зустрів революцію радо. Колись Могилянському роздратований знайомий сказав, що якби не такі як він, то революції б не було, що його і насмішило, і трохи полестило. Можливо, Полонську-Василенко теж відвідували подібні думки, коли вона міркувала про те, як зник світ таких як вона і Могилянський. Полонська-Василенко не знала добре¹⁶ життя Могилянського до Києва, де вони познайомились у 1924 році, але її уява працювала, заповнюючи прогалини знання флером гаданої «барскости» його дореволюційного побуту:

«Як тяжко було в “пролетаризованому” Михові вгадати тонкого знавця мистецтва, так само, — продовжувала вона у статті — тяжко було уявити, що був час, коли він був адвокатом у Петербурзі з дробною практикою, мав комфортабельну квартиру на Василівському острові, милу дружину, дітей, що двері відчиняла покоївка в білому фартушку і шанобливо казала: “Барин відпочивають”. Але все це було в дійсності. Коли я познайомилася з Михом, все це було вже “plusquamperfectum” [...]»¹⁷

¹⁶ Зокрема, про квартиру у Петербурзі вона щось дізналась від Василенка. У спогадах Полонська-Василенко теж здійснила кілька інших більших і менших помилок. Наприклад, написала, нібито Могилянський завдячував своїй українській ідентичності відомій родині Беренштамів, невірно інтерпретувала історію петербурзького видавництва Пирожкова, яке з фамільного майна фінансувала мати Могилянського, або згадувала, що він «виступав у диспутах із Леніним», хоча на закиди Леніна Могилянський ніколи не відповів.

¹⁷ Наталія Полонська-Василенко. Михайло Михайлович Могилянський... С. 5.

Аби підсилити контраст «до» і «після», вона приписала йому «солідну позицію адвоката», що «очевидно, мав солідні гонорари», «фешенебельну квартиру», навіть поставила його на праведний шлях: на її думку, перед революцією Могілянський «у політичному відношенні значно поправів». Насправді описуваних нею статків і власної квартири у Петербурзі він ніколи не мав, бо перед революцією працював не в «солідній» фірмі, а захищаючи політичних в'язнів, часто за власний кошт, із чим не погоджувалася його дружина — Олександра Ситенська. А історія із членством в кадетській партії, яке Могілянський формально прийняв аби відстоювати конституційно-правові гарантії розвитку соціалістичного руху, пізніше принесла йому багато проблем. Хоча через кілька років після падіння Російської імперії у листі із Петрограду до близької йому людини — письменниці Наталії Романович-Ткаченко (1884–1933) він справді писатиме, що виявився у скрутній ситуації:

«тепер я невільник: служу в Госиздате — розбираю книжки в таких холодних коморах, що вода замерзає [...] Та це не біда, а гірше те, що втомлює праця так, що потім в решту “вільного” дня вже мало до чого здатний...»¹⁸.

Але власне благополуччя значило для Могілянського мало, порівняно із величезними змінами, які переживало суспільство.

«Скептик, якому властиво захоплюватися»¹⁹

Могілянського та Полонську-Василенко зближувало походження із одного середовища — верхів провінційного дворянства. Але якщо Полонська-Василенко із досвіду свого київського дитинства та юності винесла вміння враховувати контекст

¹⁸ Листи Михайла Могілянського до Наталії Романович-Ткаченко від 25.12.1923. Інститут рукопису Національної бібліотеки України. Ф. 121. Од. зб. 113. Арк. 3.

¹⁹ Так Могілянський називав себе у листі до Володимира Грабаря від 27.12.1938 року. Отдел рукописей РГБ. Ф. 376. Карт. 6. Ед. хр. 20. Л. 13 оборот.

(що не дорівнювало конформізму), то молодий Могілянський вважав міщанством зважати на суспільні конвенції, а доблестю — їх порушення. У чернігівській родині Могілянського жили традиції опозиції владі. Так у спогадах, написаних у другій половині 1930-х — на початку 1940-х років, Могілянський пригадував свої перші враження, що формували той нонконформізм, який йому дуже дорого коштував у дорослому житті. Один із таких епізодів відбувся на селі в Чернігівській губернії, куди сім'я Могілянських приїздила влітку відпочити:

«Тихо слетал вечер на мирные поля колосившегося жита. Дух захватывало от непосредственной близости роскоши природы... И вдруг мать обратилась к нам:

— Смотрите, дети, — вот все это земли дяди Володи, а вспаханы они, засеяны крестьянами в поте тяжелого труда, они же и сожнут, они же и соберут жатву, они же и свезут ее — половину дяде Володе за то, что земля его, и только половину себе за свой труд!

Глаза у Вити Ласкоронского расширялись и расширялись и, наконец, он не выдержал:

— Мария, Вы с ума сошли!?

Мать будто не слыхала...»²⁰

Мати Могілянського — Марія Миколаївна — соціалістка за переконаннями, надзвичайно енергійна, іноді до авантюризму, культурна діячка, померла, виснажена недоїданням, в липні 1918 року від холери, бо в голодні революційні роки відкладала продукти для власних внуків і дітей порт'є у її будинку. Саме матері Могілянський завдячував своїм темпераментом і ранньому засвоєнню ідеї рівності всіх людей. Вона ж привчила свого улюбленого сина до різноманітного читання, зокрема давала йому потай від батька заборонені твори Олександра Герцена, Миколи Чернишевського, Фердинанда Лассалья, Михайла Драгоманова. І хоча, як писав Могілянський, «из всех моих увлечений — к украинским относилась холодно и без заметного

²⁰ Михайло Могілянський. «Повість о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 630. Арк. 69 зворот.

сочувствія»²¹, але саме мати дозволила йому тримати вдома нелегальну українську бібліотеку, зібрану його однокласниками, чи ходити на недозволені для гімназистів театральні постановки трупи Марка Кропивницького, які справили на Могилянського враження на все життя.

Батько — Михайло Якович, — на відміну від дружини, вірив у корисність для Російської імперії винятково шляху реформ. «Субъективное впечатление эпохи 60-х годов в жизни моего отца создало для него [...] озарение, света которого хватило на всю жизнь»²² — пригадував Могилянський. Відмовившись від кар'єри, Михайло Якович лишився суддею у рідному Чернігові заради можливості служити принципу рівного доступу до судочинства. Для сина він був зразком священної віри у право у державі, де виникло прислів'я «закон — что дышло». Російськомовний батько добре знав українську та читав для родини забороненого празького «Кобзаря». Нетривіально для того часу та середовища він прирівнював геніальність Олександра Пушкіна і Тараса Шевченка та говорив, що «только отсталость украинской литературы воспрепятствовала последнему ровень стать с Пушкиным»²³.

Оглядаючись на роки дитинства, Могилянський відзначав: «Песни и сказки няни, окружающая народная стихия, позже украинский театр — были факторами моего органического украинства, ослаблявшегося, однако, обрусевшей семьей и школой»²⁴. І коли в 1929 році російський письменник Костянтин Федін питав Могилянського, «какими судьбами он стал украинцем и не собирается ли он снова стать русским»²⁵,

²¹ Ibid. Арк. 72 зворот.

²² Ibid. Арк. 51 зворот.

²³ Ibid. Арк. 63 зворот.

²⁴ Михайло Могилянський. «Повесть о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 631. Арк. 55 зворот.

²⁵ Василь Даниленко. Українська інтелігенція і радянська влада. Зведення секретного відділу ДПУ УСРР. 1927–1929. Київ: Темпора, 2012. С. 529.

то той відповів: «українцем я не став, а был рожден в украинстве»²⁶.

Інакшою була інтеграція в українське середовище росіянки за походженням Полонської-Василенко, що почалася після її одруження у 1924 році із Василенком. Усе своє життя після того, не зважаючи на блискучі дослідження в галузі українознавства, які зробили їй ім'я, за різних умов — під час «українізації», за німецької окупації та на еміграції — вона була змушена доводити, що є «своєю». Дослідник Василь Ульяновський помиляється в такій її оцінці: «Наталія Дмитрівна завжди була “театральною натурою”, для неї майже не існувало бар'єру між “бути” і “здаватися”»²⁷. Він описує Полонську-Василенко як акторку, в якій були лише маски, але не було обличчя. Але, можливо, все було якраз навпаки: суть її особистої трагедії полягала в тому, що вона не могла ні легко для себе, ні достатньо переконливо для інших грати, у шекспірівському сенсі, за текстів, які пропонували небезпечні для життя альтернативи.

Щодо Могілянського, то він захищав право української культури на розвиток ще у дореволюційній петербурзькій пресі, адже вважав, що:

«национализацией общечеловеческого культурное творчество усвоет мировую культуру новым кругам [...] Вместе с тем оно создает формы, в которых в одно прекрасное время, — никто не знает ни дня, ни часа его, — могут воплотиться культурные ценности мирового значения [...] Ибо дух веет, где хочет!..»²⁸.

У цьому переконанні, що геній може народитися у кожного народу, Могілянський, слідом за своїм батьком, розходився із традицією російської інтелігенції від Віссаріона Белінського до

²⁶ Ibid. С. 530.

²⁷ Василь Ульяновський. Життя і творчість Наталі Полонської-Василенко... С. 1114.

²⁸ Михаил Могілянський. О культурном творчестве (украинская проблема). Петроград: Екатерининская типография, 1916. С. 11.

Георгія Плеханова, яку в 1940 році ретранслявала письменниця Лідія Гінзбург такими показовими міркуваннями:

«Все-таки великих представителей гуманитарной мысли рождали только “великие державы”. Вернее – страны политически значимые. Потому что только большие исторические организмы обладали проблематикой, способной питать великие обобщения гуманитарной мысли. Если гении не рождались гражданами большой страны, то они ими делались»²⁹.

У тому ж 1940 році Могілянський роздумував: «люблю ли “человека”, не знаю, уж очень часто — ненавижу и презираю, но, кажется, что это — форма выражения любви, одна из ипостасей последней»³⁰. Саме через цю любов він як цивільний позивач захищав у суді євреїв, постраждалих від Кишинівського погрому 1903 року, і вона ж привела його до марксизму.

Але коли ти гімназист, не знати, що впливає більше на бажання бути соціалістом: політичні трактати Михайла Драгоманова чи белетристика Олександра Дюма-батька. Адже Могілянський залюбки читав обох. Чи є різниця між тим, аби, переживши карколомні пригоди, боротися із ворогами як граф Монте-Крісто чи надіслати до місцевої газети статтю по «женському вопросу», яку прочитають твої подруги, в одну із яких ти таємно закоханий? У 1890-х роках одноманітне життя чернігівської провінції навіювало Могілянському нудьгу, викликало відчуття, що життя тут зупинилося назавжди³¹. В очах

²⁹ Лидия Гинзбург. Проходящие характеры: Проза военных лет. Записки блокадного человека. Сост. Емили ван Баскирк, Андрей Зорин. Москва: Новое издательство, 2011. С. 148.

³⁰ Письмо Михаила Могілянського к Владимиру Грабарю от 24.11.1940. Отдел рукописей РГБ. Ф. 376. Карт. 6. Ед. хр. 20. Л. 45.

³¹ Дещо пізніше коло чернігівського спілкування Могілянського розширилося і в спогадах він писав про період поліцейського нагляду на початку 1900-х таке: «Бок о бок с колонией поднадзорных, немного в стороне от нее, но иногда в некотором контакте с ней стояли украинцы, объединявшиеся в своей “громаде”. Из них я поддерживал отношения с Б. Д. Гринченко, еще с половины 90-х гг., развивавшем в Чернигове довольно обширное по масштабам того времени

по-бунтарському налаштованого юнака найкращим способом вийти за межі буденності, кинути виклик обивательській за-скорузлості, був модний серед міської інтелігентної молоді соціалізм. В автобіографічному романі «Жизнь Арсеньева» Іван Бунін, який зневажав соціалістів, що однак не відбирає йому рації, писав: «Мистически проізносилося слово «соціаліст» — в нем заключался великий позор и ужас, ибо в него вкладывали понятие всяческого злодейства»³².

У юнацькі роки Могілянський дійшов до переконання, «что революционная борьба с самодержавием является главнейшей задачей нашего времени»³³. Уже тоді народовольці з їх терористичними методами боротьби проти самодержавства втрачали вплив. Могілянський писав, що його самого: «Критика Драгоманова совершенно убедила и в политической нецелесообразности, и в моральной неприемлемости террора»³⁴. Від Драгоманова він також перейняв ставлення до національного питання, зокрема ідею перебудови Російської імперії на федеративних засадах.

Однак брошура «Либерализм и земство в России» не переконала молодого Могілянського у можливості мирного звільнення від самодержавства через участь у земствах. Він іронізував, що з хорів зали дворянського зібрання «наши хорошие знакомые Хижняков, Шраг и др. начинали мне казаться почти

украинское издательство книг для народного чтения, И. Л. Шрагом, с моих детских лет близким другом моих родителей, и с М. М. Коцюбинским, стоявшим несколько особняком по тому превалированию в его жизни художественных интересов, которое его всегда отличало и на почве которого я с ним и сблизился (...) Но украинская «громада» в целом была для меня неприемлима и по некоторому налету национализма, и по умеренности ее социально-политической психо-идеологии (...)». Михайло Могілянський. «Повесть о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 633. Арк. 53 зворот.

³² И. А. Бунин. Жизнь Арсеньева. Юность. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1952. С. 111.

³³ Михайло Могілянський. «Повесть о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 631. Арк. 52.

³⁴ Ibid. Арк. 53–53 зворот.

Мирабо, Робесп'єрами, Дантонами»³⁵. Адже земства це проза, а революція — поезія. Коли Могілянському-гімназисту вперше потрапив до рук марксистський «Маніфест комуністичної партії», текст зачарував його метафоричністю мови:

«[Я] воспринял его эмоционально, как художественное произведение большого идеологического напряжения. И долго почти бредил начальными строками: “Призрак бродит по Европе — призрак коммунизма” [...]».³⁶

З іншого боку, марксизм мав авторитет науки. Перший же том «Капіталу», придбаний на першому році навчання в Петербурзькому університеті, зробив Могілянського марксистом.

«Марксизм был ответом на искания практической программы действия, он научил разум находить опору в законах исторической необходимости, подчинять их себе. В этом было его обаяние»³⁷.

Однак марксизм готував до початку революції в одній із промислово розвинених країн, наприклад, у Великій Британії, а не в переважно аграрній Російській імперії. Отже, Могілянський розраховував на тривалу боротьбу із віддаленим результатом. Замість деконструюваного народовольського культу героя-одинака, у соціалістів його покоління постав новий колективний герой — непомітні робітники майбутньої революції. Цілком у душі доби Могілянський вважав, що:

«для подлинного революционного темперамента [...] много труднее жертвы жизнью [...] — жертва самоограничением, трудом упорным, муравьиным, обеспечивающим победу только в более или менее определенном будущем»³⁸.

³⁵ Михайло Могілянський. «Повесть о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 630. Арк. 72 зворот.

³⁶ Михайло Могілянський. «Повесть о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 631. Арк. 27.

³⁷ Ibid. Арк. 123.

³⁸ Михайло Могілянський. «Повесть о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 633. Арк. 99.

Цим переконанням, зокрема, пояснюється те, що після закінчення юридичного факультету замість кар'єри він обрав некар'єру. І хіба не тому продовжував жити³⁹, коли в 1920–1930-х роках життя завдаватиме йому удар за ударом...

Врешті революція була для Могілянського не метою, а лише засобом:

«Революция [...] всегда вставала передо мной в аспекте широкой задачи окончательной европеизации России, всестороннего приобщения к богатствам мировой духовной культуры. Мысль о возможности для России «самобытных» путей развития всегда оставалась для меня чужой, даже мало понятной психологически [...] решение русской политической проблемы было в правовом, конституционном, демократическом государстве»⁴⁰.

І коли в 1902 році вийшла брошура Володимира Леніна «Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения», то Могілянський оцінив її як маніфестацію анти-марксизму.

«В. И. Ленин, решительно порвав с марксизмом, проповедует якобинство, — пригадував свої тодішні міркування Могілянський, — и что делание по «Что делать» отклонило бы русское рабочее движение с широкого пути марксистского международного социал-демократического движения, наиболее полно и четко выразившегося в немецкой социал-демократии»⁴¹.

На останньому курсі університету Могілянського арештували на кілька місяців за участь у студентських протестах. В'язниця повернула йому «душевное равновесие и чувство морального удовлетворения», дала певність, що він на правильному шляху. «Смешно сказать, — писав Могілянський — я чувствовал себя самым свободным человеком в стране, я ведь сказал

³⁹ Цікаво, що герої багатьох новел і оповідань Могілянського (наприклад, «Честь» (1929), «З темних джерел життя» (1912), «Стріл» (1916), «Всюду страсти роковые» (1939)) навіпаки часто або кінчають життя самогубством, або їх убивають.

⁴⁰ Михайло Могілянський. «Повесть о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 631. Арк. 55–55 зворот.

⁴¹ Михайло Могілянський. «Повесть о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 633. Арк. 212.

свое слово, выражавшее очередную задачу новой России»⁴². До революції 1905–1907 років, мешкаючи під поліцейським наглядом⁴³ у Чернігові, а після його скасування — у Києві, він поєднував роботу журналіста у петербурзькій, московській, київській, одеській періодиці та правозахисну діяльність як адвокат. Згодом, беручи участь у підготовці виборів до Державної Думи⁴⁴, Могілянський відзначав, як «Модним шиком стало займать крайне левые идеологические позиции. Шутники говорили о себе: я левее самых крайних левых»⁴⁵. Після переїзду в 1906 році до Петербургу він підтримував широке коло знайомств, яке включало як українську інтелектуальну еліту — Михайла Коцюбинського, Івана Франка, Михайла Грушевського, так і петербурзьку — Анну Ахматову, Миколу Гумільова, Володимира Маяковського, Осипа Мандельштама. Могілянський став у цей час столичним спеціалістом із українських справ⁴⁶. Він писав численні публіцистичні, літературно-критичні, енциклопедичні статті, часто на українські теми, перекладав на російську твори Коцюбинського та навіть, під впливом дружніх заохочень останнього, опублікував деякі свої україномовні оповідання⁴⁷, які з'явилися після російсько-

⁴² Ibid. Арк. 1.

⁴³ Поліцейський нагляд — захід превентивного покарання в Російській імперії щодо політично неблагонадійних осіб, який, зокрема, полягав у встановленні над людиною явного та таємного нагляду поліції. Також заборонялося змінювати місце проживання, бути державним службовцем чи займатися громадською діяльністю, однак на практиці ці заборони могли не дотримуватися.

⁴⁴ Згодом він видав книжку своїх думських вражень: М. М. Могілянський. Первая государственная дума. Санкт-Петербург: Издательство Пирожкова, 1907. 200 с.

⁴⁵ Михайло Могілянський. «Повесть о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 634. Арк. 57

⁴⁶ «[Н]овий адвокат українського письменства перед судом російського читача» — так називав Микола Зеров Могілянського. Зеров М. Українське письменство / Упоряд. М. Сулима; Післямова М. Москаленка. Київ: Вид-во Соломії Павличка «Основи», 2003. С. 140.

⁴⁷ Могілянський пригадував: «В наших разговорах, кроме гуцульской тематики, все настойчивее обращался М. М. (Коцюбинский — ВС) к уговариванию

мовного збірника віршів і кількох п'єс 1890-х — початку 1900-х років. І хоча журналістських заробітків не вистачало, аби утримувати родину, в якій народилося четверо дітей, але, на позір, життя вирувало. Або ні:

«Хуже матеріальних затруднень для мене, для мого настроєння було то, що, спрашивая себя наедине с собой, — стоило ли для того, что я делаю, для того, чего я к 37-и — 38 годам достиг (не любил я вспоминать о своих годах) родиться? Я не мог на него отвечать положительно»⁴⁸.

«[...] я отверг «клакомство несчастное» пристойного адвокатского или какого-нибудь иного обеспечивающего заработка, а в постоянной погоне за мелким литературным заработком и материального обеспечения не достиг, и страшившего меня разменивания своих сил на пустяки не избег [...] все определеннее ощущал и сознавал я, [...] что никаких творческих замыслов у меня не осталось, все где-то растеряны. Такое неожиданное открытие создавало душевную пустоту»⁴⁹.

Поразка Першої російської революції та подальша політична реакція збіглися у часі із тривалою особистою кризою Могілянського. Повалення самодержавства здавалось недосяжним, як і власні ненаписані твори. Цікаве питання, чому він не писав. Звісно, можна припустити, що йому заважала перебільшена критичність до себе або боязнь втіленої мрії. Або ж після раптової смерті його гімназійного кохання, Ліди Хільчевської, на честь якої Могілянський потім назвав найстаршу доньку, — вицвіли і творчі плани. «Но я был легкомыслен, — віджартовувався він, — и когда нестерпимо становилось от скепсиса и пес-

меня испробовать свои силы в украинской беллетристике, уверяя, что убежден в моем успехе на этом пути. При этом всегда вспоминал мой небольшой этюд «Короткое свидание», помещенный в начале 1900-х годов в «Всемирном Вестнике», этюд ему очень нравился. Чуть ли не брал с меня слова, что, как только будет к тому подходящее настроение, я попробую...». Михайло Могілянський. «Повесть о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 636. Арк. 35 зворот.

⁴⁸ Михайло Могілянський. «Повесть о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 636. Арк. 18 зворот.

⁴⁹ Ibid. Арк. 48–48 зворот.

симизма, я перемагав їх, говоря себе: Вольтер в три дні написав «Кандида» в 65 років»⁵⁰. Однак доречним видається шукати відповіді в іншому. А саме в тому, що для Могилянського означала боротьба за вищі від нього ідеї. У кожному разі, не брак часу, не розпорошення сил, про яке згадував Могилянський, було причиною його творчої непродуктивності у цей період. Пояснення — у його психології.

Могилянський відчував себе як розколоту людину, якій бракує цілісності. За його власним висловом, він прагнув жити «всем биеньем нервов, всем огнем страстей», але не міг повністю бути тут і зараз. Звідси згадане ненормальне відчуття незадоволеності життям, яке у багатьох не виникає і за набагато менших досягнень. Ще у віці 25-ти років він писав: «чем более чутка душа человека, тем более в ней накапливаются страдания за жертвы и нелепости жизни, победитъ которых человеку так-таки, вероятно, никогда и не удастся»⁵¹. Поки він намагався надати сенс цим стражданням — він кидався рятувати світ, але замість повного самозабуття, розчинення у боротьбі мимоволі спостерігав, відкладав враження. Письменник може не писати, але він не може не мучитися потребою писати. І лише під старість, коли Могилянський зрозумів, що від болю і туги йому не втекти, — він взявся за перо. Передумовою цього було остаточне визнання неподоланності людської самотності та безглуздя страждань.

Коротка друга молодість

Після революції Могилянський кілька років мешкав у Чернігові, а з 1921 року працював у видавництвах Петрограду⁵². У черговому листі до Романович-Ткаченко він писав: «переїхати

⁵⁰ Ibid. Арк. 19.

⁵¹ Михаил Могилянский. Критические наброски. Санкт-Петербург: типография А. Пороховщикова, 1898. 56 с. Режим доступа: <https://rhombus-dalmatian-k82n.squarespace.com/mikhail-1/2019/9/13/--3>

⁵² Наталя Шумило. «Життя людське — храм, а не морг!». Про роман Михайла Могилянського // Вітчизна. 1990. № 1. С. 88.

до Київа — це ж моя мрія і коли вона загине, те буде для мене дуже важко. [...] так почуваю усім серцем, що тут завжди сумом повите...»⁵³.

У липні 1923 року 49-річний Могілянський розпочав працю у Всеукраїнській академії наук у Києві, у чому допомогла його кореспондентка. Разом вони і замешкали. Молодшому синові Романович-Ткаченко Дімі, який був тоді кількарічним хлопчиком, запам'яталися «кумедний білий капелюх» та «грубезна палиця», з якою Могілянський ходив, а ще він «перебуваючи в доброму гуморі, мугикав собі під ніс оперні арії»⁵⁴. Квартира Романович-Ткаченко та Могілянського була місцем зустрічі інтелігенції, таким став і робочий кабінет Могілянського — керівничого академічною Комісією по складанню Біографічного словника діячів України. Полонська-Василенко, яка була його співробітницею, пригадувала:

«Праця в цій комісії цілком відповідала здібностям та ерудиції М. Могілянського [...] До нього приїздило багато людей з інших міст, яких він втягнув до праці в словнику. Так ця кімнатка перетворилася на свого роду клуб ВУАН, де можна було інформуватися з приводу всіх подій наукового, громадського, політичного життя Києва, а іноді й ширше за Київ»⁵⁵.

Тепла приязнь виникла між Могілянським та київськими письменниками «неокласиками», молодшими на покоління, для яких він був живим свідком та учасником російського й українського літературного життя *fin de siècle*. Микола Зеров (1890–1937) викликав повагу Могілянського, поєднану із захопленням, із ним він поділяв любов до конвалій та солодкого чаю. Павло Филипович (1891–1937), за враженням Полонської-Василенко, «був ближчим до Могілянського, не

⁵³ Листи Михайла Могілянського до Наталії Романович-Ткаченко від 11.6.1923. ІР НБУ. Ф. 121. Од. зб. 118. Арк. 8.

⁵⁴ Оксана Якименко. Поетика творчості Наталі Романович-Ткаченко (дисертація кандидата філологічних наук). Київ, 2013. С. 40.

⁵⁵ Наталія Полонська-Василенко. Михайло Михайлович Могілянський... С. 5.

тільки рівним, а навіть таким, до якого “Мих” ставився трохи “згори”»⁵⁶. Із Максимом Рильським (1895–1964) він листувався віршами. А близький до «неокласиків» Віктор Петров (1894–1969) — сам того не бажаючи — пробуджував у Могілянському бажання полемізувати, обидва любили сонце і випити келих пива наприкінці дня.

Але наче у дзеркало Могілянський дивився на «пролетарського письменника» Миколу Хвильового (1893–1933). Характеризуючи Хвильового, він уявляв його так, як і себе «увлекающимся скептиком»: «он умеет не терять своей веры и энтузиазма даже тогда, когда его уста кривит скептическая улыбка в стиле А. Франса»⁵⁷. Хвильовий у листі до Зерова теж згадував, що любить Могілянського «платонічною любов’ю»⁵⁸, а самому Могілянському в пориві писав: «Ви мені нагадуєте моє перше кохання, коли так пахли далекі чебреці; тільки Вам я не соромлюсь писати такі “сантименти”»⁵⁹.

Нещасливу роль — хоч і мимоволі — відіграв Хвильовий у долі Зерова і «зеровців», як він називав приятелів останнього. У написаній на початку 1940-х студії «Українські культурні діячі Української РСР. 1920–1940. Жертви більшовицького терору» Віктор Петров не без іронії писав про занадто прозорі, як вересневий ліс, погляди Хвильового:

«Він [Хвильовий – ВС] приєднався до тих, що прагнули гірських верховин думки [...] Він виступив патосним речником ідей, які до

⁵⁶ Наталя Полонська-Василенко. Київ часів М. Зерова та П. Филиповича [в] Безсмертні. Збірник спогадів про М. Зерова, П. Филиповича і М. Драй-Хмару. Ред. М. Орест. Мюнхен: Інститут літератури ім. Михайла Ореста, 1963. С. 245.

⁵⁷ Мих. Могілянський. Рец. на: М. Хвильовий. Сини етюди. Державне Видавництво України. Стр. 193. Харків. 1923. // Книга і революція. 1923. № 4(28). С. 74.

⁵⁸ М. Г. Хвильовий. Твори: У 2 т. Київ: Дніпро, 1990. Т. 2: Повість. Оповідання. Незакінчені твори. Нариси. Памфлети. Листи. Упор. М. Г. Жулинський, П. І. Майдаченко. С. 852.

⁵⁹ Лист Миколи Хвильового до Михайла Могілянського від 14.7.1924. ІР НБУ. Ф. 131. Од. зб. 186. Арк. 16.

того часу були здобутком хібащо тільки вузького й замкненого гуртка й без нього, можливо, лишилися б у межах цього останнього. [...] з ревністю відданого неофіта він викладав в своїх памфлетах *інтуїтивно* або ж, краще сказати, *емоційно* щойно схоплені, ще не сформульовані конкретно ідеї»⁶⁰.

Шукаючи переконливого прикладу для своєї тези, Хвильовий пов'язав ім'я Зерова із концепцією «духовної Європи»⁶¹, сенс якої розкрив у серії публіцистичних статей — «Листах до літературної молоді». У них він полемічно запитував:

«— Зеров чи Гаркун-Задунайський?
Європа чи «просвіта»?»⁶²

Виступаючи за непровінційну, світового рівня українську літературу, втіленням якої мав бути Зеров, Хвильовий занадто покладався на свій полемічний хист. Він ставив ва-банк, загострював тези до краю, відштовхуючи цим від себе більш поміркованих союзників із ЦК КП(б)У⁶³. У літературних «дискусіях», де перемогу здобував найпростіший аргумент, Хвильовий змушений був спрощувати. Він сподівався, що впливе на мілину, але потопив обох — і себе, і Зерова. Коли став очевидним його програш, ім'я Зерова вже перетворилося на ярлик, на нього у НКВД спрацьовував умовний рефлекс.

Однак 24 травня 1925 року, коли ВУАН вперше організувала обговорення тез Хвильового, все видавалось не надто загрозливим. Під час того відомого всій країні диспуту, виданого окремою книжкою, Могілянський промовив слова, які стали крилатими: «Вражіння від статті Хвильового подібне до

⁶⁰ Віктор Петров. Українські культурні діячі Української РСР. 1920–1940. Жертви більшовицького терору. Нью-Йорк: Видавництво «Пролог», 1959. С. 24.

⁶¹ Див.: Іван Дзюба. Микола Хвильовий: «азіатський ренесанс» і «психологічна Європа». Київ: Видавничий дім «Києво-Могілянська академія», 2005.

⁶² Микола Хвильовий. Твори в 5 томах. Т. 4. Ред. Григорій Костюк. Нью-Йорк — Балтімор — Торонто: Видавництво «Смолоскип» імені Василя Симоненка, 1983. С. 71.

⁶³ Та ж думка у: Іван Дзюба. Микола Хвильовий. С. 22–23.

того, ніби в кімнаті, де було так душно, що дихати було важко, відчинили вікна, і легені раптом відчували свіже повітря»⁶⁴. Він блискуче використав свою ерудицію та риторику, захищаючи позиції Хвильового і виступаючи проти примітивізації літературного життя в радянській Україні. Посилаючись на Анатолія Луначарського, Могилянський доводив те, що, здається, не вимагало доказів:

«негативне відношення до тих, хто похваляється своєю ідеологією, але художньо безсилий, впливає не з класової ворожості, але з почуття, що вони не талановиті й до мистецтва не стосуються»⁶⁵.

Якщо Хвильовий потребував для аргументації своїх тез Зерова, то Зеров — Пантелеймона Куліша. У збірці його статей «Від Куліша до Винниченка» той виконує для Зерова функцію засновницького міфу модерної української літератури. Оцінку Куліша як письменника не-провінціала (не-пана) поділяв і Могилянський⁶⁶ у ненадрукованій статті «Ідеологічна постать П. О. Куліша (спроба синтетичної характеристики)», що написана як полеміка із Петровим. Об'єднання минулого із майбутнім української літератури пророкував Хвильовий у листі до Зерова: «Вергілій прийде з провінції, і ведемо ми свою родословну з Куліша, від “третього стану”»⁶⁷.

Вийшовши за межі етнографізму, «неокласики» шукали нову якість української літератури і це дратувало багатьох, їх вважали «чужими» — не-радянськими, але і не-українськими.

⁶⁴ Шляхи розвитку сучасної літератури. Диспут 24 травня 1925 р. Київ: Українська академія наук, 1925. С. 43. Віктор Петров коментував це висловлювання Могилянського так: «Враження наше було, наче вітер увірвався до хати, пронісся по кімнатах, захопив вікнами, задзвеніли шибки, задзеленчало скло! Радісно!.. І разом з тим страшно!» Віктор Петров. Українські культурні діячі... С. 23.

⁶⁵ Ibid. С. 48–49.

⁶⁶ Порівняно із Зеровим, не-панськість Куліша у Могилянського мала дещо інший відтінок значення. Могилянський підкреслював не стільки аспект культурної не-провінційності, скільки уявлення про демократизм (не-аристократизм) соціальних поглядів Куліша.

⁶⁷ М. Г. Хвильовий. Твори: У 2 т. ... С. 864.

У 1926 році, саме в розпал цієї полеміки, Могілянський опублікував оповідання «Вбивство», яке потім уважав однією зі своїх найбільших помилок. Однак навряд він міг вчинити інакше, адже колись зізнався:

«я хорошо знал, как деспотически-повелительны были те «настроения», которые толкали к тем или иным действиям, знал, что сопротивляться этим настроениям я не в силах, а при повторении ситуации повторю и вызванные ею действия»⁶⁸.

Наступного разу пригадував, що працюючи журналістом «меня подстегивали осторожные предупреждения обывательского благожелательства. “— М. М.! — будьте осторожны: губернатор, говорят, очень рассержен”»⁶⁹. Водночас він навряд передбачав всі наслідки, які спричинило це оповідання. Рукопис Могілянський надіслав Хвильовому, як редакторові журналу «Червоний шлях». Текст Хвильовому дуже сподобався і він без коливань віддав його до друку⁷⁰. Головний герой оповідання снить, що вбиває друга, який колись був для нього «національним героєм», а тепер він бачить у ньому лише людину «безмежно роздутого самолюбства», «жадібного до особистого успіху міщанина». Могілянський додав одну деталь зовнішності антагоніста — «довгу сиву бороду»⁷¹. Сон — а оповідання справді постало на підставі сну — закінчується катастрофою для викритого слідчим протагоніста: «Я відчув, ніби падаю в безодню: прикмети яскраво описували мою постать...»⁷².

Полонська-Василенко згадувала враження, яке справило оповідання у Києві:

⁶⁸ Михайло Могілянський. «Повість о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 633. Арк. 224.

⁶⁹ Ibid. Арк. 126.

⁷⁰ Лист Миколи Хвильового до Михайла Могілянського від 20.12.1925 року. ІР НБУ. Ф. 131. Спр. 191. Арк. 31.

⁷¹ Мих. Могілянський. Вбивство // Червоний Шлях. 1926. № 1. С. 53.

⁷² Ibid. С. 55.

«Цьому діячеві він [Могилянський – ВС] дав настільки майстерно характерні риси М. С. Грушевського, що його всі пізнали, крім редакції «Червного шляху». Схаменулася влада, почалося слідство, допити»⁷³.

Михайло Грушевський не лише не відмовився побачити себе у цьому творі, хоча Могилянський так ніколи і не визнав, що описав саме його, але й звертався до влади, вимагаючи покарання для автора, який колись був йому другом. Суперник Грушевського у керівництві ВУАН Сергій Єфремов у своєму щоденнику записав, що історик:

«Почав ходити по комуністичних установах та до нотаблів з скаргою, що «єфремовська партія» руками Могилянського хоче його згладити з світу за те, що він одійшов од шовіністичної інтелігенції і пристав до большевиків. У сферах вирішено дати вірному слугі сатисфакцію. [...] Могилянського оповіщено (тихцем, циркулярно по цензурі) «банітою»: заборонено взагалі пускати його ім'я й під його ім'ям у друк»⁷⁴.

Могилянський дійсно не належав до жодних груп інтересів у ВУАН і публічно висловив критичне ставлення до «Історії українського письменства» — найвідомішої праці Єфремова, що негативно відобразилося на їхніх взаєминах⁷⁵.

Зеров без інвектив, але так само стверджував у перлюстрованому ОГПУ листі до історика Антіна Синявського, що:

«М. С. [Грушевський – ВС] начал зверем смотреть на Могилянского, а всем редакциям было приказано ничего не печатать из произведений Могилянского. Чьи здесь были инспирации – неизвестно»⁷⁶.

Такі прийоми радянської влади нагадували українській інтелігенції часи царської цензури. Було розуміння, що йдеться не, або не лише, про Могилянського. Вражений Павло Тичина

⁷³ Наталія Полонська-Василенко. Михайло Михайлович Могилянський... С. 5.

⁷⁴ Сергій Єфремов. Щоденники. 1923 — 1929. Київ: Газета Рада, 1997. С. 395.

⁷⁵ Див. щоденниковий запис Могилянського від 30 червня 1935 року: Михайло Могилянський. Щоденник... С. 332.

⁷⁶ Василь Даниленко. Українська інтелігенція і радянська влада... С. 36.

вигукував: «не можна ж до жандармського абсолютизму доходити [...] Жду тепер всього. [...] Боже ти мій! Це ж художній твір, а не судовий вердикт, це ж художній твір!»⁷⁷.

Необережна публікація оповідання «Вбивство» дала владі добру нагоду для досягнення своїх цілей. Зокрема, аби продовжувати розколювати інтелігенцію у питанні ставлення до Грушевського та його повернення до України в 1924 році, яке з цієї метою задумувалось. Але також, аби дати «сигнал» «неокласикам», а через них — Хвильовому, якого звільнили із «Червоного шляху» за рішенням Політбюро ЦК КП(б)У. Так у секретних зведеннях ОГПУ ім'я Могілянського згадувалось винятково в контексті «неокласиків», до яких він, згідно мови документів, «примыкал»⁷⁸. Виникла навіть пропозиція «в случае надобности, получить декларацию об отношении его [Могілянського — ВС] к Советской Власти»⁷⁹. Вочевидь, способу використати Могілянського не знайшлося, бо до цієї ідеї ОГПУ більше не поверталось. Натомість Могілянський сам спробував виправдатись, надрукувавши 1929 року у «Червоному шляху» листа, який закінчувався так:

«Дуже шкодую, що “Вбивство” подало привід для непорозумінь і вважаю, що видрукування його було тяжкою помилкою. Вину свою в тій помилці визнаю і сподіваюсь спокутувати її участю в повну міру моїх сил в будівництві української радянської соціалістичної культури»⁸⁰.

За свідченням Освальда Бурггардта (1891–1947)⁸¹, цей епізод став приводом для дружньої іронії у «Неокласичному марші»:

⁷⁷ П. Тичина. Зібрання творів: У 12 т. Київ: Наукова думка. Т. 12. Кн. 1. Листи. 1990. С. 64.

⁷⁸ Василь Даниленко. Українська інтелігенція і радянська влада... С. 35.

⁷⁹ Ibid. С. 61.

⁸⁰ Лист М. Могілянського до редакції місячника «Червоний шлях» від 9 березня 1929 року // «Червоний Шлях». 1929. № 5–6. С. 294.

⁸¹ Можливо, Бурггардт тут щось сплутав. Адже більшою мірою ці слова описують епізод 1925 року, коли Могілянський відрікся у пресі членства у «неокласичній групі». Власне, приписуваної їм організації ніколи і не було.

*«І я боєць за вищий рівень,
 Неокласичний славлю хист,
 Та проспівасє тричі півень —
 І в «Правді» — отреченний лист.
 Масонський вигляд, жест лицарський
 І під пахвою пук цитат, —
 Мій Санчо Панса — Луначарський,
 А Маркс мій приятель і брат»⁸².*

Лист Могилянського не відвернув від нього біду, так само як і звернення до влади та чиновників від науки. У пресі продовжувалася кампанія із цькування Могилянського. Йому закидали протилежні речі: великоросійський шовінізм і український націоналізм. Звинувачували в антисемітизмі притому, що Могилянський був засуджений до 6 місяців ув'язнення як один із адвокатів, що не відмовились від своєї позиції у справі Бейліса — гучному юдофобському судовому процесі, сфабрикованому владою 1913 року із метою мобілізації шовіністично налаштованих прихильників монархії⁸³.

Могилянський робив спроби лишитись, якщо не у літературі, то принаймні у науці: у другій половині 1920-х років він ще писав під псевдонімами в академічних виданнях про Пантелеймона Куліша, Тараса Шевченка, Марка Вовчка, Ганну Барвінок, Михайла Коцюбинського, але згодом і це стало неможливо.

Коли у травні 1931 року у Києві відбувалися публічні обговорення поглядів Грушевського, на них Могилянський опонував головному обвинувачеві — Андрієві Річицькому. Полонська-Василенко описувала це так:

«Пригадую останній, третій «сеанс» диспуту з приводу М. С. Грушевського, він був присвячений етнографічним працям Грушевського.

⁸² Юрій Клен. Спогади про неоклясиків. Мюнхен: Українська видавнича спілка, 1947. С. 20–21.

⁸³ Михайло Могилянський. Щоденник... С. 298–299. Теж див. відповідь Могилянського на це звинувачення у листі до Ієремії Айзенштока від 25 липня 1926 р. Відділ рукописів Інституту літератури імені Тараса Шевченка НАНУ. Ф. 182.

Диспут був в оперному театрі. Заля була повна. [...] Несподівано пішов і Могілянський. Він дуже хвилювався, промовець з великим стажем, він промовляв мляво, тихо [...] Зміст його промови був такий: Грушевський – великий історик, в цій галузі він не має рівних, і праці його з історії не втраять ніколи свого значення. Але він робив помилку, коли брався за інші галузі знання, наприклад етнографію; [...] промову Могілянського Річицький характеризував як панегірик. У Могілянському бачив він найбільшого ворога радянської влади: коли Грушевський подавав надії, що піде з урядом, – Могілянський надрукував проти нього свою новелю «Вбивство»; тепер, коли партія викриває його помилки, буржуазність, ворожість до влади – Могілянський виступає з дитирамбами й звеличує його історичні твори. Цей епізод показав усім, що Мих уже стоїть у черзі, катастрофа чекає на нього»⁸⁴.

Могілянський знову не встояв перед своїми «деспотичними настроями»...

«Скільки може витримати людина?»

У 1933 році Могілянського звільнили із ВУАН. Серед висунутих йому на «чистці» наукових працівників звинувачень було «саботажництво», «шкідництво», «великодержавництво», а також те, що Біографічна комісія за його керівництва мала характер «яскраво нацдемівський з елементами фашизму»⁸⁵. Того ж року припинила роботу очолювана ним Біографічна комісія. Укладені картки зникли (не виключено, що були передані до енциклопедичних видавництв), так само як і підготовлений до друку перший том словника. Те, над чим працювали співробітники комісії за час її діяльності, було втрачено. Звільнено із академії і Полонську-Василенко.

«Недобре було в Академії Наук. – писала вона. – Всі гуманітарні комісії були ліквідовані, всі співробітники їх звільнені в 1933 році, з різними характеристиками: “за стосунки з ворогами народу”, “ворог

⁸⁴ Наталія Полонська-Василенко. Михайло Михайлович Могілянський... С. 5.

⁸⁵ Цит. за: Історія Національної академії наук України. 1929–1933. Документи і матеріали. Упор. Т. В. Вересовська, В. Г. Врублевський, В. А. Кучмаренко та ін. Київ, 1998. С. 302, 303, 309.

народу". Так було мотивовано звільнення Миха. Це був "вовчий квиток", з яким не можна було знайти посади. [...] Тим часом підійшла паспортизація, і він, як безробітний, не міг бути приписаний у Києві»⁸⁶.

У відчаї Могілянський роздав знайомим свою багату бібліотеку, навіть деякі незавершені рукописи та джерельні матеріали. А ті, які лишалися при ньому, — викрав звичайний грабіжник. За короткий час Могілянського позбавлено усього, із чим він пов'язував своє життя, яке у 60 років доводилося розпочинати спочатку.

Показником успішності радянської влади в уніфікації літературного життя країни було проведення влітку 1934 року Першого Всеукраїнського з'їзду радянських письменників, на якому створено Спілку радянських письменників України. Того ж року у «Літературній енциклопедії» під криптонімом «К. К.» вийшла стаття про Могілянського, яка офіційно схвалила наклепи, що досі сипалися на нього в пресі. Стаття між іншим згадувала негативний, написаний у характерному агресивному тоні, відгук Леніна на репортаж Могілянського про з'їзд української студентської молоді у Львові 1913 року⁸⁷. Цей епізод вартий окремої згадки.

У 1913 році, так само як у скандалі із «Вбивством», не йшлося про Могілянського, який виявився звичайним інструментом боротьби Леніна із кадетами⁸⁸. Цікаво, що у своїх публікаціях, задуманих для дискредитації політичних супротивників, Ленін став по стороні публіциста Дмитра Донцова⁸⁹.

⁸⁶ Ibid.

⁸⁷ К. К. Могілянський М. [в] Літературная энциклопедия. Т. 7. Москва: Издательство «Советская энциклопедия», 1934. С. 407.

⁸⁸ Могілянський на той момент перебував у складі цієї партії, бо вона одна вела легальну політичну боротьбу за обмеження самодержавства. Щодо національного питання кадети не мали в програмі партії жодних згадок і довгий час уникали прямих заяв із цього приводу.

⁸⁹ Варте уваги, що сам Могілянський у спогадах називав Донцова «откровенным фашистом». Михайло Могілянський. «Повість о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 637. Арк. 76.

«Эта статья — настоящая шовинистическая травля украинцев за “сепаратизм”» — писав Ленін, маючи на увазі під «українцями» Донцова⁹⁰. Тоді, виступаючи на львівському з'їзді, Донцов набрав собі серед молоді політичний капітал радикальними заявами про самостійність України. У ситуації передчуття війни, в якій знаходилась Австро-Угорська монархія, тема сепаратизму була особливо чутливою. У самому ж українському рухові переважали автономістські прагнення. На цей факт і вказав Могілянський, який вирішив не відповідати Леніну на безпідставні закиди.

«Благо, — писав він у спогадах — что тогдашнее общественное украинское мнение в этих недоразумениях прекрасно разбиралось, и в украинских кругах никто меня великороссийским шовинистом не считал»⁹¹.

Могілянський не вперше ставав сліпим зняряддям Леніна. Ще у 1900 році, познайомившись із ним у Пскові, Могілянський передав листа Леніна у Полтаву до Юлія Мартова, за що був заарештований політичною поліцією⁹². Була якась загадка у тому, як життя кілька разів зводило цих двох зовсім різних чоловіків: виняткового самолюбця⁹³ і людини, яка повсякчас ставила інтереси інших вище за власні. Ця загадка мучила Могілянського, і він неодноразово повертався до думок про Леніна у своїх спогадах, щоденнику, намагався переконати його уві сні...

⁹⁰ Кадеты об украинском вопросе [в] В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Издание 5-е. Москва: Издательство политической литературы, 1973. Т. 23. С. 338.

⁹¹ Михайло Могілянський. «Повесть о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 637. Арк. 96.

⁹² Михайло Могілянський. Щоденник... С. 321.

⁹³ Письменник Максим Горький твердив, що в 1913 році надіслав Леніну листа, в якому писав, що «он изуверски нетерпим и убежден, что все на ложном пути, кроме него самого. Все, что не по Ленину, — подлежит проклятию.» Николай Валентинов. Малоизвестный Ленин. Санкт-Петербург: «Мансарда», «Смарт», 1991. С. 121.

«Вночі приснилася розмова з Леніним. — Намагався він зафіксувати на письмі свій нічний образ. — Був не такий, яким я його бачив (у Пскові в березні 1900 року), і не зовсім такий, яким його малюють на портретах, а ближчий все ж до такого. І лагідний, лагідний. Скінчив розмову: — Ну, ми ще з Вами побалакаємо, а зараз я дуже зайнятий»⁹⁴.

Аби далі не привертати небезпечної уваги, аби відвернути ще більшу біду Могілянський навіював собі, що є більш лояльним до режиму, ніж справді був. Він захоплювався «крицевими аргументами Сталіна», «увесистими аргументами» В'ячеслава Молотова, писав розвідку «К. Е. Ворошилов»... Щирий, він грав у щирість, бо знав її найкраще. Але це не рятувало. «Хіба намагання бути лояльним не є яким доказом нелояльності?.. Нічим іншим, як проявом двурушництва і способом маскуваня?»⁹⁵ — інтерпретував логіку доби Віктор Петров.

Наприкінці березня 1935 року Могілянський занотував у щоденнику: «Чомусь весь день пригадується мені один мій давній-давній вірш». У ньому були такі слова:

*«И хоть вся цепь уже в крови, —
Кровь не дает освобожденья:
Длинней — короче, но цепи
Нерасторжimy звенья!»⁹⁶*

В останні дні квітня того ж року НКВД заарештувало у справі «неокласиків» Зерова, згодом — Филиповича, Михайла Драй-Хмару і навіть кількох випадкових людей. Не відомо, чому після гучної кампанії із дискредитації імені Могілянського, його ця участь минула. Можливо, його врятувало гостювання у середньої доньки, журналістки Олени в Дмитрові (Московська область), або за нього забули, або хтось вирішив,

⁹⁴ Михайло Могілянський. Щоденник... С. 371.

⁹⁵ Віктор Петров. Українські культурні діячі... С. 43.

⁹⁶ Михайло Могілянський. Щоденник... С. 304.

що йому вистачить страху за близьких⁹⁷. Можливо, ніякої логіки у не-арешті Могілянського не було, так само, як часто не бувало логіки в арештах. Врешті, не в інтересах радянської влади було позбавляти своїх громадян надії, бо люди у відчай можуть бути схильні до відчайдушних кроків. Потрібно було, аби їхні душевні сили спрямовувались всередину себе — на постійний підрахунок власних шансів вижити, на коливання між відчаєм і надією, а не на потенційну боротьбу із режимом.

Якийсь час Могілянський продовжував клопотатися про свою реабілітацію. Усі його звернення потрапляли до рук дрібних чиновників, ходили по колу тими ж кабінетами, де раніше винесли заборону друкуватися і працювати. І чим очевидніше для Могілянського ставала необґрунтованість будь-яких сподівань на перемену становища, тим більш екзальтованим, ейфорійним було його очікування чуда.

«Завтра може казка змінить і всю мою долю. Вірю в правду і відчуваю, що, засудивши усі свої помилки й блукання, зараз не маю “зерна неправди за собою”!...»⁹⁸.

Врешті, переборовши ніяковість, у листі до Павла Постишева, другого секретаря ЦК КП(б)У, Могілянський писав:

«для мене, мабуть, немає виходу, що на 62 році життя є, звичайно, справжньою катастрофою. Прошу вірити, що тільки справжній розпач змусив мене дозволити собі турбувати Вас своєю особистою справою»⁹⁹.

Чуда знову не відбулось. Залишалася ще можливість писати Йосипу Сталіну, і Могілянський думав про це, проте не

⁹⁷ Оксана, донька історика Володимира Міяковського, який товаришував із Могілянським, пригадувала, за свідченням дослідника Григорія Кураса, що під час зустрічі влітку 1940 року у Ленінграді Могілянський хвилювався за її безпеку. «Постарілий і посивілий письменник час від часу прикладав палець до вуст і показував на стіни і стелю. Боявся, щоб їх не почувли.» «Я думав, які теми були б цікаві...» Праці Григорія Кураса, спогади і матеріали про українського історика. Упор. В. М. Бойко, Т. П. Демченко, І. Я. Каганов, Чернігів: Видавець Лозовий В. М.. 2010. С. 32.

⁹⁸ Михайло Могілянський. Щоденник... С. 326.

⁹⁹ Ibid. С. 356.

зважився. Завжди відчуваючи себе «друзкою», а не «тим, хто рубає» він писав:

«Рубають ліс, летять друзки, а хіба не усією істотою співчуваю я рубанню віковичного лісу?! Отже, розум велить спокійно поставитись до особистої своєї долі, але ж як важко впасти жертвою [...]»¹⁰⁰.

Та попереду чекало найстрашніше горе, на тлі якого попереднє здалось Могилянському незначним. Колись про Шарля Бодлера він міркував: «чем больше человек, тем скорее он гибнет, тем ужаснее гибель его»¹⁰¹. Могилянського зломилі смерті двох його дітей — талановитих письменників Лідії та Дмитра. Обоє у віці 37 років було заарештовано і вбито під час Великого терору. Обоє уже не жили, коли в 1938 році Могилянський намагався дізнатися їхню долю у листі до наркома внутрішніх справ СРСР Лаврентія Берії. «Я просто не могу себе представить возможности какой-либо вины ее [Лідії — ВС] в антисоветских действиях, это не вяжется со всем ее моральным и идеологическим обликом»¹⁰². «В отношении его [Дмитра — ВС] не имею никаких догадок, что могло привести к аресту»¹⁰³. Так само НКВД заарештувало і Олену: «Ее арест совершенно необъясним для меня»¹⁰⁴ — все повторював Могилянський...

«Дни мои текут весьма однообразно, без всякого контакта с живыми людьми. Вставши около ½ девятого (сейчас же, как хлопнут двери — мои уже ушли на работу) и к 9 уже напившись чаю, произведу уборку и полив цветы, в 9 сажусь за письменный стол и до 11-и пишу. [...] хожу на почту (ежедневно, это прогулка), [...] готовлю «обед» для себя и дочки. [...] Начинает темнеть, я ухожу в читальню, где часа 4, а то и больше... забываю все на свете. [...] после читальни минут 20 прогулки, а потом вечерний чай, письма, чтение на ночь»¹⁰⁵.

¹⁰⁰ Ibid. С. 357.

¹⁰¹ Михаил Могилянский. Критические наброски...

¹⁰² Лист Михайла Могилянського до Лаврентія Берії. 1938 рік. ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Спр. 645. Арк. 2 зворот.

¹⁰³ Ibid. Арк. 3.

¹⁰⁴ Ibid. Арк. 3 зворот.

¹⁰⁵ Письмо Михаила Могилянского к Владимиру Грабарю от 24.11.1940. Отдел рукописей РГБ. Ф. 376. Карт. 6. Ед. хр. 20. Л. 46.

Такою стала щоденна рутина Могілянського у Дніпропетровську, де він — після трагедії арешту Лідії, на який натякав¹⁰⁶ у цитованому на початку листі до Полонської-Василенко, — замешкав у 1937 році разом із родиною своєї найменшої доньки Ірини. Дніпропетровськ 1930-х — глуха місцина для гуманітарія, особливо після процесу «Спілки визволення України» 1930 року, звільнення у 1932 році із посади директора Дніпропетровського краєзнавчого історико-археологічного музею етнографа та історика Дмитра Яворницького, припинення у 1934 році публікації літературного журналу «Зоря». У бібліотеках ще можна було знайти підручники із вищої математики та «Три мушкетери», але не займатися дослідженнями. Могілянський сприймав відсутність можливості працювати дуже болісно: «хочу еще не доживать, а жить!» — написав він у розпачі до Полонської-Василенко. Колись у 25-річному віці він міркував: «А человеческия жертвы по пути к еще недостигнутому земному раю? Кто даст удовлетворение за них?»¹⁰⁷. Він не забув цю думку чутливого, емпатичного юнака, але у старості вона наповнилася для нього страшним особистим змістом.

Сама Полонська-Василенко — не дивлячись на дворянське походження, репресованого чоловіка та звільнення із ВУАН — після кількох дуже важких років без сталої праці (що, ймовірно, врятувало її від більших переслідувань) починає робити швидкі кар'єрні успіхи. У 1937 році її приймають на роботу до Інституту історії Української академії наук, новоствореної у 1934 році. У 1940 році вона захищає у Москві докторську дисертацію, стає професоркою Київського університету. Їй довіряють виступати із доповідями у анексованому 1939 року Львові. У черзі на друк поставлено її великі праці, зокрема ретельно дібраний збірник джерел «Історія заселення

¹⁰⁶ Варте уваги, що Могілянський в своїх листах, які раніше неодноразово прочитувалися секретними службами, жодного разу не згадав про вбивства дітей, визнаних за «ворогів народу», аби цим знанням не компрометувати Полонську-Василенко.

¹⁰⁷ Михаил Могиланский. Критические наброски...

Південної України у XVIII столітті». Полонська-Василенко знаходилась на «апогеї» своєї наукової праці, як вона оцінюватиме ці передвоєнні роки на еміграції¹⁰⁸.

Життя Могилянського і Полонської-Василенко кардинально розійшлися: його — прямувало до завершення, а її — на підйом. Одним із найбільших обмежень Могилянського був його нонконформізм, який неодноразово ставав для нього пасткою, в першу чергу інтелектуально. Він не дозволяв побачити картину реальності ширше: обережність сприймалася як боягузтво, а його реакції, що ставали обтяженням для самого Могилянського, було легко передбачити. Могилянського робила також більш вразливим звичка, за його власним висловом, бути «окруженим любящими людьми», він потребував широкого кола спілкування для вираження себе. Полонська-Василенко, яка кілька разів за своє життя лишалась сама, залежала від цього менше. Крім того, Могилянський наївно добивався від радянської влади визнання своїх помилок перед ним, тоді як Полонська-Василенко намагалась довести свою корисність, і її московські кореспонденти таки допомогли повернутися у науковий світ. Врешті, помилково недооцінювати роль випадку: зовсім не обов'язково життя Полонської-Василенко повинно було скластися саме так.

Тікаючи від себе у працю, Могилянський так як і Ван Гог, листами якого він надихався, із мурашиною наполегливістю продовжував «невидиму залізну стіну між тим, що ти відчуваєш, і тим, що ти вмієш»¹⁰⁹. Так йому вдалося підготувати, без надії на публікацію, об'ємні (близько 2500 сторінок) спогади, кілька оповідань та два невеликі романи: «Гільда» і «Всюду страсти роковые». Писання давалося важко, зокрема, через відчуття, що він є тягарем для близьких. Загострене переживання власної непотрібності, мало зробити Могилянському особливо

¹⁰⁸ Полонська-Василенко Н. Д. «Сторінки спогадів» // Український історик. 1965. № 3–4. С. 40

¹⁰⁹ Ван Гог. Письма. Ленинград — Москва: Издательство «Искусство», 1966. С. 136.

близьким спогад про 40-річний ювілей творчості Івана Франка, який відзначали у Львові в 1913 році — за рік перед початком Першої світової війни. Тоді письменник захотів прочитати свої вірші, «так, як я їх відчуваю»:

«Франко [...] читал много и долго. Сначала его слушали с интересом, потом из уважения к дорогому искалеченному писателю, потом слушать перестали, начали разговаривать о своем, перешептываясь, а затем и в пол голоса, в разных концах зала раздавался веселый смех. Но юбиляр так увлечен был чтением, что ничто происходившее вокруг не обращало на себя его внимания [...] он едва-ли заметил бы наступающую катастрофу мирового порядка...»¹¹⁰ — трохи ніби і про себе писав тоді Могілянський про Франка.

Можливо, аби полегшити тиск морального імперативу *nulla dies sine linea*, Могілянський у есеї від 1940 року про творчий метод Вільяма Шекспіра обґрунтовував ідею свободи не-творчості¹¹¹. Однак якісь сили, вочевидь, почали до нього повертатися, бо один із своїх віршів він завершив таким самоокресленням: «Даровано счастливое уменье, / Сломал одни, растить другие крылья»¹¹². А за рік вибухла німецько-радянська війна, яка знову відібрала все: перед евакуацією на російський Далекий Схід Могілянський полишив у Дніпропетровську свої рукописи та книжки.

...І знову весна. Post scriptum

Могілянський і Полонська-Василенко невдало намагались дізнатись через знайомих долю одне одного після початку війни, яка обірвала їхнє листування. Полонську-Василенко не включили до списків УАН на евакуацію до Уфи і вона лишилась

¹¹⁰ Михайло Могілянський. «Повість о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 637. Арк. 97 зворот.

¹¹¹ Див. Михайл Могілянський. Шекспир. Черновик. 9.11.1940. Інститут рукопису НБУ. Ф. 131. Од. зб. 10. 5 Арк.

¹¹² Письмо Михаила Могілянського к Владимиру Грабарю от 21.12.1940. Отдел рукописей РГБ. Ф. 376. Карт. 6. Ед. хр. 20. Л. 47.

у Києві, можливо побоюючись дій органів НКВС, що на початку війни могли арештувати людину під претекстом евакуації¹¹³. Завдяки підтримці свого колеги Олександра Оглоблина, що короткий час був головою міської управи в окупованому Києві, Полонська-Василенко зайняла посаду директорки Інституту археології у відновленій УАН. Могілянський у цей час колов дрова у тайзі. Недоїдання і холод стали невідчепними супутниками, руки були постійно обморожені, а місцеві жінки називали його «дедом». Але попри це найбільшим скарбом для нього лишались томики Гайнріха Гайне і Плутарха, які він просив — вимагав! — племінника Олександра дістати за всяку ціну. Смерть, ця знецінююча життя випадковість, нічого не говорить про те, як жила людина. Останній день Могілянського почався на весняне рівнодення, у перший день молодика, який він так любив.

Якось у щоденнику Могілянський дав зрозуміти, що воліє не розрубувати, а розв'язувати гордієві вузли. Звісно, легко зробити висновок, що своїх він не розв'язав. Але позірна відсутність великих ідей, заперечення їхнього права на існування є так само ідеєю, яка сугерує певний спосіб бачення світу. Сумнівно, що такий світогляд дозволяє уникати великих людських помилок. Так само він досі не дав відповіді, як людині стати чимось більшим, ніж вона сама, або принаймні як втратити потребу ставити собі це питання...

Вікторія Сергієнко

¹¹³ Таке припущення належить Василю Ульяновському у його передмові: Наталія Дмитрівна Полонська-Василенко-Моргун... С. LXV.

Археографічна передмова

Ця книжка є першою і повною публікацією кореспонденцій літературного критика, літературознавця, письменника і адвоката Михайла Михайловича Могилянського (4 грудня 1873 — 22 березня 1942) до історика Наталії Дмитрівни Полонської-Василенко (12 лютого 1884 — 8 червня 1973).

Усе листування видається на підставі автографів, що зберігаються в Центральному державному архіві літератури та мистецтва України (далі — ЦДАМЛМУ) в фонді 542, опис 1, справа 199, 210 аркушів. Це особовий фонд академіка ВУАН Миколи Прокоповича Василенка (1866–1935); утворювачем фонду була його дружина — Наталія Полонська-Василенко, яка долучила туди свої матеріали. Всього налічується 125 кореспонденцій Михайла Могилянського до Наталії Полонської-Василенко, серед них: 64 листи (без конвертів) та 61 поштова картка. Листування датується між 1929 та 1941 роками, зокрема за 1929 рік наявні 4 позиції, 1930 — 2, 1931 — 3, у період між 1928–1932 — 1, 1933 — 10, 1934–19, 1935 — 34, 1936 — 0, 1937 — 7, 1938 — 2, 1939 — 16, 1940 — 15, 1941 — 12. Позицій із повною датою — 118, позицій, де вказані лише число та місяць, а рік написання встановлено за змістом — 5, період написання 2 кореспонденцій зазначено приблизно. Місце написання більшості кореспонденцій вдалося встановити за змістом, тільки 2 мають позначення *sine loco*.

Михайло Могилянський провадив уміщене тут листування власноруч пером. Колір тексту переважно синій, рідше зелений. Частково чорнило виготовлено кустарним способом із хімічного олівця. Місцями помітні сліди вицвітання та розмивання фарби. Для листів адресант використовував білий папір до письма, нині пожовклий. Також аркуші бралися із нотатника

чи зошита (в клітинку чи лінійку і без). Коли вони закінчувалися в хід ішов папір нижчої якості, окремі думки дописувалися на відірваних клаптиках із нерівними краями. Деякі аркуші мають нестандартний розмір, що свідчить про їх саморобний характер (вирізалися із паперу більшого формату), так само є кілька листівок, які виготовлялися Михайлом Могілянським за відсутності на пошті звичайних.

Більшість документів мають приватний характер, лише зміст 7 листівок пов'язаний із роботою Наталії Полонської-Василенко в Постійній комісії для складання Біографічного словника українських діячів ВУАН, керівником якої на той час був Михайло Могілянський. Мовою офіційних кореспонденцій є українська, нею ж написано 4 кореспонденції приватного характеру за 1929, 1930 та 1933 роки. Решта — російською мовою.

Ця публікація зберігає оригінальний правопис листування, а також авторські лапки, виділення та підкреслення окремих літер і слів. Усі скорочення — крім нині загальноживаних — розкрито в квадратних дужках. Слова, які не вдалося прочитати, позначено наступним чином: [нрзб.]. Номер, дата та місце написання кожного листа чи листівки позначені мною курсивом.

У додатках є 5 листів та листівок Наталії Полонської-Василенко, які Михайло Могілянський передав на зберігання Державному літературному музею імені Володимира Даля. Нині вони вміщені в особовому фонді Михайла Могілянського в Російському державному архіві літератури та мистецтва у Москві, фонд 1267, опис 1, одиниця зберігання 10, 7 аркушів.

Серед додатків є також оповідання Михайла Могілянського, про які згадується в листах, а саме: «Собачка» (24 квітня 1935), «De profundis» (3 травня 1935), «Баронесса» (6 травня 1935) та «Мой первый роман» (18 травня 1935), стаття «Шекспір (Pensées)» (9 листопада 1940), закінчення надісланого Наталії Полонській-Василенко вірша «Праздные мысли» (20 березня

1941), а також останній з відомих його віршів «У тайзі»¹¹⁴ (12–13 вересня 1941), написаний Михайлом Могилянським незадовго перед смертю на евакуації у смт. Велика Мурта, Красноярський край, Російська Федерація. Як кореспонденції Наталії Полонської-Василенко, так і творчі матеріали Михайла Могилянського публікуються вперше.

У книжці як ілюстрації вміщено декілька уривків їхніх листів, а також фотокартки обох кореспондентів, деякі з яких публікуються вперше.

Висловлюю свою вдячність літературознавицям Наталії Котенко-Вусатюк та Оксані Пашко за цінні коментарі та пропозиції, які дозволили зробити примітки до листів настільки докладними, наскільки це було можливо. Дякую за більші і менші послуги історикині Тетяні Портновій, фахівцеві з латинської філології Павлу Машльовському, історикині Олександрі Бузько. Так само подяка працівникам Центрального державного архіву-музею літератури та мистецтва України за надання доступу до архівних матеріалів.

Упорядниця

¹¹⁴ Рукописи оповідань та віршів Михайла Могилянського зберігаються у особовому фонді його племінника — Олександра в ЦДАМЛМУ, фонд 195, опис 1, справа 203. Рукопис статті «Шекспір (Pensees)» зберігається в особовому фонді Михайла Могилянського в Інституті рукопису НБУВ, фонд 131, одиниця зберігання 10, 5 аркушів. Так само в Інституті рукопису НБУВ зберігаються машинописи всіх згаданих оповідань за підписом автора, а саме: Могилянський М. Собачка. Рассказ. 24 апреля 1935. Ф. 131. Од. зб. 6; Могилянський М. De profundis. Рассказ. 3 мая 1935. Ф. 131. Од. зб. 7; Могилянський М. Баронесса. Рассказ. 6 мая 1935. Ф. 131. Од. зб. 8.

1929

№ 1
14 серпня 1929
Київ

Куди: Пятигорск. Лермонтова 33.

Кому: Наталии Дмитриевне Василенко-Полонской

До востребования.

Київ. Вокзал. 14.8.1929.

Пятигорск. 17.8.1929.

Доплатити 5 коп. Київ–Вокзал.

Київ, 14 серпня

Зараз, в[исоко]ш[ановна] Наталія Дмитрівна, повернувшись з Чернігова, дістав біографію Антуана де Сен-Жозефа й натурально з цього приводу згадав Вас. Як то Вам там повелося в П'ятигорському? Як себе почуваєте Ви й Мик[ола] Прокопович? Ще досі не можу вирішити кисловодської проблеми, цебто їду чи ні? А час би вже вирішати! Новин у нас жадних нема. Чув, що в Кислов[одському] надзвичайний приплив курортників. Вітаю Миколу Прокоповича!

Ваш Мих. Могілянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 1–1 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 2
10 листопада 1929
Київ

Поштова картка виключно для внутрішньої кореспонденції.

Київ (місцеве), Тарасівська, 20.

В[исоко]ш[ановній] Н. Д. Василенко-Полонській.

Київ. Вокзал. 11.11.1929

УСРР

Українська академія наук

10 листоп[ада] 1929

№ 140

Київ, вул. Короленка, 54.

Ком[ісія] Біогр[афічного] словн[ика] просить Вас, В[исоко]-
ш[ановна] Наталія Дмитровно, прибути на засідання, призна-
чене у вівторок о 12-ій год. вдень (12/XI).

Керівничий над працями комісії Мих. Могілянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 3–3 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 3

20 листопада 1929

Київ

Почтовая карточка.

Куди: Київ (місцеве), Тарасівська, 20.

Кому: В[исоко]ш[ановній] Н. Д. Василенко-Полонський

ВУАН

Комісія Біогр[афічного] словника

№ 147.

20/XI [19]29 р.

В[исоко]ш[ановна] Наталія Дмитровна!

Комісія повідомляє Вас про засідання, що призначено на
24 о пів на другу вдень.

З поважанням,

Керівничий над працями комісії Мих. Могілянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 4 — 4 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 4
2 грудня 1929
Київ

Почтова карточка.

Куди: Київ (місцеве), Тарасовська, 20.

Кому: В[исоко]ш[ановній] Наталії Дмитровні Василенковій-Полонській.

Київ. Вокзал. [нрзб.] 1929

ВУАН

Комісія Біогр[афічного] словника

№ 154

2 грудня

В[исоко]ш[ановна] Наталія Дмитровна!

Засідання Комісії призначено на 5/XII (четвер) о 11 год. ранку.

Керівничий над працями Комісії Мих. Могилянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 5–5 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

1930

№ 5
19 вересня 1930
Кисловодськ

Почтовая карточка.

Куда: Ст. Боярка (возле Киева). Хрещатик, дача Езерського.

Кому: В[исоко]ш[ановній] Наталії Дмитровні Василенковій-Полонській.

Кисловодск. 20.9.1930

Кисловодск, санатория «Коминтерн», палата 25.

19/IX [19]30 р.

В[исоко]ш[ановна] Наталя Дмитровна!

Перш за все вітаю Вас і Миколу Прокоповича... Як живете?

Був двічі в ЦЕКУБУ, бачив Петрушевського, Грабаря, Челпанова. Усі кланяються...

Вас ще 8-го хотів вітати з днем іменин, але за невидачею платні на телеграму не хопило, а листівка все одно вже спізнилась би. Трохи з більшим, правда, запізненням — отця листівка нехай перекаже Вам моє поздравлення.

Все йде своєю чергою... Ходив сьогодні до санаторії ім[ені] Леніна, бо в ЦЕКУБУ сказали, що Дм[итро] Ів[анович] ще, здається, там. Але дізнався, що він вже з тиждень, як виїхав... Прошу Вас до мого приїзду (коло 20/X) виготувати список на «Б» та, як побачите Вас[иля] Митр[офановича], попросити його, щоб написав на «А» те, що він написати згодився (там і писати зовсім небагато, але він пообіцяв, а тепер в такій мірі ухиляється, що я особисто вже не дерзаю йому нагадувати)... Нагадайте й Вікт[ору] Ол[ександрови]чу, щоб скінчив справу з біографіями Крип'якевича, написав свої та виготував список на «Б». А то він теж має тенденцію затягати, а це для комісії може скінчитись погано. Не знаю, вже яким способом підтягати несправних.

Годують мене нічого соб[і], хоч мої товариші по палаті, пролетарії, лаються, що паршиво... А я зранку знаю, що голодний не буду, в чергах на обід стояти не буду, і з того задоволений... Почав брати нарзанні ванни.

Всього кращого!
Ваш Мих. Могілянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 6–6 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 6
11 жовтня 1930
Кисловодськ

Куда: Киев. Тарасівська, 20.
Кому: В[исоко]ш[ановній] Наталії Дмитрівні Василенковій-Полонській.
Кисловодск. 11.10.1930.

Кисловодськ, 11 жовтня 1930 р.

«От высот нахмуренной природы» — привіт Вам, в[исоко]-ш[ановна] Наталія Дмитрівна, й дорогому Миколі Прокоповичу! Правду кажучи, і «хмуру» небагато, а більше сонця й тепла — роскошую! 2-го попрощався з Петрушевським та Грабарем (був у них в ЦЕКУБУ), вони 3-го й поїхали саме під час, як валив з неба сніг (але це було три–чотири години, а потім знов стало гарно)... Зі мною в «Комінтерні» — живе акад[емік] Левицький — познайомився. Вашу кваліфікацію («не гаразд») з приводу похорон О[лени] Пчілки я б зміцнів на кілька степенів... З огляду на те, що лікар знайшов у мене «різку перевтому», я місяць нічого не роблю, навіть майже не читаю. Сьогодні вперше випадково заглянув до якоїсь газети й втішився, переконавшись,

що «жив Курилка» наш «неодмінний» з його перманентним обуренням... Нічого не роблю, а в справах комісії листуюсь. Крім Вас писав: Харламповичу, і Романовському, і Ользі Дмитровні (з проханням вплинути на Горбаня, щоб здійснив обіцянку щодо біографії М[иколи] Аркаса), і Руліну, і Камишану, і Конишевському, що мав бути нашим співробітником, а потім був «раз'яснен», як колись казали... Крім Вас та Харламповича ніхто не відгукнувся. А мені, коли не вдасться таки примусити наших співробітників виконати те, що зробити вони взялися, доведеться подавати у демісію з керівничих, хоч би це й дорівнювало шуканню собі місця десь недалеко від О[лени] Пчілки. Це вже й не так страшно, бо ж маєш його не за горами десь дістати і в порядку нормального ходу річей...

Ще завтра маю нарзанну ванну, а виїхати маю 15-го. При сучасних поштових «темпах», чого доброго, листівку дістанете водночас з тим, як доберусь і я додому. Всього кращого!

Щиро Ваш,
Мих. Могілянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 7–7 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

1931

№ 7
12 лютого 1931
Київ

Куди: Київ (місцеве). Тарасовська вул., 20, п. 5.

Кому: В[исоко]ш[ановній] Наталії Дмитровні Полонській-Василенковій.

Київ. 14.2.1931.

Ком[ісія] Біографічного] словника ВУАН.

12 лютого 1931, № 47

В[исоко]ш[ановна] Наталія Дмитровна!

Засідання комісії призначено на 2 год. 17-го лютого 1931 р.
Дуже просимо на засідання прибути.

Керівничий над працями комісії.

Мих. Могилянський

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 8–8 зворот.
Оригінал. Рукопис.

№ 8
9 березня 1931
Київ

Куди: Київ (місцеве). Тарасовська вул., 20.

Кому: В[исоко]ш[ановній] Наталії Дмитровні Василенковій-Полонській.

Київ. 11.3.1931.

ВУАН. Ком[ісія] Біографічного] словника.

9 березня 1931.

В[исоко]ш[ановна] Наталія Дмитровна!

Засідання Комісії призначено на 14 березня в залі Антоновича
о 6 год. По засіданню публічному, на якому М[ихайло] Могилян-

ський зачитає доповідь на тему: «Ідеологічна постать П. О. Куліша», відбудеться закрите засідання комісії для розгляду важливих чергових питань, а тому просимо Вас на засідання прибути.

Керівничий над працями комісії
Мих. Могілянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 9–9 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 9
8 квітня 1931
Київ

Куди: Київ (місцеве). Тарасівська вул., 20.
Кому: В[исоко]ш[ановній] Наталії Дмитровні Полонській-Василенковій.

ВУАН. Ком[ісія] Біографічного] словника.
№ 99.
8 квітня 1931 р.

В[исоко]ш[ановна] Наталія Дмитровна!

Бажаючи Вам здоровля, комісія дуже просить Вас прибути на засідання, призначене на 12 квітня о 9 год., коли здоровля Вам прибути дозволить. Ваша присутність на засіданню дуже бажана.

З щирим поважанням
Керівничий над працями комісії

Мих. Могілянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 10–10 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 10
9 жовтня, між 1929 і 1932
Київ

Куда: Київ (місцеве). Тарасовська, 20.

Кому: В[исоко]ш[ановній] Наталії Дмитровні Василенковій-Полонській.

ВУАН, Ком[ісія] Біогр[афічного] словника
9/Х
№ 233

В[исоко]ш[ановна] Наталія Дмитровна!

Просимо прибути на засідання комісії, призначене на 19 жовтня о 1 год.

З поважанням,
Керівн[ичий] над працями Комісії
Мих. Могилянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 2–2 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

1933

№ 11
3 січня 1933
Кисловодськ

Куда: Киев. Тарасівська вул., 20.

Кому: В[исоко]ш[ановній] т[оваришці] Наталії Дмитровні
Полонській-Василенковій.

Киев. 11.1.1933.

Кисловодськ, 3 січня 1933 р.

Мила Наталія Дмитровна!

Сьогодні мені вже приснилось, що у Харкові ходжу по пл[ощі] Тевелева, шукаючи установи, де треба дізнатись у справі Мик[оли] Прок[опови]ча про пенсію... аж уранці дістаю Ваше — «не треба»... І вже висипається останній пісок з годинника, що має відзначити кінець мійому кисловодському спочинку, а оскільки він був гарний, покажчиком тому служить, хоч би зовнішнім покажчиком, той факт, що за 20 днів тутешнього пробування набув я — неймовірно, але факт! — 16 фунтів (таки 6,2 кіло!)! І не в тому річ, що, навіть розцінюючи свій «прибуток» по ціні свинини (а я ціную себе вище!), став я «дорожчий» більш ніж на 100 карб., а в тому, що всі припущення якоїсь серйозної хвороби, при якій набуток ваги неможливий, заперечені красномовно й цілком. Очевидно стає, що єдиною причиною, чому я так схуд, — був недостатній прийом предметів годування... — тільки!

Привіт Миколі Прокоповичу.

Лаштую свій корабель до плавби, але куди він попливе й чи попливе куди, крім Харкова, поки не знаю... Addio!

Щиро Ваш,

Мих. Могілянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 11–11 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 12
24 липня 1933
Київ

Київ. 12.V.6.
Вул. Ворошилова, 36, 8.
24/VII [19]33

Милые Наталья Дмитриевна и Николай Прокофьевич!

Едва ли кто-нибудь острее меня чувствует Ваше отсутствие из Киева, коему уже истекает месяц... Уже месяц в моменты, когда взволнованные чувства требуют властно обмена мыслями в разговоре, мне некуда пойти и не с кем разговаривать, как я разговаривал с Вами, может быть, порой в последнее время и надоедая Вам, ибо моменты взволнованных чувств бывали уж чересчур часто... Ко всему, говорят, привыкнуть можно, а вот никак не привыкаю, никак не привыкну не расходовать душевных и нервных сил на реакцию на каждое чиханье, не волноваться непрекращающимся потокам изысканной брехни, бесстыдной и очевидной. Ежедневно хожу на чистку. Разворачивается поучительная эпопея, но, право, скучно столько сил и времени (их-то уж немного, наверное, у меня осталось) затрачивать на столь малополезное занятие, как выслушивание мелких дрызг таких «великанов» науки, как Либберберг, Кокошко, которые порой наивно признаются, что для занятий наукой... они не имели времени. Ну, и занимались бы своими важными делами, м[ожет] б[ыть], и более важными (говорю серьезно), чем акад[емическая] наука, но зачем же они сидят в академии и делают вид, что имеют отношение к науке?!

Отпуска не дают, несмотря на медиц[инское] свидетельство о болезни. Дали бы уже, как говорится, «чистую» отставку! А то все надоело, устал адски, просто пропад[а]ешь! Уже не реагирую никак на распоряжение Ив[ана] Ив[ановича] — предложить

Галанту переходить в комиссию (тоже и в библиотеку). У меня с Галантом ведь нет ничего общего, но как это глупо, как хамски! Ведь формально, он и сейчас у нас состоит редактором! Но я уже пошел по наклонной несопротивления... и вот качусь все ниже. А так сожалею, что не взял с самого начала иной, более достойной линии без оглядки на возможность приобрести лишних врагов. А черт с ними! Может быть, и лучше иметь больше врагов среди этих ничтожных quasi-людей, облик человеческий утративших безнадежно. Слово чести, сожалею о невзятии (с самого начала) совсем другой линии! Ну, желаю лучшего отдыха и не хочу смущать (нарушать) его беспокойными мыслями!

А тимчасом, сколько чудесных роз и ярких гвоздик не попали к Вам на Тарасовскую, а пошли порой и не по совсем надлежащим адресам, а иногда остались у меня на столе! Не знаю уж, какие цветы будут сезонны к Вашему возвращению?! Но что вообще будет к Вашему возвращению — это задача со многими неизвестными! Если существовать как-либо будем, какие-то сезонные цветы, скрашивающие нашу жизнь, будут же! Еще будут! А там и зима — холод (хоть иногда купую на рубль дров «в запас») и, вероятно, темрява, худшая (много), чем холод, ибо в темноте особенно болезненны скверные тяжелые мысли! И гнусные бывают в темноте настроения, в пору хоть гвоздок и веревку искать. Способ, впрочем, для меня совсем неприемлемый. Бувайте!

Щиро Ваш,
Мих. Могилянський

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 12–13. Оригінал. Рукопис.

№ 13
30 липня 1933
Київ

Київ, 12.У.6.
Ул[ица] Ворошилова, 36, 8.

30/VII [19]33

Милая Наталия Дмитриевна!

Письмо Ваше получил, вот оно в руках, с трудом разбираю Ваш почерк, но вчитываюсь и, кажется, все понимаю... А вот видел ли Вас вчера, в этом не уверен, не то видел, не то снилось... Такая неотчетливость восприятия с избытком объясняется тем, что было это после того, что проделал в комиссии Ив[ан] Ив[анович] Кравченко. В 9 ч[асов] он созвал на заседание всех керівничих и предложил в 2 дня подготовить все бумаги и документы для сдачи бригаде. А буквально через 10 минут после заседания явился с бригадой и потребовал сдачи всего немедленно. Сам залазил во все ящики, выхватывал отдельные бумаги из полок, «знакомился» с ними лихорадочно. Тон (делающий музыку) — тон жандармского обыска. Итак, я пережил 6-ой обыск в жизни! А потом все запечатал в конторку и перенес в крайнюю комнату. Спросил: — «Що Вам потрібно для поточної праці?» А когда я объяснил, что, ответил: — «По ознайомленні з цим матеріалом, Вам його повернуть...» Так разве я смею продолжать «поточну працю»? Все так надоело, я так измучен, замучен, что, как о счастье мечтаю об отставке. Что со мною будет? Ну, пусть даже медленное умирание, но без этого перманентного издевательства, при котором много надо душевных сил, чтобы не пойти на умирание быстрое!

Больше всего мне жаль, что погибло мое лето, погибло и для отдыха, и для работы. Месяц, как я подал прошение об

отпуске с приложением мед[ицинского] свидетельства (не фиктивного), а мне отпуска не дают. Имеют ли на это право?! Кажется, я устрою им скандал. Может быть, живу последнее лето и вместо отдыха где-н[и]б[удь] на лоне природы, должен выслушивать ежедневно эту гнусную склоку, в которой все хорошо! Зимой пухнущие от холода, и дома, и в академии, пальцы не дают работать. Сколько надежд возлагалось на лето (роман, два романа, мемуары)! И вместо всего этого — одно трепание нервов. Разве можно работать, когда ежедневно чувствуешь себя объектом гнусной травли, клевет и брехень?! В результате безумная усталость и жажда одного — покоя! Но покой, по-видимому, возможен только в могиле. Не пишешь ничего — саботаж. Написал — знахабнілий виступ! Но что же еще можно делать, чтобы тебе дали покой, только покой?! Готов подать прошение — прошу предоставить мне место, скажем, в Медвежьей Горе... Уехал бы туда и по доброй воле к дочке, но что же делать с книгами? А во-вторых, ведь не пускают! Невероятно, но факт! Держат насильно для экспериментов травли и издевательства. Ну, довольно! Что еще можно добавить?!

Привет Николаю Прокофьевичу. А все же, кажется, я вчера Вас не видел, не в состоянии был видеть, не воспринимал ничего, да и вообще, кажется, теряю способность нормально воспринимать. Замучен в буквальном смысле слова.

Пайка, кажется, лишили. По крайней мере, вот сейчас пошел за колбасой, а зав[едующий] мне сказал — Вам надо из КСУ принести новое распоряжение, пойдите туда! Всем давали без новых распоряжений, а мне надо новое распоряжение. Ну, завтра понесу это и узнаю, в чем дело, хотя это, кажется, ясно. Всего!

Ваш Мих. Могилянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 14–15 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 14
6 серпня 1933
Київ

6/VIII [19]33 г.

Милая Наталья Дмитриевна!

Простите, прежде всего, за перемаранный конверт, за перемаранную бумагу. Спешу, а чего спешу и сам не знаю... Нервы, конечно. Что далее со мною? Как будто ничего пока, кроме того, что с пайка меня, конечно, сняли... «Почему?» — спросил я секретаря секции (Удовицкого), а он мне ответил кратко и загадочно: «Были причины»... а причин не объяснил... Я себе эти причины объясняю тем, что на мое масло (сегодня как раз выдают) претендует Иван Иванович... Что же? Приятного ему аппетита! Конечно, половина членов к[омите]та, принявшая справедливое решение о снятии меня с пайка, далеко не достигли уровня моей научной продуктивности и актуальности за последние полгода... Но разве это важно?! Подал, конечно, заявление тут и в ВУКСУ с приложением перечня своих работ за последние ½ года (ими никто не интересовался, даже «компания невеличка, але чесна» — из Барановича, Чехового, Кирилюка)... Но знаю а priori, что заявление — ни к чему... Я виноват уж тем, что кому-то хочется «кушать»... И разве хотение незаконное, разве не каждому кушать хочется? Ну, черт с ними и с ихним пайком.

Как Вам известно, произошел ряд увольнений, а среди них столь же удивительное увольнение Кристера, как и неувольнение меня... Почему? (Это обо мне.) Два месяца ели, а съедение отложили. Почему? А хотелось бы уже скорее ясности, определенности! Как я безумно, по-собачьи устал! Если добьюсь отпуска и аванса (кажется, добьюсь), двину на север и «Н. П. Василенка просьба списать газетные статьи» имеет, таким образом, шансы быть исполненной. Об отпуске беседовал с Адамовичем, который на меня деловитостью, человеческим языком

и всем культурным обликом произвел наилучшее впечатление. Полярная противоположность персонажам à la Левадный, Веселый, Рябчук, каких мы много видели на посту «директора». Можно думать, что этот, наконец, заведет порядок, от отсутствия какого так страдала академия.

Вообще, я верю, я знаю, что все к лучшему в лучшем из миров, но я так устал, что мне уже ничего не надо — ни лучшего, ни просто хорошего, надо только покоя! И так мечтаю хоть на 2–3 недели отряхнуть киевский прах от ног своих...

Цветы уже осенние и от этого так грустно! Лето (когда не пухнут пальцы) пропало и для работы, и для отдыха, прошло кошмаром... Теперь — «важку ворожать осінь нам зарниці»... и зимы, если не произойдет какого-н[и]б[удь] неожиданного улучшения в направлении дров, пайка — я не переживу. И, представьте себе, это не страшно и ничего не жаль (пожалуй, книг жаль). Но я не пассивен и каждый день покупаю на базаре на рубль дров и кладу под стенкой (комната большая). Уже дней 10 теплых обеспечено, а если считать, что топить надо 180 дней (приблизительно), то одна восемнадцатая тепла уже обеспечена мне...

Привет Николаю Прокофьевичу и наилучшие пожелания.

Сердечно Ваш,
Мих. Могиланский

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 16–17. Оригінал. Рукопис.

№ 15
8 серпня 1933
Київ

8/VIII [19]33

Київ. 12.У.6.

Ул[ица] Ворошилова, 36, 8.

Прощай, прощай!
И если навсегда, —
то навсегда прощай!

Байрон

Надеюсь, милая Наталья Дмитриевна, что Вы уже из эпиграфа к письму разумеете, что — «Казак на север держит путь» и, если не произойдет какого-либо сюрприза, коими так богата моя жизнь за последнее время, в течение какой-н[и]б[удь] недели — 10-и дней — отправится... Но «навсегда» может случиться именно в сюрпризном порядке и без путешествия, ибо в моей квартире вот уже третье сутки лежит больная внучка моей хозяйки, привезенная из Межигорского дома отдыха с высокой температурой, не оставляющей сомнения в диагнозе (до 41°!). Но «добросовестные врачи» утверждают, что еще нельзя быть уверенным в диагнозе... И вот для всей квартиры создается немалая опасность...

Если минует ее, то тогда, в сущности, для «навсегда» останется разве тот соблазн «несчастливым случаем», которым порой искушает собачья усталость... Надеюсь, однако, что как только отряхну прах киевский от ног своих, так и окрепнет мой оптимизм, — и соблазн «несчастливого случая» (на такой-то версте от Киева из поезда по собственной неосторожности упал пассажир, в карманах которого обнаружены...) — этот соблазн перестанет быть серьезным искушением...

А с отпуском нахлопотался я!.. В конце концов «разрешил» Пал[л]адин, а по его разрешению удостоверение подписал Козубовский. В командировке категорически отказали:

Пал[л]адин (вполне резонно) сказал: — «Подпишу, если представление сделает отдел»... А «отдел» (тот же Козубовский) замотал отрицательно головой и делать «представление» отказался... — «Но я же не прошу денег. И я буду в Москве и Ленинграде, дайте же мне возможность воспользоваться архивами и библиотеками Ленинграда — Москвы для окончания моих работ!» — нет.

В чем, в чем, а в уме этому «нет» отказать нельзя!.. Мало того! Удостоверение об отпуске убедил Сокола написать... «уволен в профотпуск в Москву и Ленинград для лечения». А Козубовский вычеркнул — «в Москву и Ленинград для лечения». — «Почему?» — спрашиваю. — «Так удостоверение приобретает характер командировки».

Удивительное соображение! Знаю, что по законам диалектики количество переходит в качество... Но, чтобы «профотпуск» мог перейти в «командировку», если к удостоверению о нем присоединить указание каких бы то ни было городов, куда ты «уволен в отпуск», это я (очевидно, по глупости) никак понять не могу...

По разрешению Пал[л]адина — мне выписывают аванс с 15/VIII по 15/IX и этим пока что определяется все, что можно сказать о моем положении. А дальше 15/IX все «темно и непонятно», как история мидян... И как над нею задумываться, над решением задач с одними неизвестными! Я и перестаю задумываться. Но, увы, в результате переживаний последних месяцев — все так надоело, что от моего оптимизма мало, очень мало осталось. Ну, кажется, я дал полный предотъездный отчет о себе. Привет Николаю Прокофьевичу. Наилучшие пожелания Вам обоим. Мой адрес:

Ленинград, Вас[ильевский] остр[ов], Съездовская, 11, кв. 3.
Анне Михайловне Святловской для М. М. Могилянского.

Бувайте!

Ваш Мих. Могилянский

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 18–19 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 16
26 серпня 1933
Ведмежа Гора

Ленинград, Вас[ильевский] остр[ов], Съездовская, 11, кв. 3.
А[нне] М[ихайловне] Святловской
Для Мих. Могілянського

Медвежка
26 августа [19]33 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Мне таки везет! Застал внучку в брюшняке или паратифе, хотя и в самой легкой форме... И все же это портит настроение. А грибно-ягодную идиллию в сообществе с внуком (позавчера мы с ним даже основательно заблудились, зато набрали грибов, нажарили и ели, даже клюкнувши по рюмочке, в чем, — в последнем, — внук, конечно, участия не принимал за малолетством) — так вот нашу грибно-ягодную идиллию оборвали дожди... Никому не дал здешнего адреса (неумышленно, но как-то так вышло), что, м[ожет] б[ыть], с профилактической точки зрения и благоразумно, но, при неумении решительно порвать с оставленным позади, создает несколько нервную озабоченность и постоянную думу, а что-то там? А насколько я порвать не умею, можете судить хотя бы по тому, что еще вчера написал заказное т[оварищу] Дуднику... Вся академия знает цену обвинениям из Барановичевской банды и на эти обвинения, как бы они не волновали в свое время, можно в конце концов наплевать с высоты птичьего д'уазо. А вот удар с такого авторитетного и уважаемого места, как трибуна чистки, да еще из уст столь почтенного человека, как председатель комиссии по чистке, это удар, от которого вот никак не могу прийти в себя... Тем более, что большинство его замечаний и характеристик признаю правильными, иногда разве чуть-чуть излишне заостренными.

Я дошел уже до того, что задавал себе вопрос, а, может быть, «со стороны видней»? М[ожет] б[ыть], т[оварищ] Дудник все же верно уловил что-то существенное и «определяющее» в моей работе? Но, положи руку на сердце, протестую против положительного ответа на этот вопрос. Откуда, из какого источника взял он свою уверенность в моем хитром двурушничестве? (Имей оно место, оно в том виде, как изображено у т[оварища] Дудника, было бы не столько хитрым, как просто глупым и, конечно, подлым прежде всего!). Нет, нет и нет! Ни в чем подобном не повинен, и потому прошу т[оварища] Дудника дать мне полчаса времени, за каковые полчаса берусь убедить его, что все сказанное им обо мне только недоразумение...

Ведь в моем распоряжении достаточно фактов для убеждения в том каждого честного человека... Убедить Ив[ана] Ив[ановича] Кравченка я не стал бы, ибо в его убежденность верю столько же, сколько и в Барановичевскую честность. Единственным оправданием для Ив[ана] Ив[ановича] с его сквернословием, долженствующим доказывать убежденность, является, в моих глазах, его ограниченность, безнадежная и безграничная. Видите сколько у меня объективности? Я даже для Ив[ана] Ив[ановича] нахожу оправдание! Но *requiescat in pace!* Стоит ли о нем серьезно говорить?! Я же глубоко убежден, что в моих научных работах безмерно больше марксизма-ленинизма, чем в работах сего «ученого»... А все его lamentации о моей классовой враждебности просто не умны. Рад бы признать источником их ту *sancta simplicitas*, с какою благочестивая старушка подкладывала дров при сожжении Гуса... Нет, не могу, тут не *sancta simplicitas*, а только ограниченность и надежда, что-н[и]б[удь] идеологически (а, м[ожет] б[ыть], и не только идеологически) на сем деле заработать. И я уверен, что таки доживу (если сердце вынесет), когда в Иванах Ивановичах разберутся, как разберутся и в грубой несостоятельности предъявленных мне обвинений. А судьи кто? Барановичи, Кирилюки, Чеховые и много[го]ловый Иван Иванович... Ужели надо много проницательности, чтобы разобраться в этой простой ситуации?

1-го/ІХ «ідеологічески» (мысленно) я буду у Вас на Тарасовской, а в натуре это должно произойти около 16–17-го сентября.

Устал я так, что до сих пор «отойти» не могу. И не дорожу академическим местом, дорожу только своей честью и честностью, т[о] е[сть] вещами малопонятными большинству моих обвинителей. Это о них Гейне говорил:

*Ничего нет в мире гаже
Ссоры с гадиною мелкой
Защищающейся вонью!..*

Я от этих «гадин» и не защищаюсь... Я апеллирую только к мнению тех, кого уважаю. Вот отчего я и написал т[оварищу] Дуднику.

Привет Николаю Прокофьевичу. Я безмерно огорчен исчезновением (загадочным) из моего бумажника его заметки о необходимых для него выписках в публ[ичной] библиотеке. И очень надеюсь, что в Ленинграде застану от Вас повторение этой заметки.

Вас[ильевский] остр[ов], Съездовская, 11, кв. 3.

А[нне] М[ихайловне] Святловской для меня.

Непременно пришлите. Непременно!

Привет всем привета стоящим!

Ваш Мих. Могілянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 20 — 21 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 17
31 серпня 1933
Ведмежа Гора

Москва. Центр.
Армянский пер., 13.
Общежитие, комната 5
Елене Михайловне Могиланьской
Для меня

Медвежья Гора
31 августа [19]33 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Вот и «последний день» лета, того лета, которого в этом году для меня не было вовсе; завтра уже осень... И если есть кое-что (немногое), что заставляет меня и о Киеве вспоминать хорошо, то сегодня-завтра именно такие дни, которые мне на память приводят то, что вспоминать сто́ит... Ведь будь я в эти дни в Киеве, я, конечно, вечером посетил бы Вас, возвратившихся после летнего отдыха...

А для меня нет, не было и уж, вероятно, не будет и отдыха (летнего за окончанием лета уж и быть не может, но не будет и осеннего, вообще никакого). От киевской отравы я защитил себя достаточно, казалось бы, надежно, никому не дав здешнего адреса (сделал это не с заранее обдуманым намерением, а просто почему-то «так вышло»). И, однако, забравшись так далеко и сравнительно надолго, я не отряхнул киевского праха от ног своих... И в мою опеньковую идиллию киевская отрав просочилась в количестве достаточном, чтобы лишить меня необходимого для отдыха спокойствия. Сыграло свою роль и такое, на первый взгляд, малозначущее обстоятельство, как то, что кто-то всучил мне «на дорогу» последний № «За радянську академію». А в результате я писал и писал письма, заявле-

ния. Писал, как знаете, т[оварищу] Дуднику, а за последние дни написал несколько вариантов заявления в президию ВУАН. Все их отослал Тарасенку с просьбой решить, надо ли подавать, и в случае положительного решения — подать. Словом, окончательное решение передал ему. Во всех вариантах заявления содержание одно: просьба или защитить меня от оскорблений со стороны Иванов Ивановичей, или уволить от должности. Теперь — я горько раскаиваюсь, что в своей защите с самого начала не взял надлежащего решительного тона, а шел по дорожке компромиссов (главным образом в тоне), руководствовался и таким соображением — не стоит плодить себе врагов... Сейчас — я чувствую полную для себя моральную невозможность вернуться к status quo... Не знаю, означает ли мое неувольнение до сих пор чье-то решение оставить меня на акад[емической] работе (чье?), но в условиях, когда каждый Иван Иванович будет иметь возможность меня невозбранно оскорблять, я сам остаться не могу. Вы хорошо себе, конечно, представляете те материальные трудности, которые сопряжены с уходом из академии, но все же есть моральный минимум, который для человека важнее и выше полного материального благополучия. Я не могу и не хочу переносить издевательства над собой Иванов Ивановичей, каковы бы ни были последствия моей брезгливости. В конце концов, м[ожет] б[ыть], это признак старости — все материальные беды как-то просто не пугают. Сколько же надо жить? 60 я прожил, кончаю. М[ожет] б[ыть], и довольно? Чувствую себя еще вполне работоспособным, имею замыслы и планы и глубоко убежден, что моя работа может быть полезной для строительства бесклассового общества, бывшего моей мечтой с дней зеленой юности... Но — скажу коротко — насильно мил не будешь... Работать я буду и уйдя из академии. А ради «лакомства нещасного» (не такого уже и лакомого) я не в состоянии (ну, честное слово — не в состоянии) обратиться в какого-то Prügelknabe, на котором коллективный Иван Иванович будет упражняться в «классовой борьбе» для успеха в собственной карьере. Не могу, не в состоянии! Ведь это же в конце кон-

цов просто враки, что Иваны Ивановичи от меня защищают пролетарские интересы в науке! Думаю, что, абсолютно чуждые настоящей науке, чужды Иваны Ивановичи и действительным интересам пролетариата. Имею претензию полагать, что и для науки, и для пролетарских интересов — я могу быть много полезнее, чем большинство моих обличителей, надеющихся «заработать» на своих обличениях... Признаюсь, что очень боюсь, как бы (конечно, в целях охраны моих интересов) Мих[аил] Ол-ч не счел за благо моего заявления не подавать. Мучительно хочу разрубить Гордиев узел и всеми фибрами души ощущаю моральную для меня невозможность задыхаться в создавшейся в академии обстановке.

Привет Николаю Прокофьевичу.

Всего лучшего,

Ваш Мих. Могилянский

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 22–23 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 18
4 вересня 1933
Ведмежа Гора

Куди: УССР. Київ. Тарасівська вул., 20, 5.

Кому: В[исоко]ш[ановній] т[оваришці] Наталії Дмитрівні Полонській-Василенковій.

Медвежья. [нрзб.] 33.

Медвежка, 4 сентября 1933 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Множество всяческих мыслей, — хотя забот сейчас у меня и немного: они почти что исчерпываются опеньковыми, т[о] е[сть] во всяком случае не неприятными, — а, м[ожет] б[ыть], и множество мыслей тут не при чем, но во всяком случае я не рассчитал — забыл современные почтовые «темпы» — и своевременно мое поздравление с днем 8 сентября (26.VIII ст[арого] ст[иля]) к Вам едва ли попадет. К счастью, случай сей не относится к тем, о которых можно с горечью сказать — лучше никогда, чем поздно! Одним словом, поздравляю и желаю всего лучшего! Привет Николаю Прокофьевичу... Завтра собираюсь начать возвращение домой, т[о] е[сть] выехать отсюда, а идеологически оно уже началось сегодня ночью с того, что приснился Виктор Александрович... Мечтаю скорее добраться до своего письменного стола, чтобы до холода, т[о] е[сть] до того, как начнут пухнуть пальцы, дописать хотя бы «Грын-Траву».

Искренне Ваш,
Мих. Могілянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 24–24 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 19
10 вересня 1933
Ленінград (Санкт-Петербург)

Куда: УССР. Киев. Тарасівська вул., 20.

Кому: В[исоко]ш[ановній] т[оварищці] Наталії Дмитровні
Полонській-Василенковій.

Ленинград. 11.9.1933.

Киев. 15.9.1933.

Ленинград, начинало «золотой осени».

P.S.: Сейчас получил Ваше письмо от 4. М[ожет] б[ыть],
успею сделать выписки. М.

10 сентября [19]33 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Уже 5 суток сижу в Ленинграде и жду от Вас справки, какие выписки нужны Ник[олаю] Прок[офьевичу] (о чем дважды просил Вас из Медвежки). Начинаю терять надежду, что Вы пришлете... Я ведь мог сделать нужные выписки. И до сих пор понять не могу, как клочок бумаги, три месяца лежавший в моем бумажнике, мог из него исчезнуть (и куда?). Еще мне осталось пробыть здесь четыре дня (разбираю в архиве Венгерова, хотя и сомневаюсь чтобы эта работа пригодилась), а там 2–3 дня в Москве и ... «до дому»!.. За своим письменным столом уже скучаю (утренние часы работы — пока пальцы еще не пухнуть, а ведь эпоха опуханья пальцев не за горами!), я не уверен, что будет у меня возможность работать за этим столом (ибо скверная у человека потребность, работая, впрочем и не работая, еще и есть)... Ну, там повидим! Привет Ник[олаю] Пр[окофьевичу]!

Ваш Мих. Могилянский

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 25–25 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 20
10–11 вересня 1933
Ленінград

P.S.: Погибаю от книг (увы, покупаю, хотя с «купилом» дела ведь катастрофически плохи, получу ли 1/Х жалованье, очень сомневаюсь), но «горбатого»... М.

Ленинград, 10/IX [19]33

Только написал Вам, милая Наталия Дмитриевна, «заключительную», как думалось, открытку, — и вдруг «пошта з України» принесла мне Ваше письмо, на которое хочу ответить, ибо отсюда собираюсь выехать 14-го, а еще в Москве пробыть несколько дней и, значит, до Тарасовской смогу добраться не раньше 20-го–21-го. Из того, что выезжаю отсюда 14-го следует, что есть некоторая опасность не успеть сделать нужных Ник[олаю] Прок[офьевичу] выписок. Так как сейчас уже 6 ч[асов], то сегодняшний день *verloren*¹¹⁵. Хорошо, что сегодняшний день *verloren* еще не значит *alles verloren*. Но *alles verloren* — как-то не пугает меня, не представляю себе этой возможности для меня, ибо *dum spiro — spero!* И это независимо от того, можно ли найти «зацепку» в Ленинграде (что Вы рекомендуете мне), возможно ли устроиться в Киеве (в чем Вы, вероятно, совершенно справедливо сомневаетесь). Пока что я никакой «зацепки» не ищу здесь, ни о каком «устройстве» не думаю. М[ожет] б[ыть], это и легкомысленно... Но легкомыслие мне свойственно от природы, а «горбатого могила исправит» (мог бы еще с пол дюжины подходящих «мудростей» привести, но зачем тревожить мудрость для защиты своей немудрой позиции?!).

Во всяком случае к сонму «испытываемых страхом», к сонму дрожащих в ожидании «продолжения того, что было» — я не принадлежу... страха не боюсь и смерти не страшуся (ведь

¹¹⁵ Но завтра же отправлюсь в публичку и предъявлю требования, а все часы, когда библ[иотека] открыта, употреблю на копирование нужных статей.

все равно смерть-то недалеко уже!). Боюсь одного — компрометации своей порядочности, но и тут страшного ничего не предвижу, ибо все усилия всех Иванов Ивановичей будут покушением с негодными средствами — при их атаках на мое доброе имя. Не сделать им из меня «шкідника» потому, что «шкідником» я никогда не был и быть не мог... Разговариваю с Вами, значит не преследую никаких практических целей, а вот скажу — глубочайше убежден, что для дела пролетариата, для социалистической науки, для соц[иалистической] акад[емии] наук (совсем не переоценивая своих сил и талантов)¹¹⁶ глупой травли. Да и к первой половине фразы должен сделать существенные поправки. Я вовсе не жду какой-то реабилитации от потомков. И вполне разделяю взгляд Ан[атоля] Франса, что потомкам не будет ни интереса, ни времени, ни каких-либо серьезных побуждений к исправлению несправедливостей современников... Так что «настанет время» — это в конце концов — красивая фраза... Не настанет, конечно! Но разве недостаточно внутреннего собственного убеждения в своей правоте, убеждения, что оценка всех, чье мнение не определяется испугом и страхом, совпадает и сейчас с твоим внутренним убеждением? С этим можно стоять на том, на чем стоишь, можно не мочь «иначе»!.. Знаю, что все обвинения против меня пошлый вздор... Ну, и с этим знанием не страшно никаких последствий какой-то там целесообразности. Это не значит, что я нечувствителен к таким «ударам», как снятие с пайка (без еды, увы, и я не проживу) и другие пусть и более серьезные сюрпризы того же типа... Но не стану же я защищать свое масло, понадобившееся Ивану Ивановичу, утратой человеческого достоинства!.. Не [стану же] я [цепче] Иванов Ивановичей, ибо все же я не дурень, не неук, а на что пролетариату дурни и неuki, зачем они социалистической науке и соц[иалистической] академии? И сколько бы дурни и неuki не кричали обо мне, что я классовый враг, никто этому из честных

¹¹⁶ Так у листі — ВС.

людей не поверит, если даст себе труд познакомиться с моей работой, со мной. Допускаю, что могут по недоразумению поверить на слово Иванам Ивановичам, слишком они уж много шуму подняли... И все же hier stehe ich — ich kann nicht anders! И не обладая наивностью, Вами во мне предполагаемой, не собираюсь убеждать тех, кто действует для торжества «целесообразности», остаюсь при убеждении, что «все минется — одна правда останется!». Возможно, «доки сонце зійде, — роса очі виїсть»... Вполне возможно! Но, повторяю, и «выеденные очи» меня не пугают нисколько. В глубоком убеждении, что настанет пора, когда поймут и убедятся в глупости бросаемых против меня обвинений, в несоответствии их действительности, — я не боюсь никаких последствий¹¹⁷ [го]ворить красивых фраз — если нельзя гордо жить, можно гордо умереть!... Я уже пережил опасность того, что иные считают «гордой смертью» (а был вечер — вечер моего выступления в истор[ическом] цикле, кажется 23 июня, когда был очень близок к этому). Не собираюсь умирать, пока «пуговичник» не сочтет нужным «переплавить» меня (Пер Гинт), но всяческих житейских бед не боюсь! Нет, даже вру — конечно, боюсь, зачем отрицать это? И — однако — перспектива этих житейских бед ни в какой мере не может определять линии того моего поведения, о котором и говорю — ich kann nicht anders!

Что-то творится с моей головой — вот убейте, не припомню, какие цитаты из Гейне я приводил в своем письме к Вам, похваляясь опеньками (т[о] е[сть] в том же письме).

Боюсь, надоел Вам своей болтливостью. Привет Ник[олаю] Прок[офьевичу]. Addio!

А воспоминания Елпатьевского — хороши (интересны), ибо он из того теста, из которого делаются настоящие люди!..

Всего!

Ваш Мих. Могілянський

11/IX

¹¹⁷ Так у листі. — ВС.

P.S.: В Ленинграде чувствую себя очень хорошо (люблю, действительно, Ленинград!), посещаю множество старых друзей — живых и мертвых (напр[имер], населяющих Эрмитаж), м[ожет] б[ыть], прощаюсь?.. Работал в Литерат[урном] музее (архив Венгерова). Зачем? С разгона, по привычке, вероятно. Из чистого интереса, независимого от тех или иных практических соображений о применении....

Addio еще раз!

М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 26–28 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

1934

№ 21
9 лютого 1934
Дніпропетровськ (Дніпро)

Днепрпетровск, 9/II 1934 г.

Оканчивается, милая Наталия Дмитриевна, десятидневное лодырное житье мое в Днепрпетровске, разрешившее для меня, хоть и на короткое время, проблему «беззаботного монастыря», о котором когда-то грезил поденщик Лазарь, живший «по знакомству» у нас в кухне и все пристававший к нам (тогда гимнастам первого–второго класса): «Вы вченые, усе там читаете, так чи не читали чого про «беззаботный монастырь», есть, кажутъ, такой...?» По юному легкомыслию мы не придавали тогда серьезного значения проблеме, так взволновавшей батька-Лазаря, а он не был достаточно просвещен, чтобы найти классовый эквивалент нашему непониманию его грезы. Но «классовая борьба» тогда стояла еще на такой начальной стадии, что наше непонимание не убивало у Лазаря доверия к нашей учености, и он наивно просил: «Ну, то як прочитаете щось про той «беззаботный монастырь», не забудьте мені розказати»...

И вот через добрых пятьдесят лет после того, как впервые встретился я с мечтой о «беззаботном монастыре», ощутил и я тоску об этом мифическом учреждении, вызванную, конечно, обстоятельствами и обстановкой моей жизни за последнее время... И везет же иногда некоторым людям! — не успел по-настоящему затосковать, как проблема уже и разрешена: десять дней днепрпетровского жития были воистину житием в «беззаботном монастыре»... М[ожет] б[ыть], в этом сказался мой минимализм, моя скромность в пожеланиях для себя, но имеющие свое обоснование, свой фундамент в том, что вообще — «много ли человеку нужно»?!

Вот почувствовал здесь впервые живейшую радость полного освобождения от перманентного распятия на глупости Иван Ивановичей (имею в виду явление безличное, легко во-

площадное и в конкретном Иване Ивановиче, и в сочетании 2-х иных имен, и в соединении имен разных, примеры и того, и другого найдете — далеко не ходить — в историческом цикле), почувствовал эту радость и сознание ее квалифицирую, как разрешение проблемы о беззаботном монастыре. Правда, то, чего искал в мифическом учреждении мечтатель Лазарь, т[о] е[сть] «стол и дом», не оплачиваемые ценою перманентных тревожных забот и утомительного труда, мне были, так сказать, преюдициально обеспечены...

Конечно, мое «достижение» не такое уж маленькое, ибо для большинства людей (да и для меня же в конце концов) радость подобного моему освобождения всегда имеет обратную сторону в перспективе тревожной проблемы о средствах существования... Значит, если хоть и на короткое время, вдруг можешь почувствовать свою независимость от угрожающих перспектив материального порядка, радость освобождения и раскрывает ворота «беззаботного монастыря»...

Десять дней с утра до вечера запойно читал — с перерывами, конечно, для принятия пищи, — читал и в самом чтении находил новое и новые доказательства той безмерной тупости, какая воцарилась в историческом цикле, как достижение коллективного «гения» Ивана Ивановича, Степана Степановича, Алексея Ивановича... Читал, напр[имер], биографию художника Сурикова и удивлялся немало, как при ярко выраженной реакционности идеологии, из социальных корней, несомненно враждебных пролетариату, вырастают побеги той настоящей культуры, вне которой построение социума было бы глупейшим из мечтаний... Читал мемуары Белого («Начало века»), мемуары Бенедикта Лившица («Полутораглазый стрелец») и думал: сколько глупостей около этого материала навернули бы наши Иваны Ивановичи, конечно, прежде всего угробив этот материал!... А вот тут на наших же глазах и из материала блужданий по болотам и топям, из материала, несомненно, социально враждебного умеют сделать камень, идущий на постройку социалистической науки...

Дело очень просто: конечно, в несколько приемов «очищенная» наша академия немного потеряла бы в лице нацдемов с буржуазными установками, поскольку они не представляли из себя серьезных научных сил... По личному опыту прежде всего знаю, что для очень многих вычищенных нацдемовство и буржуазно-реставраторские установки — просто выдумка бездарных (а часто и нечестных) вершителей судеб академии. Но и это в конце концов не так важно (с высоты птичьего полета!). Люди с «царем в голове» и выброшенные из академии силы (ими же, действительно культурными силами, мы, как знаете, не очень богаты) заставили бы быть полезными, заставили бы продуктивно работать для социалистической науки. Все — в надежном руководительстве и не бутафорском (для «отчетов»), а действительном контроле. А Иван Ивановичи, как ни сядут, научной работы не организуют по простой причине: в музыканты не годятся! И я остаюсь при глубочайшем убеждении, что для того, чтобы наша академия стала действительно социалистической академией наук, надо не изгнание пусть даже никчемностей, пусть даже (допустим) скакавших в гречку нацдемовства (были, вероятно, и такие), надо прежде всего надежное научное руководство, которого дать тупость Иванов Ивановичей не в состоянии. И я уверен, что настоящая реформа академии, та, которая сделает ее действительно высшим научным учреждением, способным работать для построения социалистической науки (без чего не построить и социалистического общества), начнет с удаления с командных высот Иванов Ивановичей... Дело не в том, чтобы гнать, гнать и гнать... Только в том, чтобы каждый сверчок знал свой шесток... При нашей бедности и для Иванов Ивановичей работа найдется под руководством тех, кто к такому руководству достаточно вооружен, а не заменяет необходимого вооружения глупой игрой в «классовую борьбу»... Сталин в своей речи на съезде сказал несомненную истину, что без классовой борьбы социалистического общества не построишь... Для меня это азбука, но та «классовая борьба», которую ведут в науке Иваны Ивановичи

не имеет никаких точек соприкосновения с действительно необходимой классовой борьбой. «Классовая борьба» Иванов Ивановичей — только *testimonium paupertatis*, которое они выдают себе самим. Ведь вся она смесь нечестных выдумок и тупости... Боюсь, что надоел Вам этими трюизмами. Попомните мое слово однако — исторически необходимое дело не может быть не исполнено. Так вот, исполнение задачи создания социалистической академии наук — положит конец царству Иван Ивановичевской тупости, допущенной к руководящей роли только по недоразумению. Пока же недоразумение не ликвидировано — одним приходится терпеть ежедневное распятие, а другим — от освобождения от этой не весьма приятной операции...

Завтра распускаю паруса и корабль мой направит свой путь к дальшим берегам... Только 10 дней из Киева, а словно тысячелетие легло между мной и киевским прошлым... — «все это было когда-то, но только не помню когда!..». Был здесь искусственно изолирован, никому не дал адреса, ибо не собирался сидеть так долго... В Москве, кажется, не останавливаюсь, в Ленинграде — только несколько дней, значит, коли Ваша ласка, напишите — ст[анция] Медвежья Гора, Мурманск[ое] ж[елезно]д[орожное] управление Белбаллаг, в[ольно]н[аемной] Лидии Михайловне Могілянської для меня. Напишите, как Ваше здоровье, как себя теперь чувствуете, как Николай Прокофьевич? (В/н в адресе — означает «вольно наемной»).

Заходил в краевый музей, но он в виду «реорганизации» (надо думать, Дееварнизации) закрыт. Если бы взял у Вас адрес Д[митрия] И[вановича], зашел бы к нему, а разыскивать поленился.

Сердечный привет Миколі Прокоповичу. Накануне дней предвыходных всегда думаю, — сегодня пошел бы на Тарасовскую, 20!..

Тут все плывет (1-ая стадия весны). А у Вас? Всего, всего лучшего!

Ваш Мих. Могілянський

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 29–33. Оригінал. Рукопис.

№ 22
21 лютого 1934
Ведмежа Гора

Куда: Киев. Тарасовская ул., 20, кв. 5.

Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.

22.2.1934.

Київ, 27.2. [нрзб.].

Медвежья Гора, 21 февраля 1934 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Наконец, после трехнедельного плавания по всем континентам, добрался сюда (вчера). Тихо, морозно. Сразу засел за работу для политкаторжан. Скучаю за Киевом. Выехал 29-го и до сих пор ни от кого не имел ничего. Как Ваше здоровье? Напишите скорее. В Москве таки зашел к Дм[итрию] Моисеевичу, но его не застал: он выехал на сессию в Ленинград. Его постигло несчастье: 29/1 он овдовел... Жена умерла от свирепствующего в Москве гриппа. Привет Николаю Прокофьевичу, а также знакомым, если кого-н[и]б[удь] из помнящих меня выдаете. Что у Вас нового? У меня, кроме книг, ничего нового. Впрочем, в Ленинграде в трамвае, когда ехал на вокзал, вытащили у меня бумажник с 17 рублями (немного) и всеми документами (кроме паспорта). Не слышали ли, как РКК отнеслась к нашим претензиям касательно «окончательного расчета»? У Вас, верно, уже весна, а тут -17°! Всего лучшего!

Ваш Мих. Могилянский

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 34–34 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 23
24–25 лютого 1934
Ведмежа Гора

Медвежья Гора, 24/II [19]34
Ст[анция] Медвежья Гора
Мурманск[ая] ж[елезная] д[орога]
Управление Белбалткомбината
В[ольно]н[аемная] Л[идия] М[ихайловна] Могілянская

Итак, милая Наталия Дмитриевна, несмотря на то что Вы не совсем правильно написали адрес (не Белбалтканал, а Белбалткомбинат), Ваше письмо пришло первым, за что весьма Вам признателен, ибо и на «милый север» забирается тоска о «стороне южной», как ни мало последняя дарила за минувший год отрадными впечатленьями... Кому я писал из разных пунктов своего путешествия перед отъездом из того или иного города, от того я и ждал известий только в конечном пункте следования, т[о] е[сть] в Медвежке. Но были некоторые, кому я оставил адреса всех промежуточных остановок, а ни на одной остановке, не исключая и Медвежки, ни от кого не получил ничего. И на сих я в претензии, но претензии претензиями, а некоторое молчание родит и тревогу... Ведь у меня оставлено небольшое количество продуктов моего помешательства, если так позволено будет выразиться о книгах, накопленных за 10 лет академической работы (от прошлого сохранилось только очень немного).

По поводу Вашего письма у меня одна претензия к Вам — отчего не пишете о своем здоровье? О том, что опять температурите, правда, упоминаете, а как с сердцем, обнаруживающим непохвальные «уклоны» как раз перед моим отъездом, не упоминаете вовсе... Итак, я жду дополнительных сообщений о Вашем здоровье. В конце концов, здоровье — вещь самая важная (если позволено будет овеществление представления о том комплексе различных процессов, какой называем «здо-

ровьем)... Все остальное так или иначе «приложится». Я уже выработал себе привычку в самых затруднительных обстоятельствах жизни становиться в наплевательскую позицию и смотреть на все с высоты птичьего д'уазо... Тогда крепнет убеждение, что все... «образуется» так или иначе. Надо только воспитать в себе готовность равнодушно и без болезненных волнений принять и «так», и «иначе»... Я не проповедую, конечно, индифферентизма (помилуй Бог!), только некоторое философское отношение к жизни, формулировка какого, к сожалению, звучит несколько цинически, чтобы я мог решиться его повторить здесь... Но это не уменьшает успокаивающей мудрости убеждения, что в жизни ничто не стоит особых тревожных волнений. Во всяком случае — нет в жизни ничего, из-за чего стоило бы себе портить хорошее настроение!..

А мы-таки странные люди... Никак не разучимся «удивляться», хотя, казалось бы, старательно «натаскиваемся» на позицию — *nih admirari*... Вот и Ваши сообщения все же меня прежде всего удивили... Как бы ни оценивать наши научные силы — все же они выше того букета невежества, который им в состоянии противопоставить Иваны Ивановичи да Степаны Степановичи... Ну, а что касается наших переживаний, то, конечно же, помимо мотивов личной судьбы, вполне законно каждому человеку дорогих, — обидно сознание, что отвергается бессмысленно Ваша работа, в полезности какой для научного строительства Вы не сомневаетесь нисколько... Вовсе не самомнение — убеждение, что Вы способны на научном фронте работать для строительства бесклассового общества, чтобы по сему поводу ни думали Иваны-Степаны-Ивановичи-Степановичи, у которых неизвестно чего больше, карьеризма или тупости? Одно утешение — от того, к чему мы себя чувствуем способными, нас Иваны да Степаны «отставить» не в силах, ибо тут мы всегда скажем *hier stehe ich, ich kann nicht anders!* Конечно, проблема «беззаботности» весьма затрудняется порой, но так или иначе разрешив ее, разве мы можем отойти от своего дела?!.. Книжное безумие, увы, продолжалось и в Ленинграде, да

и отсюда оно заставляет меня давать в различные места «распоряжения»... А так как со дня выезда я ничего не зарабатывал, а в Ленинграде, когда ехал на трамвае на вокзал, у меня вытащили бумажник (правда, всего с 17 рублями), — по приезде сюда немедленно засел за карточки для политкаторжан и вот за 4 дня уже заработал рублей 40 (должен же я оплатить киевскую комнату и хоть немного помогать своему пятому сыну...). Но все же в пути почитал кое-что интересное (Белого, Лившица и проч[ее], и проч[ее])... Почитать таки есть что! Здесь застал большие морозы (относительно), а вчера (день Валентины) даже была пурга (крутило так, что света божьего не было видно). Это не помешало нам есть блины и запивать пивом. Печку топим от раннего (не очень, ибо рано не встаем) утра до позднего (тоже не очень, ибо поздно не ложимся) вечера, дров сжигаем столько, что в Киеве дневной здешней порции хватило бы на неделю (не преувеличиваю, ей-ей!)...

В Москве в звуковом кино видел «Иудушку Головлева». Терпеть не могу кина — этого искусства для дегенератов, — но «Иудушку» одобрил очень. Типаж замечательный! Постановка — художественная. Уже писал Вам отсюда (открытку), что Дм[итрия] Моис[ееви]ча таки посетил, но его не застал (он выехал на сессию в Ленинград) и узнал, что его постигло несчастье — 29/I умерла его жена (от гриппа), свирепствовавшего в Москве в жестокой форме... А она выглядела еще совсем бодрой (видел летом).

Во всяком случае пока что меня окружают здесь морозы и спокойная тишина. Имею значит — «покой и волю»... И этого, право, достаточно для скромного человека... О друзьях часто вспоминаю, многих недостает мне, а об академии и всех брехнях, которыми меня травили более полгода (иногда себе сам удивляюсь, как вынес?!), как-то почти не вспоминаю. Это уже хороший показатель неплохого состояния нервов. Не знаю, как реагировали цикл и отдел на мое заявление о разборе моих претензий в РКК? Но что бы они не решили, никуда дальше не пойдут 600–700–800 р., на которые они меня обмошенничали

вопреки прямым указаниям закона, для меня очень важны¹¹⁸. Но черт с ними — противно возиться с жуликами и право же доброе имя социалистической академии для меня дороже денег. Не буду я жуликов, не стесняющихся врать и поступать явно противозаконно, обличать через прокурора... Я считал Ст[е-пана] Ст[епановича] добропорядочным человеком. Но должен был прийти к заключению, что некоторые мои презумпции не имеют основания после того, как узнал, что после разговора со мной, в котором он доказывал, будто никакого приема дел от меня и не было, он набросился на Ольг. Моис. с обвинениями, почему от меня не приняли дел после моего увольнения! Двойная бухгалтерия в разговорах на протяжении 5-и минут! Ну, черт с ним! Все же я его считаю, скажем, относительно порядочным, не Ив[ану] Ив[анови]чу парой.

И даже в «двойной бухгалтерии» улавливаю не так маленькие недостатки морального аппарата, как таковые аппарата умственного... В конце концов, охоты разбираться в сих различиях особенной не ощущаю. Requiescat in pace своей бессмысленной «научной» работы.... Что она бессмысленна — это каждому неповрежденному в рассудке — скоро станет ясно. Забыть о них совершенно — что может быть заманчивее?! Дорогому Николаю Прокофьевичу сердечный привет!

Щиро Ваш,
Мих. Могилянський

P.S.: Бачили Ви, певно, як по подвір'ю ходять кури... Раптом вискакує куховар і починає ловити курей, спіймає дві-три й тут же заріже... Кури підіймають галас, кудахчуть — ко-ко-ко, куд-куд-а, куд-куд-а!, бігають, тікають... а потім зберуться коло зарізаних і в очах у них — і жах, і задоволення, що зарізали не їх... І раптом усі вони заспокоїваються, ніби нічого не сталося, мабуть, намагаються забути те, що бачили, сподіваються, що

¹¹⁸ Так у листі. — ВС.

більш такого не буде... буде «мирне житіє»... Хіба це не нагадує нашої Академії наук та її співробітників?!

25/II [19]34 р.

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 35–38 зворот. Оригінал. Рукопис.

№ 24
7 березня 1934
Ведмежа Гора

Ст[анция] Медвежья Гора
Мурманск[ая] ж[елезная] д[орога]
Управление Белбалткомбинат
в[ольно]н[аемной] Лидии Михайловне Могілянської

7 Марта 1934 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Даже медвежьегорские морозы (25–26) сдали уже, — сейчас погода мягкая, тихая, но пейзаж еще совсем зимний и даже предвестников весны не ощущается вовсе. А в Киеве? Эта мысль меня тревожит и рождает в душе беспокойство, заставляющее настойчиво думать о возвращении, чтобы не пропустить весны, весьма же может быть последней для меня!

Никакое безхлебье, никакая безкарточность при такой постановке вопроса не пугают нисколько, ибо все же я убежден крепко, что не о хлебе едином жив будет человек... А потом можно же предпочесть даже окончание от безхлебья живота на панелях моей милой Ворошиловской улицы — сытому благополучию на суровом севере, вдали от всего, что сердцу мило (т[о] е[сть] книг и друзей главным образом, если не исключительно: ведь, кроме книг и друзей, — у меня и нет ничего).

А не будь у меня и книг да друзей, будь я вообще несколько поумнее, отправился бы я не в Киев, куда помышляю возвращаться в начале апреля, а в Тулому, за северный полярный круг, где еще на днях было -42° , но где хорошие условия работы и куда на работу зовут. Ах, это не для меня, очевидно! И вот опять сажусь за карточки и спешно хочу выколотить сто рублей на обратную дорогу. Увы, запас литературы для работы исчерпывается. И это лишний раз повторяет: «час до дому»...

З «дому» не имел ни слова и это уже меня беспокоит немало. В чем дело, — понять не могу. Есть же практические текущие мелочи, в курсе которых я должен быть.

Только вчера получил 1-ое письмо от Мих[аила] Ал-ча, но какое то «скупое». Я жажду полноты информации — до киевской погоды включительно. А его письмо вовсе без информации, увы!

О милой ВУАН я бы забыл вовсе, если бы не услужливое радио (в комнате: даже засыпаю и просыпаюсь под музыку!), — которое от времени до времени преподносит о ней кое-какие известия, не принося тем мне малейшего удовольствия. Искренне хотел бы никогда не вспоминать об учреждении, которому отдал десять лет работы в убеждении, что это кому-то нужно, оказавшемся ошибкой, увы, не молодости... Ошибки молодости исправлять легко, ошибки моего возраста... труднее во всяком случае. Десять лет пропало... не за собаку... Что же образовался в конце концов Институт истории? Я лично убежден, что когда он образуется, — изгонят оттуда и Ивановичей, и Степановичей, одних за научную тупость и ничтожество, других за слишком очевидное «примазывание». Кстати, как же все-таки один из Ивановичей уже обнаружен как классово чуждый элемент по архиву? Кто и как сделал это нетрудное открытие? Когда все необходимые «открытия» будут суммированы, люди с толком (и честные) разберутся и в том, что, выхлюпывая грязную воду из ванны, выбросили и ребенка, выбросили и многое из того, что пусть и очень скромный задаток (зародыш) настоящей науки являло из себя... Поймут всю глупость анекдота о том,

что Могілянський писал панегирические биографии Бродских и «выбрасывал» Артемов... А ведь подобные анекдоты составляют 99 процентов недавней «критики».

Не мне об этом говорить, не Вам слушать. Это же ясно, как... апельсин. На анекдотах зарабатывали бездарные дурни, но заработок их мог быть только временным и случайным. Не верить в это значило бы потерять веру в силу разума, в его окончательное торжество!... Хотел бы знать о Вашем и Ник[олая] Прок[офьевича] здоровье подробнее. Получили ли Вы мое сообщение о смерти жены Дм[итрия] М[оисеевича]? Впрочем, до сих пор он, вероятно, и сам написал Вам о своем горе.

Всего, всего лучшего!

Искренне Ваш,

Мих. Могілянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 39–40 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 25
21 березня 1934
Ведмежа Гора

Медвежка, 21/III [19]34 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Смысл долгого Вашего молчания мне был, конечно, понятен, но это не уменьшает тоски, ощущаемой в результате ослабления тех связей, какие еще держат меня на свете, ну, хотя бы временно[го] фактического ослабления пред лицом «настроения». Что же касается «настроения», то оно мне тоже более чем понятно... И дело даже не в субъективном ощущении человека, которого «устраняют» из работы, каковой он жил, в каковой видел

смысл своей жизни. Дело в объективном убеждении, что наша (не скажу моя, не скажу Ваша), а именно «наша» — работа «устраненной» группы, гораздо нужнее для социалистической науки, чем пачкотня таких неучков, как Иванычи–Степановичи... Но из этого убеждения проистекает и мой оптимизм: социалистическая наука нужна и она будет, значит — Иванычи–Степанычи будут таки выкинуты, а все, что может быть полезным для науки, будет в конце концов использовано. Вот только сколько этого конца концов ждать придется — пока все убедятся воочию, что наши гонители дурачье, думавшее на борьбе с нами сделать себе карьеру, а мы — мы все-таки кое-что имеем за душой, а наша «классовая враждебность» глупая выдумка... Что в этом в конце концов убедятся, я совершенно убежден, но не уверен, что доживу до этого (как-никак ведь перевалило за 60... а все волнения последнего года даром не прошли для здоровья)...

Не стало у меня в конце концов сил до конца довести борьбу с мошенниками, которые одной рукой подписывали месячный отпуск и не моргнув глазом уверяли, что я был в отпуску 2 месяца... и т. д., и т. д. Я подал заявление в РКК, результатов не знаю; просил рассмотреть мое заявление в мое отсутствие. Не сомневаюсь, конечно, в результатах. А вернусь, — прошли все сроки для судебного взыскания... Вернуться же я собираюсь во что бы то ни стало, как бы Вы не относились к сему неодобрительно (и не только Вы, а все благоразумные люди). Ну так вот, вопреки благоразумию хочу вернуться, ибо хочу «домой», а «дом» мой на Ворошиловской ул. 36, кв. 8, хочу киевской весны, как бы она ни была плоха, хочу хотя бы полуголодного, но киевского жития... Здесь делал свою обычную (карточную) работу для Москвы. Заработал рублей 100, а «материалы» кончились (доканчиваю последнюю книжку). А тем временем настиг и меня «на севере диком» грипп: провалялся дней 10. Это для меня необычно и на настроении моем отразилось увеличением тоски по дому. А то даже книги стали плохо читаться здесь... Сейчас и здесь температура на нуле... Но весной и не пахнет, увы. Хочу в Киев!

Не знаю, где Вы вычитали у меня «упрек» в неправильном адресе? Ведь дело стояло так. Вы в адресе 1-го письма написали, м[ожет] б[ыть], и то, что я в спешном порядке написал в письме из Днепропетровска (могу же и я описать), но Вы чувствовали, что в адресе что-то непонятное и, м[ожет] б[ыть], неладное и спросили меня, что это за «Белбалткан»? А я ответил — не «Белбалткан», а «Белбалткомбинат»... «и в ответе моем», конечно, не могло быть ни грана «упрека»...

Вот и Виктор Александрович удивляется, что я ждал от него письма, а он мог адресовать мне только по типу Чеховского письма «на деревню дедушке»... А дело тоже просто: 1-й моей открытки (с адресом, конечно), он не получил. Вообще писем много пропадает, из дому, напр[имер], я только на днях получил первое письмо, заномерованное № 4. Были и другие пропажи. Не получил, очевидно, открытки моей и Влад[имир] Варламович. Виктору Ал[ександрови]чу, пожалуйста, позвоните по телефону, что я его письмо сегодня получил и весьма за него признателен. Письма — единственное, что уменьшает у меня *taedium vitae*, порой достигающее резкого обострения... Напишу ему на днях... завтра, послезавтра. Вообще же радикально сколько-н[и]б[удь] сбавить *taedium* может только мысль, что этак через месяц — «я побегу по улицам знакомым», найду к Вам etc., etc... Серьезно — 31/III — 1/IV думаю «повернуть оглобли». А так как на пути Ленинград–Москва, то обратное путешествие займет от недели до 10 дней (Москву, м[ожет] б[ыть], и обмину из соображений экономических). Чтобы выехать отсюда еще придется выдержать бой с дочкой, но я ... упряма. Да ведь надо же мне наладить дело с регулярностью заработка и проч[ее], и проч[ее]...

И множество житейских мелочей требует улаживания, увя, такого трудного в мои годы. А мои книги? Вы думаете, они не скучают без меня? Я-то во всяком случае скучаю за ними!

Сердечный привет и наилучшие пожелания дорогому Николаю Прокофьевичу!

Мой ленинградский адрес (сюда уже, надеюсь, не успеете ответить) — Ленинград. Петроградская сторона, 1-ая ул. Деревенской бедноты д. № 36/2, кв. 26. Анне Михайловне Святловской. Для меня.

Представьте себе — здесь не испытываю недостатка... в лимонах. И вообще снабжение неплохое. Не голодаю вовсе. Не сею, не жну, в житницу не собираю, а сыт. И все-таки хочу в Киев, «домой»! Когда человек глуп, это, говорят, надолго!...

Читаю внукам «Давида Коп[п]ерфильда»...

Всего, всего!

Ваш Мих. Могилянский

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 41–44. Оригінал. Рукопис.

№ 26
2 квітня 1934
Ведмежа Гора

Медвежка, 2 апреля 1934

Простите, милая Наталья Дмитриевна, что опаздываю с поздравлениями (хотя — в случае полной исправности почты (редко случающейся) опоздания не было бы и сейчас), но дело в том, что в дни, когда осторожность требовала поздравлять, чтобы поздравления пришли вовремя, я в эти дни «обиديوтился». Сие понимать надо не в прямом смысле, а только в том, что как раз в эти дни не мог оторваться от «Идиота» Достоевского... С гимназических лет не перечитывал этого романа, только просматривал, в то время как «Карамазовых», «Бесов» и «Преступл[ение] и нак[азание]» перечитывал раза по два... Ну, а погружившись в чтение «Идиота», трудно оторваться для письма... Еще перед самым «Идиотом» к тому же я рассчитывал, что,

быть может, смогу свои поздравления принести лично. Однако, такие аргументы, как 5-го именины дочки, 8-го Пасха — победили, и я «сдался», согласившись отложить свой «поворот оглоблей» до 10–11 апреля... Теперь дочка настаивает на 20, а я стою на 10–11, и так как теперь уже в арсенале ее аргументов нет таких «козырей», как именины и Пасха, то я надеюсь на сей раз выйти победителем. У нее теперь один аргумент, что после 20-го она уже обещает и не просит об откладывании отъезда... Однако, по пути домой — Ленинград и Москва, а это значит, что выехав 10–11, я только около 20-го смогу, наконец, попасть на Тарасовскую в вечерний час... Воображение мое уже рисует себе полный расцвет киевской весны — «благорастворение воздухов», а здесь... здесь все еще зима, хотя на солнце иногда уже энергично тает ... Вчера, однако, после обеда несколько часов сыпал энергично снег, а снегу кругом целые горы, озеро — море снега, вообще пейзаж совсем зимний, а зима ведь уже утомила, хочется тепла, зелени, ландышей, нарциссов! Вообще всеми своими интересами и хотениями я уже в Киеве. А здесь только две ежедневные прогулки — над озером и в горы — а потом лежу и читаю, читаю, читаю, иногда почти до одурения... В Киеве, конечно, для этого занятия никогда не имеешь столько времени... Во всем остальном (кроме «отсутствующего» уже проживания здесь) — вполне благополучен, но настроение, упавшее во время гриппа, почему-то полностью не восстановилось... Это касается только «настроения», т[о] е[сть] непосредственно самочувствия (а оно-то, положим, и важнее всего), ибо что касается областей, так сказать, если можно так сказать, «идеологических», то там мой оптимизм восстановился полностью, да он в сущности не спадал и в гриппе... *Dum spiro, spero*, а кроме того, у меня неистребимо Кандидовское (именно Кандидовское, отнюдь не Лейбницовское!) убеждение, что все к лучшему в наилучшем из миров... Будем, значит, возделывать свой сад!..

Как-то непривычно писать письмо в условиях невозможности задавать вопросы (ответа Вашего я ведь уже не могу получить, — разве напишите — Москва. Больш[ой] Козихинский, 19,

кв. 15. Ел[ене] Мих[айловне] Могилянської для мене, м[ожет] б[ыть], имеете поручения в Москве? — исполню с удовольствием), но, возможно, что эконом[ические] соображения заставят обминуть милую Москву). При невозможности спрашивать письмо ведь из беседы-диалога превращается в монолог, а это даже при моей изрядной болтливости... во всяком случае непривычно.

Вот, напр[имер], даже о Вашем и Ник[олая] Пр[окофьевича] здоровья спросить не могу. Ну, если буду в Москве, м[ожет] б[ыть], от Дмитрия Моисеевича что-нибудь узнаю о Вас. Недели через две — я уже могу быть в Москве...

Так как в Киеве уже, наверное, совсем темно, то меня озабочивает вопрос, чем же будет наполнять свое время, чем будет заниматься Виктор Александрович, когда минует потребность каменноугольной топки?!

Оплакал на днях Дудника, только теперь узнал о его смерти. В историю ВУАН он вписал все же свое имя неизгладимыми письменами, т[о] е[сть] «не говорите мне — он умер, — он живет!»... Очень был неглупый, и зоркий, и волевой человек. Таких немного. Адамовичу с ним не сравниться. Это, как говорить: «ты хоть пой, хоть не пой, в тебе голос не такой!»... Хотя и Адамович — администратор не плохой.

Вот, начиная письмо, совсем не думал о нашей академии, а на конец и о ней вспомнил. Очевидно, нас можно отставить от академии, но академии нельзя отставить от нас... Не может быть, чтобы тут действовала только привычка. По-моему, это глубже. Ну, всего лучшего. Приветствую Вас и Ник[олая] Пр[окофьевича] сердечно, желаю всего, всего лучшего, а больше всего здоровья.

Всегда Ваш,
Мих. Могилянский

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 45–46. Оригінал.
Рукопис.*

№ 27
14 квітня 1934
Ведмежа Гора

Медвежка, 14 апреля [19]34 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Вы уже, м[ожет] б[ыть], ожидаете сими днями появления моего на Тарасовской ул[ице], а я еще тут. Произошло это не вследствие ослабления моей жажды Heimkehr'a, а просто потому, что 6-го после утренней прогулки вдруг почему-то температура подскочила до 38,2°, а затем несколько дней держалась на привычном для Вас уровне 37,2–37,4°, только по утрам спускаясь до нормальной. Только 12-го, наконец, целый день температура не поднималась выше нормы, и я назначил отъезд на 15 (завтра), а температуру мерять перестал... Значит, «завтра»! Значит, пора подводить итоги... а маленькие (почти двухмесячные — месяц (почти) раструсился на странствования — двухмесячные здесь в Медвежке) итоги склоняют к итогам более обширным, чего я вообще не люблю делать... Не люблю, ибо какая же радость подытоживать свою жизнь, как жизнь неосуществленных задумов? (Да и осуществленная их часть — хоть и очень незначительная — роман «Честь», трагедия «Гимн», да несколько литературознавческих работ — безнадежно лежат в портфеле). Не эта безнадежность портфельного существования моих главных работ препятствует осуществлению неосуществленного, а что препятствует — и сам точно не скажу. Между тем задуманы и в деталях обдуманы: «Трынть-Трава» — роман (в 1/3 даже написан, хотел продолжать здесь и не «раскачался...»), семейная хроника в 4-х романах «19-й век» («Священник», «Судья» («Великие реформы»), «Террорист» и «Социал-демократ»). Отдельно — «1905 год»... И «Мемуары» (написано только краткое вступление).

На осуществление всего этого, подготовкой к чему была вся долгая жизнь, надо же minimum 10 лет усидчивой работы.

А мне вряд ли столько отмерено... «Отже», надо как-то сокращать планы, а каждый день диктует их расширение. Хоть бы «Мемуары» написать!.. За них и хочу взяться в ближайшее время. Хотя это так трудно «сокращать» свои задумы. Приходится, однако, мириться с сознанием неосуществимости планов в целом..., с тем, что главнейшее-то, наверное, и останется неосуществленным, то главнейшее, что много-много важнее всего осуществленного доселе... И, однако, maximum пессимизма иногда смягчается неожиданной мыслью: а ведь написал же Вольтер (в несколько дней) своего «Кандида», имея 65 лет... Отчего же мне не надеяться, что и я своего «Кандида» еще напишу когда-нибудь в несколько дней, используя для него все подготовленное для вышеназванных работ, т[о] е[сть] «весь» опыт жизни? Я и надеюсь. Тем более, что, по существу, как уже и говорил, кажется, Вам (т[о] е[сть] писал) Кандидовское убеждение, что «все к лучшему в этом наилучшем из возможных миров», никогда мне не изменяло даже на самых безотрадных путях жизни...

Боюсь, надоел Вам своими «признаниями». Если не трудно, позвоните Виктору Александровичу и скажите ему о нынешнем состоянии моих «возвратных» планов. При медленности почтовых сообщений, м[ожет] б[ыть], впрочем, это письмо получится одновременно, или почти одновременно, с моим появлением в Киеве... Лучшую часть весны я, увы, вероятно, пропустил, но ландыши, надеюсь, еще застану... А тут еще и снег, и морозы!.. Сердечный привет Николаю Прокофьевичу. Бувайте! До!

Ваш Мих. Могилянский

P.S.: Целое письмо и ни слова о ВУАН! Разве это не «достижение»? Все на свете забывается, все раны залечиваются... Еще немного и письма могут обойтись и без подобных постскриптов... М.

После «Идиота» — после интервала, во время которого прочитал Вельтмановские «Приключения из моря житейского»

(эмбрион Достоевского), соблазнился и «Бесами» (прочел в 3-ий раз, надо полагать, последний...).

Во всем Союзе — Днепропетровске, Москве, Ленинграде, Медвежке — почтовые конверты с марками стоят по 23 коп. и только в очень редких случаях их не бывает, а продают их, сколько Вам надо... В Киеве же за них берут по 25 к., бывают они довольно редко, а больше 2-х их редко отпускают. Отчего?

М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 47–48 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 28
14 липня 1934
s. l.

Милая Наталия Дмитриевна!

Ну, как же писать, когда чернила начинают расплываться (фе!)?! А написать уже давно собираюсь, — ведь с Вашим отъездом началось для меня безсубботное время и это как-никак видоизменило в достаточной мере мою небогатую внешними впечатлениями и довольно однообразную жизнь... Еще больше оплели ее сумрачные тона тоски и нудоты... Конечно, я хорошо знаю, что — *vice versa* — «честное слово, осень возвратится!», а с ней, т[о] е[сть] с осенью, опять вернутся субботы, но и без этой уверенности я не собирался бы «из пистолета застрелиться», уже потому, что пистолета у меня нет, а все другие способы самоизбавления от *taedium'a vitae* мне никогда не нравились, и не только потому — я ведь вообще не «юнкер Шмидт», да и, наконец, *taedium'ом vitae* я вовсе не так уж страдаю, а «маленькие недостатки механизма» моей жизни не загоняют меня пока что в тупик, из которого нет выхода... И это несмотря на то, что некоторые «недостатки механизма» имеют тенденцию к возрастанию... Так, напр[имер], заправили секции сочли за благо на

август оставить меня без хлеба, прикрывая свой отказ выдать хлебную карточку формально безукоризненным рассуждением: раз Вы еще не перерегистрированы, Вы еще не член, а, значит, и не имеется права на карточку от секции... На том же основании не могу обедать... На том же основании не могу получить бесплатной рентгеноскопии желудка (на предмет установления, не заинтересован ли мой желудок в моей скорейшей смерти)... Когда же спрашиваю, а когда же разрешится вопрос о моей перерегистрации? — неизменно слышу ответ — «через пару дней», или неопределенное — «скоро». А эта «пара дней», это «скоро» уже имеют почти трехмесячную давность... *Festinant lente*...

Уже больше месяца рассматривают мои работы последнего года, чтобы установить, не содержится ли в них «установок» столь классово-враждебных, чтобы их было достаточно для отказа в перерегистрации. А между тем что-то не слышно об исключении из секции Шаблювского в январе 1932 г., называвшего Скрыпника «незламним ленинцем» и утверждавшего, что в нац[иональном] вопросе Скрыпник на шаг не отступал от ленинизма... Если б Вы знали, как порой от всего этого «скучно»! Тут, действительно, иногда кажется, что лучшего средства для победы над скукой нет, как порошок изобретения Бертольда Шварца: он слаще всех боль сердца утолит!.. И лучше всего обо всем этом забыть и никогда не вспоминать!.. Но вот трудно забыть, когда подкотится нужда в рентгеноскопии, а она стоит столько, что... ну ее к дьяволу совсем!

А по совести признаться, если бы не неизлечимое книжное безумие, как-нибудь справился бы и с рентгеноскопией, и другими подобными неожиданностями... Но книжное безумие цепко держит меня в руках... Вот даже Вы случайно раздули его пламя, передав чье-то мнение об интересе переписки Чайковского с фон Мекк... До того я не включал эту книгу в свою программу *maximum*, а после того... дня три промучился и в конце концов пять дней не обедал, а книгу купил... Вот и лежит у меня на столе, и читать некогда... Правда, уже это утешение за пятидневное необедание. Ведь хуже, когда не обедаешь

и без подобного «утешения»... неправда ли? А ведь и это бывает... Но необедание в общем пустяки, если не от него зависят те явления, которые заставляют обратиться к рентгенокопии. Все пустяки, милая Наталия Дмитриевна, когда чувствуешь бодрый прилив охоты работать, когда знаешь, что эта работа может быть полезна... А я имею нахальство утверждать, что это чувство, это знание мне не чужды... И оттого мне весело жить, несмотря на все нагромождение скуки, создаваемое так называемыми «независящими обстоятельствами»... Вот только никак не соберусь на те разговоры, к которым Вы относитесь так скептически, а я их признаю для себя нужными, верю в них, т[о] е[сть] в возможность результатов от них, а вот какой-то паралич воли препятствует их осуществлению. Правда, разве этот «паралич воли» удивителен, если учесть сколько нервов и душевных сил ежедневно уходит на скучные пустяки?! Это не «паралич воли», а только усталость, усталость, иногда доводящая до полной протрации. И жажда отдыха. А возможности отдыха нет, увы! Вот это трудно при всей склонности к веселию Кандидовского оптимизма.... Но ведь «жизнь не роман» и всяческие трудности в ней, очевидно, неизбежны.

Боюсь, надоел Вам. Простите. Хотелось бы знать, как Вы себя чувствуете на отдыхе, как Николай Прокофьевич? Привет ему, а Вам и ему пожелание хорошей погоды и хорошего настроения. Для отдыха ведь ничего больше и не надо! Отдыхайте же получше! А Чайковско–Мекковскую переписку Вам придется прочесть. Вот плохо, что она будет иметь 2-й том, т[о] е[сть], по-видимому, из-за нее придется еще 5 дней не обедать... Но разве только одна книга угрожает моему благополучию? Ведь опасности на каждом шагу... А значит, вообще не так страшно! Будьте здоровы и благополучны!

Искренне Ваш,
Мих. Могілянський
14/VII [19]34 г.

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 120–123. Оригінал. Рукопис.

№ 29
25 липня 1934
s. l.

25/VII [19]34 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Вчера на ночь «добес[еды]вал» с Вами, т[о] е[сть] читал Ваше письмо, которое по возвращении нашел у себя на столе. Мочить нас начало еще в лесу, но уже совсем под проливной дождь мы попали, дойдя до трамвая и услышав, что где-то на линии № 10-го размыло полотно и № 10 не ходит... Под дождем шли до 1-го №-а и насквозь промокли... Тем не менее я еще зашел, мокрый и грязный (выходя из лесу на дорогу, почти что упал и вымазал левую ногу в глину!), — зашел поздравить одну Ольгу... Сидеть в таком виде долго не мог, домой пришел рано и должен был все сбросить с себя... И вот уже в постели читал Ваше письмо. Думаю, что промокание пройдет благополучно — «как с гуся вода»... По поводу же Вашего письма скажу: Вы очень убедительно рисуете тот тупик (очень убедительно, увы!), в какой мы попали, но уж, очевидно, натура такова — *dum spiro — spero*, даже *contra spem spero*! Только вот порой вся эта бестолочь создает бесконечную усталость и непобедимую апатию. И еще — когда видишь людские беды, как-то на второй план отходят собственные. Смерть Мити Требинского и катастрофа с Мишей Кистяковским в свое время — отодвинули мои злоключения на задний план. Вот и в Вашем письме есть элементы того, что заставляет думать, — а ведь мне, в сущности, не на что жаловаться, — приходится людям переносить и худшее...

И все же будем надеяться, Наталия Дмитриевна, что нечестность не может быть не осознана честными людьми и, значит, правда победит. Я не могу не верить, что при советском строе правды так или иначе добиться можно! Честные и умные поймут, а нечестные и глупые меня не интересуют. Вот только

трудно порой справиться с усталостью, ведь чепуха утомляет больше, чем самый тяжелый труд... А столько дела приходится иметь с чепухой, столько нервов она треплет! Но вот вчерашняя прогулка все же освежила меня значительно и сегодня чувствую себя обновленным. Наново начну хождения по Бусловым etc. ... Как это ни скучно, а, увы, надо! Привет Николаю Прокофьевичу, а Вам обоим — наилучшие пожелания.

Всегда Ваш,
Мих. Могілянський

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 124–125. Оригінал. Рукопис.

№ 30
9 серпня 1934
Київ

Київ. 12.У.6.
Вул[иця] Ворошилова, 36, п. 8.
9 серпня 1934 р.

Вот уже высыпается песок, милая Наталия Дмитриевна, — из второй половины безсубботного периода: не заметишь, как среди гнусных мелочей ежедневной суеты пройдет и август и вернутся субботы, увы, свидетельствуя о наступлении осени...

*Wie Blätter fallen draussen alle Tage,
Vom Zeitwind weggeweht...*

Иногда жаль промчавшихся бесплодно дней, удлинивших список неосуществленных возможностей, а чаще горьковато утешаешься — «час за час, а к вечеру ближе»... И еще, м[ожет] б[ыть], чаще живешь без подитоживания, «через пень-колоду» — как-нибудь, как-нибудь!...

О себе рассказывать нечего. Все резюмируется формулой «без перемен». Уверяют «ускоряем» и напоминают собой тех

вампуковских персонажей, которые, топчась на месте, поют: «мы бежим, мы спешим!», а еще больше обыкновенных мошенников и лгунов... Со стороны бы посмотреть — пожалуй, даже весело — до чего человек дойти способен! Но вот, когда приходится не смотреть со стороны, а быть жертвой... Сколько треплется нервов!..

Не знаю, получили ли Вы мое письмо, написанное на другой же день после моего визита к Вам... В нем я описывал, как мы измogli (уже в Киеве) на возвратном пути... Но сие осложнение не охладило моего удовольствия от путешествия, нарушившего скучное однообразие моей киевской жизни, показавшего мне лес... Словом, я, пожалуй, и еще раз навестил бы Вас, если бы, если бы Вы не угощали меня обедом... Необедание ведь со мною случается нередко, стало для меня сравнительно привычным «бытовым явлением». Ну, и не все ли равно, не пообедая ли в Киеве, или в Преображении?! А вводить в такой грандиозный расход я «не согласен»...

Недавно «выголодал» себе «Памфлеты» Марата... Получил от сына 20 р. — «специально на обеды», а на завтра демон-искуситель подсунил мне Марата и пришлось за него заплатить 15 р., после чего наступила уж слишком длинная полоса необедания... Марата я, конечно, каждую минуту мог ликвидировать, но устоял от этого соблазна... А между тем получил деньги от политкаторжан и исполнил свой долг перед сыном — 15 р. ассигновал на «непрерывные» — «шикарные» обеды по 3 р. в жилкопе... В этой полосе обеденной непрерывности сейчас и нахожусь...

Но Маратовский «опыт» склоняет меня к осторожности, воздерживающей пока что от многих соблазнов... А соблазнов таки немало, увы! Во всяком случае средства к их удовлетворению очень отстают... А задача их увеличения остается почти неразрешимой, чем-то вроде квадратуры круга...

Хотелось бы знать, как чувствуете себя Вы и Николай Прокофьевич. Как здоровье? Если письмо мое дойдет, м[ожет] б[ыть], и Ваш ответ попадет по адресу... А пока желаю Вам наи-

лучшего увенчания отдыха, хорошей погоды и хорошего настроения, всего необходимого для надлежащей подготовки к возвращению на зимние квартиры...

Будьте благополучны!

Искренне Ваш,

Мих. Могілянський

P.S.: Если ответите, сообщите мне, пожалуйста, адрес Дмитрия Моисеевича.

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 49–50 зворот. Оригінал. Рукопис.

№ 31
Початок вересня 1934
Київ

Київ. Ул[ица] Ворошилова, 36, кв. 8.

Милая Наталия Дмитриевна.

Так как не в Ваших нравах не отвечать на письма, то я думаю, — или мои к Вам, или Ваши ко мне не дошли по адресу. А писал я Вам — на другой же день после визита к Вам и во второй раз через некоторое время, не помню уж когда... И больше писать не собирался уже потому, что рассчитывал на близкое восстановление нормального мирового порядка, т[о] е[сть] восстановления «суббот», проще говоря, на ваше возвращение «на зимние квартиры». Но вчера встретил академика [нрзб.] Левицкого и от него узнал, что нарушение «мирового порядка» затягивается до 15 сентября. Я, понятно, огорчен, ибо очень уже хочу видеть Вас и Ник[олая] Пр[окофьевича], но за Вас рад уже потому, что стоит ведь дивная погода, увы, мало ощущаемая в городской суете... Мои дела в безнадежной безпеременности, скоро уже буду полугодовой юбилей праздновать, как тянется вопрос о моей перерегистрации в секции, т[о] е[сть] и мое

безхлебие... Черт бы взял этих жуликов, которые вочевидку мошенничают. Сегодня подал жалобу в президиум секции на действия секретариата президиума. Еще несколько дней и буду жаловаться в ЦБ в Москву... Ой, как все это надоело! А в академии «чудеса в решете», пока что с девизом — и пойман, и не вор!.. Но этот № едва ли им пройдет и надо думать, что советская законность воздаст коемужде по делам его!.. Вам все это, вероятно, известно полнее, чем мне, ибо для меня ведь академия — совсем постороннее ведомство. Несмотря на очень тяжелые условия, все же никак не могу избавиться от пагубной книжной страсти, за что порой жестоко расплачиваюсь. Но если человек глуп, это, обыкновенно, надолго...

А засим в последних строках моего письма сердечно поздравляю Вас и желаю всего лучшего! (Поздравление несколько преждевременное, но... ведь почта — да еще секционная — ходит не спеша)...

Привет Николаю Прокофьевичу!

Будьте благополучны

Ваш Мих. Могилянский

P.S.: А тут одна особа с нетерпением ждет «Возвращенной молодости» Зоценка. Ничего, подождет! М.

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 52–53. Оригінал. Рукопис.

№ 32
7 вересня 1934
Київ

Киев, 7 сентября

«Завтра» заставляет меня, милая Наталия Дмитриевна, вспомнить Вас... еще раз — приветствую!

На сей раз Ваш ответ пришел поразительно быстро, т[о] е[сть] потрясающе нормально, от чего почта уже нас почти

отучила. Нет, в конце августа я Вам не писал: писал на другой день после визита к Вам, затем — недели через 2 после того и, наконец, в начале сентября. Если все это получили, то, значит, ничто мое к Вам и не пропало.

У меня за последнее время при передачах пропало столько книг, что я предпочитаю, чтобы Зоценко ждал Вашего возвращения, тем более что не большая беда, если желающая прочесть его особа немножко подождет больше, чем предполагалось...

Не знаю, какими ужасами городской жизни Вас терроризировали, но мы, живущие в городе, ужасов не ощущаем никаких, наоборот с восторгом наблюдаем преобразование Киева. И все же, конечно, погода — сильный аргумент за продолжение летнего отдыха, а ветер — принесет дождь и унесет, как чудную вчерашнюю грозу. А я и от ветра не изнемогаю, а даже... люблю ветер... Вообще я склонен был бы согласиться с мнением сказавшего: «я не знаю плохой погоды, я знаю только разные виды хорошей погоды», если бы мои жизненные условия были немного более благоприятны.

С моим Кисловодском — все более вырисовываются пишущие на воде вилы... Их письма я по крайней мере почувствовал, получив от дочки запрос, не могу ли прислать удостоверения, что я член секции с добавлением, что с этим удостоверением получила бы для меня путевку в Кисловодск «в два счета»... Впрочем, дочка уверяет, что достанет путевку и без удостоверения, только немного попозже. Я же «сумлеваюсь, штоп»...

«Хождение по мукам» — (в секцию) надоело хуже горькой редьки, но какие-то силы продолжают настойчиво питать меня горькой редькой не только в этом вопросе.

Хотите ли Вы сказать, что назначение в научные работники вместо посылки на галеры придает ученому учреждению вид заведения иного назначения, я не знаю, но, кажется, слух об этом назначении — «несколько преувеличен». По крайней мере одна из «влиятельных» (или «осведомленных» в вопросе, где раки зимуют) стенографисток сказала, говорят: «NN, вероятно, у нас больше работать не будет...»

Читали ли выступления Бухарина на писательском съезде? Я был так увлечен, что даже газеты покупал. Особенно меня тронул его чудесный темперамент: скажет, и тут же извиняется за превышение полемической заостренности...

Всего лучшего Вам и Миколі Прокоповичу!
Ваш Мих. Могилянський

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 54–55. Оригінал. Рукопис.

№ 33
5 жовтня 1934
Дмитров

Дмитров, 5 октября 1934 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Из Вашей открытки, сейчас полученной, убедился, что оправдались худшие мои предположения о причинах Вашего молчания... Моя тоска еще безмерно увеличивается Вашим грустным сообщением. Как я болею Вашими болями и огорчениями, Вы, м[ожет] б[ыть], и знаете, но, увы, есть положения, в которых так мало помогают самые пламенные соболезнования и сочувствия! Так тяжело сознавать свое бессилие чем-нибудь помочь!

В последнее время редко бываю в Москве. Тоскую. Читаю. Немного пишу. Вот и вся моя жизнь. Николаю Прокофьевичу мой привет и пожелания справиться с недугом. Ну, не буду Вас затруднять своим многословием. Надолго ли уехал В[иктор] А[лександрович]? И что я должен думать о книгах, оставленных у него? По Киеву и некоторым киевлянам очень скучаю.

Всего лучшего!
Искренне Ваш,
Мих. Могилянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 51. Оригінал.
Рукопис.*

№ 34
25 листопада 1934
Дніпропетровськ

Куда: Киев. Тарасовская ул., 20, кв. 5.
Кому: Наталии Дмитриевне Василенко-Полонской.
Днепропетровск. 26.11.34.
Киев. 28.11.34.

Днепропетровск, 25/XI [19]34 г.

Ну, милая Наталия Дмитриевна, путешествие мое началось бедою: в вагоне украли у меня чемодан со всеми вещами: белье, книги, до половины дописанный роман «Трынть-Трава», начатые мемуары... и кое-какие документы. Среди последних копия трудового списка, выданного академией. Эта копия очень нужна. Не можете ли Вы справиться в канцелярии, как получить дубликат? Нужно ли публиковать о пропаже и если нужно, то можно ли опубликовать, скажем, в днепропетровской газете, или надо обязательно в киевской. Очень обяжете, а то попросить никого не придумаю, а нужно... Моя скорбь о разлуке с Киевом теперь спутана этим происшествием и вообще не знаю, как я выберусь из этой неожиданной беды. Привет Николаю Прокоповичу. Если ответите, адресуйте Днепропетровск. Центральный почтамт. 1-ая экспедиция. Ирине Михайловне Могілянської. Можно не писать с передачей ей.

Всего лучшего!
Ваш Мих. Могілянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 56–56 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 35
3 грудня 1934
Дніпропетровськ

Днепрпетровск, 3 декабря [19]34 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Я очень виноват перед Вами, не написав (очевидно, вследствие «взволнованности чувств»), что все, о чем я Вас просил, можно сделать... при случае, отнюдь не утруждая себя и не торопясь...

А что касается будто бы присущей мне «роззявности», должен оправдываться. Оправдания же мои будут двоякого свойства. Во-первых, оправдания, так сказать, литературного свойства. У Зошенка Вы могли бы прочесть: «Что-то, граждане, воров нынче много развелось. Кругом прут без разбора. Человека сейчас прямо не найти, у которого ничего не сперли. У меня вот тоже недавно чемоданчик унесли, не доезжая Жмеринки.» Итак, «литература» свидетельствует, что, если я «роззява», то не «роззявее» многих других...

И, во-вторых, оправдания фактические. Вовсе не каждое мое путешествие у меня что-н[и]б[удь] пропадает (был, действительно, случай в последний раз: «сперли» в Ленинградском трамвае бумажник, а в нем 17 руб. и несущественные документы). Ну, а сей самый пропавший чемодан ездил ведь с июля [19]27 г.: 5 раз был в Кисловодске (на 6-м погиб), раз 5 в Харькове, много раз в Чернигове, был в Ленинграде, Москве, был в Соловках, Кеми, трижды в Медвежьей Горе... Разве не заслуженный чемодан?

И, наконец, обстановка: ночь под утро, против моего места спит проводник, дежурит проводница, весь вагон более или менее спит, вагон плацкартный, посторонних как будто нет... Отправляюсь в уборную умыться, пока еще у уборной не образовалась очередь... Во время умывания тухнет электри-

ка (думаю, неспроста). Во мраке добираюсь до своего места... Подушка с ремнями (и книгами) лежит, а чемодан, на котор[ый] опиралась подушка.... исчез, а пирожок, две булочки и чашка, стоявшие на верху чемодана сняты и деликатно поставлены на столике... Вот вам и «роззява»!.. У пассажира, спавшего сбоку наверху — пропали ботинки и калоши, стоявшие возле него. Потеря значительно меньше моей, но все же поставившая его в трагикомическое положение... Выходи из вагона в чулках!.. И вор, безусловно, прошибся: прельстился моим большим чемоданом и пренебрег его меньшим, стоявшим еще выше — на полке для вещей — без всякой защиты. Убежден, что этот меньший содержимым своим был значительно ценнее моего. На моем не разжился и, наверное, ругает меня сильно... Но я по присущему мне эгоизму — «жалею» не о воре («украли пук моих стихов... — Жалею я о воре.»), жалею больше о себе... К сожалению, жалей не жалей, а этим дела не поправишь! «Путевки» в чемодане не было, она была здесь, в Днепропетровске, и 7-го рано утром (в 4 ч[аса] ночи) я должен выехать в Кисловодск (уже имею билет и плацкарту до Мин[еральных] Вод)...

А здесь пока что обрел таки «беззаботный» монастырь: сижу в просторной, теплой (да, да, совсем теплой) квартире, гуляю по проспекту Карла Маркса, захожу в книжные магазины (что при пустоте в кармане совершенно безопасно: вспомнишь о легендарном Тantalе — самое большее...), расширю свое знакомство с незнакомым городом (всегда мной улюбленное занятие!), читаю, читаю и читаю («мемуары» Сен-Симона уже дочитываю)... книг ведь навез с собой пропасть (в подушке). Дочка уходит, когда я еще сплю, возвращается от 5 до 8 вечера... И дни бегут незаметно и беззаботно... Даже в Кисловодск ехать не особенно хочется. Отчего не написали, как прошли похороны Мих[аила] Серг[ееви]ча, кто и что говорил? Я от Дмитрия Ивановича (был у него, он Вам и Ник[олаю] Прок[офьеви]чу просил кланяться) слышал, что траурный вагон проследовал через Днепропетровск... Величественное признание Раднаркомом «особенных заслуг» покойного совсем успокаивает меня:

пусть мои старания добиться восстановления справедливости и оправдаться от брехень, пущенных в обращение тупицами вроде Ив[ана] Ив[анови]ча и карьеристами вроде Барановича, будут безуспешны, пусть не найдется храбреца, отваживающегося дать справедливую оценку моим научным работам, пусть! Я достаточно зрел и уравновешен, чтобы на мое отношение к современности могла влиять моя личная судьба и никогда ни при каких условиях не перестану благословлять долю за то, что «видели очи мои» начало нового света... А теперь я уверен, что «будет некогда день», когда какой-н[и]б[удь] компетентный и авторитетный орган (пусть не Раднарком, на это я по присущей мне скромности не претендую) — признает и мои «заслуги» в деле строительства социализма (а я в наличии этих заслуг совершенно убежден). М[ожет] б[ыть], это «некогда» тоже придет уже после моей смерти, но, право же, это совсем не существенно...

Известие о смерти М[арии] Н[иколаев]ны очень опечалило меня, хотя меньше всего было неожиданным. Опечалило не потому, что когда уходят старшие современники, сознаешь, что выдвигаешься на очередь... Просто грустно, когда уходят люди из тех, с которыми проходил путь жизни, как-то само лицо жизни меняется от этого... В пустыне не чувствуешь себя, на место ушедших как-то незаметно становятся новые люди, но все же чувствуешь себя беднее, чувствуешь ничем незаменимую потерю, чувствуешь — «как ярко солнце не свети, а все ж должно оно зайти!»...

Ну, боюсь, милая Наталия Дмитриовна, надоел Вам своим длинным письмом! Будьте здоровы! Сердечный привет Миколі Прокоповичу и наилучшие пожелания! А дальше — Кисловодск. Вокзал. До востребования Мих. Мих. Могилянскому.

Бувайте!

Ваш Мих. Могилянский

P.S.: Склонен сильно подозревать в причастности к исчезновению чемодана именно проводников... Рассмотрели, облю-

бовали, выбрали подходящий момент. Разве служебное отделение соседнего вагона далеко? А оно ли не надежное место для сокрытия спертого чемодана? Очень просто. Возможно, что и ошибаюсь. Но ведь размышления на тему, кто и как, только «тленной мысли раздраженье» и свидетельство излишней любознательности, не имеющей практического значенья... М.

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 57–59. Оригінал. Рукопис.

№ 36
6 грудня 1934
Дніпропетровськ

Куда: Киев. Тарасовская ул., 20, кв. 5.

Кому: Наталье Дмитриевне Василенко-Полонской.

Киев. 10.12.34.

Днепропетровск,
Декабря 6-го [19]34 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

И Ваше письмо, и открытку получил своевременно. Мой заказной ответ на Ваше первое письмо запоздает (против даты своего написания), ибо послан только сегодня. (Двое суток пролежал в ридикюле дочки по ее рассеянности). Я и сам интуитивно чувствовал, что о пропаже надо публиковать в киевских газетах. Если это не очень трудно, опубликуйте. Украдены в пути (в районе ст[анции] Бобринская-Знаменка) документы на имя Мих. Мих. Могілянського: 1) Метрическая справка о рождении 22 ноября [18]73 г., выданная из Черниговского ЗАГСа. 2) копия трудового списка (таки копия, точно помню), выданная ВУАН (в мае или июне 1934 года). 3) справка Одесского архива (м[ожет] б[ыть], крайархива, как он называется знает В[ладимир] Варла-

мович) о сдаче в 1903 г. госуд[арственных] экзаменов по юридич[ескому] факультету при Одесск[ом] ун[иверсите]те. 4) справка, выданная Ленинградским центр[альным] архивом о состоянии помощником прис[яжного] поверен[ного] в Петербурге в 1907–1909 гг. и прис[яжным] поверенным там же в 1909–1913 гг. (м[ожет] б[ыть], последнего документа можно и не публиковать?). Мой трудовой список не столь лестен, чтобы им кто-н[и]б[удь] прельстился воспользоваться, так я думаю.

Кисловодск. Санаторий Уркурупра «Горн». Мне. Выезжаю сегодня ночью. Привет Миколі Прокоповичу и всем, всем, всем! Ваш М.

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 60–60 зворот. Оригінал. Рукопис.

№ 37
11 грудня 1934
Кисловодськ

Кисловодск, Красноармейская ул.
Санаторий «Горн»

11/ХІІ [19]34 г.

Итак, милая Наталия Дмитриевна, начал седьмой месяц кисловодской жизни (не по непрерывке, а за всю жизнь, т[о] е[сть] седьмой раз здесь...), опять нарзанюсь... Новое в моем формуляре: расширение аорты, что, по моему представлению, свидетельствует о некоторой заинтересованности этой самой аорты в моей скорейшей смерти... Утешаюсь словами Александра Григорьевича, некогда здесь в Кисловодске сказанными одному киевлянину именно об аорте: из того, что у Вас нашли и записали в книжку — расширение аорты, еще не следует, что оно у Вас есть... (т[о] е[сть], не следует с несомненностью. Это уже мои комментарии, м[ожет] б[ыть], есть а, м[ожет] б[ыть],

и нет...) Вообще же из разговоров с врачом приходишь к заключению, что вся жизнь твоя (киевская, да и всякая, верно, иная) более или менее постоянное самоубийство, медленное, но постепенное... К сожалению, здесь так плохо в нынешнем году горит электрическое освещение, что при нем ни читать, ни писать абсолютно нельзя (а с 5 ч[асов] уже темно), значит, времени для «мыслей» остается слишком много и избегающему их для сохранения внутреннего спокойствия и более или менее порядочного настроения — приходится терпеть поражение... Ну, вот Вам и обстановка моей жизни, в которой и забыть о чемодане так трудно, а помнить ... не хочется (кстати, под Ростовом были в вагоне неистовые крики: еще нашелся «роззява», у которого «сперли» чемоданчик...). Явление это вообще бытовое и распространенное, а зависит его распространенность от обилия «роззяв», или только от обилия любителей чужой собственности, кто решит этот вопрос?..

Из явлений радующих — отмечу: вчера увидел «молодик», а «молодик» всегда производит на меня бодрящее впечатление. Во всяком случае он указывает мне (мысленно) направление моей милой Большой Подвальной, моей Ворошиловской!...

Вообще же не унываю. Новые знакомства. Техники, врачи, рабочие etc., etc. Из Москвы, из Днепропетровска, с Донбасса, со всех сторон Союза... Расширение знакомства с людским материалом всегда радостно. Каждый новый человек с той или иной стороны всегда интересен, а часто и очень... Когда долго сидишь на одном месте, как-то засиживаешься, беднееешь от однообразия впечатлений. Расставшись с привычным, обогащаешься... Видите, я во всяком положении умею находить приятное. Уж на что было горько подвергнуть себя длительному самоизгнанию из Киева, а я вот и здесь готов найти светлые стороны печальной необходимости... Впрочем, еще неизвестно, что запою, когда это продолжится долго. Но, с другой стороны, другое «впрочем»: живое представление о температуре в моем «углу» на Ворошиловской улице — значительно уменьшает шансы роста моей ностальгии... Часто в полумраке после

пятичасового времени во избежание неприятных мыслей улыбаюсь мысли, — неужели эта зима пройдет без традиционным ставшего распухания пальцев (озябления)?.. Чего доброго, пройдет! Это ли не достижение?.. Увы, достижение ценою «безсубботного» течения времени, а также ценою иных «прикрих» не менее утраты «суббот» лишений... И ко всем этим утратам надо приспособиться. Стараюсь приспособляться...

Хотел бы знать от Вас о Вашей жизни, о киевских новостях и пр[очее], и пр[очее]...

Милому Миколі Прокоповичу мой сердечный привет.

Всего, всего лучшего.

Ваш Мих. Могилянський

P.S.: Мне совестно спрашивать, решились ли Вы опубликовать о моей утрате, ибо совестно Вас этим затруднять. Но если решились, не откажите мне сообщить стоимость сего, а № с публикацией у себя сохранить. Пока не встретил здесь ни одного знакомого лица, а в Днепропетровске встретил только ... Сидоряка. В Киеве его в последнее время встречал с носом, повешенным на квинту, а при Днепропетровской встрече вынес заключение, что он уже ... устроился... М.

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 61–62 зворот. Оригінал. Рукопис.

№ 38
23 грудня 1934
Кисловодськ

Кисловодск
23-го декабря 1934 г.

Сегодня, милая Наталия Дмитриевна, исполняется ровно месяц, как я оставил милый моему сердцу и с тускло горящим

до 11 ч[асов] електричеством, и с девицами, шествующими «по улице мостовой» за обыкновеннейшей водой — Киев... И нет никакого утешения мне в моей ностальгии. Но и хуже того — здесь меня, несмотря на полное материальное благополучие, охватила такая «черная меланхолия», что света Божьего не вижу. Жить не хочется и только! Приписываю это периоду самых коротких в году дней, всегда угнетающих мое душевное настроение, и сильно надеюсь, что «солнцеворот» повернет к лучшему и мое настроение. Боюсь только, чтобы эта надежда не оказалась столь свойственным человеку при утопании хватанием за соломинку...

Вчера после обеда получил Ваше письмо от 17/XII. Газетная вырезка не могла «омрачить моего счастья», во-первых, потому, что его нет — этого самого «счастья», а во-вторых, потому, что привык я уже к подобному... И все же несправедливость, как всегда, взволновала меня... даже до головной боли. Волнует невозможность доказать несправедливость (кто будет тебя слушать?), а утешает глубочайшая уверенность, что настанет время, когда и сам Затонский убедится непререкаемо, как скверно он был информирован о Могілянском. Вам-то я не стану доказывать, что никогда в жизни не был националистом и всегда не только разумом признавал злобредность национализма, но и чувствовал к нему отвращение. А что касается Грушевского, то напомню, что Могілянскому приписывалась не только «травля», но и «защита» Грушевского, а заключалась последняя только в том, что во время «дискуссии» о Грушевском, когда вся академия «единым фронтом» «критиковала» последнего, Могілянский осмелился указать на его громадные научные достижения и рекомендовать «критикам» превзойти критикуемого в научном строительстве... Не говорю уже о том, что в интерпретации и «травли» и «защиты» — интерпретация мотивов была только произвольным чтением в мыслях, притом чтением противоречившим непререкаемым фактам... Затонский, конечно, очень умный и добросовестный человек, значит, стоит ему только разобраться в действительных фактах, и он

сам тогда убедится, как легко ошибиться, доверившись информации, сработанной дурнями, невеждами и карьеристами (Ив[аном] Ив[ановичем], Ст[епаном] Ст[епановичем], Алекс[еем] Ив[ановичем] и множеством не менее «славных») ... Боюсь, Вам это просто скучно. Ведь нам-то подоплека глупых измышлений ясна во всем своем несложном механизме... И их, по существу, так легко разрушить: я, напр[имер], убежден, что достаточно мне было бы ½ часа поговорить с Затонским, чтобы он убедился, какую ерунду ему подали как информацию о Могилянском... Sapienti sat! Значит, будем ждать и надеяться, что время, когда sine ira et studio разберутся в Могилянском, вопреки сплетенным дурнями и карьеристами брехням, придет. На возражение — дурень думками багатіє — отвечу: предпочитаю быть дурнем, чем утратить веру в торжество несомненной истины.

Пропажей одной книги, если она и действительно пропала, не стоит не только «ужасно волноваться», но даже и просто огорчаться. У меня за этот год пропало столько книг, что одна книга — величина почти мнимая тем более, что Вы книги, оставленные у Вас, квалифицируете, как «неудобочитаемые». Итак, Бога ради, не огорчайтесь тем, что одной книги не достает... Списки я составил, но все они погибли — в чемодане... А память моя, увы, такова, что с большим напряжением я мог вспомнить только — 1) Толстая. «Бестужев». 2) Муратов. «Эгерия». 3) Уэллс. «Мир Вильяма Клиссольда» и 4) Его же роман, заглавия которого не помню, и два биографические романа. 5) Бальзак и 6) Мирабо. Значит, вспомнил только едва около половины. Что касается «удобочитаемости», то, не касаясь остальных (дело вкуса), о романе Уэллса — «Мир Вильяма Клиссольда» скажу (вообще не люблю Уэллса), что этот роман весьма характерен для современного буржуазно-демократического мирозерцания и очень помогает пониманию тех точек зрения, которые Уэллс так беспомощно развивал в известной Вам беседе со Сталиным.

Нехорошо Ваше упорное постоянство в «грипплении»... У нас здесь чудная солнечная (все время!) погода и, несмотря на центр

зимы, пахнет весной, определенно пахнет, а значит, и волнует, как всегда, сладко волнует приближение «утра года»...

Мое дальнейшее (уже недалекое) будущее должно пойти с эпиграфом — «казак на север держит путь» (с заездом в Днепропетровский «беззаботный монастырь» — центральный почтамт. 1-ая экспедиция. Ирине Михайловне Могілянській).

Выехать туда собираюсь 5-го. Надеюсь, на севере быть оцененным без предубеждений, но очень огорчаюсь пропажей своих рукописей, долженствовавших меня рекомендовать в истинном свете. Большинство их не восстановимо. Если опубликуете о моей пропаже, буду весьма признателен, но, пожалуйста, без утруждения себя и только тогда, когда окончательно разделаетесь со своим «гриппом».

Дорогому Николаю Прокоповичу привет и наилучшие пожелания... «Субботы» — каноны выходных дней всегда напоминают мне Тарасовскую улицу и мои посещения Вас...

Всего, всего наилучшего!

Всегда Ваш,
Мих. Могілянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 63–65 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 39
27 грудня 1934
Кисловодськ

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.
Кому: Наталіи Дмитриевне Полонській-Василенко.
Кисловодск. 28.12.34.
Киев. 30.12.34.

Кисловодск,
27/ХІІ [19]34 г.

С «храма воздуха» принес я, милая Наталия Дмитриевна, maximum доступной мне сейчас при моей черной меланхолии бодрости и вот хочу, не для того чтобы доставить удовольствие Вашему почтальону, поздравить Вас с новым годом — он, наверное, и без моей помощи будет иметь это удовольствие, — просто хочу, чтобы мое поздравление с новым годом Вы получили, если не в самый первый день нового года, то накануне его... Поздравляю Вас и дорогого Николая Прокоповича, желаю всего, всего лучшего!

А мое пребывание здесь, к моему величайшему удовольствию (давит одиночество) — идет к концу: 5-го предполагаю выехать в «беззаботный монастырь», а уже оттуда в Дмитров... Если приедет в Киев Владимир Иванович, передайте ему мой поклон.

Что с Виктором Александровичем? Дважды писал ему, а в ответ не получил ничего. Читал «Последнего из Могикан» Ф[енимора] Купера, а потом «Рикки-Тикки-Тави» Киплинга, т[о] е[сть] от чтения отроческого перешел к детскому... Говорят, это способствует результативности кисловодского лечения. Еще лучше — совсем не читать и не думать. Но я этого не умею.

Ваш Мих. Могилянский

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 67–67 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

1935

№ 40
1 січня 1935
Дніпропетровськ

Куда: Київ, Тарасівська ул. д. 20, пом. 5.

Кому: В[исоко]ш[ановні] т[оваришці] Наталії Дмитрівні Василенко-Полонській.

Днепропетровск. 1.1.35.

Київ. 15.1.35.

Днепропетровск, 1 января 1935, или 4-й день моего здешнего [нрзб.], в некоторой степени «примусового», ибо сижу здесь, как «рак на мели»: отсутствие денег и невероятные морозы (за 7 часов сидения на холодном Ростовском вокзале — настоящая волковня! — приморозил два пальца на правой ноге) — вот два фактора, которые задерживают мое продвижение на север, где надеюсь быть полезным для социалист[ического] строительства... а насколько задержат, темна вода во облацех. Вы себе можете представить, милая Наталия Дмитриевна, каких моральных усилий надо мне было для того, чтобы вылезти из вагона, который завтра утром привез бы меня в Киев?! Очень интересуюсь, получили ли Вы в конце концов мое письмо от 23/XII в ответ на Ваше, полученное 22/XII? Здесь — молодой, увиденный сквозь окно в день приезда и Данте, которого начал читать, как будто произвели некоторый перелом в моем настроении, и черная меланхолия моя как будто начала спадать... Привет милому Николаю Прокоповичу и всем, всем, всем!.. Посетил вчера Д[митрия] И[вановича], у него такая светлая голова и прекрасная память, что забываешь, что ему 80-й год. Впрочем, я все забываю, что и мне, увы, 62-й! Всего, всего лучшего!

Ваш Мих. Могилянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 69–69 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 41
2 січня 1935
Кисловодськ

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.
Кому: Наталіи Дмитриевне Полонской-Василенко.
Кисловодск. [нрзб].
Киев. 6.1.35.

Кисловодск,
2 января 1935 г.

Ваше письмо, милая Наталия Дмитриевна, здорово владило: пришло как раз 1-го, а вот не знаю, владила ли моя открытка (пожалуй, пришла 31-го), а письмо, которым я отвечал 23-го на Ваше, полученное 22-го, явно не владило, т[о] е[сть], по-видимому, Вами совсем не получено... (Я, обыкновенно, отвечаю на письма сейчас же). Очень мне совестно, что причинил Вам столько хлопот с публикацией. Спасибо! Возможно, что следить за опубликованием и незачем, ибо, м[ожет] б[ыть], фактически публикаций и не делают, а расписка (квитанция) и есть доказательство публикации. Одно время с профсоюзными билетами такой порядок был. Виктору Александровичу послал две открытки, а от него ничего не получил... Не поехал ли он куда-н[и]б[удь] в отпуск?.. Теперь я определил бы человека, как существо всегда недовольное. Вот мне здесь целый месяц разве птичьего молока не хватало: материальное благополучие было полное — просыпался с уверенностью (от которой в последнее время отвык было), что пропитание в точно установленные часы гарантировано... Чего бы еще? А вот занудился. Курортное существование во всяком случае не нормальный сорт жизни. А мне хочется именно сорта нормального, существенным ингредиентом которого является работа. Кто не трудится, тот не ест... А евши без труда, все время ощущаешь, что ешь незаслуженно... Пока есть силы и охота

работать, жить без работы, как-то оскорбительно. Прекрасно сделали, что о пропаже универ[ситетс]кого свидетельства не публиковали: 12 р. я сам, м[ожет] б[ыть], не стою. Если встретите Давидсонов, передайте мой привет: не знаю их адреса. Послал как-то интересную для них книжечку с адресом описательным. Не знаю, дошла ли.

Привет милому Николаю Прокоповичу.

Всего, всего. Рад, что уезжаю отсюда.

Искренне Ваш,

Мих. Могилянский

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 68–68 зворот. Оригінал. Рукопис.

№ 42
24 січня 1935
Дніпропетровськ

Днепропетровск, 24 января 1935 г.

Видите, милая Наталия Дмитриевна, как я задержался в Днепропетровске, только завтра, наконец, собираюсь выехать в Дмитров (Дмитров, Моск[овская] обл[ась]. Москва-Волгострой. 1-й коммунальный дом. Комната 47. Лидии Михайловне Могилянской. Для меня). «Беззаботномонастырскость» моего здешнего образа жизни в конце концов начала томить меня не потому, чтобы моя «мятежность» искала бури, «как будто в буре есть покой!» (в мои годы, да еще после излишка пережитых бурь и кораблекрушений, уже ищут действительного (небурного) покоя), а потому, что как-то не привык к отсутствию забот и как-то органически проникся правилом — «кто не работает, не ест». Вот пока сохраняю работоспособность, отсутствие работы томит и одно чтение, чтение, чтение как-то не удовлетворяет...

Приехав сюда и написав Вам открытку, я погрузился в какую-то непроницаемую апатию... Не получая от Вас ответа, думал, что не пишете потому, что я в открытке не написал, долго ли пробуду здесь (а не написал потому, что и сам этого не знал). А затем Виктор Александрович встревожил меня сообщением о болезни Николая Прок[офьевича], и я понял, что можете не писать и потому, что Вам совсем не до писем. А потому письмо Ваше (от 18), полученное 26-го особенно обрадовало меня. Надеюсь, что сейчас Ник[олай] Прок[офьевич] уже совершенно поправился, приветствую его и желаю больше не хворать...

От больших морозов я здесь не страдал «нисколечки», во-первых, потому, что они и не держались здесь долго, только в день моего приезда было около 30, а потом скоро перешло к 20, 10, 5, 3, сейчас же плывет, дождит etc., etc. — настоящая весна!, а во-вторых, потому, что и во время самых больших морозов комнатная температура не спускалась ниже 13–14°, а затем стояла на совсем непривычном для меня уровне 16, 18 и даже до 20° (все это по Ц[ельсию]). Ну, словом, уже кончается январь, а пальцы на руках у меня не озноблились (не пухли, не краснели, не изъязвлялись)... Разве не достижение? И при всех этих благополучиях — тоска по Киеву (и киевлянам), по привычному (хоть и полному житейских нестроений) образу жизни не идет на убыль... Все тянет меня на Ворошиловскую!..

Здесь развлекался — был дважды в театре, раз в кино, навещал Еварницких, даже был у них на «голодной кутье», вчера заходил посмотреть музей... Но на свете все кончается и вот мой днепропетровский «беззаботномонастырский» [нрзб.] на исходе: в кармане билет до Дмитрова, сегодня еще должен зайти попрощаться к Еварницким, а завтра проститься с Днепропетровском... Надеюсь, в Дмитрове иметь от Вас хорошие вести.

Искренне Ваш,
Мих. Могілянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 70–70 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 43
9 лютого 1935
Дмитров

г. Дмитров (Московск[ая] обл[асьт])
9/II [19]35 г. отсылаю 10/II
Москва-Волгострой. 1-й коммунальный дом. Комната № 47.

Еще накануне своего отъезда из Днепропетровска я писал Вам в последний раз, милая Наталия Дмитриевна, а потому все эти дни ждал от Вас письма — ведь я здесь уже 10-й день! (приехал, не останавливаясь в Москве, — московская дочка в долговременном отсутствии, и я до сих пор не был еще в Москве, но на днях собираюсь приехать, — езды тут около 2-х часов и билет стоит всего рубль с копейками). До сих пор не писал Вам, так как трудно было мне нарушить состояние меланхолической апатии, завладевшей мною безраздельно... И даже неполучение известий от Вас не нарушало бы моей апатии, если бы была уверенность, что у Вас все благополучно... Вот желание скорее узнать, как Вы живете и как себя чувствуете (Вы и Ник[олай] Прок[офьевич] с одной стороны, а с другой стороны — желание не опоздать с поздравлением Н[иколая] П[рокопович]а с днем 16-го февраля (кажется, 16-го?) — при еще невыясненной для меня быстроте хода писем между Киевом и Дмитровым — заставляет сегодня взяться за перо и прежде всего сердечно приветствовать дорогого Николая Прокоповича, посылая ему наилучшие пожелания, а затем и просить Вас — написать несколько слов о себе и столичном Киеве, разлука с которым — незакрывающаяся рана в моем, казалось бы, бесчувственном и очерствелом сердце... Но, если сердце мое непрестанно ноет и теперь, можете себе представить, что́ будет с ним весной? А ведь весна как-никак приближается. Увы, уверенность, что «лето возвратится», утешая всех «безумцев» типа «юнкера Шмидта», у меня только обостряет тоску, поскольку перспектива возможности, если не возвращения, то хотя бы более или

менее продолжительного посещения Киева приближается пока что к письмам «вилами по воде»...

В таком настроении трудно спускаться к темам практического характера, но жизнь, увы, иногда принуждает к самым большим трудностям. Вот я и боюсь, что сия самая жизнь может меня заставить интересоваться вопросом о получении копии с моего трудового списка, возратить каковой мои неблагородные воры, вопреки моим (и не только моим) ожиданиям, очевидно, не собираются. Не можете ли Вы мне сообщить, что надо сделать, как поступить, чтобы эту копию получить? Не хотел бы только Вас затруднять хлопотами по сему делу, ибо мне совестно уже от одного воспоминания о причиненном Вам беспокойстве — в связи с этой проклятой кражей.

Кстати, не можете ли мне сообщить имя и отчество супруги Дм[итрия] Ив[ановича] Эварницкого? Помнится, — Серафима? А отчества совсем не припоминаю.

Вероятно, послезавтра поеду в Москву, навещу своих «политкаторжан», зайду к Петрушевскому, а на ночь возвращусь восвояси.

Новых книг не видел уже 2 месяца и сейчас при посещении Москвы, избегая не соблазнов (когда в кармане — порожнеча, соблазн не опасен), а Танталовских мук, вынужден буду отворачивать глаза от окон книжных магазинов... Ведь достаточно мне увидеть в окне томы переписки Чайковского с фон Мекк, мемуаров Сен-Симона etc., чтобы... чтобы я уже не знаю, чего не случилось со мной...

Привет всем знакомым, каких Вы видите. Все мне милы в отдалении еще больше, чем вблизи.

Незадолго перед отъездом из Днепропетровска, послал письмо (да еще заказное) Виктору Александровичу, но пока что оно осталось «без последствий», т[о] е[сть] без ответа...

Дмитров мне страшно напоминает (конечно, *mutatis mutandis*) Городню... И когда я шатаюсь по городку, иногда меня охватывает странная иллюзия, будто последних 20-и лет не было и сейчас только 1915 год, возвращения какового я мог

бы пожелать единственно только (только!) для омоложения на 20 лет (в мои годы это уже очень заманчиво!). Но, как странно, как странно, милая Наталия Дмитриевна, что с 1915 года прошло 20 (да, да, 20) лет! (т[о] е[сть] столько, сколько для меня уже не осталось...)

Всего, всего лучшего!

Ваш Мих. Могилянский

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 71–72 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 44
17 лютого 1935
Дмитров

Дмитров (Московск[ая] обл[ась])

Москва — Волгострой. Первый коммунальный дом. Комната 47.

Мих. Могилянскому

17/II [19]35 г.

«16-ое» у меня, милая Наталия Дмитриевна, было только lapsus'ом пера, я прекрасно помнил — «15-ое» («16-ое» это день Анны Вильямовны) и именно 15-го вечером представлял себе, что я у Вас, переносился мыслями к Вам, соображал, кого я должен у Вас встретить?.. А вчера утром (16-го) получил Ваше письмо. Только на днях кто-то приехавший из Медвежки привез известие о том, что Н[иколай] З[ахарович] Левченко психически заболел и находится в Кирилловской больнице в Киеве (я писал об этом Виктору Александровичу)... А Вы уже сообщаете о его смерти. Если болезнь была неизлечима, то, конечно, смерть лучший исход, но все же отчего он умер? На вид он был такой здоровый и жизнерадостный. От того и смерть его на всех его знавших производит сугубо грустное впечатление.

Переходить эту грань, несмотря на все жизненные удары, все еще почему-то не хочется, а перешедшим все же как будто всегда завидуешь, как ушедшим от «презренных душ презрения к заслугам» и всего, что толкает человека к соблазну «не быть»...

Я все еще не «устроился», т[о] е[сть] не выработал себе *modus'a vivendi*. Я очень огорчен Вашим столь категорическим решением лишить меня прелестей киевской весны. (Недаром же Вы соблазняете меня перспективой прелестей весны великорусской.) Я, как Вы хорошо знаете, не грешу национализмом (вопреки утверждениям Ив[анов] Ивановичей, которые и сами, м[ожет] б[ыть], в мой национализм не верят, но которым «нужно» его доказывать, ибо чем же другим они доказали бы свое право на паек при полном отсутствии научных заслуг и даже самой оных возможности?!) Но прелести великорусской весны, в которых не сомневаюсь (думаю, весна прелестна даже в тундрах севера), всегда отдам за весну киевскую. Драгоманов когда-то осуждал Шевченка (доказывал, что он не социалист) за — «Немає в світі України, немає другого Дніпра!».

Но с тех пор мы ушли настолько вперед, что можем считать, что социалистам позволено чувствовать (именно чувствовать), что «немає другого Дніпра»... или «другої Сени», «другої Темзи», даже «другої Либеді» ... Такое чувство вовсе не из национализма возникает и вовсе не враждебно социалистической идеологии, интерпретируемой хоть чуточку шире, чем это свойственно умам такого достоинства, какое, собственно говоря, компрометирует самое понятие «ум»...

Итак, Вы мне позволите, милая Наталия Дмитриевна, мечтать о том, что судьба пошлет мне столь небольшую сумму денег (стоимость билета до Киева и обратно), которая позволит в «субботные» дни приносить Вам последовательно — ландыши, нарциссы, розы, гвоздики (словом, весь ассортимент моих любимых цветов). А затем, когда над Киевом вновь нависнут осенние туманы, хоть и возвратиться опять на север... А как я на этом «севере милом» устроюсь, мне пока совсем не ясно. В Москве до сих пор был только один раз (12-го). Благодаря отъезду из

Москвы тамошней моей дочки, на ночь должен был возвратиться «домой», а потому мало кого успел повидать. Навестил милого Дмитрия Моисеевича. Ранил сердце книжными витринами. Вышли: Батюшков (стихи и переписка), 4-й том мемуаров Чичерина («Земство и город»), мемуары Л[онгина] Ф[едоровича] Пантелеева, письма народовольца Баранникова... Здесь я не мерзну и не голодаю, а вот этих (столь немногих!) книг пока что купить не могу. А будь я в Киеве, эти книги я хоть бы ценой опухших от холода в комнате пальцев, хоть бы ценой необедания — а имел бы! Выходит, что опухшие пальцы и необедание — не абсолютное зло. В ближайшие дни собираюсь приехать в Москву со специальной целью: посмотреть в кино «Чапаева»...

Поездка в Москву сейчас для меня и дорога, и утомительна, но самый воздух московский бодрит!

Думаю, что приблизительно через месяц возвратиться в Москву дочка, а это возвратит мне возможность ночевки, а вместе с тем и возможность соединять приятное с полезным.

Тогда начну улаживать свои дела и искать работы, столь необходимой для нормального самочувствия, для защиты глупого сердца от книжных ран, наносимых академией, политкасторжанами и другими издательствами.

Погода здесь стоит мягкая, морозы, думаю, не превышают в последние дни градусов 5–6–7-и, причем, в сущности, к количеству сих градусов относишься «постыдно равнодушно»: ведь сколько их там ни будь, в комнате все равно будет тепло... Ни чтению, ни слушанию радио, ни другим мирным занятиям они ведь не помешают!.. Не знаю, как мне добыть мои работы — от Иванушкина, от секции, от ВУАН... У меня ведь все пропало в чемодане, а начинать жизнь сначала в 60 (с маленьким уже гаком) лет как будто поздновато! Мемуаров писать еще не начинал — нет ни тетрадей, ни даже достаточного количества бумаги, чем я, м[ожет] б[ыть], оправдываюсь перед самим собою, ибо сейчас (не знаю, только ли по лени?) предпочитаю читать, а не писать... Есть такое ощущение — чтение, по крайней мере, мне нужно, а мое писание? Нужно ли кому-н[и]б[удь]? Пожалуй,

что и нет... Настроения, впрочем, не устойчивы и то, что сегодня выглядит «так», завтра опрокинется совсем «наоборот». А «где есть истина»? Признаюсь, я не знаю. А часто и не хочу знать. Зачем мне истина? Привет дорогому Николаю Прокофьевичу. Будьте здоровы и благополучны.

Всегда Ваш,
Мих. Могилянський

P.S.: Пишу 17-го, а на почту снесу, возможно, не сегодня, а завтра. М.

*ЦДАМЛІМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 73–76 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 45
23 лютого 1935
Дмитров

г. Дмитров (Московская обл[ась])
Москва-Волгострой. 1-й коммунальный дом.
Комната 47.

23/II [19]35 г.

Как ни нужна мне, милая Наталия Дмитриевна, копия трудового списка, но вот уже 4-й день идет со времени получения Вашей открытки от 15-го (на этот раз несколько опоздавшей — получена 20-го), а я все никак не соберусь послать Вам заявление и доверенность... Только с некоторым усилием преодолеваю и сейчас свою апатию, чтобы, наконец, поспать... И очень извиняюсь перед Вами за причиняемые хлопоты!.. Ах, как бы я хотел иметь какие-н[и]б[удь] хлопоты! «Беззаботность»-то, вероятно, и лежит в основе моей апатии. Просто хоть «чертогон» какой-н[и]б[удь] устроить. Но какой же «чертогон» я могу устроить в Дмитрове без подходящей компании?! Самое боль-

шее, чем могу развлечь себя, это съездить в Москву, где пока был только один раз (не знаю, получили ли Вы мое письмо от 17–18-го?).

От Виктора Александровича до сих пор ничего не имею, хотя в письме от 13-го (заказном) я уже пытался через него вступить в сношения с Иванушкиным (не знаю адреса) на предмет получения от последнего некоторых моих рукописей... Впрочем, возможно, что на это письмо ответ при его немедленности еще должен получиться завтра-послезавтра...

Запахло весной (оттепель, да еще какая!). И еще острее заостряется ностальгия от газетных сообщений о +5° в Киеве!..

Читаю «Dichtung und Wahrheit» Гете и сам себе удивляюсь. Найдется ли еще чудак, который сможет преодолеть подобную скукоту? А я ее преодолеваю по какой-то неистребимой жажде к «учебе» (немного запоздавшей после 60-и лет) — почему-то своевременно не прочитал этой вещи, а собираясь писать собственные мемуары, как не поинтересоваться, а как их писал Гете? Ну, и для сознания как-то обидно констатировать, что не читал чего-нибудь из написанного Гете! В свое время для устранения этого обидного сознания я подвергал себя мучительному самоистязанию чтения «Вильгельма Мейстера». Но тогда я был более чем на 25 лет моложе! И тогда живее (конечно, в зависимости от возраста) была иллюзия, что подобное самоистязание для чего-то пригодится. Впрочем, возможно, что оно как-то и пригодилось когда-то, но сейчас к этому бесконечно равнодушен... Сейчас к чтению относишься более бескорыстно, более ценишь «чистое знание» (независимое от возможности его практической эксплуатации). И как ни удручающа скукота Гетевских Dichtung'a и Wahrheit'a, а все же нельзя не признать, что кое-чему они научают... Не очень многому, правда. Но лучше немного, чем ничего. Или — лучше маленькая рыбка, чем большой таракан, а ведь очень часто получаешь от чтения только большого таракана... Хорошо еще, что делаешь это делаешь это *sua sponte*, а не в принудительном порядке, подобно тем несчастным, которых какой-то современный хулиган

заставил есть суп из морских тараканов (насколько они хуже или лучше обыкновенных, я не знаю) — в наказание за профнеисправность... Вы, впрочем, этого колоритного случая, м[ожет] б[ыть], и не знаете по некоторому равнодушию к отделу происшествий в газетах. Я же, несказанно обрадованный усовершенствованием советской печати заведением в газетах отдела происшествий, прочитываю его от доски до доски и лишь сожалею о его некоторой скупости... Вот там я на этих днях вычитал и этот удивительный случай наказания супом из морских тараканов. Случай сводится к тому, что одному гражданину в столовой дали суп с морским тараканом (где-то в Архангельске или возле Архангельска, если не ошибаюсь)... Гражданин пожаловался куда-то, а результатом жалобы было не разыскание «виновного в таракане», а приказ сварить суп с морскими тараканами и кормление им всех работников столовой с тем, чтобы в каждой тарелке было не меньше, чем по одному таракану... И ели, при чем многие из евших совершали путешествие в другой приморский город, находящийся за пределами Советского Союза... Но сейчас богиня с завязанными глазами, если «богиня» может оставаться символом советского правосудия, должна определить меру возмездия изобретателю удивительного наказания... Из всего изложенного, конечно, не делайте вывода, что я хотел бы судебного возмездия авторам, дающим вместо хотя бы самой маленькой рыбки большущего таракана, морского или обыкновенного все равно, каковое возмездие было бы уместно только в отношении тех авторов, которые смогли заставить кого-нибудь к потреблению их «таракана» принудительно... Однако, боюсь, что я Вам уже нестерпимо надоел тараканами. Простите!

Сердечный привет дорогому Николаю Прокофьевичу.

Еще читал о какой-то сыворотке против гриппа. И вспоминал Вас. Коли тому не брехня, избавитесь от сей неприятной болезни.

Будьте благополучны!

Искренне Ваш,

Мих. Могилянский

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 77–78. Оригінал.
Рукопис.*

№ 46
7 березня 1935
Дмитров

г. Дмитров
7/III [19]35 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Все-таки нет более действительного средства против апатии, как письма с родины: самая грустная Wahrheit звучит чарующей Dichtung... по крайней мере результативно приближается к воздействию последней... Уж до чего грустна Ваша Wahrheit! Сколько бы ни привыкал — nih admirari, а все же «изумляешься» тому превышению обычной меры «презренных душ презрения к заслугам», какой обнаружил «почтеннейший» С. С. в отношении Ник[олая] Прок[офьевича] в квартирном вопросе. А я его до сих пор считал порядочным человеком. Впрочем, м[ожет] б[ыть], и тут поведение его не следует относить на счет непорядочности, относя объяснение сему поведению на счет очень уж упрощенного устройства его «чердака»?

Но кто же автор «принципиальной установки» — академикам квартир не давать? Вот тут на принципиальной почве надо давать бой, доводя его до наивысших инстанций, — пока ведь нигде, никем и никогда установлено не было, что академики — это одна из категорий, если не лишенных прав, то «ограниченных в правах»... И, м[ожет] б[ыть], полезно бы начать с обращения к президенту ВУАН. Должен же он защищать интересы академика! Ну, а что касается «активной общественной работы» и «научных заслуг», то по первому вопросу не очевидно ли, что у человека под 70 лет (да еще больного) активность

в прошлом, а не настоящем, а по второму — прежде всего, — а судьи кто? Не смешно ли, чтобы научные заслуги оценивали столь глубоко невежественные персонажи, как С. С.? Я уже не говорю о том, что с чисто формальной стороны — звание академика как будто уже неоспоримо свидетельствует о наличии научных заслуг. Но пусть — nous avons changé tout cela! Однако, при всех переменах надо же ориентироваться на какой-н[и] б[удь] действительный авторитет, а не на усмотрение «мальчиков без штанов», каковыми некоторые остаются и в почтенном возрасте С. С-ча! Так что касается авторитетов, то ведь Ленин же весьма основательно утверждал, что в науке «нельзя ступить шагу», игнорируя работы буржуазных ученых. Нельзя у последних учиться идеологии, но их работы надо целиком использовать для наших целей... И вот великолепное презрение С. С-ча к научным заслугам пусть наибуржуазнейших ученых (вытекающее единственно из не устаревшей истины: «если человек глуп, то это, обыкновенно, надолго») — есть в сущности разрыв с ленинизмом... И в возможности такого разрыва на киевской почве сказывается глубочайший провинциализм столичного Киева. Мне кажется, что здесь подобное уже изжито. По крайней мере, напр[имер], осматривая Дмитровский «музей», я нашел и фотографические снимки заседания земского собрания, состава городской управы, списки всех председателей земской (Дмитровской) управы, списки всех городских голов и т. п. — т[о] е[сть] все то, что наши умные и «ученые» С. С-чи, не задумываясь сочли бы за достаточное основание к очередному воплю — *saveant consules!*

Фу, действительно, правы Вы, милая Наталья Дмитриевна, что «скучно на этом свете», если все еще приходится нам дебатировать на подобные темы!

И это в то время, когда вокруг совершаются такие эпатажные вещи, как, напр[имер], здешние работы, имеющие, между прочим, превратить в анахронизм старое утверждение — не течет река обратно! Еще год-два и это утверждение устареет! Вот тут уж совсем не «скучно»! И, если мне удастся (на что

несколько надеюсь), хоть в малой мере приложить свои силы к здешней увлекательной работе, моя апатия, наверное, растает, как снег под лучами весеннего солнца. А пока... Наталия Дмитриевна, Наталия Дмитриевна! Как это можно сохранять столько идеализма, чтобы утверждать (по поводу мысленных цветов), что желание выше осуществления?! Во всяком случае меня в данном конкретном вопросе «желание» весьма мало устраивает, тогда как «осуществление» цветочных подношений было бы сопряжено с ликвидацией моей ностальгии. Пока же перспективы ее ликвидации весьма проблематичны и целиком относятся к письменам... вилами по воде... Выиграть бы рублей 100 в какой-н[и]б[удь] «пяtilетке в 4 года» и опять я побежал бы «по улицам знакомым», и даже ни лица плащом не закрывая, ни очей шляпой... Но надеяться на выигрыш, не имея облигаций, не значит ли уподобиться тем рыболовам, которые удят там, где нет рыбы (Ницше)?!

А вот — возвращаюсь к началу — задали Вы мне задачу, — никак не пойму, какой это мой бывший помощник подвизается вместе со Ст. Ст. в деле вентилирования кандидатур? Едва ли это Тарасенко или Кульчицкий, а других помощников у меня как будто не было? Не назовете же Вы моим бывшим помощником Ив[ана] Ив[анови]ча? Во-первых, сей последний был моим «начальством», а не помощником, а во-вторых, «помогал» он мне разве так, как веревка помогает повешенному... Та-та-та! Вдруг молния догадки вот сию секунду прорезывает мое сознание, — не о Миките ли Миновиче говорите? Был, был у меня такой помощник, хотя помощь его исчерпалась тем, что он раз 7–8 получил жалование... Его право «суждение иметь» о чьих бы то ни было научных заслугах не превышает, конечно, меры его помощи мне... Горьким смехом моим посмеюсь!

Что касается Иванушкина (кстати, спасибо за адрес, а то я не знал его транскрипции... № и т. д., да и не знал, что он живет в библиотеке), пока что речь шла не столько об адресе, сколько о деликатной просьбе моей вернуть рукопись моей большой работы о Коцюбинском, данную ему по его просьбе

еще в конце прошлого мая. Написать? Конечно, не вышлет. Поручить кому-нибудь получить — все же надежнее. Хотя, увы, есть некоторые симптомы того, что и тут надежды не очень значительны... Подлинник работы украли воры вместе с чемоданом... Если Иванушкин не возвратит копии, то в отношении этой работы для меня его роль уподобится воровской...

Выход «Людоловов», конечно, событие на укр[аинском] литературном фронте: не был ли Киев по сему поводу украшен флагами? Если нет, то и она — Зинаида — имеет право жаловаться на «презрение к заслугам»... Дм[итрия] Моис[ееви]ча видел только один раз (12/III), да и вообще я же в Москве был всего 2 раза. Вот послезавтра (после женского дня) собираюсь ехать, навещу и Дм[итрия] Моис[ееви]ча. Вот видите, как Ваше письмо раскачало меня, а еще жалуюсь на апатию! Что же было бы, подумаете Вы, если бы не было апатии?!

И у нас весной начинало пахнуть... а сейчас опять солидные (не очень — 3–6–9–12) и устойчивые морозы при ясной погоде.

Больше всего утешения мне доставляет мысль, что вот если бы в одно прекрасное утро надумался я ехать и выехал из Дмитрова — Москва-Брянский вокзал... то завтра же вечером уже мог бы пить на Тарасовской чай... А когда об этой возможности забываешь, начинаешь ощущать, будто живешь на другой планете... И это тягостно!

Очень прошу Вас и Николая Прокоповича не болеть! Привет Миколі Прокоповичу сердечный!

А я таки купил мемуары Л[онгина] Ф[едоровича] Пантелева. Не безумие ли? И еще надеюсь купить 4-й том мемуаров Чичерина. И надеюсь на этом надолго поставить точку. Пора поставить ее и в письмо. Надеюсь, не так надолго. Найдут ли мой список? В этом я не уверен, увы, и это тревожит. Впрочем не очень. Ко всему привыкаешь...

Всего лучшего!

Ваш Мих. Могілянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 79–81. Оригінал.
Рукопис.*

№ 47
18 березня 1935
Дмитров

Дмитров (Моск[овская] обл[ась])
М.В.С. 1-й коммунальный дом.
Комната 47.

18/III 1935 г.

Спасибо, милая Наталия Дмитриевна, за письмо и «трудо-
вой список», хоть в нем и действительно немного «ствердже-
но документами», но все же Вы ошибаетесь, будто «стверджено
документами» только последний (ганебный) пункт. Но в конце
концов, если бы это было и так, то и тогда бы пункт, свидетель-
ствующий о десятилетней работе в академии, хотя бы и закон-
чившейся «изгнанием» с приведенной там мотивировкой уже
кое-что, а не совсем пустое место. Однако там «стверджено»,
повторяю и еще кое-что. А кое-что имеет двоякую отметку:
напр[имер], рождение и образование — рядом с отметкой «не
підтверджено документами» имеют и загадочную вторую от-
метку о справках, удостоверяющих сведения графы. Загадоч-
ной я называю эту отметку потому, что не понимаю, почему
справки (довідки) Черниговск[ой] гор[одской] управы о ро-
ждении, и Одесского крайархива об образовании — названы
«Аросівними» довідками? Что оно за зверь «Аросівна довід-
ка», — я так и не понимаю. Вообще же «трудоу список» напи-
сан скандально небрежно. Достаточно того, что по националь-
ности я оказался «українкою». Слово чести, так и написано —
«українка». Оказывается, то, что свыше сил даже английской
палате общин (из мужчины сделать женщину), легко делается
ВУАН! Городня (где я мирсудствовал) дважды названа правиль-
но, а дважды — «Бородней», «Берадней», «Централ» (Централь-
н[ый] сельскохоз[яйственный] кооператив) почему-то произве-
ден в «Центрархив», в котором неожиданно нашелся «Підвідділ

Бурякової кооперації». Ну, черт с ними! «Нумо так проживать!», как поют «старці» в песне о Ереме и Фоме... Ну, и чтобы с этим раз навсегда покончить, — раз уже у Вас там в канцелярии хорошие знакомые, не можете ли Вы мне исхлопотать у них «довідку» (хотя бы и «аросівку»), которая бы заключала в себе только одно краткое сведение: «сим удостоверяется, что имярек с 18/VII 1923 состоял научным сотрудником и постановлением президиума от 2/XII 1933 уволен от занимаемой должности» (без всякой ганебной мотивировки). Такие удостоверения выдали тогда всем уволенным — Новицкому, Камышану, да и мне (за подписью того самого славного Дураковского, но с приложением печати ВУАН). У меня, как знаете, в прошлом же году эту «довідку» в Ленинграде на трамвае из кармана изъяли неизвестные похитители. Когда же, вернувшись, я обратился с просьбой о дубликате к Адамовичу, он сказал: это в 5 минут можно выдать и приказал выдать. Выдали, но не прописали, с какого времени я работал в акад[емии]. На завтра я пришел с просьбой приписать, а неизвестный мне служащий порвал справку и сказал, что таких справок выдавать нельзя, а предложил получить копию труд[ового] списка. Ругался я тогда с зав[едующим] канцелярией, тот сослался на юрисконсульта, но оный оказался тут же и сказал, что дубликат подобной справки выдать можно. Зав[едующий] канцелярией тогда потребовал, чтобы ему дали копию выданной мне при увольнении справки, но Кухаренчиха сколько ни искала «в отпусках» ее не нашла. Были отпуска подобных справок, выданных Новицкому, Камышану и многим другим, а моей не нашлось... А зав[едующий] канцелярией уперся: нельзя выдать «дубликата» того, чего не сохранилось оригинала. И не дал. Так я и остался с «Трудовым списком».

А мне бы очень лестно иметь подобную справочку. Если возможно, буду весьма, весьма благодарен. Увы, не знаю, когда и чем Вас отблагодарю? Разве тем, что умру или вдали от Киева, или если в Киеве (едва ли), то в хорошую погоду и, значит, не за-

ставлю Вас ходить на мои похороны «в ветренную и холодную погоду», как заставил это сделать бедный Илья Захарович...

Ненадежный он был, когда я прощался с ними, но все же Ваше сообщение о его смерти очень удивило (такие, обыкновенно, долго скрывают), а еще более огорчило меня: я его очень любил, интересный и многознающий, и хороший был человек! Чем он болел три месяца? Что касается его тоски в связи с аварией, то ведь авария его не была очень катастрофической, он ведь получил довольно хорошую пенсию? А кроме того, увы, тоска — знаю это по собственному опыту — не так уж «убийственна». Уж на что подвержен я этой тоске (и тоже в связи с аварией), а вот никак не добьет она меня, о чем иногда искренне сожалею (когда тоска достигает непереносных степеней). Бывает даже, что сожалею о том, что наличие детей не позволяет мне самому помочь этой недостаточно «убийственной» тоске...

Непрременно напишите мне, чем болел Илья Захарович, как зовут его жену (стал забывать имена и отчества) и как ее адрес.

Не думайте, однако, что я совсем не борюсь с апатией, не стараюсь наполнить чем-н[и]б[удь] жизнь. Всемерно стараюсь! Увы, в руках моих для этого не слишком много средств — почти что одно только чтение! Правда, на днях имел такое интересное чтение, как IV том Записок Б[ориса] Н[иколаевича] Чичерина, а сейчас приступил ко 2-му тому переписки Чайковского с фон Мекк. Тут удовольствия хватит надолго (том в 600 страниц! Получил его в подарок). А Чичерина при первой возможности доставлю Вам на прочтение. Очень интересная книга! А еще будет V т[ом] (Мои родители и их общество. Мое детство). Увы, одним чтением ни тоски не победишь, ни от апатии не защитишься, ни жизни, как следует не наполнишь. Ну вот, в ближайшие дни надеюсь приступить к писанию мемуаров. Чичерин говорит, что писание мемуаров наполнило содержанием 6 лет его жизни (осень и зиму). Но, конечно, он имел для того более подходящую обстановку.

Имею я еще некоторые надежды, но как вообще трудно многое в 60 лет! А «сознание» почему-то абсолютно не преис-

полняется какими-либо модификациями, зависящими от возраста. Сознание сейчас абсолютно ничем не отличается от сознания, каким оно было и 5, и 10, и 15 лет тому назад... Хорошо это или скверно? Не знаю. Вот что поехать в Москву и целый день провести на ногах в хлопотах, очередях, переговорах — трудно, утомительно, что это плохо, хорошо знаю, протестую, не соглашаюсь... увы, безуспешно, абсолютно безуспешно! Сегодня получение копии трудсписка опять возбудило у меня зуд — писать в президию просьбу пересмотреть свое постановление, не полагаясь на «заключение» и в своей специальности не очень сильных Кокосек да Кравченко, храбро взявшихся судить о том, чего они уж совсем не знают (история и теория литературы), а ознакомившись с моими работами, имеющимися в портфелях академии... Знаю, что это только трепать себе нервы. Но что я от сего воздержусь, ручаться никак не могу. «Зуд» иногда принимает характер «недуга»...

Привет бедным «беззаботным» М. Ив., Ир. [нрзб.]... Привет сердечный Миколі Прокоповичу. Еще раз большое Вам спасибо за все хлопоты по моим делам. Чувствую себя перед Вами неплатным должником.

Мечтаю посмотреть «Гамлета» в Еврейском театре. Видите — тоска тоскою, а живучесть рядом с нею какая-то неистребимая, даже странно! Ну, желаю Вам всего лучшего! А Вас[илий] Мих[айлович] (вот свинья-то!), очевидно, не желает возвратить мне рукописи моей работы. Ну, что делать с такими «порядочными» людьми?! Да мне — черт с ним! Мне бы только рукопись выручить.

Бувайте!

Искренне Ваш,
Мих. Могілянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 82–85. Оригінал.
Рукопис.*

№ 48
24 березня 1935
Дмитров

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.

Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.

Дмитров. 24.3.35.

Киев. 27.3.25.

Дмитров,
24/III [19]35

Милая Наталия Дмитриевна!

Сейчас получил Вашу открытку от 21-го и это наглядно доказывает, что путь от Дмитрова на Тарасовскую и обратно совсем не так далек, чтобы письму, посланному 7-го доходить 16-го (!). Читая Ваше письмо от 12-го — с трудсписком — дошедшее только 18-го (в тот же день и ответил заказным) — я определенно чувствовал, что письма моего от 7-го Вы еще не получили. Запоздание некоторых писем объясняется, очевидно, причинами атмосферическими и приходится утешаться, что в конце концов они все же доходят — лучше поздно, чем никогда! А на днях я имел рекорд — послал заказное дочке в Днепропетровск 17-го после 12 ч[асов] дня, а 22-го уже утром получил ответ... Если и мое письмо от 18-го и Ваш ответ на него подвергнутся опять неблагоприятным атмосферическим влияниям, все же около 30–31-го (насчитывая один день на ответ) я должен получить Ваше письмо, которого жду с тем большим нетерпением, что, очевидно, оглупев (вероятно, это действие тоски: одних она убивает, к другим более гуманна — только оглупляет их), так вот оглупев, я совсем не разбираюсь в инициалах Вашего обещания (конечно, кроме приснопамятных инициалов И. И.!) и тем более заинтригован Вашим сегодняшним обещанием. До последней степени заинтригован! Жду и надеюсь

на скорое письмо. Привет Миколі Прокоповичу. Давно тшетно жду ответов на два письма Виктору Александровичу. Тоже скоро напишу обстоятельно. Всего лучшего.

Ваш Мих. М.

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 86–86 зворот. Оригінал. Рукопис.

№ 49
25, 27 березня 1935
Дмитров

Дмитров (Московск[ая] обл[ась])
М. В. С. 1-й коммунальный дом.
Комната 47.

25 березня 1935

Ну, и задали Вы мне, милая Наталия Дмитриевна, загадку! За эти сутки десяток раз перечитал Вашу открытку, силясь разгадать инициалы в Вашем обещании по получении моего письма написать большое письмо «об И. И., М. М. (конечно, это он), С. Р. и (?) общих друзьях» (? неразборчивое слово — «наших» — «их»?)... И ничего не соображаю, кроме, конечно, сердцу милых и приснопамятных инициалов — И. И. Эге! Вот сутки бьюсь над этими инициалами, ничего не соображая, а сейчас написал эту фразу из Вашего обещания и туман, как кажется, начинает проясняться! Не относится ли М. М. ко мне? Т[о] е[сть] — «Михаил Михайлович, конечно, это он» (он, т[о] е[сть], И. И.), не следует ли дальше читать не С. Р., а С. С.? Если догадался, значит, «тоска» (о, какая ужасная, бездонная тоска!) еще не совсем оглупила меня и только сделала несколько «тугим на голову»... И на том пока что приходится благодарить судьбу, от которой ведь, как известно, «защиты нет»... С нетерпением ожидая, что, несмотря на неблагоприятные «атмосферические явления», письмо мое в ответ на Ваше (с трудсписком) все же дойдет до

Вас (так до сих пор бывало), а тогда Вы напишете обещанное «большое письмо» и оно тоже, в конце концов, дойдет ко мне (надеюсь, что оно уже в пути), — я все же и себе, и Вам от души желаю наступления того вожделенного времени, когда все эти И. И. да С. С. выпадут из сферы наших интересов и мы просто забудем о их существовании, как они того вполне заслуживают, забудем, что они просто портят воздух нашей величественной эпохи... Я глубоко уверен, что для меня по крайней мере это время непременно придет, если раньше не задавит меня все *crescendo* действующая тоска...

Сейчас мне кажется (вероятно, иллюзия!), что коснись мои подошвы киевской почвы, если не совсем прошла бы, то пошла бы *diminuendo* моя проклятая тоска. Но ведь ниоткуда не выглядает даже кончик хвостика светлой надежды, обещающей моим подошвам соприкосновение с киевской почвой! И вот только жадно ловлю, как даже у «чужинца» мой милый Киев вызывал красноречивые строки: «Тут я впервые увидел этот перл русских городов, расположенный на высоком берегу Днепра, с старинными златоглавыми церквями, утопающий в зелени, с стройными тополями, с прелестным видом на окрестность»... и т. д., и т. д., что Вы прочтете с не меньшим, чем и я, удовольствием, когда я сумею доставить Вам 4-й том «Воспоминаний» Б[ориса] Н[иколаевича] Чичерина.

Любил Киев и Чайковский, тоже восхищавшийся им «проездом через здешний город»... Кстати, с громадным интересом прочел II-й том переписки Чайковского с фон Мекк. М[ожет] б[ыть], немногие одолеют эти тома по 600 стр. переписки, полной мелочей, часто будничных, личных, совсем не имеющих «общего» интереса. А я вот с таким же интересом проглотил и второй том, с каким еще в Киеве глотнул 1-й, а теперь с нетерпением жду дальнейших томов... И для меня главный интерес переписки не в странности ситуации: оживленная многолетняя переписка и упорное нежелание обеих сторон встречи, дело доходит до того, что Чайковский приезжает к ней «в гости» — в имение (Браилов) — во Флоренции, в Пари-

же они уже неоднократно «встречались» без встреч, т[о] е[сть] жили одновременно, иногда на одной улице, ограничиваясь... деятельной перепиской. Но вот Чайковский приезжает к ней в гости в Браилов... и поселяется на хуторе в 3-х–4-х верстах от усадьбы, — там на хуторе ему все приготовлено, приставлен штат прислуги, определен выезд etc., etc. И вот живут, переписываются. Наконец, фон Меккша как-то предлагает — завтра от 3-х до 7-и мы всей семьей выезжаем в лес, не посетите ли Вы наш дом, посмотрели бы новую мебель, новые картины, книги, ноты?.. Чайковский принимает приглашение и в назначенное время приезжает в пустой дом «в гости» (в отсутствие семьи он как-то уже жил в этой усадьбе с недельку, если не больше, все осматривает, пьет чай, а перед семью часами возвращается «к себе» — в хутор...

Так вот, — для меня главный интерес книги не в этой экстравагантности отношений. Он даже и не в интересе материала, знакомящего с художественным развитием музыкального дарования, хотя многие оценки, многие высказывания по музыкальным вопросам интересны не только для специалиста, но и для такого дилетанта в музыке, как я. И даже этот интерес не исчерпывается тем, что переписка дает цельную историю «обывателя» второй половины 19-го века (исключительная творческая одаренность не мешает Чайковскому оставаться типичным «обывателем»). Но история «обывателя» все же интересна и поучительна. Она богата исключительно драгоценным материалом для важнейших обобщений и значительных выводов. Но еще интереснее и поучительней слагающаяся из самых неинтересных мелочей личного, мелко-будничного, ultra прозаического в аспекте синтеза, картина обыкновенной, обыкновеннейшей жизни человеческой (безотносительно к дарованиям исключительно одаренного: «дарования» для главного интереса книги не очень существенны)... Боюсь, однако, что Вы найдете в этом, если не «завиральные идеи», то завиральные настроения, завиральные представления. Но что же поделаете, если я действительно нахожу, что такой бога-

тый комплекс мелкого, будничного, личного, «неинтересного» в конечном счете интереснее такого «уродства», такого «ненормального», каким является гений, исключительная одаренность, блестящий талант. Тем более, что и гений ведь не свободен от самого мелкого, от «человеческого, слишком человеческого», да и не имел бы никакого смысла, если бы его «уродство» не фосфорицировало и огни того фосфорицирования не озаряли по-иному многое из мелочей «человеческого, слишком человеческого».... Ну, а что касается Вашего опасения, что посланный Вами трудсписок пропал, то меня удивляет Ваше меланхолическое замечание: «квитанция есть, но что от нее толку?». В квитанции нет толку, если посланное дошло, а если оно пропало, квитанция становится реальной ценностью, превышающей в данном конкретном случае мнимую ценность такого документа, как мой злосчастный трудсписок, особенно, если последний так легко повторим. Не подумайте, однако, из сего сделать вывод, что мне этот документ был не так уж нужен. Совсем наоборот! «Нелепо быть» человеку бездокументным, а Вы положили почин моему наново обростающему документами, справками, удостоверениями... И я Вам за это весьма, весьма признателен...

Завтра с утра рассчитываю отправиться в Москву (с возвратом на ночь «домой» — в Дмитров). Надеюсь, что завтра-послезавтра придет и Ваше обещанное большое письмо, а тогда я захочу свое, ныне прерываемое до... «продолжения в следующем №-е».

А пока — спокойной ночи!

Ваш Мих. Могилянский

27/III. Ну, милая Наталия Дмитриевна! Приходится мне писать Вам, не ожидая Вашего столь ожидаемого письма, ибо вчера был в Москве и от Дм[итрия] Моис[еевича] услышал, будто Вы заболели гриппом... Так что промедление с письмом может уже в своих причинах «перерости» из влияний атмосферических, к которым можно относиться спокойно, в обсто-

ятельства, наинеприятнейшие в жизни, ибо что может быть неприятнее недугов?! И Вам, и себе очень желаю скорее победить сквернейшего из врагов — болезнь. Очень хочу скорее получить обещанное Вами длинное письмо, которое и будет лучшим свидетельством о над врагом одолении. Вчера, подходя к дому, в котором живет Дм[итрий] Моис[еевич], я видел, как от подъезда отъехал авто. Оказалось, что в нем отъезжал Владимир Иванович Вернадский. Очень было жалко, что я не повидался с ним. Опоздал всего на одну минуту. Случайно вчера же в политкаторжанском словаре встретил Яшу Ждановича и был им увлечен к нему, где обедал и уже прямо от него отбыл на Савеловский вокзал. Жену его (Галю) застал в постели (лежит уж полтора месяца, но обещает на днях встать). Представьте себе, они не знали о смерти Марии Николаевны. Жду от Вас сообщения об имени и отчестве и адреса жены Ильи Львовича Давидсона, но больше всего жду известий о здоровьи. Привет Миколі Прокоповичу. Москва великолепна! Но мне бы, мне бы кусочек Владимирской горки!

Addio!

Ваш Мих. М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 87–90. Оригінал.
Рукопис.*

№ 50
3–4 квітня 1935
Дмитров

Дмитров (Моск[овская] обл[ась])
М. В. С. 1-й коммунальный дом.
Комната 47.

3/IV [19]35

Еще 31 марта получил я, милая Наталия Дмитриевна, Ваше давно обещанное письмо, но в тот же вечер случилось со мною

очередное несчастье: потерял очки... Чувствую, как Вы смеетесь надо мною, но прискорбный случай на этот раз оправдал мой старый Кандидовский оптимизм: все к лучшему в наилучшем из миров... Во-первых, вчера пошел к окулисту и он (впрочем, она) прописал мне 4 диоптрии вместо 3,5, а во-вторых, сегодня вместо тех паршивых очков, которыми пользовался после утраты роговых, получил опять роговые... Хорошо все, что хорошо кончается. Ну, а Дмитров после того, как размокорогодило под дыханьем весны, да еще пошел сегодня дождь, еще больше стал напоминать мне приснопамятную Городню, которую кто-то из земских гласных как-то в пылу полемики на губ[ернском] з[емском] собрании назвал «паршивую Городнею»... Но, конечно, в этой квалификации было значительное преувеличение, с которым я и тогда не соглашался. Так что не подумайте, пожалуйста, чтобы я подобным образом мог отозваться о Дмитрове, где я нашел гостеприимный притулок на 62-м году своего земного странствования. Сам по себе Дмитров совсем хорош, а близость Москвы — дистанция огромного размера — это я о Москве, а не о расстоянии от Дмитрова до Москвы — близость Москвы, конечно, большое достоинство Дмитрова. И важно не где живешь, а как живешь? А что касается «как», то сегодня одна моя старая знакомая из Ленинграда (в письме) озадачила меня вопросом, отчего, собственно, Вы так скучаете, раз книги есть, времени свободного много, а временами имеете возможность бывать в Москве и вращаться среди знакомых? Но я не долго думал над этим вопросом. Ответ ясен: во-первых, я не скучаю, а смертельно тоскую. А во-вторых, мне ясно, в чем дело: имею прекрасную обстановку для доживания (и книги, и свободное время, и поездки в Москву!..), но никак не могу примириться с позицией доживанья: хочу еще не доживать, а жить! А возможности жить, возможности творческой работы подрезаны, как Вам известно, в корне... Счастье неимения свободного времени, счастье усталости от работы может оценить только тот, чье время — все свободно, кто устает от безделья, от неимения занимающей его работы. А Вы, видимо, хотели что-то рассказать мне о «трех

мушкетерах» от киевской науки и потом расхотели, ограничились только напоминанием о занимаемых ими постах. Вы помните, что в «Трех мушкетерах» их было собственно... четыре... И вот я считаю, что к Вашим С. С., И. И., М. М. по заслугам надо причислить и Ф[едора] А[ндреевича] (Козубовского), а о всех четырех надо сказать, что «посты» ими занимаемые весьма мало выигрывают от кричащей нелепости замещения их подобными пентюхами, авантюристами от науки. И назовите меня неисправимым оптимистом, а я убежден, что мы еще с Вами доживем до их ликвидации с этих постов. Ведь наука же дело серьезное и пролетариату очень нужное. И как только присмотрятся к тому, кто эти посты занимает (пока, очевидно, для этого не было времени), так и погонят этих тупиц умственно ограниченных, невежественных и бездарных... Мне кажется, что это на очереди и на не очень далекой очереди, ведь жизнь, действительно, ставит все более ответственные задачи, а разве не насмешка, чтобы к исполнению этих задач были приставлены эти «мушкетеры»?! Уже достаточно компрометантно, что они досидели до сих пор, но просто заняться этим было пока что некогда, да и при перестройке всего иногда неизбежно создается обстановка, в которой преуспевают мелкие людишки, приспособляющиеся ко всему и делающие вид, что они-то и есть соль земли. Ликвидируя классовых врагов на ответственных постах, ликвидируют и тех, кто напяливает на себя тоги цензоров, наблюдающих за интересами *respublicae*, которые им идут, как корове седло... И, м[ожет] б[ыть], придет время, когда разберут, что были случаи зачисления в классовые враги по стараниям усердия — не по разуму — не очень блиставших разумом «мушкетеров»... Я, напр[имер], за 1/2 часа берусь убедительно доказать каждому непредубежденному человеку, что мои «буржуазно-реставраторские и националистические уставы», попавшие в мой трудсписок, — глупое измышление и клевета «мушкетеров»¹¹⁹. Но как Вам, вероятно, надоели мои

¹¹⁹ За невозможностью для них научных достижений (по умственной ограниченности и невежеству) они «карьерствовали» изобличением классовых вра-

рассуждения на эту тему?! Не даром же Вы расхотели «писать об этих персонажах», хотя собирались писать по собственной инициативе... И я это понимаю, ибо часто испытываю мертвящую скуку от того, что не умею отойти от мысли об этих ничтожествах... Впрочем, кто бы об них думал, если бы они не занимали тех «постов», о которых Вы пишете? Разве мы их вспомним когда-н[и]б[удь], как только их уйдут с этих постов? А что это будет скоро, я убежден, ибо знаю, что пролетарскому государству в его грандиозном строительстве нужна полноценная наука, как воздух, свет, вода и еда всему живущему! Вы пишете, что Иванушкин не живет в ВБУ, куда же ему адресовать? Мне надо ему написать. Еще прошу сообщить мне адрес, и имя, и отчество жены Ильи Львовича Давидсона, если Вы этот адрес доставить без затруднений можете. А пока — спокойной ночи!

4/IV [19]35 г.

Ну, а случай с «аросівкою» (довідкою) еще раз демонстрирует меру моего дмитровского отупения. Ведь я ломал себе над этим голову не день, не два, приставал с вопросами, думал, это какой-то «технический» термин. Совсем анекдот! Кстати, из Одесского обл[асного] архива я уже получил «аросівку» довідку (только без этой «опечатки») о выдержании в 1903 году государственных экзаменов по юридич[ескому] факультету при Одесском ун[иверсите]те. Словом, понемногу обростаю довідками. Нужно ли это? Над сим не задумываюсь, ибо всегда помню, что —

*«Что нужно нам, того не знаем мы,
Что знаем мы, того, увы, для нас не надо!»*

Шлю Вам і Миколі Прокоповичу весенний привет. Но весна — это мое больное место! Ведь тутешняя меня не удовлетворяет, сердце просит и жаждет киевской весны!..

гов, а за неимением таковых или неумением их находить там, где они действительно есть, они просто выдумывали и клеветали... Ну, да черт с ними!

Приезжал ли на сессию Д[митрий] И[ванович] Эварницкий? Думаю, что нет. Тревожно, по-весеннему каркают вороны: невылазная грязь и это карканье — пока вот и все по части симптомов весны. Но иногда выйду в поле, оглянусь и вдруг — хорошо!..

*...І в темній ямі, як на те
Зелена травка поросте.*

Без этого, действительно, задавила бы тоска, от которой, как видите, пока спасают «нечаянные радости»... Ну, не гриппуйте только! Всего, всего лучшего!

Ваш Мих. Могілянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 91–93. Оригінал.
Рукопис.*

№ 51

7 квітня 1935

Дмитров

г. Дмитров, Моск[овская] обл[ась]
7 апреля [19]35 г.

В неизменной моей уверенности, что все атмосферические явления — преходящи, я всегда находил, милая Наталия Дмитриевна, большое утешение и убеждение, что оптимизм не всегда неоснователен... Вот Ваше сегодняшнее письмо двусторонне подтвердило, что влияние атмосферических явлений на скорость почтовых сообщений более или менее случайно и не будет перманентным... Тем более уверен, что Ваши жалобы на киевскую «гриппозную» погоду, справедливые утром, могут к вечеру смениться весенней улыбкой, вдруг преображающей все вокруг и сразу меняющей настроение на все сто процентов... Что же касается отсутствия у Вас «счастья» от прикосновения подошв Ваших к «поганым» киевским мостовым, то могу сказать одно: что имеем не храним, поте-

ряем плачем... Но слезы мои о киевских мостовых совсем не означают, чтобы я идеализировал последние. Больше того, я очень хорошо знаю, что в первый же день возвращения мне «счастья» — попирать моими подошвами киевские мостовые, я полностью переживу и бездну огорчений и неприятностей... И все же, все же это не мешает моей тоске от разлуки с киевскими мостовыми временами достигать болезненной остроты и мучительности... М[ожет] б[ыть], это оставляет свои следы на общем состоянии нервной системы и мозга, которые когда-н[и]б[удь] скажутся при каком-н[и]б[удь] случайном гриппе. А пока что:

Журба мене сушить, журба мене вялить,

но с ног все же не «валить», как этого ждет с неизбежностью поющий эту песню...

Конечно, я много крепче стоял бы на ногах, если бы смог приобщиться к здешнему грандиозному строительству. Но как это сделать, если мой «формуляр» (трудсписок) так «изгажен» той клеветой, какая внесена в мотивировку моего увольнения из ВУАН стараниями умственно и морально убогих Иванов Ивановичей?

И все же я пока что не теряю надежды на то, что из прекрасных условий мирного доживания вернусь хотя бы к самым посредственным условиям жизни, для чего прежде всего нужна постоянная работа... Вот все собираюсь писать в президию просьбу пересмотреть мотивировку моего увольнения (в сущности, подsunутую президиуму историческим циклом при участии «честного маклера» в лице Козубовского и президиумом утвержденную без проверки. «Деятельность Могилянського — достаточно освещена в нашей прессе» — сказал тогда «ученый секретарь» президиума Адамович.) Но ведь теперь президиум знает цену Адамовичу?! И все же живет во мне, очевидно, подсознательное убеждение в безнадежности обращения к президиуму, по крайней мере ежедневно откладываю это «на завтра». Так,

м[ожет] б[ыть], это «завтра» никогда и не настанет!.. Впрочем, я в этом не уверен.

Очевидно, я написал Вам неясно: моя «встреча» с В[ладимиром] И[вановичем] Вернадским ограничилась встречей с автомобилем, в котором он отъезжал от подъезда Дм[итрия] М[оисееви]ча. Только от последнего, когда он на мой звонок открыл дверь, я и узнал, что это отъезжал Вернадский... А «описания» посещения Дм[итрия] М[оисееви]ча в моем письме не было, потому что была двучасовая милая беседа обо всем на свете... и только.

«Описывать» в сущности и нечего. Дм[итрий] М[оисееви]ч мил и приятен, как всегда, а настроение у него какое-то подавленное и угнетенное.

Из Ваших сообщений о «сессии» меня порадовало свидетельство о людской живучести: сколько их (или по ним) били, а они и сейчас доклады читают, а также подтверждение моего убеждения в излечимости коросты. Последнее относится к «превращению в ничто» Агола. (По-видимому, это было только оформлением уже раньше состоявшегося фактически «превращения в ничто» одного из «мушкетеров», не так ли?). Но так или иначе — все же короста успешно ликвидируется. Правда, иногда ликвидированная в одном месте (ВУАН), она вспыхивает в другом (ВБУ — «консультант», редактор библиографических изданий). Дайте срок! Умственное убожество и невежество гарантируют, что придет час ликвидации его и на сих славных постах... Конечно, до этой ликвидации он еще будет нестерпимо портить воздух... единственное к чему способны существа, «защищающиеся вонью» (помните, Гейне?).

Спасибо за сообщение адреса Евгении Самойловны. Я и адрес в натуре хорошо знаю, и даже № квартиры помнил, а №-а дома не знал, и что зовут ее Евгения Самойловна знал, но не был уверен. А что его зовут Илья Львович знал твердо, и «Григорьевич» вышел в результате непонятной описки. Еще раз спасибо!

Простите, еще раз об Аголе: академиком он все же остался ведь? Так что не очень-то уже и в «ничто» он превращен. Хотя,

конечно, после недавнего головокружительного взлета — «только академик» и ему самому психологически может казаться ничем! Но Агольская психология кому интересна? Requiescat in pace своего академического звания, особенно если для последнего у него есть научные данные (а есть ли, я не осведомлен, да теперь уже и мало интересуюсь, так как от интересов ВУАН в своем «прекрасном далеке» отошел-таки значительно...).

Привет сердечный Николаю Прокоповичу, а Вам обоим категорический императив — не грипповать больше! Всего, всего лучшего!

Ваш Мих. Могиланский

P.S.: Если справка займет не больше 5 минут, сообщите мне в каких №№-ах за «Сто літ» помещены «Спомини» С[офии] Ф[едоровны] Русовой (2 и 3, кажется), как они озаглавлены и в каком № «Записок Істор[ично]-філ[ологічного] відділу» помещена моя (Т. Максимович) рецензия на них под заглавием «Чернігівські мемуаристики»? (около 20 №-а).

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 94–95 зворот. Оригінал. Рукопис.

№ 52
19 квітня 1935
Дмитров

г. Дмитров (Моск[овская] обл[ась])
М. В. С. 1-й коммунальный дом.
Комната 47.

19/IV [19]35 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Вчера после трехдневного пребывания в Москве возвращаясь, застал Вашу открытку от 9-го. Она, очевидно, не избе-

жала атмосферических влияний, во всяком случае почему-то 14-го попала в «Хлебниково» (почт[овый] штемпель), ст[анцию] нашей Савеловской ж[елезной] д[ороги] и только 16-го в Дмитров (от Хлебникова час — полтора езды). Но *finis coronat opus*. Дошла. Чего же больше? Кланяюсь и благодарю. В первую очередь Вас, потом судьбу и, наконец, атмосферические влияния! Как видите, я человек очень благодарный (правда, очень не люблю неблагодарности, да еще ворчливой, придиричливой!).

Так как Вы писали открытку 9-го, когда моего письма от 7-го, вероятно, еще не получили, а последним имели, очевидно, мое письмо от 4-го, то о судьбе письма от 7-го еще не беспокоюсь, но вот смущает то, что Вы в открытке обещаете «на днях» написать, а уже 19-е и обещанного я еще не получил. Если оно задержалось несколько в стратосфере, я жду терпеливо, а если исполнить обещание Вам помешал какой-н[и]б[удь] грипп, — я с этим несогласен...

Получив возможность ночевать иногда в Москве, я вот для первого раза провел там три дня и начал хлопоты по своим делам: был в Ц[ентральном] Б[юро] секции н[аучных] р[аботников], затеял ходатайствовать о пенсии, как полит[ическому] защитнику. Все мои «справки», весьма возможно, только возбуждение новых иллюзий, но совсем без иллюзий, очевидно, трудно прожить, по крайней мере человеку моей закваски (поганой, кажется, закваски)...

Хлопоты так меня поглотили, что за 3 дня даже Дм[итрия] Моис[еевича] не успел посетить. Все же в Москве «хапнули» мои легкие свежего воздуха, а потому настроение улучшилось значительно. Вы подумайте, видел два тома «Писем» Ван Гога (конечно, Academia!) — да это же на месяц материала для несравненного наслаждения хватит! Обещает Academia (сдано в печать!) — пусть трепещут Шевченковисты! — «Архив художника» К[арла] Брюллова!.. Вообще же для 60 лет (да еще «с гаком», да еще с моими усталыми нервами) — Москва трудновата. Все хочется больше, больше взять и оттого порой чувствуешь себя так, что не знаешь, увидишь ли еще завтра свет солнца...

Вчера — мой последний московский денек — меняхватило уже только на то (правда, был выходной день), чтобы посмотреть медведей, тигру, множество уток, лебедей, отвратительного питона и посмеяться над пародиями человека обезьянками... И с тем вернулся «до дому», где должен за сегодня-завтра написать больше десятка «деловых» писем. Письма вообще писать люблю, а вот «деловых» (да еще при малой вере в дело) не люблю. Скучно!.. Увы, приходится и поскучать!

З тим і бувайте! Миколі Прокоповичу щирий привіт і найкращі побажання.

Від Вашого Мих. Могилянського.

P.S.: Увы, должен окончить просьбой — как-н[и]б[удь] передать письмо Марку Григорьевичу Виленскому, однако, передать так, чтобы это Вас не затруднило, т[о] е[сть] не спеша передать сейчас же, а поджидая «случая», когда это можно сделать без затруднений. Я его адреса не знаю, а он может мне существенно помочь.

Бувайте! М.

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 96–97. Оригінал. Рукопис.

№ 53
24 квітня 1935
Дмитров

Дмитров, Московск[ая] обл[асьть]
М. В. С. 1-й коммунальный дом.
Комната 47.

24/IV [19]35 г.

Христос Воскрес! Посылаю Вам свое поздравление, милая Наталия Дмитриевна, с таким расчетом, что, если оно придет на день раньше, умный почтальон попросту на день задержит

его у себя, чтобы к моему — присоединить, к своему удовольствию, и свое...

А я, знаете, в некотором беспокойстве: кажется, 18-го я возвратился вечером «домой» после трехдневного пребывания в Москве и застал в числе прочей почты Вашу открыточку с обещанием «скоро написать»... И вот жду-жду, а каждый день «нічого» не приносит мне «пошта з України», а ведь после того, как Вы писали свою открыточку «с обещанием», Вы должны были получить на завтра-послезавтра еще одно мое письмо, если последнее не залетело куда-нибудь в стратосферу, вместо того чтобы попасть по указанному на конверте адресу на ул[лицу] Тарасовскую в Ваши «собственные руки»... Как видите, беспокойство мое имеет достаточные основания, при моем беспокойном характере перерастающие, б[ыть] м[ожет], границы нормального... Во всяком случае хотел бы скорее получить что-н[и]б[удь] от Вас...

В последние дни занимался писанием пространного заявления в президиум ВУАН. Когда мне его перепишут на машинке, я вышлю Вам копию (для этого и прошу написать с копией), чтобы Вы ознакомились с продолжением моего академического «романа». Хочу еще написать и личное письмо Затонскому с разъяснениями, как он стал жертвой брехливой информации обо мне, преподнесенной жуликоватыми карьеристами Барановичами и просто тупыми Иванами... Окончатся мои писания и на сей раз безрезультатно — буду писать выше. Во всяком случае — я непоколебимо убежден, что не может быть, чтобы в Советском Союзе нельзя было добиться правды и справедливости...

На днях произошел в нашем мирном 1-м коммунальном доме «случай», в котором небольшая собачка... почти что перевернула мое мирозерцание. Было так. Часов около 9 вечера возвращаюсь с прогулки и застаю в нашем мирном доме развороченный муравейник — ? — оказывается в бывшее помещение красного уголка, где теперь живут какие-то погорельцы (как раз на нашем коридоре), забрался отрицатель и любитель чу-

гой собственности. Кто-то застал его на месте преступления, но он выскочил, как бомба и затем его ноги оказались быстрее ног его преследователей... Десятки людей заходили на место происшествия (всякое происшествие ведь заманчивое развлечение в однообразной жизни, *sui generis* «остранение» ее), десятки рук рылись в разбросанных вещах, торопясь установить, что именно пропало... Но вот надумали — позвать «ищейку». Я злорадствовал, — черта лысого найдет ищейка! Да ведь она станет бросаться на всех, кто заходил в комнату, кто рылся в вещах... Позвали. Ничего подобного не произошло. Собачка понюхала, понюхала, а затем с поднятой головой бросилась к выходу и повела в темноту дмитровских улиц... Я помню лет 20 (с гаком) тому назад в прелестный день начала апреля — я стоял возле египетских сфинксов на набережной Невы среди несметных толп народа, укрывших все набережные, мосты, крыши... Ждали «почти полного» солнечного затмения. И я помню — признаюсь в этом — с каким злорадством у меня шевелилось страстное желание, чтобы затмения не было. Знал, что будет, а всеми фибрами души хотел, чтобы не было! С собачкой было несколько иначе. Я вовсе не был уверен в ее успехе, совсем наоборот: была уверенность в ее неуспехе. Но почему-то (почему? Какие потемки человеческая психика!), почему-то страстно хотелось, чтобы собачка «провалилась». Но, представьте себе, и часа не прошло, как собачка «накрыла» и притон, куда вещи уже были сданы, и вора, который уже почивал на лаврах и предавался невинным удовольствиям на вырученные деньги. Успех собачки мне не то что неверящему, но не постигающему радио, беспроводного телеграфа и других вещей в этом роде, был еще более непостижим, чем сии удивительные, всегда мною воспринимаемые, как мистификация, вещи. Недаром же я говорю, что собачка опрокинула мое мирозерцание. Я не шучу, это очень серьезно. Но я боюсь такими «серьезностями» Вам надоесть.

Я уже не помню, что я Вам писал в моем по московском письме, ибо на другой день по возвращении из Москвы я напи-

сал что-то 6 заказных и 2 простых письма, да штук 5 открыток, а на другой день писал еще и еще... Ну, как не перепутать всего?! И все это не «для души», а в глупых хлопотах по моим глупым делам, возбуждающим, очевидно, только весьма неосновательные иллюзии (впрочем, разве иллюзии бывают основательные?), а сколько сил, нервов, времени съедающие!.. Когда человек глуп, это надолго. А что я таки «глуп» (а если относиться снисходительно, то во всяком случае глуповат), оспаривать это я все меньше и меньше нахожу в себе запала... О, как часто я, послав свои заявления и т. п., могу о себе сказать только Гейневским: Und ein Narr wartet auf Antwort!

Не помню уже кто и при каких обстоятельствах, когда ему в качестве возражения преподнесли вопрос — «да ведь разве Вы не понимаете, что это глупость?» — добродушно ответил: «очень хорошо понимаю, но почему же Вы хотите лишиться меня удовольствия сделать глупость?». Порой только кажется, что этого «удовольствия» я получаю через чур уж много... Ну, будьте здоровы и благополучны! Привет Миколі Прокоповичу сердечный. Мне бы на часок–полтора к Вам на Тарасовскую!

Проглядывая (в Москве) — удивительные «письма» Ван Гога, я чувствовал, что еще не все мои интересы подрезаны косою утомленного равнодушия и что еще многое способно пробуждать те бараньи сны, которые, впрочем, если верить Щедрину, для сновидца кончаются плохо... Но ведь давно уже надо откинуть филистерское — «все хорошо, что хорошо кончается». Очень хорошим может быть иногда и оканчивающееся совсем нехорошо. И это совсем не пессимизм, а реализм — «с открытыми глазами», приятие жизни, как она есть, без «нас возвышающего (в сущности — принижающего) обмана». Хотя и против хорошего «обмана» я не возражаю. Бывает и обман, помимо того, что он «хороший», еще и такой, что в нем больше правды, чем в самой подлинной стопроцентной штампованной правде!.. Я говорю не о том обмане, который «тешит», это самый обманчивый, самый поганый обман, конечно, я не о нем

говорю, но вообще не довольно ли надоедать Вам болтовней, в которой «несть спасения»?.. Und damit Punctum.

Сердечно Ваш,
Мих. Могилянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 98–99. Оригінал.
Рукопис.*

№ 54
29 квітня 1935
Дмитров

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.
Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.
Дмитров. 29.4.35.
Киев. [нрзб.].5.35.

Дмитров, 29/IV

Я в большой тревоге, милая Наталия Дмитриевна! Последнее, что я от Вас получил — была открытка, которую я застал здесь, вернувшись 18/IV вечером из Москвы после 3-х дневного пребывания там. Открытка сводилась к обещанию скоро написать. А вот этого скорого я до сих пор еще и не получил. Если обещанное попало куда-н[и]б[удь] в стратосферу, что делать? Приходится мириться с «маленькими недостатками механизма». Но, если Вас одолели всяческие гриппы — это хуже, и вот эта мысль меня и тревожит очень. М[ожет] б[ыть], Вы уже исполняли мою просьбу о справке, в каком № «Записок Истор[ико]-філол[огічного] відділу» ВУАН — помещена моя большая рецензия «Черниговские мемуаристики» (псевдоним Т. Максимович). Это так приблизительно в 22–23 кн[иге]. Если у Вас «Записки» стоят так, что справка займет не более 5–7 минут, за справку буду весьма обязан (укажите и стр[аницы] от-до). Сегодня с утра «сипле, сипле, сипле сніг», — все кругом

бело (не тает). Надеюсь, первомайское солнце победит! Привет Миколі Прокоповичу.

Сердечно Ваш,
Мих. Могілянський
Жду письма с нетерпением. М.

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 100–100 зворот. Оригінал. Рукопис.

№ 55
2 травня 1935
Дмитров

Дмитров, 2 травня 1935 р.

Итак, из вчерашнего письма (спасибо!) вижу, милая Наталия Дмитриевна, что худшие мои предчувствия сбылись и грипп еще раз нарушил нормальное течение Вашей жизни. Прискорбно и очень! А «подвійність» этой беды для Вас — мне всегда ясна, «опыта» в этом отношении у меня, к сожалению, более чем достаточно, а потому и моя тревога о гриппе была именно «подвійною». И как нехорошо, что тревога оказалась небезосновательной — для Вас даже прозвучала предсказанием. Увы, предсказывать было нетрудно после Вашей обещательной открытки скоро написать, приняв во внимание, что стратосферические влияния, по моим наблюдениям, не оказывают никакого действия на исправное функционирование органов связи...

Спасибо за сообщение о юбилее Саксаганского. Сейчас посылаю ему юбилейное поздравление, хотя и не знаю его адреса. Но если Гумбольдт говорил, что ему можно адресовать — «Вселенная — Гумбольдту», то я, надеюсь, киевская «пошта» найдет куда доставить адресованное — «українському артистові-ювілятові».

Спасибо также за обещание академической «справки», возможно, она мне очень пригодится, так как в общем есть

основания предполагать, что буду иметь достаточно добропорядочных «удостоверений». И только финал моей академической карьеры, как он отражен в «Трудовом списке», портит всю музыку. А в целом, знаете, что меня сильно расхолаживает? — Мысль, что вот хлопочу, на хлопоты убиваю время, нервы и пр[очее], положим, в лучшем случае что-то выхлопочу... А, м[ожет] б[ыть], через месяц-два этого выхлопотанного уже и ненужно мне будет, как и всего земного? В этой мысли, впрочем, не только источник «расхолаживания» в различных «задухах», в ней есть и зерна утешения —

*Все муки жизненных тревог
Всегда даются нам на срок.*

И, право же, не горечь, а даже своеобразное утешение испытываю от краткости этого «срока». Что касается памяти о нас у академических швейцаров и МК. О, если бы и моя память могла за борт выбросить всякое воспоминание и об УАН, и о ВУАН!.. А то вот и при Вашем, весьма вероятно, разумном на все 100 «відсотків» неодобрении моего намерения не могу воздержаться от продолжения своего «романа» с УАН, хотя и сам нахожу, что эпиграфом к моему письму следует поставить слова Жюля Ромэна: «можно делать большие глупости с большим лиризмом»...

А уже для анализа мотивации моего, пусть и глупого, поведения — напомним из того же Ромэна:

«...чтобы судить о том, что людям действительно хочется делать, крайне неразумно основываться на том, что они делают...»

Шкода, что я не знал о пребывании Виленского в Москве: даже не зная его адреса, я, наверное, встретил бы его. Ведь он если и не остановился, то, наверное, бывает у Чекеруль-Куша. Ну, послезавтра или еще днем позже я, вероятно, опять прокачусь в Москву. М[ожет] б[ыть], еще и застану его там. Хотя на очереди сейчас иные посещения.

А «собачкой» я тогда — в письме к Вам — очевидно, начал заболеть. Заболевание кончилось маленьким рассказом, в основе которого лежит все рассказанное Вам. И как всегда — одно цепляется за другое — сейчас же написал и другой рассказик — *De profundis* — ни тематически, ни чем-либо другим с «Собачкой» не связанный. Зачем написал, не знаю. Но я давно того мнения придерживаюсь, что из людских действий, обыкновенно, наиболее оправданными являются те, в которых человек не ставил перед собой вопроса — зачем, да и не мог бы на этот вопрос вразумительно ответить, если бы ему поставили его «со стороны». Что же касается рассказиков, то довольно того, что это прекрасный способ убить время...

Что случилось с В[иктором] А[лександровичем] — не понимаю, я думал, он сидит прочно — всерьез и надолго. Он мне написал коротко о свершившемся, а потом вот и замолк, хотя я просил его зайти ко мне на квартиру на разведку, что там делается? А сия последняя просьба вызвана была моим мрачным предчувствием, что там творится недоброе. Основания к такому предчувствию несложны и, кажется, зловеще-«красноречивы». На три мои перевода денег (за квартиру) я не получил даже уведомления, что они получены. Посылал в заказных письмах марки и открытки с моим адресом на ответ, а ответа не получил никакого. Что я должен думать? Вам, вероятно, известно, что, разнеся самое показное из своей библиотеки по приятелям (больше 2 тыс[яч] томов), я еще больше оставил «дома» (все-таки оставил!). Сейчас все изыскиваю способы разрешения проблемы, как сколотить сумму, достаточную на проезд в Киев. А если оставленные дома книги ликвидированы без меня (что вполне возможно), — моя потеря выразится в сумме, вполне достаточной на то, чтобы добраться до Киева и там прожить несколько месяцев. Можно ли глупее устраивать свои дела? Но что же было делать? Умнее всего, конечно, было все самому перед отъездом ликвидировать, но ведь помимо трудности расстаться с тем, что с такими трудностями собиралось, останавливала мысль — а если я еще проживу, ну, хоть три года в состоянии нынешней

трудоспособности, ведь все это мне будет нужно для работы. Ну, лучше не думать о таких скверных вещах!

Вчера я пережил московскую майскую величественную манифестацию — ухом (радио), не вставая со своей кровати. Знал, что вот сейчас поднялся на трибуну Сталин, слышал речь Ворошилова, слышал разговор с летавшим в воздухе самолетом «Горький», разговоры с островом Диксоном, Киевом, Ленинградом... Невероятно, но факт! И, знаете, такой «факт», что при всех гонениях судьбы, больше всего я сожалею все-таки о том, что мне так много, излишне много, лет!..

Мих. Ал. постоянной работы тоже не имеет, но имеет на 2–3 месяца «аккордные» работы. Можно ли надеяться, что теперь — в рассуждении все же наступившей весны (в окно вижу еще не растаявший снег, выпавший 29-го!), Вы и Микола Прокопович отложите свои гриппы, ну, по крайней мере до самой поздней осени? — «Згода»?

А когда думаете — в «Преображение»? Пожалуй, встретимся, чего доброго, не на Тарасовской, а там на лоне природы. Из последнего убедиться можете, что мысль о Киеве гвоздем сидит в моей голове.

Давно уже не видел Дм[итрия] М[оисееви]ча. Если успею, в первый же приезд в Москву навещу его. Говорю, «если успею», потому что, Вы не представляете себе, как в мои годы (и при моем характере) утомительна Москва!

Привет самый сердечный Миколі Прокоповичу, а Вам обоим самые наилучшие пожелания!

Я рידаю, як згадаю, что в Киеве сейчас пора белых цветов (ландыши, нарциссы), пора цветения каштанов! Ну, рыдать, конечно, не рыдаю, но тоску, тоску испытываю смертельную!

Будьте здоровы и благополучны.

Сердечно Ваш,

Мих. Могиланский

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 101–102 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 56
13 травня 1935
Дмитров

Дмитров, 13 мая 1935 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Возвратясь, как всегда, очень освеженный московскими впечатлениями, «домой», огорчен, что не застал ничего от Вас. Неужели недуги до сих пор держат Вас в своих лапах? В Москве самый воздух бодрит и поднимает настроение: кажется, что слушаешь биение пульса современности, больше того — пульса будущего и на всем, всем лежит отблеск сверкающей радости социалистического строительства. Конечно, грустно сознавать, что сам непосредственно не участвуешь своими силами, своим умом, своими руками в этом строительстве, а только наблюдаешь его. Но и наблюдение дает столько радости, а кроме того, до высшего напряжения поднимает желание всеми силами своего существа вложиться в работу. А ведь французы говорят: *vouloire c'est pouvoire*. Измеряя свое хотение, верю, что оно сделает меня и «могущим». Без этого ведь и жить не стоит... Но каждый раз, когда попадаю в Москву, ощущаю, что она мне не по летам, не по силам. Нервы не выносят перегруженности впечатлениями: придешь домой, ляжешь спать и не можешь заснуть от нервного возбуждения, и все кажется — вот-вот сердце не выдержит (вероятно, это когда-н[и]б[удь] и случится). М[ожет] б[ыть], это зависит от того, что попадаешь в Москву на короткий срок и жадно стремишься не упустить ничего, больше-больше взять. А тут знакомых — излишне много, встречаешь людей невиданных более тридцати лет. Как странно (и до того грустно, что, м[ожет] б[ыть], и не стоило бы встречаться?) видеть стариками людей, которых знал в расцвете лет! А вот я встретил двух знакомых дам моего черниговск[ого] поднадзорного периода (1899–1904). Сестры. Муж одной был тоже поднадзорным в Чернигове, муж второй был в сибирской ссылке и после ссылки приезжал с же-

ной в Чернигов в гости. Я выехал по воле начальства из Чернигова, — избрав для жительства Киев (1904), — они выехали в Нижний и в Полтаву. С тех пор и не видались. Слышал, что муж 1-ой еще до революции умер в Нижнем, читал о смерти мужа второй в 1928 г., где-то в доме отдыха под Москвой. При всех наших «идеологических» расхождениях (они были с[оциалисты]-р[еволюционеры], я с[оциал]-д[емократ]), я был с ними в близких отношениях, все — удивительно славные люди. И вот — мужья — померли, а их, совершенно случайно подслушав разговор в редакции Б[ио]б[иблиографического] словаря «Деятели рев[олюционного] движения в России», я разыскал возле «патриарших прудов» и увидел глубоких старух... Минула жизнь! Какая она короткая! «Як черешневий цвіт» — говорил Коцюбинский. Итак, черешни отцвели! По другим это видишь, а отчего по себе этого не чувствуешь? Отчего все еще к чему-то стремишься, на что-то надеешься, не можешь убить в себе страстей и пристрастий?...

Прихожу к выводу, что в Киеве мне больше жить не придется. Надо бы приехать недельки на две для ликвидации своего имущества (главным образом книжного) в той или иной форме (м[ожет] б[ыть]), в форме отправки его в Днепропетровск дочери). Но вот и это трудно осуществимо. А тем временем по крайней мере оставленное «дома» в положении явно опасном. Мой сожитель — хлопец, сын покойной Нат[алии] Дан[илов]ны упрямо не отвечает на письма и это, кажется мне, имеет зловещий смысл. Но что же делать, даже выяснить обстановку не могу, не умею. Ищу себе здесь работы, хлопочу о пенсии, пока что собираю справки о себе. Кстати, не знаете ли, вернулся в Киев М[арк] Г[ригорьевич] Виленский? В Москве его следов не нашел.

Справку о моей отставке из Акад[емии], если поищите, пришлите. Получили ли копию моего заявления в президиум УАН? Затонскому не написал. Как-то не собрался. Теперь, думаю, если напишу, то не Затонскому, а Постышеву.

Был у Дм[итрия] Моисеевича, раз не застал — он ходил на похороны какой-то знакомой (Масловой), в другой раз застал.

Как всегда, очень мил Дм[итрий] М[oiseевич] и в беседе с ним как-то отдыхаешь...

Привет щирый Миколі Прокоповичу.

Интересно, дошло ли мое приветствие Панасу Карповичу? Я адресовал просто — Киев. Украинскому артистові ювілятові Панасу Карповичу Саксаганському. Оказалась ли почта на высоте? Будьте здоровы и не забывайте Вашего ностальгичного неизменно (болезнь, очевидно, неизлечимая)

Мих. Могілянського

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 103–104 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 57
13 травня 1935
Дмитров

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.

Кому: Наталіи Дмитриевне Полонской-Василенко.

Москва. 14.5.35.

Киев. 16.5.35.

г. Дмитров, 13 мая 1935 г. (брошу 14-го)

Справку о мемуаристках получил.

Сегодня, милая Наталия Дмитриевна, отнес на почту бросить письмо Вам, вернулся и застал письмо от Вас с приложением ВУАНовского удостоверения. Все, как надо (хотя всегда помню, что — «что надо нам, того не знаем мы, что знаем мы, того, увы, для нас не надо!»). Очень благодарю. Немного смущает, что удостоверение без «приложения печати», но, м[ожет] б[ыть], сойдет и так. А какую бы я там не занимал должность, все же я был «научным сотрудником». Все, значит, в порядке. Спасибо и спасибо! Неужели у Вас нет ландышей? А я вчера, прощаясь с Москвой, против памятника Пушкина закупил этих милых цветов на целый рубль и все сожалел, что не мо-

гу их отнести Вам... Привез букетик сюда, «домой». Вот он и сейчас стоит передо мною. Следующий раз при посещении Москвы уже надеюсь проехаться на лучшем в мире метрополитене. Когда-то ездил в Париже и не понравилось, воняло нафталином и так было отрадно вылезти на поверхность, освещенную солнцем. В Берлине уже не полез в преисподнюю, да и в Париже ограничился одним опытом. А в Москве — полезу. Всего-всего лучшего!

Ваш Мих. Могилянский

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 105–105 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 58
15 травня 1935
Дмитров

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.

Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.

Дмитров. 15.5.35.

Киев. 17.5.35.

15/V [19]35 г.

Дмитров, Моск[овская] обл[ась].

М. В. С. 1-й коммунальный дом.

Комната 47.

Одна фраза в Вашем последнем письме, милая Наталия Дмитриевна, внушила мне мысль, что Вы могли бы оказать мне еще одну услугу, о которой решаюсь просить потому, что исполнение ее не причинит Вам никаких хлопот. Когда увидите Людм[илу] Мих[айловну], попросите ее от моего имени зайти ко мне на квартиру — это всего несколько шагов от нее, и к тому же она хорошо знает моих сожителей по комнате, детей Нат[алии] Дан[илов]ны Романович-Ткаченко. Я бы хотел, чтобы она написала мне, что там делается и почему Дима упорно мол-

чит. Обстановка така: после моего отъезда он получил два небольших перевода от политкаторжан и о получении их меня уведомил. Затем, уже приехав сюда, я четыре раза переводил ему деньги. Только о первом из этих переводов он меня уведомил, а затем упорно замолчал. Посылал я (в заказном письме) марки на ответ, открытку со своим адресом, никакого ответа! Наконец, дважды написал, что больше не могу высылать денег, пока не получу какого-н[и]б[удь] извещения от него. А в ответ все же — ничего. И это кажется мне зловещим. Ведь дома я все же оставил довольно много имущества — книги, шкафы, научные материалы и т. п. Может быть, все это и не так ценно (хотя ценность книг — для меня целое состояние), но кое-что мне очень дорого. А по опыту прошлого года я уже знаю, как свободно они могут обращаться с моим имуществом. У нас все холодно и холодно и май кажется мне не веселым, а «холодным» месяцем.

Привет Миколі Прокоповичу.

Ваш Мих. М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 106–106 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 59
25 травня 1935
Дмитров

Дмитров, 25 мая 1935

Милая Наталия Дмитриевна!

Возвращаясь после трехдневного посещения Москвы, я очень встревожен, не застав от Вас ничего: по логике переписки нашей в эти дни должно было быть письмо от Вас, а его нет. И как будто бы «сезон» уже исключает грипп? Увы, я сам свидетельство ненадежности подобных заключений: уже по дороге в Москву я ощутил не то простуду, не то грипп, в Москве все дни чихал

и кашлял (невероятно кашлял), а вернулся совсем больной (вчера на ночь), но на положение больного не перехожу, а, м[ожет] б[ыть], и следовало бы, ибо кашляю еще невероятнее (температуры не мерял). Но это пустяки, конечно! Напишите же о себе. Как Вы и дорогой Микола Прокопович? Думаю, что Вы накануне переезда на дачу?

Томит меня ужасно, что я ничего не знаю о судьбе книг своих, и «дома» оставленных, и всех прочих, разнесенных куда только можно было. Чего доброго, уцелеют для меня только те 10–11 книг, которые Вы приютили! А я и сейчас без гроша денег иногда не воздерживаюсь от покупок. Вот сейчас в Москве купил (правда, всего за 2 р.) «Листовки Петербургск[ого] союза борьбы за освобожд[ение] рабочего класса» (1895–1897) — это так сказать Ленинский период. В оправдание своей покупки скажу, что книга дает подлинные документы, освещающие действительное лицо истоков (если истоками называется начало, зарождение реки) — истоков той полноводной реки, какую плывем сейчас. И это моя молодость, это то, что я сознательно, активно, «упорствуя, волнуясь и спеша» переживал «на заре туманной юности»... Ну, как же было не купить?! А вот (похвастаюсь) от Георга Бюхнера («Смерть Дантона» и пр[очее]) — воздержался, хотя он стоит всего 7 р. Это ли не победа? И притом из самых трудных побед, ибо победа над собою!

Когда бываю в Москве, у меня до чрезвычайности обостряется один момент резкого недовольства — увы, недовольства тем, что ни изменено, ни смягчено быть не может: я говорю о недовольстве собственными годами. Понимаете, милая Наталия Дмитриевна, как горько чувствовать недостаток физических сил для восприятия всего, чем так радостно богата окружающая действительность? Одно чудесное (почти сказочно-прелестное) метро чего стоит? Будь у меня больше денег, я целый день катался бы по метро. И то проездил больше, чем позволяло «благоразумие». Но не осмотрел еще всех станций. Вот Вам живое опровержение нелепых «возражений» против социализма: социализм де убьет красоту, водворит скучное

однообразие, серость etc., etc. Сверкающая красота, роскошь и многообразие моск[овского] метро — одним ударом убивают подобные «возражения». Ко всему прочему — 23-го имел удовольствие попасть в литературный музей на Чеховский вечер. Книппер (Чехова) и др. артисты Моск[овского] худ[ожественно-го] театра читали отрывки из «Чайки», «Иванова», «Вишневого сада». Давно уже я не переживал подобных эмоций!

Сегодня должен написать множество писем, а потому пока умолкаю. Да и все это сегодняшнее письмо только сигнализация тревоги по поводу Вашего долгомолчания. Посетил Дмитрия Моисеевича.

Пишите обо всем, всех, привет Миколі Прокоповичу.
Всегда сердечно Ваш,
Мих. Могілянський

P.S.: В Москве собрал уже много очень лестных справок о своем прошлом, необходимых для возбуждения вопроса о пенсии (вот от Виленского ответа не имею), боюсь только, что академический эпизод в качестве рефрена испортит всю музыку. М.

Всем болеющим упадком настроения надо рекомендовать посещение Москвы. Там всякий имеющий очи видеть и уши слышать всем существом своим радостно воспринимает, в какую великую эпоху мы уже вступили вплотную! М.

ЦДАМЛІМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 107–108. Оригінал. Рукопис.

№ 60
28 травня 1935
Дмитров

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.
Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.
Дмитров. 28.5.35.
Киев. 31.5.35.

Дмитров, 28 мая 1935 г.

Весьма возможно, милая Наталия Дмитриевна, что 1-го Вы уже переезжаете с Мик[олою] Прок[оповичем] на дачу. Напишите же, как Вам адресовать в таком случае письма? Не знаю уж, почему, или Ваши письма замедлили в пути (на днях получил одну открытку, шедшую из Киева 15 дней), или Вас опять мучит грипп, что было бы совсем не по сезону, но я давно от Вас ничего не имею и скучаю, грущу без известий от Вас. А я сейчас пребываю «В дебрях Уссурийского края», т[о] е[сть] читаю интереснейшую книгу под таким заглавием. О чудесном московском метро я уже писал Вам по возвращении из Москвы. Не слыхали ли чего об Анне Вильямовне? Здорова ли она? Из дому и до сих пор ничего не получаю. Лето, наконец, наступило и у нас. Сегодня дочка принесла цветущую ветку яблони... Привет Миколі Прокоповичу? Будьте здоровы!

Ваш Мих. Могилянский

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 109–109 зворот. Оригінал. Рукотпис.

№ 61
4 червня 1935
Дмитров

Дмитров, 4 июня [19]35 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Наконец, получил от Вас письмо (от 29/V), а то не знал уже, что и думать, так долго Вы молчали. Увы, и письмо Ваше мало радует, так печальна повесть о Ваших болезнях. Ничего ведь нет в жизни хуже болезней! Мне бесконечно совестно, что, несмотря на свои болезни, Вы столько хлопчете о моих делах. А за хлопоты — мое искреннее спасибо! От Л[юдмилы] М[ихайловны] я открытку получил, но из нее выходило, что хлопца — моего

сожителя — она не видела, но была у меня на квартире и (очевидно, от его сестры или племянницы) узнала, что все они живы и здоровы, из чего, конечно, не следует, что и с книгами моими все благополучно (но вопроса о книгах я и не поручал выяснять).

Ни от кого больше никаких сведений о моей квартире я не получал. Из моих рукописей — та же Л[юдмила] М[ихайловна] выцарапала мне от Иванушкина большую мою работу о Коцюбинском, а секция н[аучных] р[аботников] возвратила (на днях) более полгода бывшую на рецензии у того же Иванушкина и так им, кажется, и непрорецензированную тоже большую работу «К. Е. Ворошилов». Так что сейчас я уже не совсем «голый человек», ибо две работы моего последнего академического года восстановлены.

Что касается пропажи моих писем, то это меня всего менее огорчает. Во 1-х, к письмам всего более приложимо положение: «написанное — уже не принадлежит тебе». (Пишешь притом письмо всегда в конкретных, временных интересах, а совсем не для вечности). И, во-вторых, написав письмо, его отсылаешь, — оно не твое уже. Так что и пропажа моих писем уже не моя пропажа. Но вот сколько наговорил, а до главного никак не доберусь. Главное же — надеюсь на самое скорое свидание. Как только достану соответствующее количество монет и билет (последнее, кажется, не так легко сейчас), так и покачу в столичный город Киев. Надеюсь, произойдет это в ближайшие дни, так что весьма сожалею, что Вы не извещаете меня, когда собираетесь выехать на дачу. Приезжаю не по легкомыслию, а по вызову — в результате моих собственных хлопот последовавшему. Окрылен большими надеждами.

У Вас хоть изредка бывает жара, а у нас все холодно и холодно. В Ленинграде идет снег. Перед выездом еще надеюсь покататься на московском метро. Оно в такой мере чудесно, что я бы прописывал всем впадающим в меланхолию и склонным к пессимизму — катание на метро. В успехе этого лечения — я не сомневаюсь. Привет Миколі Прокоповичу!

Еще раз — в надежде на очень скорое свидание

Искренне Ваш,
Мих. Могилянский

P.S.: Привезу Вам 4-ую книгу мемуаров Чичерина. М.

Всего лучшего и прежде всего здоровья, еще здоровья и еще здоровья! М.

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 110–111. Оригінал. Рукопис.

№ 62
27 червня 1935
Дмитров

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.
Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.
Дмитров. 27.6.35.
Киев. 29.6.35.

Дмитров, Моск[овская] обл[асть].
М. В. С. 1-й коммун[альный] дом.
Комната 18.

27/VI [19]35 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Наконец, добрался домой. Несколько дней приходил в себя от невероятной душевной усталости, — порой казалось, что мои душевные силы исчерпаны, — но Москва, великая Москва — чудесный целитель и возбудитель непоколебимой веры в будущее, — немного отошел. Очень беспокоюсь о здоровье Ник[олая] Прок[офьевича] и Вашем. Напишите! И скорее напишите. Дм[итрий] М[оисеевич] едет на дачу, м[ожет] б[ыть], на месяц,

м[ожет] б[ыть], больше! А Вы? Сможете ли двинуться в назначенный срок? Жара в Москве и тут большая. В Москве Ром[ен] Роллан. Мне его, конечно, не повидать. Но разве не радостно, когда нас посещают такие испытанные друзья?

Привет Миколі Прокоповичу и наилучшие пожелания Вам обоим.

Ваш Мих. Могілянський

Теперь имеем две комнаты под № 18.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 113–113 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 63

9 липня 1935

Москва

Куда: «Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.

Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.

Москва. 9.7.35.

Киев. 12.7.35.

Москва, 9 июля [19]35 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Уже на днях месяц исполнится, как я в столь тревожный момент обострения болезни Ник[олая] Прок[офьевича] появился у Вас на Тарасовской. А вот ничего не знаю, как у Вас дела со здоровьем обстоят сейчас и это меня тревожит очень. Переехали ли Вы в дом отдыха, куда Вам адресовать и пр[очее], и пр[очее]. Вообще очень скучаю без писем от Вас. Напишите! А я за последнее время совсем обмосковился, что хорошо отражается на настроении — вы же знаете, как я люблю современную Москву! Сердечный привет Миколі Прокоповичу.

Надеюсь, хочу надеяться, что у Вас все благополучно.

Сердечно Ваш,

Мих. Могилянский

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 112–112 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 64
17 липня 1935
Дмитров

Дмитров, Моск[овская] обл[ась].
М. В. С. 1-й коммунальный дом.
Комната 18.

17/VII [19]35 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Очень обрадовали меня письмом от 12-го, полученным почти молниеносно (дня 3 тому назад, да-да, точно 14-го днем), а то я уж очень беспокоился, а письмо все же сообщает об относительном благополучии, переезде в «Преображенское», — вот только не нравится мне сообщение о double-малярии (у Вас все double, и перманентный грипп, и вот малярия!), которая, нелегкая б ее взяла, часто дает рецидивы. Буду надеяться, что на сей раз никаких рецидивов не будет и вместо double напасти при должествующей же, наконец, улучшиться погоде, наступит для Вас double-благополучие, чего от глубины (увы, сильно обмелевшей) души моей Вам желаю. Очень сожалею, что Вы не сообщили мне своего адреса, что заставляет меня адресовать на Вашу метрополию (с коей Вы, надеюсь, имеете хоть некоторую связь), а значит и лишает меня надежды на скорое (не говорю уже о молниеносности) попадание письма моего в Ваши руки.

Что касается погоды, то наша несколько не отличается от Вашей, а вчера я вычитал (в «Правде») и объяснение сему печальному факту: скопились, видите ли, в Северной Гренландии

необычные массы холодного воздуха, прорвавшиеся опять-таки необычными путями и на Днепр, и на северо-запад Союза... Раз объяснение явления найдено, при свойственном мне оптимизме я убежден, что будет, в конце концов, найден и способ не пропускать этих масс холодного воздуха ни на Днепр, ни на северо-запад Союза: взрывами какими-нибудь или поддувалами загонят эти массы куда-нибудь в стратосферу и... крышка! М[ожет] б[ыть], для осуществления сей моей уверенности потребуется времени несколько больше, чем для реконструкции Москвы, но все же я убежден, что и в том случае советские ученые не ударят лицом в грязь и проблему недопускания из Северной Гренландии в Советский Союз этих самых холодных масс воздуха разрешат. Может ли Вас согреть такое убеждение? Меня согревает.

Кстати, уже из вышеизложенного Вы убедились, как я ныне исправно читаю газеты. А вот Вы, не пропустили ли на днях в «Правде» замечательной статьи неведомого мне Н. Крэна «Проклятые феодалы»? А статья столь замечательна, что, если пропустили, я готов Вам ее прислать. Стоит того!

Спрашиваете, отдохнул ли я уже от впечатлений киевской эскапады? Милая моя, да ведь впечатления киевской эскапады были отдыхом для меня и сейчас, сейчас живу ожиданием ее продолжения. Почти целый месяц по возвращении я прожил в Москве. В Москве хоть и нет моря, но ведь она в недалеком будущем станет «портом 5-и морей», и потому для умеющего жить будущим Москва уже и сейчас является прекрасным пунктом для «ожидания погоды» (почему-то погоды ведь всегда ожидают «у моря»). Мое московское ожидание во всяком случае давало мне массу самых отрадных впечатлений. Настроение у меня было такое, что не тянуло к людям (т[о] е[сть] знакомым, — их у меня в Москве, как впрочем и повсюду, — тьма там) — иногда даже казалось мне, что мои душевные силы исчерпаны, — зато я много времени проводил на бульварах, в парках, в метро, трамваях... И вот мои, пусть поверхностные, наблюдения, мои непосредственные впечатления (зрением, слухом, обонянием,

осязанием) — свидетельствовали мне об окружающем меня жизненном довольстве, о росте, особенно в молодежи, бодрой жизнерадостности. Советская Москва в этом отношении вполне благополучный город, живя в котором нельзя не заразиться самым бодрым настроением. А что касается внешности города, то я, посещая Москву с 1929 г. ежегодно, утверждаю, что небывавший в ней с 1929 г. сейчас ее не узнает. А, уезжая из Москвы утром 11 июля, я читал удивительный, смелый, грандиозный, воистину солнечный план реконструкции ее... Что будет с Москвой через 10 лет, я, увы, не надеюсь увидеть, но у меня настолько умения жить будущим есть, что я представляю себе это столь недалекое будущее, как осуществление чуда. И это мирит меня со всеми неудачами личной судьбы. Что касается последней, то здесь я имею прекраснейшие условия для существования, т[о] е[сть] вполне удовлетворительное питание, лес, поле, книги, что, увы, не мешает мне чувствовать себя в положении заживо погребенного, пробудившегося от летаргического сна и задыхающегося не от недостатка воздуха, а от того, что голоса волнующей жизни слышны, а принять в ней участия нет возможности. Sapienti sat! Единственная надежда, что не дающие покоя творческие замыслы дают некоторую надежду победить в процессе творческой работы жуткое ощущение заживо погребенного. А там... там, м[ожет] б[ыть], я и дождусь погоды в виде плодов от киевской эскапады. Если кто скажет — дурень думками богати́с, я отвечу (кажется один раз я уже говорил Вам это) — предпочитаю быть дурнем потере этих «думок»...

Что касается Вашего чтения, то переписка Чайковского с фон Мекк (потрясающе интересная, — я прочитал уже 2 тома и с нетерпением жду дальнейших) все же мало подходит для чтения вслух, Чичерин, наоборот, для такого чтения весьма и весьма подходящ. О Тулуб ничего не могу сказать, кроме... смиренной просьбы, если это не очень трудно, по прочтении прислать мне книжку с обязательством «срочного возврата». А я из остатков «прогонных и суточных» (образовавшихся вследствие того, что на дорогу туда я имел ведь деньги) — из остатков я купил себе

книжку Гроссмана о Достоевском и II том (только что вышел) Марселя Пруста, как прекраснейший подарок от ЦК КП (б) У.

Ну, желаю Вам, чтобы Ваши малярии оказались безрецидивными, чтобы до Днепра откуда-нибудь с юга прорвались массы теплого воздуха и принесли Вам тепло и хорошую погоду, словом, желаю вам всех возможных благ ничем невозмутимого double-благополучия! Щирий привіт дорогому Миколі Прокоповичу.

Сердечно Ваш,
Мих. Могілянський

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 114–115. Оригінал. Рукопис.

№ 65
27 липня 1935
Дмитров

Дмитров, 27 июля [19]35 г.

При моей памяти на числа, милая Наталия Дмитриевна, и, вероятно, из нее вытекающей склонности–привычки вспоминать разные «юбилеи», как раз на днях (24-го) я вспоминал «годовщину» своего визита к Вам в «Преображение». Какой богатый впечатлениями, — живыми еще и через год, — день! Прежде всего — по дороге к Вам читал «Четки» Ахматовой и постарел ли я, или просто время совершило свою убедительнейшую критическую работу, но тех эмоций, какие вызывались стихами лет 20 тому, поубавилось процентов на 80, если не больше. (Так почти умер для меня когда-то приводивший в восхищение Гамсуновский «Пан»...). В минуту непосредственного увлечения — критические замечания не только проходят мимо, но и, питая полемический задор, вызывают возражения. А критическая работа времени шаг за шагом разрушает все предпосылки, питавшие фонтан увлечения. И вот «Четки» в 1934 г. уже не

звучат так, как они звучали в 1914 г. И больше того, думаю, что в нынешнем их звучании большую роль играют реминисценции прошлого. Возможно, что, если бы прочел «Четки» в 1934 г. в первый раз, они и вовсе не прозвучали бы. Время таки убедительнейший критик!

До мелочей вспоминается весь день, проведенный у Вас — с Вами и Миколой Прокоповичем. И затем — возвращение домой с Мияковскими. Сначала спешили уйти от дождя, потом (в лесу) шли под легким накрапыванием, потом уже совсем под «приличным» дождем и, наконец, уже в городе (10-й № не ходил вследствие аварии, надо было два перегона пройти до № 1-го) — в городе уже под проливным ливнем с грозой и градом. Воспоминание, конечно, розовит (окрашивает розовой краской) и ливни, и прочие пережитые невзгоды, но я помню хорошо, что и тогда, промокший до костей, я нисколько не утратил того настроения, с каким так легко, бывало, «по жизни шагаешь» с глубокой уверенностью, что «нигде и никогда не пропадешь». (Вот Вам и — «викторина»: что я цитирую в словах, взятых в кавычки?). А вот — «миг один — и нет волшебной сказки!» (если хотите, — «викторина» № 2) (А разве год — не миг?) Прошел миг года и уже «пропадаешь» в самой, казалось бы, счастливой обстановке для «мирного жития». В последние дни нахожу, впрочем, некоторую эмансипацию от «пропадания» в писании мемуаров (с раннего утра до позднего вечера, вставая из-за стола только для спешного «принятия пищи»). Начал я их писать, как продолжение части, напечатанной в «Былом» под заглавием — «В девяностые годы» в том же стиле и объеме, т[о] е[сть] начал «1900-ые годы». Но вот с позавчерашнего дня внес в работу некоторое новшество: при упоминании в тексте некоторых имен, обыкновенно, самых обывательских, стал в обширных примечаниях давать живые образы носителей этих имен. Увлечение, с каким писались эти «примечания», родило у меня опасение, не разрушают ли они общего стиля моих мемуаров и не перегружаю ли я их слишком мелкими подробностями, м[ожет] б[ыть], и малоинтересными? Но вот, чтобы найти ответ на эти

опасения, прочел написанное за эти дни сыну (написанное раньше — раньше и прочитывал). Убедился, что примечания для него интереснее самого текста и почувствовал, что в них дается именно то, ради чего так настойчиво, но до сих пор безуспешно, приставал ко мне с требованием писать мемуары светлейший. И это укрепило мое решение примечаний и впредь не избегать, хотя вопрос о том, не разрушают ли они общего стиля мемуарной постройки, для меня пока что повис в воздухе — без ответа. Плохо, конечно, то, что я не начал писать мемуаров, как было задумывал в Киеве, даже начинал, — написал первую главу: «Генеалогия. Родичи». Далее должны были следовать — «Родители», «Детство», «Гимназия», «Университет», т[о] е[сть] и материал «Девяностых годов» должен был быть переключен в другом стиле: нынешний «примечательный» материал вошел бы в текст, давая последнему и иную стилистическую окраску. Но, как знаете, написанное — в ночь на 24 ноября погибло в украденном чемодане, а начать постройку сначала не хватило душевных сил и смелости (кстати сказать, здесь ведь почти исключены «справки»). В качестве компромисса я и придумал «продолжение». И возможно, что если бы не нашел этого компромисса, то никогда и не приступил бы к мемуарам. Недостатки компромиссного плана, однако, не ограничиваются тем, что приходится иностильный материал втискивать в «примечания». Вот и самое оформление материала в компромиссном плане вызывает трудности. «Девяностые годы» — были вызваны особыми обстоятельствами и самые рамки событий и обстоятельств там изложенных облегчали изложение тем, что период этот имел некоторую монолитную цельность, чего совсем нельзя сказать о периоде «1900-х годов», 1905-ым годом раскалываемом на два совсем друг от друга отличных периода. Можно ли избежать отсюда вытекающих трудностей разбивкой главы (сейчас этот выход пришел в голову) на два раздела: I. До 1905 г. и II. После 1905 г., мне сейчас еще неясно.

Вот и все содержание моих «трудов и дней» за последнее время. В последние дни даже Марселя Пруста не читаю, а он

одно время был единственным средством для поддержания хоть некоторого душевного равновесия, в чем были бессильны лес, поле, грибы, ягоды, васильки. Удивительный писатель, при всех его столь очевидных недостатках, умеющий из материала пустопрожней, совсем пустопорожней, и часто отвратительной жизни создать художественное произведение, такое увлекательное и глубокое, для меня являющееся, пожалуй, высшим литературным достижением. «Проклятых феодалов» посылаю. Не возвращайте их. За вырезку из «Комуніста» буду весьма благодарен.

Конечно, бывает, что «разлука уносит любовь», но бывает, увы, и наоборот, — не уносит, а обостряет. Так обстоит с моей израненной любовью к Киеву, — даже все растущая любовь к Москве ее не ущербляет и не закрывает кровоточащих ран. Правда, тут есть и обстоятельства приводящие, напр[имер], тоска о моих книгах, тревога о судьбе их. Они-то неограниченные интернационалисты и везде — в Москве, в Дмитрове — чувствовали бы себя одинаково хорошо, да и я ведь тоскую о них, не как о какой-то «голубой розе», а как о материале, мне постоянно и настойчиво нужном для работы, а работа ведь не только в писании, в выполнении того или иного тематического задания, а и в перманентных размышлениях, сегодня заставляющих развернуть Маркса, Ленина, Сталина, завтра Щедрина, Грибоедова, Достоевского, и в те же дни рыться в Пушкине, Гюго, Марате, Плеханове, Блоке, «Записках Исторично-філол[огічного] відділу» ВУАН, Кулише, Чичерине, Барсукове, Карлейле, Тор[р]есе, Тычине и многих, многих других, кого, бывает, не вспоминаешь месяцами и кто вдруг становится неотложно нужным вот сейчас, сию минуту! Сейчас меня очень интересуют западноевропейские писатели, — коммунисты и приближающиеся к коммунизму. Я не большой поклонник нашего недавнего гостя Ромэна Роллана, «тяжеловесные доспехи» его «Жана-Кристофа» утомительны для меня (да ведь они «утомили» и самого автора, как он признался в предисловии к «Кола Брюньону», последний слишком откро-

венно стилизован), я не очень люблю слишком по-французски трескучего Анри Барбюса, но как интересны Ман (пожалуй, оба Маны, извините за ошибку, если их надо писать через два «н»), Жид, Низан и многие другие. Из русских люблю очень Федина (кстати сказать, позавчера получил от него фотографию (пропала в чемодане)¹²⁰, новое издание «Братьев» и «Викрадення Європи», украинский перевод «Похищения Европы», недавно с большим интересом прочел Ильина (увы, автор уже «сгорел») «Большой конвейер», очень интересуюсь Эренбургом (никак не достану его последних, говорят, очень интересных и значительных вещей «День второй» и «Не переводя дыхания»). А из поэтов — в безумном увлечении Б[орисом] Пастернаком, которого недавно (в Москве) читал больше суток, не отрываясь от книги, при чем должен признаться, *minimum* на половину не понимаю его. Но вот, бывает, ничего не понимаешь, на все 100% не понимаешь, и вдруг один образ, одна строчка потрясут несказанно. Ессе poeta! Не стану, однако, излагать своих мыслей о том, в чем я вижу настоящего большого поэта, чего от него требую, ибо, если начну, мемуары на сегодня пойдут в трубу, да и Вы, может быть, не дочитаете письма, и так приличие уже, кажется, требует меня извиниться за слишком длинное сегодняшнее письмо? Вежливость моя выше моего понимания. Вот извиниться всемерно готов, а должен ли извиняться, слово чести, мне невдомек, — не понимаю. На всякий случай — извиняюсь.

Привет Николаю Прокоповичу, а Вам обоим наилучшие пожелания, из них наибольшее — безрецидивности всех Ваших недугов. Как протекают Ваши труды и дни?

У нас позавчера ночью пронеслась удивительнейшая и долгая гроза с ливнем, в Москве натворившая больших бесчинств,

¹²⁰ Сие напоминает мне, что в том же чемодане погибла и фотография Миколи Прокоповича, а потому ее следовало бы повторить с приложением на этот раз и Вашей. Надеюсь, что в примечании этом Вы не усмотрите только привычки к примечаниям. Во всяком случае оно не иностильно, а за исполнение содержащейся в нем просьбы буду весьма признателен. М.

достигающих характера «шкідництва класово ворожих елементів». Но «какие молнии сверкали»! Как было красиво!

Addio!

Сердечно Ваш,
Мих. Могилянский

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 116–117 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 66
19 серпня 1935
Дмитров

Дмитров, 19 августа 1935 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Я самому себе затрудняюсь ответить на вопрос, почему по получении Вашего письма я так долго обретался в каком-то «провале», из которого никак не мог вылезти для письма. Внешним объяснением (для себя) у меня было желание вместе с письмом послать Вам «Мой первый роман», а несмотря на то, что он, действительно, совсем, как сами убедитесь, маленький, мои «переписчицы» были заняты, и я все ждал изготовления копии для Вас. Наконец, вчера на ночь копию получил и сегодня же пишу Вам с приложением оной. Выходит так, будто никакого «провала» и не было, а мне сдается, что он таки был, ну, если и не провал, то маленький провальчик, ведь при общем душевном моем обмельчании все у меня имеет тенденцию принять вид, требующий слов уменьшительных. Так вот, так и согласимся, — не провал, а провальчик. Увы, он не ущерблял моей тоски (вот для нее уменьшительного слова не подберу) и мысленного перманентного пребывания на киевских высотах, в пределах каковых находится, конечно, и Ваше «Преображение» (не знаю, до какого числа сентября?). Казалось бы,

погружение в мир прошлого, каковым является писание мемуаров, должно отвлечь от всех болящих душевных мозолей, так вот же нет, на те часы, когда пишешь, конечно, отвлекаешься, а потом все опять всплывает в несколько не смягченной остроте. Ну, так я в иные дни «отвлечение» довожу до 10–11 часов, чем, увы, не вызываю той приятной усталости, когда так приятно отдохнуть, а только попадаю в лапы того нервного переутомления, при котором перед глазами все время скачут «поплавки»... В объяснение «поплавков» — это в очень ранней юности, бывало, не спишь всю ночь, чтобы к рассвету не опоздать на озеро, а потом с рассвета часов до 11–12 посидишь с удочками над озером, ну, потом целый день — перед глазами скачут поплавки. Так и теперь — попишешь часов 10–11, а потом все, о чем писал, лезет в голову, стоит перед глазами, никуда не спрятаться, ничем не отвлечься! — Поплавки.

А, знаете, писание мемуаров показало мне, какая у меня еще хорошая память, правда, несколько «старческая», т[о] е[сть] ясная в отношении далекого и немного затуманенная в отношении близкого. Все действительное — объяснимо, если чего-н[и] б[удь] еще не знаем, это же не значит, что и не узнаем. Но вот, чтобы все действительное было разумно, с этим я не согласен. Ну, сами посудите: знаете, что такое пресбиопия? — Старческая дальноркость. Разумно было бы старческому зрению ослабеть, притупиться. Конечно, врач объяснит Вам, отчего зависит то, что старые глаза не видят близкого, лучше видят — далекое, становятся дальноркими. Но разве объяснение сделает это разумным? А с памятью ведь та же пресбиопия. Не помнишь недавнего, забываешь вещи, казалось бы, незабываемые. А вот далекое, далекое, казалось, навсегда забытое, — никогда и не вспоминал о нем, вдруг встает в памяти с потрясающей яркостью красок, отчетливостью деталей — во всей своей чувственной конкретности¹²¹. Врачи, конечно, знают, отчего это. Но раз-

¹²¹ М[ожет] б[ыть], если бы прожить еще лет 50, то имея уже 110–112 лет так же ярко вспомнил бы вдруг переживавшееся в 50-летнем и 60-летнем возрасте? Как Вам кажется? Вопрос экспериментальным способом, увы, не разрешимый.

ве от этого явление становится разумным? А вот размеры моей пресбиопии: недавно в Москве вышел из дому в справочную будочку взять адрес Геннадия Евгеньевича Жураковского. Иду и вдруг соображаю — Геннадий Евгеньевич... а как же фамилия? Забыл. И какой-то ужас охватил. Неужели не вспомню? Вспомнил, конечно, но минуты *minimum* через две. А вот в мемуарах назвал уже человек 50 городских, земских и всяких других деятелей и, представьте себе, без всяких затруднений всех называл по именам и отчествам!

Вообще же приходится писать без возможности справок — все по памяти, только по памяти. Отчасти это хорошо. Даешь только сохранившееся в памяти. М[ожет] б[ыть], иногда переврешь, но это ведь небольшая беда. Зато даешь все в своем восприятии (а это ведь важнее всего в мемуарах), а не в позыченном от других искажении чужих восприятий.

Кстати, м[ожет] б[ыть], Вы можете дать мне справку, в каком году был отлучен от церкви Л[ев] Толстой — в 1901 или 1902? Если не трудно... Буду весьма признателен.

Целый месяц не был в Москве, но на днях провел в ней 2 дня. Конечно, как всегда, получил массу самых отрадных и живительных впечатлений. В конце августа надеюсь встречать знакомых с моря, возвращающихся на берега Невы. После ненастной и холодной погоды как будто установилась хорошая с почти абиссинской жарой. Но я жару люблю. Так что даже погодой сейчас доволен. А у Вас как по этой части? А также по всем другим частям, а главное по части здорovieй?

Миколі Прокоповичу — сердечный привет.

Опять очень тревожусь за судьбу своих книг — и гостящих, и «дома» оставленных, особенно, кажется, о последних, для чего, увы, имеются некоторые основания. Но, увы, никаких мелиораций положения вещей придумать не могу.

«Ответов» из Киева, конечно, не имею. Надо думать, превращаюсь в того персонажа, о котором сказано —

Und der Narr wartet auf Antwort.

Но ведь давно известно, что если человек глуп, то это, обыкновенно, — надолго. Увы! Надеяться на изменение основ мироздания было бы «весьма отчаянно» даже в наше время, когда гений человека изменяет географию, заставляет реки течь обратно! «Силе нас гнетущей» надо, конечно, покоряться и терпеть, не забывая, что поэтический совет все же кончается бодрим: «Жизнью пользуйся живущий!». А жизнь ведь нашей эпохи все же невиданная жизнь, о каковой и мечтать не смела «наша мудрость». Значит, впадать в пессимизм могут только люди реставраторских вожелений и настроений, к каковым мы с Вами ведь никогда не принадлежали, что бы на нас ни ввали дурачки типа Ивана Ивановича и карьеристы, образчики которых даются, кажется, на все имена. Впрочем, я затруднился бы сказать, кого больше, дураков или карьеристов? И тех, и других во всяком случае много.

Ну, будьте здоровы и всего-всего Вам лучшего!

Сердечно Ваш,

Мих. Могілянський

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 118–119. Оригінал. Рукопис.

№ 67

4 вересня 1935

Дмитров

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.

Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.

Дмитров. 4.9.35.

Киев. 7.9.35.

Дмитров (Моск[овская] обл[ась])

М. В. С. 1-й коммунальный дом.

Комната 18.

4/IX 1935 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Ваше молчание уже очень беспокоит меня. До сих пор не знаю, получили ли Вы мое заказное письмо с приложением «Моего первого романа» (адресовано оно было в Китаев — академику Н[иколаю] П[рокофьевичу] В[асилен]ко так около 20-го (раньше) августа. На днях я больше обыкновенного вспоминал Вас, ибо прохворал легким гриппом дня 4. Сейчас не представляю себе, кончился ли Ваш дачный сезон 1-го (или Вы еще имеете дни, пропущенные в начале июля)? Не знаю, куда адресовать Вам поздравление? А оттого и посылаю его несколько преждевременно по адресу метрополии Вашей. Там ведь оно, хоть с опозданием, будет в конце концов получено, думаю? Поздравляю и сердечно желаю всего, всего лучшего. На днях был в Москве и заходил к Дм[итрию] Моис[еевичу], но он еще не вернулся из дома отдыха. Очень прошу скорее напишите о себе, т[о] е[сть] хотя бы о Ваших здоровьях и самочувствиях. Каковы итоги летнего отдыха? Привет Миколі Прокоповичу. «Вянет лист, проходит лето», а в мои годы уже мало утешает «юнкерское» утешение, что «лето, честное слово, возвратиться». И оттого перманентная грусть, против которой «ніхто не вигдав рецепти» более действительные, чем Бертольд Шварц, порошок которого рекомендовал еще Гейне. Всего!

Ваш Мих. М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 126–126 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 68
14 вересня 1935
Дмитров

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.
Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.
Дмитров. 14.9.35.
Киев. 19.9.35.

Дмитров, 14/IX [19]35 г.

Милая Наталія Дмитриевна!

Я бы уже очень беспокоился о Вас, если бы на днях почти что не получил письма от Вас: был на минутку в Москве, навестил Дм[итрия] Моис[ееви]ча, а он прочел мне Ваше последнее письмо. Увы, впрочем, и оно не снимает беспокойства, ибо невеселые вещи Вы сообщаете. И откуда это еще и малярия привязалась к Николаю Прокофьевичу?! Думаю, что сейчас Вы уже вернулись в город (у нас по крайней мере уже очень холодно, а многим ли разнествует киевский климат от московского? Поздравление Вам я адресовал в город, а Вы еще пребывали в «Преображении», но это ведь не значит, чтобы открытка непременно пропала? Более меня интересует, получили ли в начале второй половины августа мое письмо со вложением «романа с собачкой»? Адресовал его в Китаев, послал заказным. А дошло ли, не знаю, так как бесконечно давно ничего от Вас не имел, отчего очень тоскую. Привет Миколі Прокоповичу и наилучшие пожелания Вам обоим, а я совсем примирился и «успокоился». Вот только за Киевом и киевлянами безнадежно тоскую.

Сердечно Ваш,
Мих. Могілянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 127–127 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 69
25 вересня 1935
Дмитров

Дмитров, 25/IX [19]35 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Не говоря уже о том, что я бесконечно соскучился без каких-либо известий от Вас, — ведь уже много больше месяца

я не имел от Вас — ничего! Сейчас я так тревожусь мыслью, что, м[ожет] б[ыть], у Вас так неблагополучно со здоровьем, что просто не до писем... Я уже согласился бы на то, чтобы причиной столь долгого перерыва было залетание моих ли писем, Ваших ли ответов в стратосферу, а не что-либо другое. С тех пор, как я написал Вам (еще в Китаев — Преображение) заказное письмо со вложением своего «первого романа» (с собачкой), с тех пор — уж ничего не имел, так и не знаю, получили ли после того мое поздравление (уже по городскому адресу), а потом и еще одну открытку?

Как-то до сих пор не написал Вам о пережитом ударе, оборвавшем мои мечты, т[о] е[сть] о получении сообщения секретаря Ашрафяна — «по поручению т[оварища] А[шрафяна] сообщаю Вам, что Ваше заявление оставлено без последствий». Невероятно, но факт! И, увы, не имею оснований быть на кого-н[и]б[удь] в претензии! П[авла] П[етровича] Постышева я просил поручить ознакомление с моим делом кому-н[и]б[удь], кому он безусловно доверяет. Мою просьбу он исполнил полностью. Сколько-н[и]б[удь] не доверять Ашрафяну он, понятно, не имел никаких оснований. Увы, не имею никаких оснований какие-либо претензии предъявлять и к Ашрафяну. Среди массы текущих служебных дел и в той атмосфере, какая создалась около моего «дела» надо обладать исключительной чуткостью и не бюрократической охотой по-настоящему разобраться в деле, чтобы распутать нехитрые, правда, но все же систематические сплетения клевет и измышлений тупого узколобья. Можно ли претендовать на человека, что чуткости он не обнаружил и ничего не увидел сквозь туман, напущенный Иванами да Степанами, последних не раскусил? Я не претендую. Но, думаю, что как только оправлюсь от удара, пойду со своим делом выше. Не верю, чтобы брехни и глупости Иванов со Степанами нельзя было в конце концов вывести на чистую воду! Никогда не отрицал множества своих ошибок. Но если я много раз это повторял, если я, скажем, убил «в запальчивости и раздражении», значит ли, что я не могу оправдываться против

обвинений в убийстве с корыстной целью? Да, я, как и многие, долго работал в окружении людей, как оказалось, определенно антисоветских устремлений и об их устремлениях не догадывался, не раскусил их. Но я всегда был к советской власти не только «лоялен», но и предан ей не за страх, а за совесть, всегда считал себя непартийным коммунистом, никогда не лукавил и не чувствую «зерна неправды за собою». Знаю десятки людей, ошибавшихся не менее моего, и сейчас не находящихся в моем положении, а работающих.

Для меня осталось совершенно непонятным, зачем Ашрафян вызывал меня в Киев? Посмотреть, как я выгляжу? Странно и непонятно. В беседе не был затронут ни один конкретный вопрос, и я не сказал ни одного слова, которого не было бы в письме к П[авлу] П[етровичу], которое Ашр[афян] держал в руках и перелистывал. А второй беседы... не было. На мою просьбу ознакомиться с моими научными работами, — две из них были у меня в руках, — последовал ответ: «держите их у себя: когда надо будет, мы попросим их представить»... Но момент «надо» не наступил, представить работы не «попросили». И квалификации о моих националистических и буржуазно-реставраторских установках остались в силе при полном игнорировании моих научных работ. Невероятно, но факт! В чем же выразились эти «установки», если не в работах? А с работами никто никогда не потрудился познакомиться. Веселенький пейзаж?

Но простите — Вам, м[ожет] б[ыть], совсем не до того, чтобы тратить время и внимание на мои жалобы. Но что у кого болит, тот о том и говорит. Но у меня уже, кажется, ничто не болит. Просто тупое ко всему равнодушие и безразличие. А тут и осень надвигается. Даже не каждый день могу отправиться на прогулку в лес. Но когда нет дождя к вечеру отправляюсь и люблю в полном одиночестве в быстро темнеющем лесу слушать торжественную тишину.

Привет Николаю Прокофьевичу. Напишите хоть открытку.

Сердечно Ваш,

Мих. Могилянский

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 128–128 зворот.

Оригінал. Рукопис.

№ 70

9 жовтня 1935

Дмитров

Дмитров, 9-го октября [19]35 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

У меня нет тех слов, которые бы выразили всю боль, всю горечь, придавившие меня при получении сообщения о нашей общей невозвратимой, тяжелой утрате, а, значит, я не могу найти и слов утешающих, ибо нет, конечно, никакого утешения в такой утрате, кроме времени, которое медленно и постепенно уменьшает всякую боль... И как трудно (особенно издали) представить себе, поверить в то, что дорогого Миколу Прокоповича уже никогда больше не увидишь, что его уже нет с нами! Я не умею говорить банальных слов утешенья и трафаретных пожеланий тем более, что, я уверен, Вы чувствуете, что Ваше горе является тяжелым горем всех, кто знал и любил Николая Прокофьевича. В жизни нет несчастий незабываемых, кроме смерти близких, с которою не мирятся сознание и чувство, которая не забывается никогда. Милая Наталия Дмитриевна! Мне сугубо тяжело от того, что я так далеко от Киева, не могу зайти к Вам, пережить вместе с Вами эти тяжелые дни!

Сердечно Ваш,

Мих. Могилянский

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 129. Оригінал.

Рукопис.

№ 71
5 листопада 1935
Дмитров

Дмитров, 5 ноября [19]35 г.

Как раз позавчера, милая Наталия Дмитриевна, с острой болью думал — уже месяц!, а вчера получил Ваше письмо. Все это время мысли и чувства мои были около Вас, с Вами, но написать Вам я все не решался, думая, что, м[ожет] б[ыть], Вам хочется побыть «наедине», так, чтобы ничто постороннее не вторгалось, не мешало пить горькую чашу до дна (со мной так бывало). Вот я и ждал, прежде чем написать Вам, что-н[и]б[удь] получить от Вас. Моя тоска по Киеву бесконечно увеличилась, больно заострилась. Когда уходят близкие так, что не переживаешь реально, конкретно всего, что с этим уходом связано, а только издалека получаешь грустное сообщение, как-то еще больнее ощущаешь острую боль. Сколько воспоминаний! Последнее из них коротко зафиксировано в дневнике... «Червень, 16... Вчора увечорі заходив до Василенок попрощатись, Микола Прокопович ще в ліжку, але вже зовсім одійшов від припадку хвороби. Якийсь добротливий і безмежно спокійний. Гарний. Поцілував його двічі. Чи побачимось то ще колись?» Увы, это и единственная «документальная» фиксация, предыдущие тетради «дневников» у меня не уцелели... Писем от Ник[олая] Прок[офьевича] в жизни я получил всего два — одно в мае-июне 1905 г. в Чернигове (эпоха «Киевских откликов»), тогда я ездил из Киева в Чернигов «выбирать» Муханова, а Ник[олай] Прок[офьевич] письмом повторил свою просьбу немедленно телеграфировать о результатах (а Муханов был забаллотирован, чем я был очень тогда огорчен и решил, что о таком результате телеграфировать не сто́ит, и не телеграфировал, а Ник[олай] Прок[офьевич] в свою очередь был огорчен тем, что я не телеграфировал и потом не раз очень добродушно упрекал меня в неисполнении поручения). Второе письмо относится ко време-

ни лет на 8–10 более позднему, и я даже не припомню хорошо обстоятельств, его вызвавших. Мои бумаги, архивы, письма испытали столько катастроф, что неудивительно, что оба письма не уцелели. Вообще же главные мои воспоминанья о Ник[олае] Прок[офьевиче] связаны с «Киевскими откликами», а сводятся они к субъективным «впечатлениям», бедны фактами. Вообще с чисто фактической стороны в моих воспоминаниях о Ник[олае] Прок[офьевиче] нет ничего, другим неизвестного. К тому же здесь без возможности справок о, так сказать, «смежных» обстоятельствах, датах etc., полагаясь только на свою память, можно очень напутать. Память у меня пока что хорошая, особенно что касается далекого прошлого, а вот в настоящем или очень недавнем вдруг выпадает из памяти что-н[и]б[удь], забвение чего просто скандально и порой неделями мучаюсь, пока не вспомню. В своих мемуарах я как раз дошел до лета 1903 г., а ровно через год, летом 1904 г., — я переезжаю в Киев, знакомлюсь с Ник[олаем] Пр[окофьевичем], участвую в «Киевских откликах»... Думаю, что если я, не «разрывая цепи» своих воспоминаний, подойду к той эпохе и людям, с ней связанным, напишется лучше, выпуклее, ярче. Да и не больше, как недели через две я должен дописаться до этого. Как видите, в общем помощи в Вашем хорошем и важном деле, увы, от меня может последовать не очень-то много.

Странное дело! Только на склоне дней начинаешь понимать, что многое и многое из виденного и пережитого тобой может иметь исторический и культурный интерес. А тогда, когда жил «всем биеньем нервов, всем огнем страстей» — очень мало думал (лучше сказать, совсем не думал) о фиксации «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»... Что на это больше влияло, легкомыслие ли, надежда ли на свою «хорошую» память, или, наконец, даже нежелание разлагать свои непосредственные восприятия мыслями об их интересе для будущего — не знаю. Бывало и так, что кое о чем хотелось по-лучше забыть, а не сохранить в памяти. Невероятно, м[ожет] б[ыть], но факт. И это как раз в обстоятельствах, не лишенных

общего интереса. А затем и все, что у меня было — без землетрясения, пожара и других катастроф — куда-то сплыло. Года два–три тому назад, подумывая о ликвидации своего существования, я раздарил друзьям и даже случайно встреченным «исследователям» массу собранных мной научных материалов, обработать которые уже не рассчитывал, не собирался. В частности, немалую часть своего архива я презентовал «рукописному отделению» нынешней библиотеки УАН. Немало (правда, в хаотическом виде) еще и осталось у меня в Киеве в «моей» квартире, а кое-что и здесь. Все рукописное я бы обещал отдать тоже «Рукописному отделу», если бы они исполнили одну мою просьбу (я просил о ней передать им Мих[айла] Ал-ча, но он, кажется, не передал). Я слышал, что все рукописи «Биогр[афического] словаря» переданы в «Рукописное отделение» библиотеки. В числе этого материала должна быть и рукопись лично мной переписанного «Дневника» П[антелеймона] А[лександровича] Кулиша, лично мне принадлежавшая. Она случайно находилась у меня в помещении комиссии, а Ив[ан] Ив[анович] вдруг в порядке совсем ненаучных мероприятий все находившееся в помещении комиссии опечатал. И вот опечатанной оказалась и эта рукопись, над которой я тогда работал, и которая сейчас мне очень нужна. Я не претендую, чтобы они мне мою рукопись вернули в собственность, только хотел бы получить на две–три недели. Кажется, уже за тот материал, что я им подарил (тут за подобные материалы люди умнее меня берут тысячи), можно бы исполнить мою просьбу, а я бы к подаренному также, как подарок, за это присоединил «все остающееся». А не дадут, так я все остающееся, пожалуй, сожгу. Я на это способен. Это совсем не угроза, поскольку я к ним ни с какими просьбами не обращался. Не могу обременять Вас просьбой поговорить об этом с Вас[илием] Мих[айловичем], но если б Вы при случае не затруднились позондировать у него на этот счет почву, я был бы очень благодарен. Если напишете о себе, я буду всегда признателен, повторяю — мыслями я часто и много с Вами.

Сердечно Ваш,
Мих. Могилянский

P.S.: Интересующая меня рукопись не имеет научной ценности уникала, ведь это копия мною снятая с рукописи, принадлежащей УАН (из архива Кулиша).

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 130–131 зворот. Оригінал. Рукопис.

№ 72
5 грудня 1935
Дмитров

5/ХІІ [19]35 г.

Дмитров, Моск[овская] обл[ась].

М. В. С. 1-й коммунальный дом.

Комната 18.

Милая Наталия Дмитриевна!

Через час–два мне исполнится, ну, лучше не скажу, сколько лет, ибо очень много, боюсь, что и не успею дописать начатых мемуаров. Написал пока страничек 350 (вот таких как эта), а надо написать еще *minimum* 1000, да, пожалуй, в тысячу и не вберешь. Положим, м[ожет] б[ыть], вовсе и не надо, чтобы они были окончены. Для меня, конечно, надо их писать, ибо это дает иллюзию некоторого содержания жизни... М[ожет] б[ыть], в соображении этого многие, в том числе и милый Дмитрий Моисеевич, всегда убеждают писать и писать. А мне и убеждений не надо, ибо что бы я без этого писания делал? Читал? Так я и без того читаю много, но читать — это значит в себя вбирать, а надо же из себя что-то излучать... Почему надо? Может быть, по привычке.

Вообще я как-то уравновесился; если бы можно было без остатка вырвать из памяти воспоминанья о содеянной надо мной вопиющей несправедливости, совсем было бы хорошо. А то иногда вспомню эту невероятную вакханалию лжи и клевет, высыпанных на меня дураками и карьеристами, введшими в добросовестное заблуждение и добросовестнейших людей, вспомню, ну, и тогда... нервы играют.

Однако, я смиряю себя и заставляю в работе все забыть. Как-то у меня писание, обрастая множеством мелочей, затягивается и вопреки расчету (моего последнего письма к Вам) — недели через 1½ добраться до переезда в Киев (1904 г.), я еще и сейчас не добрался... Прерывать же, чтобы отдельно написать о Ник[олае] Прок[офьевиче], не хочется, боюсь, что не выйдет так, как должно выйти в контексте мемуарной повести. Вообще же то, что я смогу написать не так важно для Ваших целей, о которых Вы писали, ибо я совсем не обладаю какими-либо фактами, я буду говорить только о своих впечатлениях, ничего другого у меня нет. И мне хочется, чтобы страничка о незабвенном Ник[олае] Пр[окофьевиче] вышла такой, какой ей быть надлежит. Пишу я не спеша и понемногу, ибо жил[ищная] теснота не создает благоприятных условий для работы. В Москве теперь бываю очень редко. Тоскую за Киевом, так иногда хочется зайти к Вам, хотя и не представляю себя, как бы я вошел к Вам, когда даже пишу адрес «Тарасовская, 20» и сердце сжимается от боли при мысли, что там уже нет Николая Прокофьевича! Как-то трудно, нет, не трудно, а невозможно представить себе это, поверить этому. Как же Вы живете? Что делаете? Я часто, часто вспоминаю Вас.

Этот месяц для меня прошел особенно одиноко — дочка с подругой уехали в профотпуск отдыхать в Гагры, оставив мне шефство над детьми, а это меня достаточно утомило. Но на днях они уже должны возвратиться. А Вы знаете, что на днях уже исполнился год со дня моего выезда из Киева, годовщина той злополучной ночи, когда пропал мой чемодан, а в нем все мои активные рукописи? Год — словно день, но так ведь и вся

жизнь — с одной стороны — один момент, «як черешневий цвіт» — говорил Коцюбинский, а с другой — целая вечность, длинный и утомительный путь.

Не слыхали ли чего-нибудь об Анне Вильямовне? Давно, давно ничего о ней не знаю. Здоровая ли она?

А как здоровье Ваше? Освободились ли от так преследовавших Вас всегда гриппов?

Зимы у нас настоящей, т[о] е[сть] с большими морозами пока еще не было, а сейчас даже второй день оттепель, но снегу насыпало много. Дни все сокращаются, приближаясь к самому короткому, а это всегда действует угнетающим образом на мое самочувствие. Но вот-вот — уже не за горами — придет Варвара и урвет ночи, а дня «приточае» и тогда сразу как-то станет легче дышать. От души желаю Вам, чтобы и Вам стало легче дышать!

Искренне Ваш,
Мих. Могилянский

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 132–132 зворот. Оригінал. Рукопис.

№ 73
16 грудня 1935
Дмитров

Дмитров, Моск[овская] обл[ась].
М. В. С. 1-й коммунальный дом.
Комната 18.

16/XII (ніч проти Варвари, що має ночі урвати й дня притачати)

Милая Наталия Дмитриевна!

Самые коротки дни в году, которые как раз вот настают (насчет Варвары ведь это только для рифмы говорится, а по-

воротом солнца заведует Спиридон, которого и зовут «солнце-воротом» и до этого события еще с неделю ждать надо), самые короткие дни всегда так угнетающе влияют на мою психику, что я просто места себе не нахожу от тоски. И только надежда, что с наступлением удлинения дня и настроение начнет повышаться, обыкновенно, удерживала тоску в некоторых границах. Сейчас, увы, этой надежды нет: ведь к положению заживо погребенного не привыкнуть, и оно одинаково безнадежно и в самые короткие, и в самые длинные дни! А кроме того, сколько пережито в последнее время тяжелого! Я раскисать от тяжестей не привык, я всегда умел безропотно переносить самые тяжелые удары судьбы, одного я не привык и уж, конечно, не привыкну, не умею, не могу, не хочу переносить — смерти близких, любимых людей. Не хочу, не могу, не мирюсь!

Странно, конечно, мне Вам жаловаться на свою судьбу, я и не собираюсь жаловаться. Но, я уверен, Вы поймете меня, — я привык жить в кругу любимых, дорогих мне людей и что же за жизнь без людей? Вот и сейчас, будь я богат, нет, даже богатства не надо, а найди я на прогулке (находят же некоторые), заработай я (ведь работать я еще умею, увы, только работы не имею) — ну, словом, очутись в моем кармане 100 р., я сейчас же помчался бы, ну, на три–четыре дня в Киев, чтобы много-много поговорить с Вами. Иногда мне этого так мучительно хочется, что и передать это трудно... Что ж, м[ожет] б[ыть], когда-нибудь и найду, заработаю, приеду... Может быть, может быть!

Я не знаю, правильно ли я понял Ваше письмо? Остались ли у Ник[олая] Прок[офьевича] написанные воспоминания? Мне что-то показалось, что остались. Много ли написано? О каком времени?

Увы, что касается моих возможностей что-нибудь пристроить, — я ведь заживо похороненный и даже не представляю себе, куда можно обратиться, что можно сделать? В Москве с осени почти не бываю. Сажу в своей норе, много читаю, понемногу пишу и много тоскую. Вот и все, что могу сказать о себе. Ваше письмо меня очень огорчило, констатировав пропажу одной

Вашей открытки. М[ожет] б[ыть], и мое письмо к Вам, в котором я отвечал на Ваше предыдущее письмо, тоже пропало? О получении его Вы не писали (впрочем, м[ожет] б[ыть], писали в пропавшей открытке).

Думаю, что Леон[ид] Ник[олаевич], как московский абориген, знает, что и где можно пристроить.

Очень Вы заинтриговали меня сообщением «у нас много нового». Мне из Киева ничего не пишут, а что у Вас, в Киеве, есть нового, мне ведь очень интересно. Если можно, напишите, хоть кратко. Что случилось со Ст[епаном] Степ[ановичем], я тоже не понял. И тоже интересуюсь, конечно.

От Анны Вильямовны, о которой Вас спрашивал, получил тоже письмо накануне Вашего, и она-то и написала мне, что слышала, будто Вы болеете сердцем. А отчего Вы не положите, ну, хотя бы с недельку? Это ведь, говорят, очень помогает сердцу, а это и не так трудно. Хворать совсем нехорошо и всегда все следует сделать для охраны здоровья и сбережения своих сил. Теряются силы легко, а восстанавливаются трудно. Простите за мои трафареты, почти прописи. Но мне кажется и таковые иногда кстати бывают. Наша жизнь ведь так нелепо складывается, что и прописи мы основательно забываем, а это, увы, никогда не проходит безнаказанно. Не болейте, Наталия Дмитриевна!

Поздравляю Вас с приближающимся новым годом, несколько преждевременно, правда, что ж? Это не беда, м[ожет] б[ыть], еще поздравлю и вовремя.

Всего, всего лучшего искренне желаю.

Искренне Ваш,
Мих. Могилянский

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 133–133 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

1937

№ 74
9 травня 1937
Дмитров

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.
Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.
Дмитров. 9.5.37.
Киев. 14.5.37.

Дмитров (Моск[овская] обл[асть])
М. В. С. 1-й коммунальный дом.
Комната 18

9-го мая 1937 г.

P.S.: В публ[ичной] библиотеке X-го тома все нет.

Вот, милая Наталия Дмитриевна, я уже и «дома» (и весь «Ленинград», т[о] е[сть] два с половиной месяца (!) — точно сон...). Здесь застал перемены, о которых Вы уже знаете из газет. Хотел бы знать, получили ли Вы мое последнее длинное (и кажется, достаточно бестолковое) письмо. В последний день публично-библиотечной работы по поручению друзей спускался в преисподнюю рукописного отдела и там встретил Тарле. В публичной же библиотеке прошли передо мной киевские черные усы, пересаженные в Ижевск с укр[аинской] лит[ерату]ры на русскую. Те же усы видел затем в Инст[иту]те литературы. О, сколько восторга с обеих сторон вызвала бы подобная встреча, если бы она случилась лет 10 тому назад! А сейчас — совершенно ничего не шевельнула она, по крайней мере в моем сердце. И дело ограничилось равнодушным рукопожатием. «Все іде, все минає» — говорил Шевченко. Относительно возможности где-н[и]б[удь] поместить мемуары — вспоминайте знаменитую надпись *Lasciate ogni speranza!* Единственно возможное — получить за рукопись с Бонч-Бруевича по 100 р. с печатного листа. Но за полную достоверность суммы не руча-

юсь. В Москве был только проездом, т[о] е[сть] никого не видел. На днях собираюсь туда. Желаю всего лучшего и жду от Вас сообщений о себе и обо всем, всем...

И в Ленинграде, и здесь — холодно. А у Вас?

Искренне Ваш,
Мих. Могілянський

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 134–134 зворот. Оригінал. Рукопис.

№ 75
9 червня 1937
Дмитров

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.

Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.

Дмитров. 9.6.37.

Киев. 14.6.37.

9 июня [19]37 г.

Все эти дни так ждал известий от Вас, милая Наталия Дмитриевна, но или Вы не писали, или письма попали в стратосферу — я не получил ничего. Сейчас получил предложение 12-го очистить квартиру и, очевидно, 12-го отсюда выеду, если не сочту за благо остаться где-н[и]б[удь] здесь на березе. Куда, как — пока ничего не знаю. Значит, и не пишите мне, дондеже не объявлюсь где-н[и]б[удь] и извещу Вас, куда мне можно написать. Сейчас же могу только повторить Байроновское — прощай, прощай! И если навсегда, то навсегда прощай!

Всего лучшего!
Искренне Ваш,
Мих. Могілянський

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 137–137 зворот. Оригінал. Рукопис.

№ 76
12 червня 1937
Дмитров

Дмитров, 12 июня [19]37 г.

Знаете ли, милая Наталия Дмитриевна, когда Вы закончили свое предпоследнее письмо (от 23/V): «...пишите и не сердитесь на меня. Когда узнаете еще больше — простите со всем», я был близок к тому, чтобы спросить Вас — «да уж не вышли ли Вы замуж?» Что подсказывало эту догадку?

Тон, который *fait la musique*... А может быть и то, что во все время страстной тоски одиночества, переполнявшей Ваши письма, мне всегда казалось, что ныне происшедшее — единственная возможность вернуть Вас к нормальной человеческой жизни. Ваши сообщения об изолированной, замкнутой жизни оставляли, однако, мало места надежде, что это может произойти, о существовании А[лександра] М[ихайловича] я никогда ничего не слышал. И вот не раз, когда, случалось, Ваша острая тоска заостряла и мою, давно уже приобретшую характер хронический, не раз я был близок к тому, чтобы — простите банальное выражение — сделать Вам «предложение».

Непреодолимым препятствием к этому, однако, оказались: мое материальное положение, боязнь, при возможности в моем возрасте близкого наступления инвалидности, поставить Вас в положение сиделки и, наконец, соображения о том, что мой тревожно-беспокойный характер не гарантирует необходимых Вам спокойствия и тихого уюта. Вы понимаете теперь, как я счастлив сознанием, что жизнь дала Вам все для Вас необходимое, чего я сердечно, искренне Вам желал, но в силу различных непреодолимых обстоятельств не мог позволить себе предложить со своей стороны?

В нормальных условиях жизни я, наверное, никогда бы и не признался Вам во всем этом. Но в настоящую минуту, когда надо

мною беспредельный купол небес от полюса до полюса, а мне — еще раз простите банальное выражение — в буквальном смысле слова — негде «голову преклонить», когда я остался без крова с мучительной тоской тревоги за неизвестную судьбу близкого человека, и даже не знаю, буду ли я еще когда-н[и]б[удь] иметь адрес, по которому смогу получить письмо от Вас, отчего не признаться? (Если только мое признание чем-нибудь Вам неприятно, прошу меня простить.)

Отсюда должен уехать не позже 15-го, а так сложились обстоятельства, что уехать некуда. Всегда на меня угнетающее действие производило приближение самых коротких дней года и всегда мне почему-то казалось, что я непременно умру в самый короткий день. А вот не придется ли это сделать в приближающийся самый длинный день года?! Но если это случится, не огорчайтесь — поверьте, всякий конец, каков бы он ни был, будет легче каждого дня жизни, избавив навсегда от ужасов тех переживаний, какие вот выпали на мою долю и выпали совсем незаслуженно. Если так обернутся обстоятельства, что я вновь обрету адрес, я, конечно, немедленно сообщу его Вам. А пока позвольте пожелать Вам от всего сердца всего, всего лучшего!

Искренне Ваш,
Мих. Могілянський

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 135–136. Оригінал. Рукопис.

№ 77
23 липня 1937
Ленінград

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.
Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.
Ленинград. 23.7.37.
Киев. 27.7.37.

Ленінград, 23 июля [19]37 г.

Все ждал, милая Наталия Дмитриевна, что Вы, передав в письме хоть немного киевского «повітря», тем подсластите остаток моих горьких дней ленинградских, но вот так, очевидно, и уеду (25-го) ничего не зная, получили ли Вы мое последнее письмо. Впрочем, ни 5–6 часовые ежедневные занятия в публ[ичной] библиотеке, ни работа над романом, начатым, если не для развлечения, то для отвлечения, ничто моей горечи не смягчало, чего, конечно, и трудно было бы ожидать в моей горестной конъюнктуре. Но человек все надеется. В[арвара] П[авловна] Адрианова-Перетц выпустила целую книгу о сатирической литературе 17-го века. Из киевских новостей (для Вас, очевидно, уже очень старых) недавно узнал о смерти Евг[ения] Фил[ипповича] Вотчала.

Итак, уезжаю отсюда 25. Билет до Днепропетровска. Если где-нибудь по дороге не задержусь, то прибуду туда, значит, 27-го... Оттуда сообщу о своем прибытии и адресе и буду тогда ждать Ваших писем.

Вчера получил открытку из Соснового Бора от Дм[итрия] Моис[ееви]ча. Страшная жара стоит здесь в последние дни. Всего лучшего!

Ваш Мих. Могилянский

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 138–138 зворот. Оригінал. Рукопис.

№ 78

24 вересня 1937

Дніпропетровськ

Днепропетровск, Ворошиловская, 1, кв. 38.

Ирине Михайловне Сафьян

24/IX [19]37 г.

Вчера с утра, милая Наталия Дмитриевна, написал я Анне Вильямовне просьбу узнать, что с Вами, здоровы ли, а вечером, наконец, получил успокоительное письмо. Беспокойство мое Вы поймете, если я Вам изъясню, что писем от Вас я не имел больше 2-х месяцев. Того письма, которое Вы послали еще в Ленинград в тот день, когда потом получили (в тот же день) письмо о переезде в Днепропетровск и адрес, я не получил и после того не получал ничего — до вчерашнего вечера, когда получил письмо от 17/IX. А отсюда я писал Вам раз не меньше четырех, а, м[ожет] б[ыть], и пять. Судя по Вашему письму (неответ на ряд вопросов при жалобе, что «жизнь так складывается, что не знаешь, что писать»), судя по Вашему письму, думаю, что и Вы далеко не все мои письма получили. Значит, все же Ваше письмо, наконец, меня успокоило. Успокоило, но не очень обрадовало. А не обрадовало потому, что тушэ Вашего письма — утомление и грусть...

Относительно меня Вы очень ошибаетесь, думая, что писание приносит мне утешение. Увы, в моем положении утешение немислимо и судьба моя оставаться безутешным (вот сие понятие, оказывается, существует не только для красного слова), — пока не погаснет сознание. А работа не утешает, а как-то притупляет сознание, заслоняет от собственных мыслей и чувств, наполняет время. Увы, конечно, очень мне не достает работы оплачиваемой. Что же касается работы моей, то кроме занятий англ[ийским] языком (ежедневно), — роман (писанный по-русски) я уже окончил и возобновил писание мемуаров. Теперь уже повествование, начатое с «Генеалогии», родственников, родителей, детских лет, продолженное годами гимназическими, университетскими и т. д. сомкнулось с главой «1900-ые годы», раньше доведенной до начала 1904 г., а затем и эта глава двинулась дальше. А когда двинулась, то в нее влились те 15 страничек, которые год тому назад я посылал Вам, написав их «авансом» по Вашей просьбе (воспоминания о Ник[олае] Пр[окофьевиче], связанные с моим переездом в 1904 г. в Киев). Так влились эти странички, точно писались подряд... И теперь — посылал Вам 15 страничек; всего написано уже свыше 1200 страничек. Напи-

шу, верно, как Сен-Симон (если буду жив еще года 2) не меньше 40-а томов. Ведь впереди еще 1905-й год, затем вся эпоха между двумя революциями, Госуд[арственные] Думы, Киев, Петербург, Городня, Петроград, поездки во Львов, наконец революции 1917 г. и все, что потом, Чернигов, Киев, Петроград, опять Киев и Укр[аинская] акад[емия] наук и т. д., и т. д. Словом, всего этого еще на 1200 страницах не расскажешь, если не менять характера изложения, т[о] е[сть] не стать более лаконическим.

А Любченко, кажется, в Киеве не жил? А какой у Вас счет — 4? Фомин, Вотчал, еще кто? Да, вспомнил, Владимир Ипполитович? Вспомнил и воскресла в памяти целая эпоха — та эпоха в жизни УАН, когда главной функцией президента была раздача бумаги. Помните? Что же касается Холодного, то по отзыву Влад[имира] Иван[ови]ча — это очень серьезный ученый.

Простите, я не воздержусь от нескольких слов и о погоде, ибо она меня прямо эпатирует. Не говоря уже о безоблачности, м[ожет] б[ыть], не так желанной с точки зрения сельскохозяйственной, но весьма радующей «гуляку праздного», теплынь стоит поразительная. Ночью при открытых окнах посмотрел на термометр — 26°, а вчера, ложась спать (около 1 ч[аса] ночи) — 27°. Это в конце сентября! Почти ежедневно день начинаю в парке Шевченка, где часа два в березничке над Днепром читаю, иногда засыпаю на скамеечке. О том, что существует такое одеяние, как пальто, забыл даже и хожу в летней блузе, утром, днем и вечером. А над Днепром так великолепно, что не раз готов воскликнуть Шевченковское: «Немає в світі України, немає другого Дніпра!» В чем Вы не почувствуете звериного национализма, хорошо зная, что оный всегда мне был не только совершенно чужд, но и органически отвратителен.

Радует мое сердце (видите, и моя жизнь не без радостей!) — каждое слово Литвинова.

Кажется, больше писать не о чем, да, м[ожет] б[ыть], я уже и надоел Вам своей болтовней. Если Ваше молчание будет истекать из настроения, в котором просто не пишется и кажется, что, кроме как о погоде, и писать не о чем, это грустно, но

с этим ничего, очевидно, не поделаешь. Буду по крайней мере знать о причине молчания, а то меня беспокоила полная неизвестность и то, что до сих пор так не бывало.

Вообще же сердечно желаю Вам не знать ни утомления, ни того пониженного настроения, печать которого лежит на Вашем вчерашнем письме. Это, так сказать, дополнительно к наилучшим пожеланиям, которые возвещают о том, что письмо окончено.

Искренне Ваш,
Мих. Могілянський

ЦДАМЛІМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 139–140. Оригінал. Рукопис.

№ 79
31 жовтня 1937
Дніпропетровськ

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.
Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.
Днепропетровск. 31.10.37.
Киев. 3.11.37.

Днепропетровск, 31-го октября [19]37 г.

Как-то все не могу привыкнуть к тому, милая Наталия Дмитриевна, что почему-то выпал из круга Ваших интересов и лишился того, что порой мне приносили Ваши письма... Пробовал несколько перестроить свою, зачем-то доселе продолжающуюся жизнь, даже ездил в Харьков, но посмотрел Манизэрова Шевченка и вернулся ни с чем... к английскому языку, ме-муарам, переписке романа. Англ[ийским] языком занимаюсь по руководству «Академии иностр[анных] языков» три месяца, прошел что-то 21 урок, а уже могу читать легкие тексты, прочел, напр[имер], «Остров сокровищ» Стивенсона, сейчас читаю «Stories» М[арка] Твена. Удивительно легкий язык (не говорю

о произношении и нелегком правописании). Приветствую Вас с днем 7-го ноября. Получить от Вас хоть несколько слов хотел бы не потому, чтобы ожидал неполученных ответов на, м[ожет] б[ыть], и не дошедшие до Вас вопросы, а потому, что в жизни всегда больше всего ценил отношения с людьми, с которыми связывала симпатия и каждое ослабление этих отношений всегда воспринимал, как обеднение, погружающее в тоску одиночества... Словом, не преследуя никаких практических интересов, а исключительно, по тому идеологическому горбу, который выправить в силах только могила, часто тоскливо вспоминаю о днях, когда, случалось, получал весточку от Вас. Позвольте пожелать Вам всего, всего лучшего. Если бы написали, адресуйте сюда — главный почтамт, до востребования, мне.

Искренне Ваш,
М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 141–141 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 80
13 листопада 1937
Дніпропетровськ

Днепропетровск

(а писать мне следует, адресуя — Днепропетровск. Главный почтамт. До востребования. Мне — фамилия, имя и отчество.)

13 ноября [19]37 г.

Спасибо, милая Наталия Дмитриевна, за письмо, которое в моем беспросветном одиночестве всколыхнуло застоявшуюся воду, разбудило много мыслей и чувств... Чтобы Вам было более понятно, чем для меня является такое событие, как письмо из почти потонувшего (если не объективно, то в субъективном восприятии) мира, должен сказать Вам о своем образе жизни:

С утра до 5 ч[асов] сижу абсолютно один дома (иногда хожу в это время гулять, но при теперешней погоде не разгуляешь-

ся), с 8 до сна опять один. Правда, со мною остается весьма разумное (умнее 9-и из 10 человек) существо, но бессловесное — Истра — породой немецкая овчарка. Нигде не бываю (очень редко у Дмитрия Ивановича), никто ко мне не заходит (видите, во все мой образ жизни полярно противоположен Вашему). Иногда кажется, что разучусь говорить. Если бы я избрал героем романа себя, я написал бы роман «Вдвоем с собакой». Но при бессловесности второго героя, события и разговоры в таком романе неизбежно вытеснились бы мыслями и роман приобрел бы несовременный характер, ну, я потому и не пишу его. А так как «природа не терпит пустоты», то в мои пустоты вливаются: английский язык, мемуары, я их не бросил, еще недавно те страницы о Ник[олае] Пр[окофьевиче], которые Вам известны, влились в общий рассказ без всяких изменений и рассказ продвинулся дальше: только что переехав в Киев, я отправился на первое в жизни земск[ое] собрание в Городню, где пока что и задержался, так как характеристику положения и людей даю очень пространную... Ваше представление о моих занятиях требует некоторой поправки. Вы думаете, что я пишу роман и изучил англ[ийский] язык, а на самом деле — я написал роман и изучаю англ[ийский] язык, ведь за то короткое время, какое я им занимаюсь, изучить даже такой невероятно легкий язык, как англ[ийский], невозможно. Правда, уже прочел роман Стивенсона и читаю сейчас «Stories» Марка Твена. Но прежде всего запас слов у меня еще очень недостаточен, хотя многое соображаешь по транскрипции, напоминающей корни немецкого и франц[узского] языка.

Всю жизнь я собирал книги в расчете, что когда-то, когда угомонюсь и не буду в настроении всюду совать свой нос, наконец, смогу работать над тем, что сделать всю жизнь было «некогда». Для тех работ, какие задумывались, библиотека была собрана вполне удовлетворяющая. Но вот вымрианное «когда-то» наступило, а из громадной несколько тысячной библиотеки у меня осталось ... несколько десятков книг. Ну, то было некогда работать, а теперь работать не с чем... Где я най-

ду все мне нужно? Словом, крах по всем пунктам. Вы жалуетесь, что получаете мало, а я не получаю — ничего и даже на удовлетворение неизжитой страсти покупать книги редко имею что-н[и]б[удь]. А все-таки покупаю... Недавно — по поводу 35-летия со дня смерти Золя — выписал несколько страничек из своих мемуаров и вышла довольно интересная заметка «Смерть и похороны Золя». Но попала она в редакцию «Литерат[урной] газеты» — через Ленинград-Самарканд и затем я получил из редакции «Л[итературной] г[азеты]» письмо, что статья моя, к сожалению, к юбилейному №-у опоздала... Ответ редакции — это уже пол успеха! Я написал, чтобы ту же статью через 5 лет, когда будет 40-летие или через 15 лет, когда будет 50 лет со дня смерти Золя, послали в редакцию заблаговременно. Но то, что будет через 5 лет, тем более через 15 — уже, конечно, для меня лишено личного интереса.

Странно, что в Лит[ературном] музее оказались письма Н[иколая] Пр[окофьевича] к Мельгунову. Ведь я несколько раз об этом спрашивал и получал отрицательный ответ. Мой рукописный архив весьма беден, так как опустошен обстоятельствами и обстановкой жизни за последние годы (многое я передал в рукописное отделение библиотеки — не знаю, как она теперь называется), но и о судьбе того, что еще осталось, приходится задумываться... Даже мемуары... Что с ними делать? Если бы переписать на машинке, я был бы богат, продав их Бончу. Черновика же продать не хочу... И возможно этот черновик испытает судьбу других моих рукописей...

Вот Вам полный отчет обо всем, что определяет внешние и внутр[енние] условия моей жизни, с чем еще можно было бы справляться, если бы не перманентный ужас, от которого защиты нет. Если бы, как на бедного Макара, на меня не продолжали сыпаться шишки, часто весьма и весьма увесистые, заставляющие сожалеть, что жизненная нить не оборвалась несколько лет тому назад...

P.S.: Вы помните, что в Киеве на моей квартире (где я жил) осталось три моих шкапа и сундук с книгами моими и сына?

Конечно, я уверен, что все это ликвидировано и при общем крахе всей библиотеки (кое-что еще у Новицких), как-то о книгах не жалеешь. Но иногда закрадывается безумная мысль, а может быть, целы тетради с различными научными материалами? Три–четыре тетради с выписками из Кулишевских материалов — и я мог бы сделать работы, обдуманые в деталях. Вероятность того, чтобы эти тетради уцелели минимальна, почти равна нулю. И все же мысль о них иногда смущает и тревожит. Но некого просить разыскать эту потвору Наталию Михайловну, чтобы у нее добиться полной информации о судьбе остатков моего имущества, которое она начала расхищать еще тогда, когда я временно ездил гостить в Мед[вежью] Гору...

Всего лучшего! Если вспомните обо мне и напишете когда-нибудь, всегда сделаете доброе дело.

Искренне Ваш,
Мих. М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 142–143 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

1938

№ 81
6 січня 1938
Дніпропетровськ

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.

Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.

Днепропетровск. 7.1.39.

Киев. 9.1.39.

Днепропетровск, 6 января [19]38 г.

Времени для прочтения моей небольшой открытки все же, надеюсь, у Вас, милая Наталия Дмитриевна, найдется. Ну, поздравлял я Вас с новым годом наступающим, теперь поздравляю с наступившим и очень благодарю за все пожелания. А на письма во времена, когда дохнуть некогда я, конечно, никогда не претендую. (От Виктора одновременно с Вашим письмом получил еще две книги.) Положительно, даже при неимении времени дохнуть, настаиваю: прочтите Пристли («Интернацион[альная] литерат[ура]», № 6). Надо же человеку отдыхать. Это и будет Вашим отдыхом. Займет же чтение не больше часа с четвертью, полтора. Я прочел в поезде, когда рассвело, между Москвой и Ленинградом. А таких вещей нельзя не читать! Внимательно прочел краткую историю СССР под редакцией Шестакова (а какие еще есть «материалы» под его редакцией?) и проштудировал историю ВКП (б), протекшую почти целиком у меня перед глазами. Если бы еще достать краткий курс средней истории (мне писал об его выходе Владим[ир] Эммануилович, но прибавлял, что достать его немислимо), — я мог бы считать свое историческое образование законченным. Однако, и сейчас читаю «Историю Франц[узской] революции» Карлейля, вещь, имеющую один существенный недостаток — она нестерпимо красноречива. Желаю успеха и Вашему указателю и Вашему II-му тому. Вот только жаль, что не знаю темы, заглавия Вашей работы. У нас на новый год тоже была, милая мягкая погода со снежком, а сейчас второй день все плывет,

как в половине марта... Зато и в комнатах почти 15° (по Цельсию, увы), а ведь было 12°, что при центральном отоплении, т[о] е[сть] при невозможности [нрзб.] поднять температуру хоть бы на ½ градуса действует удручительно. Но сказано — терпи казак — атаманом будешь! Атаманство меня никогда не соблазняло, но талант терпения всегда казался добродетелью, хотя, с другой стороны, я признавал, что терпенье — злейший наш порок. Но истина всегда противоречива и прогресс свершается движением противоречий. Всего!

Ваш М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 145–145 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 82
14 грудня 1938
Дніпропетровськ

Днепропетровск, 14 декабря [19]38 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Ни на одно из моих писем после моего возвращения домой ответа от Вас я не получил и беспокоюсь потому, здоровы ли Вы?

Если Вас не затруднит, передайте через Дм[итрия] И[вановича] пушкинскую медаль и, если Виктор успеет, а Дми[трий] И[ванович] не откажется взять, пусть передаст тома два–три Барсукова («Жизнь и труды Погодина»), Карлейля «Ист[ория] Фр[анцузской] рев[олюции]» и пьесы Сухово-Кобылина... Этого при других моих занятиях мне хватило бы на добрых пол года и таким образом вопрос о пересылке остальных книг отсрочился бы почти ad calendae graecas и они, м[ожет] б[ыть], дождались бы еще случая, если бы до того все земное не потеряло для меня всякое значение. Сейчас перечитываю I-й том «Капитала», читанный 40 лет тому назад (купил даже книгу) и мечтаю

перечесть «Происхождение видов» Дарвина, читанное еще значительно раньше, но этой книги, увы, никак не достану.

Напишите о себе побольше. Меня все одолевают напасти. Вот дочка заболела язвой желудка. Часто интересуюсь вопросом, ну, сколько же может вынести человеческое сердце? Всего, всего лучшего!

Ваш Мих. М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 144. Оригінал.
Рукопис.*

1939

№ 83
3 лютого 1939
Дніпропетровськ

Днепропетровск, 3 февраля [19]39 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Довольно давно уже я не писал Вам, так как, принимая во внимание Вашу занятость, не хотел Вам мешать, отнимать Ваше время, отвлекать внимание от предмета занятий. Но уже издалека решил, что к 15 февраля, конечно, напишу, ибо есть для меня незабываемые даты. Однако, вот сегодня узнал о Вашей болезни и уже не хочу ждать с письмом еще неделю с гаком. Не знаю, какая у Вас в Киеве погода, у нас все время стояла ростепель, весьма неприятная при дырявости калош и ботинок, но вот несколько дней, как ростепель минула и «седой ворчун» февраль все повышает мороз, как «лютому» по чину и полагается, — в общем погода не гриппозная и тем неприятнее, что Вы все-таки умудрились получить сию неприятную болезнь, неприятную не так саму по себе, как по последствиям и особенно влиянию на сердце, которое у Вас ведь не в особенном порядке. Словом, я очень огорчен Вашим поведением и надеюсь только, что Вы надлежащее количество дней проведя в постели, отдохнете как следует и тем парализуете все неприятности с гриппом связанные. Сердечно Вам этого желаю. Как раз вчера получил открыточку, писанную карандашом, от Владимира Эммануиловича. Пишет: «лежу седьмой день в постели с плевритом». Началось с гриппа, но грипп как будто прошел, оставался только кашель, начал выходить. А в результате плеврит. Были сильные боли, но сейчас уже значительно лучше. Вот такая пакостная болезнь этот самый грипп, к сожалению, так часто Вас посещающий!

А я уже, кажется, отмечал в своей последней открытке, что что-то усиленно начали выходить в тираж погашения

мои современники — приблизительно сверстники: проф[есор] Дерюгин (его помню студентом), Георгий Чулков (поэт, литературовед), архитектор Щуко (этот даже на 3–4 года, кажется, моложе меня), я даже склонен был счесть своим сверстником скульптора Гинцбурга, вероятно, потому, что много лет тому назад знал его приблизительно в моем нынешнем цветущем возрасте и даже значительно более молодым. Между прочим, во время моего последнего пребывания в Ленинграде, посещая в Доме ученых Виктора Платоновича, часто видел этого самого Гинцбурга (он там жил), бегающим по коридорам в прододежде с руками, вымазанными в глину (лепил что-то).

У меня все без перемен, увы! Кровь, благодаря неукоснительно принимаемому гепатокрину, заинтересованности в моей скорейшей смерти не проявляет, количество эритроцитов даже превысило уже женскую норму (у мужчин в 1 мм крови норма 5,000,000 эритроцитов (норма редко у кого бывает), у женщин 4,500,000. А у меня сейчас 4,600,000, чего с начала болезни еще не было. И гемоглобин достиг 75%, этого тоже не было). Словом, кровь исправилась. Но бросать прием гепатокрина не разрешают. Увы, в моем возрасте — с одним справился, другое не в порядке! Однако, кое как скриплю, как видите, даже сам себе удивляюсь, удивляюсь выносливости, ибо свою нагрузку я-то ведь лучше, чем кто-нибудь знаю! Виктор Платонович прислал мне просимые книги, я рассчитывал, что этого (при других занятиях, как-то — писание, англ[ийский] язык и т. п.) — хватит на полгода. Увы, за месяц проглотил, дня на 3–4 еще осталось. Сожалею, что попросил мало, а теперь совестно приставать, однако, вероятно, не выдержу и пристану, ибо ничего нет страшнее, как иметь незанятую голову. А когда она занята, как-то незаметно — день да ночь — сутки прочь! Вот только с ночными мыслями и снами бывает порой трудно управляться, но тоже... стараюсь управляться. В этих стараниях опять созрел у меня новый роман, за писание которого, однако, еще не принимался, так как еще не нашел фабульного

стержня, около которого (или вокруг которого) можно все готовое наворачивать. Надеюсь, что он или как-нибудь приснится, или вот так неожиданно — внезапно возникнет, как Венера из пены морской. Мне в таких случаях обыкновенно значительную помощь оказывают сны.

На днях был обрадован, увидя в «Известиях» фотографический снимок с заседающих академиков. Стал искать знакомых. На первом же плане — Влад[имир] Ив[анович] Вернадский. Ну, я, понятно, ищу Дм[итрия] Моисеевича. Вдруг — что за притча? Второй Влад[имир] Ив[анович] Вернадский, а рядом с ним милый Дм[итрий] Моисеевич. Стал разбираться в подписях. Оказалось, что первый Влад[имир] Ив[анович] — совсем не Влад[имир] Ив[анович], а академик Келлер. Не знаю, как в натуре (никогда оно Келлера не видал), а на снимке фотографическом он удивительно на Вл[адимира] Ив[анови]ча похож.

У меня к Вам большая просьба. Когда будете в состоянии написать и напишете, напишите мне, с какого года А[лександр] А[лександрович] Богомолец состоит президентом Укр[аинской] акад[емии] наук и как имя и отчество академика Крылова? Думаю, что на оба эти вопроса Вы сможете ответить без справок. А мне эти сведения очень нужны. Ну, а 15-го я буду, милая Наталия Дмитриевна, пить у Вас чай (хотя своей столовой Вы и лишены), если не фактически, то «идеологически», в своем воображении. Надеюсь, и Ваше воображение ощутит мое незримое присутствие у Вас на Тарасовской. Так что вместе погрузимся в воспоминания!

Смотрите только, поправляйтесь скорей и ни в коем случае преждевременно не выходите. Всего наилучшего!

Искренне Ваш,
Мих. М.

P.S.: Писано 3-го, а в почтовый ящик должно быть опущено это письмо 4-го. М.

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 146–147. Оригінал. Рукопис.

№ 84
15–16 лютого 1939
Дніпропетровськ

Днепропетровск
15 февраля [19]39 г.

It is a quarter past eight и вот и я, — здравствуйте, милая Наталия Дмитриевна! Сегодня ведь, кроме того, чем нам этот день на веки памятен, еще и день, когда весна с зимой дерется, ну, и конечно, по сему поводу сегодня с утра и легкий снежок и мороз, а то ведь недели две уже совсем на весну было завернуло и стоял кругом «весенний и тлетворный дух», и Днепр не то тронулся, не то вот-вот готов был тронуться. А не писал я Вам долго потому, что рассудил: если так заняты, что писать некогда, то и читать писем, если не некогда, то все же они, вдвираясь в совсем иначе направленные мысли, могут нарушать рабочее настроение, неблагоприятно на нем отражаться. А Ваши постоянные гриппы (ведь не меньше двух в году?) наводят меня на мысль, что Вам следует сделать некоторую дезинфекцию в квартире, может быть, где-н[и]б[удь] среди множества Ваших книг, или в темной передней, куда солнце, кажется, никогда не попадает, а, если и попадает, то в недостаточной порции, — может там и гнездятся Ваши враги — бактерии гриппа. Недавно, как раз в «Известиях» читал по поводу появления в Москве (и других городах) эпидемии гриппа, что следует в местах скопления публики промывать стены и полы легким хлористым раствором. Вот, м[ожет] б[ыть], и Вам следовало бы сделать такое промывание своих книг и в передней. Расспросили бы об этом врачей как-нибудь.

Спасибо за сообщение о Крылове и Богомольце. Если случиться Вам как-нибудь (на работе) кого-н[и]б[удь] встретить, кто знает точно, с какого времени А[лександр] А[лександрович] президентствует, не откажите сообщить. А еще за Вами — сообщение о том, какая тема Вашей работы?

Из кандидатов, намеченных у Вас, — мой кандидат А[лександр] И[ванович] Белецкий. Юшкова — совсем не знаю, Пичета для Киева все же чужестранец, а А[лександр] И[ванович] — вроде «епископа Киевского и Харьковского» и не в пример живее и современнее киевлянина Грунского. Так что выбирайте, конечно, Белецкого.

Все я целился на новый роман, кажется, даже писал Вам об этом? Искал только фабульного стержня, но вот вдруг неожиданно возник этот стержень фабульный не для созревшего уже совсем романа, а совсем для нового. И как только возник, как тесто из дежи, неудержимо полезли образы, ситуации, полез «материал». И вот отложил мемуары (прерванные на днях роспуска второй Гос[ударственной] Думы, т[о] е[сть] июне 1907 г.) и взялся писать роман. Прелесть этого писания в том заключается, что с утра сядешь, развернешь тетрадь и все, все куда-то прошло, глядь — а уже время обедать. Ну, после обеда — английский язык (тоже очень сокращает время), газеты, чтение. Ну, и — спокойной ночи! На ночь, ложась, обдумывается продолжение романа. Все гнетущее как-то и отстраняется, разве что в сон вторгнется, мучает спящего...

Когда-то я Вам говорил (может быть, писал), что раз Вольтер в 65 лет написал (и написал в три дня) своего «Кандида», то я еще надеюсь написать своего. Но вот стукнуло мне и 65, значит, — «исполнились времена и сроки». Пора как будто написать, а то, чего доброго, так и не напишешь. Так я что решил? Решил, что последней заключительной главой моих мемуаров будет глава — «Почему я не написал моего «Кандида». Если удастся, как задумано, это будет не хуже «Кандида» (не Вольтеровского, конечно, я не такой нахал, чтобы на это надеяться, а моего Кандида, какого я мог бы и все собирался написать). Но до заключения моих мемуаров ведь еще неблизко, а тут еще разные романы заставляют откладывать работу над их продолжением. Все же работаю много и добросовестно. К сожалению, взялся за все это поздновато. А то «в лености житие мое иждих»

и занимался я часто, когда не ленился, совсем не тем, чем надо было. Впрочем, м[ожет] б[ыть], это и к лучшему.

Теперь я уже знаю, что всю жизнь ведь учишься, а созреваешь (мыслью и даже чувствами, да, да — и даже чувствами) только тогда, когда уже многие органы заинтересованы в твоей скорейшей смерти. Вот и выходит — тогда еще не был готов, еще не созрел до глубоко продуманных и прочувствованных установок, а теперь установки зрелые, но можно не успеть закончить все то, что эти установки постулируют.

Виктору на днях слезницу о книгах написал.

Всю жизнь собирал себе сокровищницу книг, — многотомных особенно тщательно, чтобы на старости лет сидеть дома и читать, читать... И вот она пришла старость (как странно это произносить, отчего этого не чувствуешь и, в сущности, знаешь, но не сознаешь?), пришла старость, а с книгами — я у разбитого корыта. Вот и мною тоже любимого Тургенева — у меня ничего нет, а Гоголя — только «Мертвые души», Льва Толстого — только вторая половина (два последние тома) «Войны и мира». Ну, Пушкин есть во множестве изданий и Pushkiniana довольно значительная, но особенно за Гоголем и Тургеневым страдаю так, что Вы себе и представить не можете! Хоть бы моего любимого «Рудина» достать! — иногда мечтаю. Но где же его теперь достанешь?!

Однако, пора и честь знать. Даже для 15-го февраля я, кажется, чересчур разболтался, забыл, что пришел к занятому человеку, а у занятых людей ведь всегда бывали надписи: «Если пришел к занятому человеку, кончай свое дело и уходи». А я ведь свое «дело» кончил, поговорил с Вами, ну, так до свидания, милая Наталия Дмитриевна, спокойной ночи!

И смотрите, чтобы гриппами больше не болеть!

Сердечно Ваш,

Мих. М.

P.S.: В последние дни испанские события заставляют стыдиться звания человека. М.

16/II

А «Опасного поворота» Пристли («Интернац[иональная] литература», № 6 за прошлый год) так и не прочитали? Очень напрасно. М.

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 148–149. Оригінал. Рукопис.

№ 85
3 березня 1939
Дніпропетровськ

Днепропетровск, 3-го марта [19]39 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

За письмо (от 21/II) большое спасибо, а с ответом замедлил, так как-никак не мог достать конверта, а ограничиться открыткой не хотелось.

Недавно видел издали, как женщину с беленькими подснежниками обступили с разных сторон жадные на цветы и, прежде чем я подошел, все разобрали. И потому не мог осуществить сразу родившегося желания послать Вам несколько цветочков. А вчера увидал на проспекте сидящей на призьбочке девочку лет 12-и с подвязанными зубами и всю дрожащую от холода (у нас ведь январь и половина февраля стояла теплынь, а сейчас уже недели две, пожалуй, при безхмарном солнечном дне — арктический ветер, нагоняющий мороз). В руках у девочки было три букетика подснежников. Один купили две девицы, один купил я для дочки, которая их очень любит, а сейчас опять находится в больнице, хотел купить и второй (у девочки последний), чтобы дать ей возможность скорее уйти греться (удивительно трогательное несчастное существо, вот засевшее в каких-то нейронах и, вероятно, когда-нибудь мелькнет оно хоть мимолетно в каком-н[и]б[удь] новом романе моем, как

грустная орнаментика к обыденным впечатлениям действительности) — и чтобы и Вам послать несколько цветочков. Увы, второго полтинника не нашлось в моих карманах. Ну, я Вам взамен подснежников посылаю лепесток липового цвета, сорванный в липне прошлого года в Шевченковском парке, где я провел столько часов, полных раздумий, мечтаний и мучительных дум — больше всего...

Я всегда был противником перегрузки человека и отрицательно относился и к «потной системе», и к «фордизму», и всем другим вариациям все той же «потной». Конечно, нельзя не считаться со склонностью человека (испорченного классовым обществом) к недобросовестности и какие-то обязательные формы неизбежны, но, во-первых, они не должны забывать Марковского постулата: восемь труда, восемь для сна и восемь свободных, а скажите-ка мне, сколько Вы имеете «свободных»? Какая же Вы после этого марксистка? И если у Вас «в плане» — перегрузка, зачем еще усиливать оную идущим «сверх плана»? Чувствую, что, м[ожет] б[ыть], это сверхпланное Вашему сердцу милее всего планового, но все же, все же здоровье и нормальные условия жизни выше всего и нельзя изменять ни ради чего марксизму, т[о] е[сть] восьмью свободными нельзя поступаться.

А во-вторых, («во-первых» уже далеко, но все же я позволяю себе продолжать этим «во-вторых»), итак, во-вторых, ну, как же быть с теми, иногда большими талантами в науке и в искусстве, кто свою творческую работу не может распределить по размеренной схеме от такого-то до такого-то часа? А и ученый, и художник, даже лодырничая, остро наблюдают, размышляют и, в сущности, никогда не прекращают работы. Но иногда вот имеют потребность отдаться лодырничанию, не могут от него воздержаться, ибо ведь не требуемый Аполлоном «к священной жертве» поэт не только «детей ничтожных мира» всех ничтожнее может быть, но и в этом ничтожестве растит к нему ненависть, потом рвущуюся «пробудившимся орлом» к высотам без такого разгона не достижимым. Тоже и с большим

ученым-мыслителем. У него тоже могут быть мертвые провалы. Неужели же их в том состоянии, когда у них зреют большие замыслы, еще ими не созданные в полном объеме, неужели их надо притащить в какой-н[и]б[удь] институт, посадить в темную комнату с электричеством с утра, заставить бояться «ослепнуть»? Рационально ли сие? Я хорошо знаю роль и значение систематической, непрерывной работы (но и ученый, и художник это знают лучше всех регламентаторов и никогда, как уже выше сказано, от работы, и не сидя в каком-н[и]б[удь] институте, не отходят). Послушайте большого художника: «Искусство я люблю больше добродетели, чем людей, чем близких, чем друзей, больше, чем всякое счастье и радости жизни нашей. Люблю тайно, ревниво, как старый пьяница, — неизлечимо. Где бы я ни был, чем бы я ни развлекался, кем бы не восхищался, чем бы ни наслаждался, оно всегда и везде в моей голове, в моем сердце, в моих желаниях, лучших, сокровеннейших. Часы утра, которые я посвящаю ему, — лучшие часы моей жизни. И радости, и горести — радости до счастья, горести до смерти — все в этих часах, которые лучами освещают или омрачают все прочие эпизоды моей жизни. Вот почему, Париж или Парголово, Мадрид или Москва, все второстепенно по важности в моей жизни — важно утро от 9 до 12 перед картиной.» Не должны ли регламентаторы со своими планами и с приглашением — пожалуйста-ка в Инст[иту]т с 9 до 3-х или до 4-х там, зажгите электричество, слепите глаза, но регламентации не нарушайте — не должны ли они посторониться перед подобными маниаками искусства, которые, конечно, руководятся подсознательно *pas un jour sans une ligne!*, но делают это по-своему, как это делать привыкли, как иначе не могут. Что же и Репину надо сказать — нет, уж, пожалуйста, регламентации не нарушайте? Повторяю, я не знаю, как обуздать недобросовестность, но полагаю, что в социалистическом обществе она должна пойти на смарку, в конце концов. А пока этой смарки не произошло окончательно, что делать с недобросовестностью, как ее ущемить, признаюсь, не знаю. Не знаю опять-таки, что и

спустяся с очень высоких высот Репиных и ему равных (в искусстве и науке) — к обыденному, нельзя все-таки допускать посягательства на «8 свободных», ибо, какую бы важную роль не играл в жизни отдельного индивидуума и всего общества труд, им не исчерпывается весь человек, а некий «парадокс» гласит: «человек создан для счастья, как птица для полета». А посягательство на «8 свободных» есть посягательство на человеческое счастье. Бывают обстоятельства, когда человек порядочный — и в области высшего умственного труда — ученый, врач, инженер etc., и человек самого грубого физического труда — не сойдут со своего трудового поста не только 8, но трижды восемь часов, но по исключительным моментам нельзя строить обычного, а обычное (по Марксу, по Марксу) — 8 труда, 8 для сна и 8 свободных! А Вам «открыточки» написать некогда!

Вот так увлекся темой, что для всего другого уже ни времени, ни места, а главное, боюсь, что посягаю на Ваше время. Выборами доволен, особенно рад избранию А[лександра] И[вановича] Белецкого и М[ихаила] Я[ковича] Калиновича. Это свидетельствует, что самостоятельность и оригинальность мышления (особенно касается сие Калиновича) уже не является препятствием к занятию акад[емического] кресла. Есть еще повышенное уважение к посредственности (особенно сказавшееся на выборах членов-корреспондентов), но, очевидно, и это пройдет когда-нибудь.

Роман дописал, переписываю. А света не увидит произведение того, кому на письма и милый А[лександр] А[лександрович] Богомолец, и уважаемый Палладин, находят приличным не отвечать, кому на заявление не отвечает и пленум президиума (уже около 2-х лет, поняв нищету обращений, их не делаю). Но исполнятся времена и сроки и когда-н[и]б[удь], когда умолкнут злобы наших дней — я убежден, все мое свет увидит, но я этого, конечно, не увижу.

Будьте здоровы и хоть что-н[и]б[удь] из полагающихся по Марксу «8-и свободных» выцарапывайте для себя. Ведь надо же не только работать, но и жить, т[о] е[сть] читать, разгова-

ривать, писать письма, мечтать и просто ничего не делать, я, напр[имер], совсем не могу (и никогда не мог) без самого праздного ничегонеделания обходиться. Но разве человек не имеет на это право? Если нет, не хочу быть человеком, подаю в отставку из сего почтенного звания. Почтенное оно, конечно, почтенное, но как стыдно быть человеком, когда знаешь, что и Гитлер, и Муссолини люди, когда переживаешь ужасные испанские события!

Не ругаетесь за длинноты письма?

Искренне Ваш,

Мих. М.

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 150–152. Оригінал. Рукопис.

№ 86
17 березня 1939
Дніпропетровськ

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.

Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.

Днепропетровск. 18.3.39.

Киев. 21.3.39.

Днепропетровск, 17 марта [19]39 г.

Никогда, может быть, милая Наталия Дмитриевна, я не вспоминал Вас так упорно и привязчиво, как в эти дни, когда прежде всего имел для воспоминаний слишком много времени, ибо ничего больше делать не мог, так как хворал Вашей болезнью, в чем, кроме свободного времени, было еще бóльшее основание к безудержности воспоминаний. Грипп был довольно тяжелый с температурой до 38,6°, но вот все-таки, вопреки всем своим интересам, понемногу поправляюсь, увы, говорю,

увы, ибо хорошо знаю, что ничего мне поправка кроме перманентных мучений не даст. Во время моей болезни валил лапчатый снег, кажется, два дня, а потом завихрилась снежная пурга, снегу насыпало столько, что и за всю зиму этого года столько не было. И сейчас лежит он и даже на солнце не очень тает, словом — весна в разгаре. А в половине февраля, казалось, вот-вот деревья распустятся. Были дни, когда даже читать не мог, словом, совсем был беззащитен, а потом утонул в Марселе Прусте. Ну, всего, всего лучшего! Я как будто наново на свет родился. Переболел-таки изрядно, чего Вам делать не рекомендую.

Будьте здоровы!

Ваш Мих. М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 153–153 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 87
10 квітня 1939
Дніпропетровськ

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.

Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.

Днепропетровск. 11.4.39.

Киев. 13.4.39.

Днепропетровск, 10 апреля [19]39 г.

Хватить Вашей снисходительности, милая Наталия Дмитриевна! Уже дня 3–4, как я в четвертый раз был в архиве, но вот, вероятно, вследствие наступившей очаровательной весны (я года четыре, если не 5, не видел украинской весны, в прошлом году был здесь, но, если помните, всю весну пролежал в больнице) — вдруг овладела мной такая непобедимая меланхолия, что даже небольшой открытки написать был не в состоянии. Сегод-

ня, м[ожет] б[ыть], потому, что опять заглодало, как-то будто немного полегчало и потому спешу сообщить, что по архиву дела плохи (они уже, вероятно, и сами написали Вам, что нужных Вам документов найти не могут (не хотят?). Уверяют, что Вы напутали и таких документов у них нет, что я категорически «заперечив», а они в ответ говорят — придется ей самой приехать (против чего я бы, конечно, ничего не имел). А переписчица (машинистка) между прочим сказала: один документ того времени я смотрела, так он в таком виде, что я в нем ничего не разберу. That is all, что могу Вам, к Вашему огорчению, сообщить.

Всего лучшего!
Искренне Ваш,
Мих. М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 154–154 зворот.
Оригінал. Рукочис.*

№ 88
3 травня 1939
Дніпропетровськ

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.
Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.
Днепропетровск. 4.5.39.
Киев. Сортировочный пункт. [нрзб].
Киев. [нрзб].

Днепропетровск, 3 мая 1939 г.

Если Вы думаете, милая Наталия Дмитриевна, что Вашей просьбы о посещении архива в качестве «толкача» я не исполнил, то, конечно, ошибаетесь. Был. Сказали, что часть требующегося Вам материала уже нашли, а другую ищут, но сомневаются, чтобы она нашлась. Вообще приватное предстательство

им весьма мало импонирует, гораздо более эффективны «бумаги» (академические производят впечатление), надо только, чтобы они писались покруче что ли, определеннее, чем написана та, копию которой Вы мне прислали... Вероятно, сравнительно скоро Вы уже соберетесь куда-н[и]б[удь] на Припять, а я предпочел бы в Припять, в Днепр, в любой водоем, в котором может найтись «холодный ключ забвенья», он ведь «слаще всех жар сердца утолит», в чем я часто мучительно и остро нуждаюсь. Цвели абрикосы, цвели вишни, но при этом стояли холодные дни, а сейчас второй день настолько тепло, что днем выхожу в одном костюме. Вечером (до темноты) читаю в Шевченк[овском] парке над Днепром «Жизнь и труды М. П. Погодина» (уже 4-й том, а всех имею 7). Занимаюсь английским, сожалея, что не делал этого лет 50 тому назад (видите ли, было некогда, иные лежали на сердце заботы), порчу бумагу в количестве достаточно значительном. И думаю, когда же конец этой канители и зачем, зачем ей длиться еще и еще?! Праздновал 375 лет Шекспировых, еще раз прочел «Гамлета» (больше ничего не имею) и как всегда — кое-что открыл (почувствовал) в нем новое, а читаю ведь в [50?] раз, да раз 10 видел на сцене. Всего!

Ваш М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 155–155 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 89
23 травня 1939
Дніпропетровськ

Днепропетровск
23 (почти 24) мая [19]39 г.

Да, уже несколько времени, милая Наталия Дмитриевна, я все подумывал — пора бы мне что-нибудь о Вас узнать. Но так и представлял себе: заняты, заняты, заняты. Так что большое

спасибо за весточку о себе. Я абсолютно нигде, кроме библиотеки и Шевч[енковского] парка не бываю. Представьте себе — оказалось, что в двух минутах ходьбы от меня (на том же квартале — на другом углу улицы, не переходя ее даже) находится обл[асная] библиотека и чудесный читальный зал. Кроме меня, все посетители — студенты и студентки, — они грызут гранит науки: математику, физику, химию etc. или забавляются каким-н[и]б[удь] Дюма, так что на книги меня интересующие пока что не встречал конкурентов. Что касается новинок — богатый выбор (обязательный экземпляр), а вот что касается старины, напр[имер], интересующего меня 18-го века, дело, конечно, обстоит хуже. Меня же очень привлекает этот так наивно верящий век (верящий в человеческий разум). Ну, были ли в истории более верующие люди, чем эти прекрасные, очаровательные «просветители»? И, пожалуйста, не напоминайте мне о кривящей губы саркастическо-скептической улыбке Вольтера (что-то вроде обезьяньей «ужимки» по Тэнновской аттестации). Я о ней не забыл, но и она ведь была бессильна разрушить гармонию повальной веры изумительного века. Во всяком случае сейчас переживаю медовый месяц удовольствия от библиотеки и просиживал, было, там часов по 8–10. Но против этого решительно запротестовала моя знакомая докторша (встретил ее случайно на улице) — говорит — это неблагоприятно, ибо будто бы мне надо побольше быть на чистом воздухе, тем более, что гепатокрин сейчас получил тенденцию стать дефицитным продуктом. Ну, пришлось внять благоразумному совету и теперь — с утра два часа мемуары (уже пол жизни — до 1908 года избражены), затем часов до 4-х — библиотека, а после обеда часа три в Шевч[енковском] парке с «Погодиным» («Жизнь и труды», уже одолеваю 5-й том (12-й, начал с 7-го). Вечером англ[ийский] язык, письма. And that is all. Весна, конечно, как таковая ничего «лучшего» мне не принесла. Того единого, что мне на потребу — все нет и нет и отчаяние мое часто безгранично. Очень рад, что Вы прочли «Опасный поворот». Правду сказать, я совершенно равнодушен к тому, что там «разложение» или процветание.

Меня восхищает (это мой вкус), как замечательно вещь сделана. На Ваше — в начале июня у нас МХАТ, я могу ответить: с 11-го июня у нас «ГОСЕТ» и пусть этот ответ не покажется Вам чем-то вроде: а к нам солдат пришел, ибо «ГОСЕТ», поверьте мне, «МХАТу» не уступает, а артиста такого взлета, такой изумительной культуры, как Михоэлс, пожалуй, в «МХАТе» и нет. Я видел в Шекспировских ролях Томмазо Сальвини, Барная, Посарта, неплохих провинциальных актеров (видел, конечно, и плохих), премьеров Александринки, Качалова, при всех своих высоких художественных качествах, в «Гамлете» вносящего в свою интерпретацию что-то не то от барона Тузенбаха («Три сестры»), не то от Пети Трофимова («Вишневый сад»), видел артистов театра Радлова, Московского театра Революции. Но пальму первенства я бы, не колеблясь, отдал Михоэлсу за його «Короля Лира». Если финансы мои позволят, непременно пойду еще раз посмотреть его исключительно изумительную интерпретацию Шекспира.

А Тарасову я года три тому назад слышал в Москве при читке мхатовцами (без грима и декораций) отрывков из Чеховских пьес. В «Чайке» она мне понравилась. «Анну Каренину» слышал только по радио и, может быть, без впечатлений зрительных и слуховые звучат по-иному, но мне ее тон казался столь нестерпимым, что охлаждение Вронского воспринималось, как совершенно нормальное, а на перроне вокзала она несколько минут так вопила, что, конечно, не дождалась бы (в жизни) поезда, а попала бы в участок. Повторяю, вероятно, без зрительных впечатлений получается искривление некоторое. Вот, например, и на постановке «Воскресения» читка Качалова у многих вызывала восторженные «ахи», а по радио мне казалась нестерпимо «театральной» (или театрализованной).

«Богдана Хмельницкого» и не читал, и не видел, и ни к тому, ни к другому не тянет меня.

Очень обрадовался сегодня тому, что Коккинаки и Гордиенко уже «дома». Тяжело переживал последнюю авиакатастрофу. Из-за облачных высот трах о твердую землю! Земля таки очень

злая и охотно мстит стремящимся от нее оторваться и унесться в область мечты. Злая, злая земля!

Хотелось еще рассказать Вам об одном изумительном юмористическом случае со мною, но и места уже не остается, да и письмо слишком разрослось: нельзя так злоупотреблять временем занятого человека, да и сегодня меня застигла в парке гроза, немного промок, пришел домой, брал ванну и сейчас глаза слипаются — спать хочется. Пускай в другой раз расскажу. Забыть такого случая невозможно. Только со мною такие случаи бывают.

Примите два стебелька из букетика, который идеологически или *de jure* весь должен был быть на Вашем столе, а фактически (*de facto*) увял на моем.

Дня три как скоропостижно наступила жара (природа не любит умеренности и вместо холодов сразу пришла жара). Теперь цветут акации и сладкий аромат их наполняет воздух (их тут бездна оказывается, а я и не замечал этого). Пока не расцвели. Будьте здоровы!

Сердечно Ваш

Мих. М.

P.S.: Гепатокрин стал так дефицитен, что три недели просидел без него, а вчера вместо 8 флаконов получил только два. Но исследование крови, произведенное на днях, дало удовлетворительн[ые] результаты, ну, потерял 260,000 эритроцитов, но едва-едва только спустился чуть-чуть ниже женской нормы (4,500,000, у меня же 4,440,000. Но «норму» редко кто имеет). Ну, гемоглобину вместо 73% стало 65%, но «цветной показ[атель]» не плох. Словом, пока что все с этой стороны благополучно. Но удержится ли благополучие, если гепатокрина так и не будет, неизвестно, конечно. А сырой печенки вообще не достать. Однако, что это я Вас *por la bonne bouche* угощаю печеночными вопросами? Еще раз всего лучшего!

М.

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 156–157 зворот. Оригінал. Рукопис.

№ 90
28 травня 1939
Дніпропетровськ

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.
Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.
Днепропетровск. 2[нрзб.].5.39.
Киев. Сортировочный пункт. 31 мая 1939.
Київ. 31.5.39.

28 мая [19]39 г.
Днепропетровск

Настоящим имею сообщить Вам, милая Наталия Дмитриевна, что, если бы в ближайшем захотели черкнуть мне пару слов, то адресовать их следует: Ленинград, Петрогр[адская] сторона, Куйбышевская ул., д. 36/2, кв. 26 — мне. Пробыть там имею точно до 1/VII, а затем две недели проведя в деревне Калининской области после 15-го июля возвратиться сюда, где сейчас в моей комнате расцвела прекрасная олеандра и, увы, не в состоянии противостоять моей тяге на север под сень библиотеки недавнего юбиляра (Салтыкова-Щедрина), хотя и неизвестно, какое отношение имевшего к библиотечному делу.

Всего лучшего!
Ваш М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 159–159 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 91
3 червня 1939
Ленінград

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.
Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.
Ленинград. [нрзб.].

Киев. Сортировочный пункт. 5 июня 1939.

Киев. [нрзб.].

3 июня [19]39. Ленинград

Только я готовился написать Вам, милая Наталия Дмитриевна, о сказочных обстоятельствах моего прибытия сюда, как получил Ваше письмо. Спасибо за сообщение, но сказочные обстоятельства именно предмета Вашего сообщения и касаются. Прибыв 1-го июня в 8 ч[асов] утра на берега Невы и добравшись до своей Куйбышевской, через час отправился, конечно, в публичку и первое, что там узнал: а, знаете, вчера приехал Виктор Платонович. (Ему я писал о своем выезде, он чуть ли не в день своего отъезда получил мою открытку.) Вхожу затем в спецзал возобновить свой билет и выписать нужное мне, а он уже сидит на славном посту. Ну, понятно, мы сейчас же пошли завтракать, а затем посетили выставку Левитана. Теперь у нас на очереди «Выставка собак». Жизнь, как всегда, дает неплохую раму, а по существу, для меня под всеми широтами и при всех обстоятельствах «тоска, тоска» и совсем не Онегинская... Очень тяжело с нею нести бремя жизни.

В Москве видался и с Владимиром Эммануиловичем, и с Дмитрием Моисеевичем. У Грабарей и обедал. Здесь застал погоду холодную. С гепатокрином большие затруднения, добывать его трудно. Отсюда, м[ожет] б[ыть], и придет мой конец... Что ж? Оно и пора — не жить же 100 лет. Всего, всего лучшего! Вчера на Невском продавали много ландышей, но я увлекаюсь пивом. Лестно и трогательно получать кружку без всякой очереди!

Искренне Ваш,
Мих. Могиланский

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 158–158 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 92
13 червня 1939
Ленінград

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.
Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.
Ленинград. 13.[нрзб.].39.
Киев. 17.7.39.

Ленинград, 13 июня [19]39 г.

Ну, вот, милая Наталия Дмитриевна, «дни торжеств в Аранжуеце», какими для меня были здешние белые ночи, а потом кукушка и деркачи в лесах и полях над Мстою, где я бродил, собирал васильки и купался..., «дни торжеств» кончились и сегодня или завтра (как там будет с билетом) имею вернуться на свой до востребовабельный адрес над Днепром, т[о] е[сть] буду опять с Вами на одной речной трассе, если Вы по летнему времени не припятуете временно... Давно не имею от Вас (и о Вас, о Киеве вообще) никаких известий и скучаю. Гепатокрин весь час употреблял в уменьшенных количествах, но с собою везу три флакона, а в Москве должен получить подкрепление еще в 4 флакона.

Словом, с этой стороны все благополучно. Всего лучшего.
Ваш Мих. М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 160–160 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 93
15 червня 1939
Ленінград

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.
Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.
Киев. Сортировочный пункт. 19 июня 1939.

Ленинград, Петрогр[адская] сторона,
Куйбышевская ул., 36/2, кв. 26.

Июня 15, г. 1939.

Ко времени получения сей открытки, милая Наталия Дмитриевна, Вы уже от вчера осиротившего меня Виктора, вероятно, узнаете, что 13-го я в «театре «Комедии» — смотрел Пристлевский «Опасный поворот». Очень неплохо и все-таки как-то театральная интерпретация мало прибавила к впечатлению от чтения, а при прекрасных технических силах артистов все же ощущалось отсутствие настоящей «натуры», женские голоса дергали своей скрипучестью и не было в сущности ни одной обаятельной женщины, что оправдало бы некоторые фактические экстравагантности текста... Но, повторяю, все же спектакль был неплохой. Но пока что сильнейшим ленинградским впечатлением для меня была пара бананов, купленных в гастрономе, бывш[ем] магазине Елисеева. Толстая кожура бережно сохранила в своем тайнике нежную маслянистую сладость и аромат стран экзотических — что-н[и]б[удь] вроде — «далекой Индии»... Вообще же в Ленинграде, как знаете еще от Гоголя, — жизнь тонкая и политичная, собаки если и не пляшут, чего я, признаюсь, не видел, хотя с Виктором посетил собачью выставку, оставившую в памяти чудесные морды мопсов и в другом роде — борзых, то в чудесах и удовольствиях недостатка нет — не иссякала бы только способность воспринимать, что со мной, увы, иногда вдруг случается независимо от лишнего количества моих лет. Как же Вам понравилась «Анна Каренина» в интерпретации МХАТа? И куда и когда Вы на лето?

Ваш М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 161–161 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 94
4 вересня 1939
Дніпропетровськ

Днепропетровск, 4 сентября.

Милая Наталия Дмитриевна!

Я получил Вашу открыточку почти накануне того (позавчера), как уже собирался не выдержать, да и не мог выдержать, если только хотел (да и мог ли не хотеть?) своевременно хоть идеологически постучаться в знакомую дверь на Тарасовской ул., чтобы принести Вам свои искренние поздравления с пожеланиями всего, всего лучшего и прежде всего здоровья, как основы всего лучшего, Ну, вот и стучусь, и поздравляю сердечно, и пью у Вас идеологически чашку чаю...

Перед самым отъездом из Ленинграда я Вам написал о своем Heimkehr'e, но так как Вы на то письмо не откликнулись, я так и решил, что Вы где-н[и]б[удь] дачуете, проверить же это не давала глубочайшая апатия, овладевшая мною, то ли от жары, то ли вообще... Ну, а с приближением 8/IX, конечно, и без Вашей открытки предстояло как-никак одоление апатии (тем более, что и жара сдала...). У меня все без перемен. Живу просто, размерено и абсолютно одиноко, без всякого общения с людьми. С утра до часу у себя за письменным столом, после часа готовлю себе «легкий» обед, а после 2-х отправляюсь в обл[асную] библиотеку (2 минуты ходьбы от меня) и читаю сплошь (подряд) «Историю XIX века» Лависса и Рамбо. После шести часов иду на Poste restante и затем, возвращаясь, отдыхаю на проспекте Карла Маркса несколько раз (дышу чистым воздухом). Испытываю, правду сказать, большой соблазн прекратить употребление гепатокрина, чтобы тихо и незаметно закончить дни свои... пора... «покоя сердце просит», о, как настойчиво и страстно просит иногда!

В последнее время был очень утешен договором с Германией, как свидетельством, воистину, мудрой политики. На западе

уже гремят военные громы, а мы можем считать более или менее обеспеченным мир для себя, по крайней мере на ближайшее время. В международной политике обстановка может меняться, но ближайшее будущее как-никак теперь обещает нам нерушимость нашего социалистического строительства. Из-за интересов «демократической» Европы нам нет никаких оснований платить подать крови и остаться вне свалки — разве это не достижение мудрой политики? Забыть правила — *si vis pacem, para bellum* — мы не можем и нашей военной готовности, нашей военной бдительности мы, конечно, не ослабим при всем нашем, не возбуждающем никаких сомнений у людей, понимающих вещи, как они есть, миролюбии. И будем надеяться, что результатом войны будет повторение «русского опыта» в странах беллигерантов, хотя бы некоторых. При таком результате пролитая кровь не останется пролитой втуне... И неужели сама европейская «демократия» не убедилась теперь в жалком крахе своей политики и ничтожестве своих руководителей? Последние гордились, что Мюнхеном спасли человечество от войны. «Спасение», как видите, ограничилось годовой отсрочкой. А насколько год тому назад вся обстановка, все условия были благоприятнее для «демократических» стран, чем сейчас! Настолько благоприятнее, что возьми они тогда надлежащий достойный тон, можно было быть уверенным, что Гитлер не рискнет и война, действительно, была бы отсрочена на значительное количество лет, конечно, только отсрочена, ибо в условиях капиталистического порядка раздел мира не может окончиться без драки. Но для современников разве не благо всякая отсрочка?

Что же Вы застали в Киеве, как себя чувствуете после отдыха?

Искренне Ваш,
Мих. Могилянский

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 162. Оригінал.
Рукопис.*

№ 95
17 вересня 1939
Дніпропетровськ

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.
Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.
Днепропетровск. 18.[нрзб.].
Киев. 20.9.39.

Днепропетровск, 17/IX [19]39 г.

Поелику, милая Наталия Дмитриевна, не осведомлен доселе, Вы ли не получили моего поздравления, я ли не получил Вашего на оное поздравление ответа, или ответа не последовало, я, по свойственному мне характеру неуравновешенно-беспокойному, неизвестностью в сильной мере обеспокоен, о чем до сведения Вашего и довожу настоящей открыткой на предмет, если сие Вас очень не затруднит, ликвидации моего беспокойства, чего позволяю себе надеяться в ближайшее время, сколько его требуется на ход письма тур е ретур. Согласны? Ну, если согласны, то я жду, а пока желаю Вам всего лучшего, а сам направляюсь дышать чистым воздухом в Шевченковский парк.

Искренне Ваш,
Мих. М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 163–163 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 96
1 жовтня 1939
Дніпропетровськ

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.
Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.
Днепропетровск. [нрзб.].
Киев. [нрзб.].10.39.
Днепропетровск, 1/X [19]39 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Чувствую, даже, кажется, знаю, что в ближайшие дни печальная годовщина (четвертая?), а вот точно не помню: в том, что все яснее помнится давнее и забывается почти вчерашнее — старость. Что ж? Пора в ней сознаться.

Открытку на открытку получил очень скоро, но хотел бы получить и должок (закрытое на закрытое), так как лестно о Вас больше узнать. К лучшему настроению как будто нет оснований, хотя намек на радость и случился (но уже после моей открытки), намек при благоприятном обороте судьбы, сулящий и настоящую радость. А то, что Вы подметили (в тоне, м[ожет] б[ыть]), вероятно, просочилось из удовлетворения, проистекающего от успешной работы. А весь сентябрь мне работалось хорошо.

Кстати, переписано и даже продано 20 листов (не так из-за денег, небольших, но все же не лишних, как для обеспечения сохранности работы), остается переписать листов 40, да столько же написать (а, м[ожет] б[ыть], и больше). За сентябрь листа три написано. Значит, для окончания надо год (minimum), да столько же для переписки. Итак, для того чтобы сдать работу в порядке, надо прожить еще года два с гаком. А проживу ли? «Сумлеваюсь, штоп»...

Недавно как раз написал страничек пять о Моск[овском] худож[ественном] театре, может быть, и неверных по своим оценкам, но вдохновенных (это не значит, панегирических, наоборот в достаточной мере критических, хотя и отдающих замечательному театру заслуженное). Кстати, Вы можете посмотреть «Опасный поворот» Пристли (идет в Киеве). Но я видел в Ленинграде, и как-то театральная интерпретация мало прибавила к впечатлению от чтения.

Дни опять солнечные, но уже прохладные и я даже чихаю... Всего, всего лучшего. Жива ли еще Анна Львова Берло?

Искренне Ваш,
Мих. М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 164–164 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 97
23 жовтня 1939
Дніпропетровськ

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.
Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.
Днепропетровск. [нрзб].
Киев. 2[нрзб].10.39.

Днепропетровск, 23 октября [19]39 г.

Мне очень грустно, милая Наталия Дмитриевна, — на мое письмо Вы ответили коротенькой открыткой, а на мою очень компактную открытку, написанную в начале октября, уже совсем не ответили. Так я о Вас давно ничего не знаю.

У меня все [без] перемен. Пишу—молчу и читаю. На днях прочел увлекательно написанную книгу Тарле «Нашествие Наполеона», хотя в ней и есть эпатажные загвоздки. К Вам большая просьба — пролейте в Киеве и его районе побольше дождей, отчего зависит уровень Днепра у нас, а от этого уровня наше освещение.

Уже с месяц сидим по вечерам во тьме. Впрочем, я спасаюсь в библиотеку, где сижу часов до 9 (ровно 2 минуты ходьбы до нее от меня), в 9 прихожу и к 10-и ложусь спать. Так, пожалуйста, распорядитесь пролить дожди, а о последующем изложите в обстоятельном письме. У нас дожди были самые небольшие, что моему безкалошному сердцу приятно, но лишает света. Всего лучшего!

Ваш Мих. М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 165–165 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 98
11 листопада 1939
Дніпропетровськ

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.

Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.

Днепропетровск. 12.11.39.

Киев. Сортировочный пункт. [нрзб.] ноябрь 1939.

Киев. [нрзб.].

Днепропетровск, 11 ноября [19]39 г.

Что Вы, что Вы, милая Наталия Дмитриевна, как это я могу на Вас сердиться, за молчание?! Могу беспокоиться, и действительно беспокоился, даже Виктору написал запрос о Вас, но сердиться, нет, сердиться я не могу. С Вашей новой специальностью очень Вас приветствую — все-таки это более широкое море в сравнении с той или иной специальной — географической или тематической — областью.

Ник[олая] Пр[окофьевича] мне уже приходилось вспоминать много раз — в связи с разными событиями — так мимоходом в одной-двух фразах, а теперь я уже уехал в Питер и доехал до [19]12 года. Писание уже дало заработок, какого я давно не имел и сулит в будущем еще больший. Но для этого надо ехать в Ленинград, а когда это будет возможно еще не знаю. В конце октября промочил ноги, я безкалошный, — а уже и без того чихал и кашлял, — вечером пошел в библиотеку (это в 2-х минутах от меня), так как дома не горела электрика и просидел над «Обрывом» до 9 ч[асов], а когда сдал книгу, почувствовал озноб. Пришел домой, измерил температуру и термометр показал давно небывалое — 39,7°!

Словом, дня три провалялся. Я совсем нигде никогда не бываю, но вот 8-го был у Яв[орницкого], так как Дм[итрию] Ив[ановичу] в этот день исполнилось, кажется, 85 лет (м[ожет] б[ыть], 84). А Вы хотите, чтобы он не пропускал сессий. Мне кажется, он уже выслужил право сессии пропускать. Сейчас моя племянница по службе получила командировку — Харьков,

Краматорск, Днепропетровск, Днепродзержинск, Запорожье.
Пробыла уже 4 дня здесь и сегодня поехала в Днепродзержинск.
К вечеру ждем обратно. Привезла с собой кусочек Ленинграда.
Словом, у меня получился двойной праздник. А к празднику
у нас зажгли электрику!

Всего лучшего, Ваш М.

*ЦДАМЛІМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 166–166 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

1940

№ 99
5 січня 1940
Дніпропетровськ

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.

Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.

Днепропетровск. 7.1.40.

Киев. 10.1.40.

Днепропетровск, 5 января 1940 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Последний мой выход был 1-го к Дм[итрию] Ив[ановичу]. Но ни его, ни Сер[афимы] Дм[итриевны] не видел, а только с 1/4 часа поговорил с ее сестрой. Со здоровьем Дм[итрия] Ив[ановича] очень неважно, очень уж много болезней его одолели (впрочем, и болезни все, по-видимому, возрастные). У него и колит, и простатит и какие-то боли в ноге, о которых врачи согласиться не могут, один даже утверждает, что это последствие скрытой малярии, т[о] е[сть], очевидно, фантазирует. Словом, при его возрасте, надо думать, что все это нехорошо... Пришел от него и сразу стал чихать и кашлять, ну, и до сегодня не выходил (было даже легкое повышение температуры). Салсех я знаю уже лет 5 и нахожу, что средство это безвредное, но в равной мере и бесполезное. М[ожет] б[ыть], впрочем, при гриппе он и годится, но я считаю, что я никогда не гриппирую, а только как-то легко простужаюсь, а потом не выдерживаю сидения дома. Вот и сегодня рискнул пойти на почту (ведь 4 дня не был). И там получил Ваше письмо от 26, писанное еще до получения моего новогоднего поздравления. Спасибо. Долго ли Виктор должен пробыть во Львове? В Ленинград я не поехал, ибо мне сие посоветовали отложить в виду темени, там господствующей по вечерам. К тому же и В[иктор] П[латонович] меня убеждал отложить поездку на февраль, когда и он рассчитывает приехать. Пишу много (ежедневно), еще года на полтора хватит, а хватит ли меня на столько, не знаю. Придя с почты,

занимался делом, которым в жизни занимался не так много: мыл белье. И очень устал, но пройти напротив к пединституту бросить письмо в почт[овый] ящик еще собираюсь. Напишите об Анне Вильямовне. Она уже несколько месяцев молчит.

Ваш М.

*ЦДАМЛІМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 167–167 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 100
23 січня 1940
Дніпропетровськ

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.

Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.

Днепропетровск. 26.1.40.

Киев. Сортировочный пункт. 31 янв[аря]1940.

Киев. 10.2.40.

Днепропетровск, 23/І 1940 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Наши «новогодние» открытки разминулись, а на мою вторую, написанную по получении Вашей, Вы не ответствовали. Не знаю, вследствие ли моего запроса Вам об Анне Вильям[овне], но я от нее письмо получил. Если «вследствие», то спасибо! От Дм[итрия] Моис[еевича] слышал (т[о] е[сть] он писал мне об этом), что Вы собираетесь защищать диссертацию, для чего, между прочим, посетить Москву. Когда это может случиться? На пути моем в Ленинград стоит теперь не столько тамошняя темень, сколько московские морозы, да отчасти желание съехаться с Виктором, о котором, кстати сказать, *absolument* ничего не знаю. Если он приедет, передайте ему, что III-й том Луи Блана я в середине января дочитал. Дм[итрий] Ив[анович] все болеет (лежит), даже Сер[афимы] Дм[итриев]ны я уже очень

давно не видал, он ее от себя не отпускает. Кроме болезней, много и старческих капризов, отказывается от еды, требует еду (а умирать вместе с тем явно не хочет). Знакомая докторша говорила мне, что, в сущности, каждый день мог бы встать...

У нас после кратковременных морозов — «одлыга», что моему безкалошию не очень улыбается. Все прочее без перемен. Засим желаю Вам всего, всего наилучшего! День на 24/І (23 уже на исходе) увеличился уже на 50 минут (ого, почти на час), что весьма питает мой оптимизм.

Искренне Ваш,
Мих. М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 170–170 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 101
9 лютого 1940
Дніпропетровськ

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.

Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.

Днепропетровск. 12.2.40.

Киев. 16.2.40.

Днепропетровск, 9 февраля 1940 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Иногда кажется, что почту ныне перевозят на волах, а потому спешу заблаговременно сообщить Вам, что день половины февраля «до сих пор горит в моей памяти, в сокровенной его глубине» и, значит, мысленно я буду в этот день пить у Вас чай и будем в беседе вспоминать прошедшее, как «белых с яблонь дым».

Кстати, мне очень интересно, ставится ли у Вас и сейчас самовар? Я по выезде из Киева (уже 7-й год!), где самоварничал

у Вас и у Ан[ны] Вильям[овны], самовара больше не видел в действии: всюду примусы, электрич[еские] чайники, баки-кипяильники обратили самовар в музейную вещь, дали ему «чистую отставку». А такова сила человеческого консерватизма: мне самоварный чай смакуе лучше всякого иного.

На три мои последние открытки ответа от Вас я не получил (первая разминулась с Вашей) и не знаю, получили ли Вы их. Не знаете ли, когда имеет возвратиться Виктор Пл[атонович]? Моя поездка в Л[енинград] задерживается неподходящими для нее соврем[енными] условиями (в том числе и морозами). Если Вам не трудно, сообщите мне адрес Калиновича, только так, чтобы он этого не знал.

Дело в том, что день рождения его жены бывает раз в 4 года и я хотел бы ее поздравить. Очень хотел бы приобрести книгу Петровского по истории Украины (Хмельниччина?), но сейчас абсолютно лишен капиталов. М[ожет] б[ыть], академия разрешает кредит?

В мае, не позже июня, я погасил бы долг. А то, боюсь, книга разойдется, и я ее не достану. В Ленинграде, пишут мне, -28° , а у нас оттепель, хотя пейзаж еще вполне зимний.

Дм[итрий] Ив[анович] все болеет, никого не принимает, вообще нервничает. Всего лучшего!

Искренне Ваш,
Мих. М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 168–168 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 102
24 лютого 1940
Дніпропетровськ

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.

Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.

Днепропетровск. 25.2.40.

Киев. 1.3.40.

Днепропетровск, 24/II [19]40 г.

Милая Наталия Дмитриевна, письмо Ваше если ехало на волах, то на очень небыстрых. А впрочем, их, м[ожет] б[ыть], задерживали в пути шалости Валентины, о которых Вы пишете. Я заметил, что около дня Валентины (что-то вроде 10/II по ст[арому] ст[илю]) обыкновенно в нашей полосе бывает подобное описанному Вами (бураны). Но у нас этого не было, пробовало было около 20 помести и покрутить, но это не вытанцовалось и даже трамваи с помощью снегоочистителей ходили невозбранно. А потому и базары у нас не пусты, магазины же если и пустоваты, то не от метеорологических причин. В Ленинград я не поехал, а поездку отложил из-за трудностей посадки в Москве. Спасибо за адрес, но какова у меня память! Я уже готовился завтра написать на Артема 53 или 55. Нет, и открытку, писанную пером, я получил (в которой Вы сообщали огорчительные сведения о своей болезни), только она с моей, как это все случается в последнее время, разминулась. Ни Дм[итрия] Ив[ановича], ни Сер[афимы] Дм[итриевны] я уже месяца два не видел и не пробую заходить, так как он и сам никого не принимает, и Сер[афима] Дм[итриевна] не пускает принимать визитеров. Вообще он капризничает и чудит (в чем, вероятно, сказывается склероз мозга). Выражает дикие желания — сжечь рукописи и дом и т. п. Но когда у него изредка бывает наша общая знакомая докторша (единственный человек, которого не отказывается принимать), с ней разговаривает вполне толково и разумно, только жалуется на ночные ужасы. Но Ваш привет я как-н[и]б[удь], хоть письменно, передам, так как должен буду возвратить С[ерафиме] Дм[итриевне] Лермонтова, которого у нее брал. Очень досадно, что В[иктор] Пл[атонович] так долго не возвращается. Мне бы от него надо 4 том Луи Блана получить.

Всего лучшего,

Ваш Мих. М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 169–169 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 103
27 березня 1940
Дніпропетровськ

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.

Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.

Днепропетровск. 1.4.40.

Киев. 4.4.40.

Днепропетровск, 27/III [19]40 г.

Милая Наталия Дмитриевна, очередные открытки прекратились не из-за болезни, а потому, что открыток с месяц не было в продаже (по крайней мере в той части оной, которая отведена под почтовые учреждения). Вот только сегодня получил Ваше письмо (спасибо), а одновременно узнал, что появились открытки. Если открытки прекратились не из-за болезни, это, увы, совсем не значит, что болезни нет. С той самой чудесной ночи, когда радио жарило Чайковского и Шуберта, а в начале 4-го исполнило сонату мирного договора и таким образом для меня открылась перспектива возможного путешествия, с той самой ночи хвораю. Сначала по линии наименьшего сопротивления думал, грипп. Увы, оказалось, хуже. Рецидив моей пернициозной анемии. Кровь не вынесла отсутствия печеночной диеты. Сейчас все сводится к тому, чтобы достать сырой печенки или печеночных препаратов... Увы, это пока не удастся, а болезнь быстро прогрессирует. На 3-й этаж уже поднимаюсь с большим трудом. Итак, в личном отношении — у меня весьма пессимистические виды, зато в общественном — самые оптимистические. Морозы весной — это неприятно, но гриппов от морозов не

бывает, и я, напр[имер], в любую погоду три раза в день по часу держу открытой большую форточку, даже лежа с 38,2°. Разлив рек не жестокий, а прекрасный и обещает изобилие электроэнергии. В неурожай не верю. Есть какие-то силы, оберегающие советское благополучие, и, поверьте мне, неурожая они не допустят. Спасибо за указание на статью Пичеты. Но мне ее, конечно, не достать, о чем, впрочем, не очень жалею. Ну, что он может мне припечетать¹²² о З[ападной] Украине? Даже фамилия у него какая-то несерьезная (это, конечно, несерьезно). Словом, Бог с ним. Очень обрадовали известием о возврате Виктора.

Ваш М.

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 171. Оригінал. Рукопис.

№ 104
27–28 березня 1940
Дніпропетровськ

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.

Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.

Днепропетровск. 1.4.40.

Киев. 3.4.40.

28/III. Сегодня лицо свирепого марта выглядит милым весенним мартом.

Днепропетровск, 27 марта, [19]40 г. (окончание)

Вследствие долгого молчания на одной открытке все желаемое не уместилось, а потому продолжаю на сем изобретении из-за отсутствия открыток. Одновременно пишу Виктору, но не уверен, что правильно пишу № его дома 14. Если увидите его, передайте ему, что я ему написал. Ваше сообщение — «Работаю до изнеможения» — меня глубочайшим образом возмущает. Ко-

¹²² Виділення Михайла Могілянського — ВС.

му и для чего это нужно? Никому и ни для чего. И зачем это делается, неизвестно. А прочли ли Вы «50 лет в строю» Игнатьева? («Знамя», № 9, 1939 г.). Это куда попичетистее всех Пичет будет.

Дм[итрию] Ив[ановичу], видимо, много лучше. По крайней мере сокрушительных тенденций (правда, словесных) — сжечь рукописи, поджечь дом и т. п. как будто уже не обнаруживает. В [19]40 г[оду] я, кажется, у них не был. Все читаю В[альтер] Скоттовского «Ivanhoe» (сокращенное для начинающих издание) и перечитываю Зоценка. А вообще страдаю от отсутствия чтива. Библиотека-читальня близко, но сейчас она для меня недоступна вовсе. М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 172–172 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 105
3 квітня 1940
Дніпропетровськ

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.
Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.
Днепропетровск. 4.4.40.
Киев. 6.4.40.

Днепропетровск, 3 апреля [19]40 г.

Не могу утерпеть, милая Наталия Дмитриевна, чтобы не сообщить Вам, что библиотечные девицы, снисходя к моим недугам, начали выдавать мне на денек прошлогодние журналы, воспользовавшись чем, я не преминул уже вчера прочесть в 10–11 № «Октября» за прошлый год статью Пичеты, рекомендованную Вами по чьей-то рекомендации. Неплохая информационная статья — для энциклопедич[еского] словаря. Only. Ничего нового и более или менее примечательного. Когда-то я любил скупой и сдержанный акад[емический] стиль, теперь мне больше нравится вот такой энергичный

и увесистый стиль, каким на днях Молотов воздал должное и заслуженное всем Чемберленам... В заключение не могу не похвастаться: мне повезло — достал немного печеночных препаратов. К сожалению, болезнь достигла степеней, когда дозировать эти препараты приходится солидными порциями, а достану ли еще, покрыто мраком неизвестности. В последние дни как будто немного лучше с температурой, едва ли это можно приписать печенке, так как принимаю ее всего четвертый день. Еще приблизительно на неделю хватит, а дальнейшее будет зависеть от того, удастся ли достать еще. Тревожит и смущает значительная слабость. Открыток опять, как видите, нет. Очень хотелось бы знать, доходит ли благополучно вот такой суррогат их?

Искренне Ваш,
Мих. М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 173. Оригінал.
Рукопис.*

№ 106
14 травня 1940
Ленінград

Адрес отправителя: Ленинград, Петроградская сторона, Куйбышевская ул., 36/2, кв. 26. Мих. Мих. Могилянскому.

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5. Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.

Киев. Сортировочный пункт. 20.5.1940.

Киев. 21.5.40.

Дождались меня белые ночи! (Вал[ерий] Брюсов)

14/V [19]40 г.

Но так как я не Брюсов, то полагаю, что белые ночи очень дождалась меня, а это я дождался их, проще говоря — сегодня приехал в милый город, где жизнь, как известно, «тон-

кая, политичная, собаки тебе пляшут». Из Дн[еπροпетров]ска уехал позавчера, так и не зная, получили ли Вы мое приветствие с праздниками, при чем думал, что Ваше молчание объясняется Вашей занятостью (кстати, кажется, в день отправки Вам письма прочел в «Сов[етской] Укр[аине]» Ваш фельетон о борьбе за Балтику... прочел с интересом). Увы, вчера от Дм[итрия] Моис[еевича], к которому заходил с Влад[имиром] Эмман[уиловичем], узнал, что дело хуже обстоит, а именно, что Вы опять хворали... Надеюсь, что с теплом все Ваши хворобы пройдут. От Дм[итрия] М[оисеевича] узнал и то, что Вы еще в этом сезоне должны прибыть в Москву для защиты диссертации. М[ожет] б[ыть], встретимся? Вот был бы рад! Хотя я собираюсь здесь пребывать максимум возможного. Если увидите Виктора Плат[онови]ча, скажите ему, что я здесь и весьма волнуясь вопросом, прибудет ли и он на Невские берега? Очень жду его, а буде не приедет, что меня весьма огорчит, хотя бы томов двух Луи Блана...

В Москве вчера в первый раз этой весной ходил без пальто, а здесь холодновато, почти как в Днепропетровске, где, впрочем, тоже в последние дни потеплело и зацвели вишни.

Адрес на обложке.

Ваш Мих. М.

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 174–174 зворот. Оригінал. Рукопис.

№ 107
1 вересня 1940
Ленінград

Ленинград, Куйбышевская ул., д. 36/2, кв. 26
1/IX [19]40 г.

Бесконечно давно, милая Наталия Дмитриевна, не имел я известий от Вас и даже больше того — о Вас. Последнее письмо мое из Днепропетровска, в котором я, после того как дошли

до меня слухи, что Вы собираетесь в Москву защищать диссертацию, спрашивал, когда приблизительно это может произойти, осталось без ответа... На сообщение Вам моего здешнего адреса тоже ничего не последовало. А затем я предполагал возможность, что Вы где-н[и]б[удь] приплетаете, или где-н[и]б[удь] в другом месте отдыхаете от киевских радостей, не пытался тревожить Вашего отдыха в соображении того, что, м[ожет] б[ыть], Вы во избежание всяких тревог, на время отдыха с Киевом порвали всякие связи...

А дни мои текли — то в публичной библиотеке, то дома за мемуарами, которые привожу в читабельный вид для сдачи в Гослитмузей (за последней работой не раз встречаюсь с Николаем Прокофьевичем). Часов 5–6 просиживаю в публичке, часов до 2 до 2 ½ за мемуарами, а с 8 — с ½ 9-го опять начинаю ту же волюнку. Два месяца жил в пустой квартире вдвоем с кошечкой, спасавшей меня от участи епископа Гаттона (дело в том, что в нашем доме в 1-м этаже громадный гастроном, привлекающий столько крыс, что они забираются и к нам в этаж 3-й, но тут наша маленькая кошечка кладет конец их существованию, если они осмеливаются прогуливаться на нашей «площади»).

Ну, как-никак оканчивается 4-й месяц моего пребывания здесь и вот приспело время, когда пора сказать Вам, что день Наталии я помню и, поздравив Вас с ним, пожелать Вам всего, всего лучшего и в первую очередь безгриппозного жития... От души всего лучшего Вам желаю!

За это время судьба перепрягла мне лошадей и так плохо перепрягла, что на новой запряжке никуда дальше не доедешь, как с какого-то моста в Неву. И не шутя, может быть, таки эту поездку и придется совершить, ибо прописывают меня каждый раз на месяц и когда приближается 1-ое, я в тревоге, ибо при необходимости выехать из Ленинграда, выехать будет решительно некогда. Вот и сейчас нахожусь в такой тревоге, ибо паспорт как раз представлен для продления прописки, а продлят ли, одному только Богу известно...

Но если соблаговолите обрадовать меня письмецом, пишите на здешний адрес. Если бы отсюда выставили и вместо невских берегов нашлись для меня какие-н[и]б[удь] иные берега, письмо будет туда переслано. Ну, а в худшем случае, если бы пришлось выехать туда, куда почта не доставляется (что-н[и]б[удь] вроде дна речного), письмо, конечно, пропадет, но мало ли наших писем пропало и разве некоторое увеличение обычных шансов пропажи остановит Вас от написания всего, всего о себе? Надеюсь, не остановит, а потому жду Вашего письма, также надеюсь, что еще по крайней мере раз получу «отсрочку».

Неужели Виктор еще до сих пор не возвратился? Если нет, то не известно ли чего-н[и]б[удь] о предположительном времени его возвращения?

А Дм[итрий] Ив[анович] помре. Помирал долго и мучительно, месяцев 10, сохраняя однако память, разум, но не раз находясь в состоянии психических экстравагантностей... Умер не от болезней, а «от слишком долгого пребывания в живых»...

Всего, всего лучшего, милая Наталия Дмитриевна!
Ваш Мих. Могілянський

P.S.: Ленинград, как всегда, доставлял все это время мне волнующую радость (особенно в пору «белых ночей»), то ли субъективного происхождения, как-никак провел здесь лучшие дни жизни, то ли объективно обоснованных прелестями чудного города.

Вот в последние дни произошла еще одна «катастрофа». Гепатокрин переоценили — и теперь он вместо 7 р. 50 к., стоит 15 р. 50 к. (невероятно, но факт!), так что придется откладывать деньги не на гепатокрин, делящий мое существование, а на похороны...

Но как-то я в таком статусе, что вздорожание гепатокрина встретил вполне равнодушно. Пора, очевидно, поставить точку (не в сем письме, а к моей биографии), хотя и точка к письму уже уместна. М.

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 175–177. Оригінал. Руккопис.

№ 108
19 вересня 1940
Ленінград

Ленінград, 19/ІХ [19]40 г.

Милая Наталия Дмитриевна,

Вчера утром очень обрадован давно не виданным почерком Вашей машинки. Спасибо! В Днепропетровске на «до востребования» ничто лежать не может, так как, уезжая с надеждой туда не возвращаться, сделал на почте заявление о пересылке моей корреспонденции сюда и если в числе пересланного чего-н[и]б[удь] не оказалось, то оно не «лежит» в Дн[епропетров]ске, а залетело куда-н[и]б[удь], если не в стратосферу, то во всяком случае не по адресу.

За «надежду» не возвращаться в Д[непропетров]ск я претерпел наказание лишением возможности туда возвратиться, когда явилась необходимость или угроза необходимости отселения «смыться». Создавалось положение, в котором деться некуда и приходилось всерьез думать о завершении своей биографии, что сделать мне уже и не было бы особенно трудно, так как за последние лет 8 я близко подходил не раз к той черте, у которой все пути кончаются и *hic Rhodus, hic salta!* И единственным выходом из тупика является последний прыжок. Я — совсем не суеверный человек, но всегда не симпатизировал цифре 6, никогда не закрываю книжки на стр. 6, 16, 26 и т. д., не начинаю что-либо делать в 6 минут, 16 минут 1-го, 2-го и т. д. И подходя к 60-ти годам думал, что за грань их собственно и не стоило бы переступать, так как, вероятно, они принесут мне не очень приятные сюрпризы. И что ж — умри я, не переступая грани 60-и лет, где-то перед знаменитой «чисткой», — моя жизнь вы-

глядела бы вполне прилично счастливой жизнью. А вот после 60-и лет посыпались на меня, как из рога изобилия, такие приятности, что действием их подведен я психологически к легкой готовности всегда к своей биографии поставить точку, отчего сейчас в моментах, когда как будто это необходимым становится, уже не заключается особый мучительности, сделать это кажется так просто, просто. Но от той необходимости совершить сие простое, которая диктовалась положением — «дется некуда» до сих пор меня спасал начальник паспортного стола, продолжавший временную прописку и тем оставлявший мне маленькое местечко, где я мог продолжать свое существование. И так существую здесь уже 5-й месяц (увы, никакая временная прописка не дает прав на постоянную), а сейчас обстоятельства как будто получают такой оборот, что, если бы и было отказано в продолжении прописки, тупика не создалось бы: восстановилась возможность возвращения в Днепропетровск... Возвращение по многим и многим причинам не особенно желательно, но все же возможно, как будто.

С этой стороны кризис как будто миновал.

В Каневе я не бывал, а на «могиле», тогда с высоким, издали видным крестом, — был. Могилы же с памятником не видал, так как по Днепру сто лет не ездил. Это лето провел у себя за письменным столом и в публичной библиотеке, что продолжается и сейчас. Только по вечерам после 7 ч[асов] в хорошую погоду совершал чудную прогулку по красивейшим местам Ленинграда — через Кировский (Троицкий) мост в Летний сад, где отдыхал у памятника «дедушки Крылова» и затем тем же путем возвращался, по дороге пил пиво, а придя домой до 2-х — до 3-х и позже сидел за писанием... Сейчас прогулки в Летний сад уже исключены, а ночи и без прогулок при безкалошья мокры, но вот не простуживаюсь, а пишу при открытом окне в любую погоду. Может быть, и не простуживаюсь оттого, что не боюсь простуды и даже, в сущности, не прочь был бы получить хорошенькое воспаление легких, которое поставило бы ту точку, о коей подчас тоскую, сам ее поставить почему-то все

стесняешься. А бедному Дм[итрию] Ив[анови]чу «точка» далась очень трудно, главное, процесс приближения к ней длился чересчур уж долго. Мне с самого начала его болезни, когда врачи спорили о диагнозе, ясно было, что дело не в той или иной болезни, а просто организм изжил себя, силы его исчерпались и началось умирание...

Если увидите Виктора Пл[атоновича] (буде он из дальних (не столь уже и дальних) странствий возвратясь, водворился в Киеве), скажите ему, что я хотел бы получить от него хоть пару слов, а буду здесь до 3-го октября во всяком случае, а возможно и до 15-го (на сей раз буду скромн и попрошу продления прописки только на две недели и надеюсь, что скромность получит заслуженное удовлетворение).

Темнеют утра и вечера, скоро осеннего пальто (да еще столь паршивого, как мое) окажется недостаточно, надо, надо отсюда смываться, хоть так не хочется расставаться с чудесным городом, расставаться на этот раз уже, наверное, с прощанием «на вечную разлуку». Ведь сейчас и приезд сюда весьма затруднен. Вообще же, как приятно жить в городе, в котором сверху не падают бомбы и как начинаешь ценить мудрость нашей политики, давшей защиту нашим городам от ужаса, царящего в мире «передовых» стран. Хотел бы знать, как у Вас с диссертацией и с поездкой в Москву?

Всего лучшего! Простите за, кажется, непомерно растянувшееся письмо. А сколько в этом году вокруг Ленинграда грибов, да каких грибов! Что-то вроде манны, некогда питавшей странствовавших по пустыне евреев. Но убежден, что грибы вкуснее манны.

А Панас Карпович помре, вчера прочел.

Будьте здоровы,

Ваш М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 178–181. Оригінал.
Рукопис.*

№ 109
16 жовтня 1940
Ленінград

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.
Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.
Ленинград. [нрзб.].10.40.
Киев. Сортировочный пункт. 19.10.1940.
Киев. 19.10.40.
Ленинград, 16/Х [19]40 г.

Сегодня, милая Наталия Дмитриевна, имею расстаться с Ленинградом, в котором прожил 5 месяцев и два дня и возвратиться в Днепропетровск (Главный почтамт. До востребования), о чем и довожу до Вашего сведения. Не откажите передать Виктору Платоновичу, если одного увидите, о моем Heimkehr'e и охоте получить от него дальнейшие томы Л[уи] Блана...

Завтра рассчитываю видеться с Влад[имиром] Эммануиловичем. Хотел бы иметь хоть некоторые сведения о делах и днях Ваших. А пока желаю всего лучшего.

Искренне Ваш,
Мих. Могілянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 182–182 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 110
31 жовтня 1940
Дніпропетровськ

Днепропетровск. До востребования.
31 октября [19]40 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

От щирого сердца приветствую Вас с успехом и большим научным достижением, а привет мой препоручаю передать

Вам моему любимому Петру Ильичу (см[отри] марку на конверте).

Но меру моего огорчения ни перо мое, ни Петр Ильич, ни самое горькое слово — передать не могут! Недаром с тех пор (с полгода тому назад) как узнал, что Вы имеете быть в Москве и защищать диссертацию, я раза два просил Вас своевременно уведомить меня о том, когда намерены будете совершить поездку. Увы, Вы не только не сделали этого, но и Влад[имира] Эммануиловича о своем приезде не осведомили. Как, вероятно, знаете от последнего, 17-го/Х я провел у него около 2-х часов в два приема, но он о Вашем присутствии в Москве ничего не знал. Я далек от мысли упрекать и обвинять Вас, все имеет свои причины и достаточные основания. Вот они-то и привели к тому, что — не судилось! Не судилось мне еще раз встретиться с Вами... Надо же дать себе отчет, что это судьба предоставляла последнюю возможность нам еще раз повидаться. И вот предоставляла возможность, а в осуществлении ее, увы, отказала! От того и так горько, так обидно!

А упрек Ваш, что я забываю друзей и оттого Вас не увидел (конечно, принимаю его как шутку), — несправедлив. Десятка близких мне и дорогих людей не мог повидать в Москве, а если Дм[итрия] М[оисееви]ча не посетил, то, значит, не мог этого сделать, а не забыл. Только милого Вл[адимира] Эм[мануилови]ча, да старую приятельницу, встретившую меня на вокзале, я и повидал в Москве (А бедный Вл[адимир] Эм[мануилович] привык меня встречать на Курском вокзале, а потому автоматически вместо Октябрьского вокзала отправился на Курский!). Из Ленинграда я выехал 16-го с температурой больше суток до отъезда не понижавшейся ниже 37,4°, в Москве имел всего около шести часов, из них два часа с гаком ушли на переезд с Окт[ябрьского] вокзала на Курский и сдачу там вещей на хранение... Затем с ручными вещами прикатил к Вл[адимиру] Эм[мануиловичу], ½ часа заняли — кофе и легкий разговор, а затем я должен был бежать посылать телеграммы о выезде (в Харьков) и *les affaires sont les affaires* — по делам в Гослит му-

зей. На последнее убухал массу времени и ничего не добился. Вернулся к Вл[адимиру] Эм[мануиловичу] и здесь он показал свое изумительное кулинарное искусство, угостив нас (меня и мою старую приятельницу, его близкую знакомую) — чудесным, лично приготовленным обедом, после которого я должен был мчаться на вокзал, чтобы не опоздать на днепропетровский поезд! Где же тут было хоть 10 минут выкроить на визит к Дм[итрию] М[oiseевичу]?! Но Вас, совершая невозможное, я разыскал бы, чтобы побыть с Вами хоть 10 минут. Ведь я же знал, что это последняя возможность нашей встречи в сем мире! Увы... не судилось!

Теперь я уже не буду мечтать о Ленинграде, ибо мечтаю о странах восточных, не дальневосточных, а все же и не близких. Случился и на моей улице праздник, здесь ждало меня сюрпризное известие, что нашлась моя москвичка и теперь есть смысл мне прожить еще три года, а так как на это особенно большой надежды не питаю, то мечтаю, если это окажется возможным, весной отправиться в Красноярский край, познакомиться с тем, что такое тайга и, м[ожет] б[ыть], там, в тайге, и закончить свои дни («покою сердце просит», а находка одной трети безумно обостряет боль об остальных двух третях!). Так что вот «шансик» еще раз побывать в Москве имею «проездом», как всегда в последние годы, но Вас-то там не встречу же, увы!

Мне не понятно Ваше выражение, что Москва Вам «все же понравилась». Да Москва же великолепна, очень люблю Москву, а то, что сделано в ней за последние 10 лет изумительно, почти сказочно! Но хорошо и то, что и Вам Москва все же понравилась и Вы почувствовали, ощутили ее красоту...

Будьте, милая, любезны, не откажите сообщить мне, имеется ли на киевском горизонте Виктор Платонович? Два месяца не могу ни от кого этого добиться! За сообщение буду весьма признателен. Есть у меня и еще мелкие просьбы, но лучше отложу их пока на потом.

Будьте здоровы и, почивая на лаврах, не хворайте и меня не забывайте.

Искренне Ваш,
Мих. М.

P.S.: Спасибо за открыточку, которой очень обрадовали (за Вас), и безмерно огорчили. М.

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 183–185. Оригінал. Рукопис.

№ 111
13 листопада 1940
Дніпропетровськ

Днепропетровск, 13 ноября [19]40 г.

Ваше «оправдательное» письмо, милая Наталия Дмитриевна, получил вчера, но Вам и не надо было оправдываться, я же не пел Вам: «Оправдайся, Радамес!». Не Вам, вовсе не Вам, а глупой, издевательской судьбе шлю я горькие упреки. В самом деле, не издевательство ли устроить так, что ведь мы не только в одно время были в Москве (Москва — что? Москва ведь дистанция огромного размера), а находились друг от друга в буквальном смысле слова — в нескольких шагах и не встретились! Разве не обидно?! Вы с 10 до 12-и ждали на площади у вокзала (Курского же!) такси, а я от 10 до 12 (мой поезд пришел около ½ 10-го, и я с вещами по метро прибыл к 10 на Курск[ий] вокзал, ибо видел, что такси придется ждать бесконечно), и вот с 10 до 12 возился со сдачей вещей на хранение (сначала на открытой платформе справа, если стоять лицом к вокзалу) — на площади, той самой, на которой Вы ждали такси! А потом, когда мое «окно» объявило — принимаю еще только от трех человек, а я был пятый — в подвале. Около 12 вылез из этого подвала и продефилировал по всему фасаду вокзала через площадь к метро, чтобы ехать к Вл[адимиру] Эм[мануилови]чу. Значит

проходил в нескольких шагах мимо Вас, ждущей такси! Ну, разве не обидно!? А Ваш Оглоблин — чучело. Ну, как же не научил Вас не ждать два часа такси на площади, а взять человека (на вокзалах их набиваются десятки), который бы вместе с Вами по метро доставил вещи до Крымской пл[ощади], а оттуда донес до Кропоткинской набережной? Стоило бы это не дороже, чем такси (а если рублем—двумя дороже, то их же стоит заплатить за то, чтобы не стоять два часа на площади). Я так сделал и мой поезд прибыл на Октябрьский вокзал что-то около ½ 10-го, а к 10-и — я уже был у Курского вокзала.

Увы, на Ваш приезд сюда не надеюсь, а в том, что мне в Киеве не бывать, уверен. И оттого тем обиднее и острее чувствую издевательство глупой судьбы.

Вл[адимир] Эм[мануилович] не мог Вам точно сказать, когда я был в Москве, конечно, не по юридическим качествам ума своего, а во-первых, потому что точность тут для него не играла никакой роли, дня моего приезда он не запомнил, а во-вторых, потому же, почему встречать меня, прибывавшего из Ленинграда, отправился на Курский вокзал...

Где же это безкнижное местопребывание Виктора? С книгами у меня тоже огорчение. Здешняя облбиблиотека как раз к своему 50-летнему юбилею (не то в конце прошлого, не то в начале нынешнего года) получила подарок — ее лишили обязательного экземпляра по СССР. Так что теперь с новыми книгами плохо совсем, ну, а прошлое в фондах здешней библиотеки, конечно, тоже не представлено удовлетворительно. И мне после 5-месячной Л[енинград]ской публички убожество здешней облбиблиотеки весьма чувствительно. Ко всему этому просвещенные днепропетровцы имеют склонность все, что им понравится или понадобится из книг (даже энц[иклопедических] словарей) вырывать... А мне порой так много книг требуется (для чтения недостатка нет, конечно) для очередных работ и заметок.

Пожалуйста, передайте мой привет Л. Н-е с дочерью и мамашей, если она жива (жива ли?). И вот отяготительная (для

нее, а не для Вас, просьба). Расставаясь с Киевом, я оставил у нее в числе немногочисленных книг несколько томов Золя в укр[аинском] переводе. Если оные томы уцелели у нее, сделала бы мне истинное благодеяние, выслав их мне посылочкой (с наложением платежа — стоимости пересылки). Тексты Золя мне нужны положительно катастрофически. Ну, а не уцелели книги, что делать...

Еще — не найдется ли в Киеве чудака, который бы уступил мне по ненужности ему XXI–XXII том «Записок Історично-філологіч[ного] відділу» УАН (К., 1929) и сборник «Пант[елеймон] Куліш» (тоже акад[емическое] издание)?

Ну, а как Вы пережили второе землетрясение? У нас оно было значительно. В ½ 5-го ночи все население дома сорвалось с постелей. Стены трещали и двигались. Перепуганная дочка требовала, чтобы я одевался, а я знал, что пока натяну правый ботинок (таковы качества моих новых ботинок, привезенных из Л[енингра]да), или кончится землетрясение, или задавит...

Все же должен был успокоить дочку и оделся. Землетрясение кончилось, но мы все-таки вышли посмотреть. Двери всех квартир на лестницу были распахнуты, полуодетые жильцы с детьми на руках в испуге куда-то бежали... Вообще землетрясение вещь не особенно приятная, правду сказать. (А оно у нас что-то входит в привычку.) А в Лондоне?

Странна человеческая природа — вот Вы (спасибо Вам!) счастливы по поводу обретения моей трети. А у меня вот это счастье (все же и для меня это счастье!) — как-то тонет, заслоняется обострением боли о двух третях. О Ваших успехах в Москве мне писал Дм[итрий] М[оисеевич], а я прочел его открытку Серафиме Дмитриевне.

Искренне желаю безгриппия и вообще всего хорошего!

Ваш Мих. Могилянський

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 186–187. Оригінал. Рукопис.

№ 112
18 листопада 1940
Дніпропетровськ

Куда: Киев. Тарасовская ул., 20, кв. 5. Наталии Дмитриевне Василенко-Полонской.

Днепропетровск. 19.11.40.

Киев. 21.11.40.

Днепропетровск, до востребования.

18/XI [19]40 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Я, конечно, разобрался в том, как замакитрилась моя голова, что я вообразил Вас ожидающую такси на площади Курского вокзала, тогда как Вы это делали на пл[ощади] Киевского (б[ывшего] Брянского) вокзала (вспомнились старые времена, когда из Киева в Москву ездили через Курск). Знаете, я Вам могу посоветовать хорошее средство против склонности гриппировать. Это возможно дольше держать форточки открытыми, напр[имер], во все время отсутствия из дому не затворять их вовсе. Я в Л[енингра]де с утра до 12 ч[асов] (три с полов[иной] часа), когда шел в публичку, работал при открытом большом окне, правда (признаюсь) в тайной надежде на спасительное воспаление легких... Но такового не случилось и вообще не хворал, только 05/XI и 16-го, в день выезда, имел 37,4°–37,5°, но в Москве и это развеялось. А здесь теперь уже и боюсь воспаления легких (ибо хочу приехать в тайгу), но с ½ 9-го до 12, когда иду на почту, работаю (порчу бумагу) при открытых форточках. И пока что... ничего. Говорят, это лучшее средство против гриппов. Будьте здоровы!

Ваш Мих. М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 188–188 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 113
22 грудня 1940
Дніпропетровськ

Куда: Киев. Тарасовская ул., 20, кв. 5.

Кому: Наталии Дмитриевне Василенко-Полонской.

Днепропетровск. 26.12.40.

Киев. 29.12.40.

22/ХІІ

Днепропетровск

С новым годом, милая Наталия Дмитриевна, с солнцеворотом, который ко дню получения моего письма уже совершится! У меня к концу года все на исходе — бумага (тетради для писем давно нет), чернила (а в городе их нет, зато есть «козья колбаса из конины» (7 р. 80 к. кило), что мне напоминает детство и некоего дядю Володю, требовавшего — «зробіть мені яблочний пирог з сушених груш»!), на исходе и печеночные препараты, без которых, увы, моя кровь отказывается правильно «фукцировать» (это сдрейфил костный мозг, вырабатывающий эритроциты, утешаюсь тем, что, видимо, в порядке головной). В последнее время испортил много бумаги, много написал, но все для собственного портфеля: «Шекспир» (Pensées), «Пушкин и Франц[узская] революция» (это, впрочем, послал в «Пушкинский временник»), а к середине декабря рьяно принялся за продолжение «Повести о днях моей жизни», уже дошел до осени 1913 г., до марта 1917 г. осталось меньше 4-х лет, а на нем рассчитываю остановиться. Во всяком случае живу сейчас за счет своего прошлого (Лит[ературный] музей в Москве). А грежу о тайге, которая, по сдаче еще одной партии продолжения, материально, надеюсь, станет осуществима. Белки, лисицы, рыси, медведи! Вот будут у меня прекрасные соседи! Будьте здоровы!

Ваш Мих. М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 189–189 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

1941

№ 114
24 січня 1941
Дніпропетровськ

Днепропетровск, 24/І [19]41 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

Новогоднюю Вашу открыточку получил, а поскольку почта наша несколько дней торговала конвертами штампованного образца, и я успел сделать некоторый запас их, вот могу написать Вам и настоящее письмо. О высоком заслуженном награждении Агатангела мы прочли еще летом с Викт[ором] Плат[оновичем] в публичной библиотеке (орден Трудового Знамени), а по поводу его 70-летия в местной прессе была статья, ему посвященная, о чествовании же в сущности ничего не знаю, кроме того, что во время его умер академик Соколов (об этом мне написал Айзеншток). А бедный Агатангел от прилива чувств, вероятно, теперь совсем собьется с панталыку, который у него всегда при несомненном уме был далеко не в полном порядке.

Кстати, если Викт[ор] Пл[атонович] еще не уехал в Москву, скажите ему, что я прошу из Москвы написать мне свой адрес. Между прочим, очень меня огорчило то, что он выслал мне три тома Луи Блана («История Франц[узской] революции»), а я получил только два. На почте, конечно, не обратил внимания на то, что на обороте бандероли написано: «доставлена в разорванном виде». Надпись эту прочел уже дома и не придал ей особенного значения, выбросил тару с этой надписью, только удивился, почему присланы т. т. X и XII и пропущен XI. А через 2 дня получил от него письмо: посылаю Вам три тома Л[уи] Блана. Это теперь на почте при посылке бандероли ее раскупоривают, ищут письма и портят закупорку. Казалось бы, проще при выдаче вскрывать и недозволенное к пересылке конфисковать и получателя штрафовать. (Впрочем, пакостники, вроде меня, в последнем случае могли бы посылать особенно любимым

«друзьям» штрафные бандероли.) Бандероль В[иктора] П[латонови]ча и разорвана была не очень и даже скреплена веревочкой навхрест, а вот один томик кто-то спер. И на что он ему понадобился, собаке? Нигде этого тома я, конечно, не найду.

Что касается мемуаров моих, то я уже получил гонорар за две порции: в 20 печатных листов и в 22, а теперь 6/1 сдано туда еще листов если не 30, то без очень малого. Да листов тридцать еще написано, но не переписано в последней редакции — для сдачи. Да листов 30 еще предполагаю дописать, чтобы поставить точку на событиях конца февраля 1917 г. Дальше все всем известно и отдельная личность, в сущности, теряет свой показательный интерес, в чем я, м[ожет] б[ыть], и ошибаюсь. Да иногда мне просто кажется, что мой мемуаристический импет не остановится на барьере конца февраля 1917 г. и переплеснется и дальше. А тогда — тогда еще листов 40–50 придется писать. Ведь какие были годы!

А что это за «история культуры», о которой Вы пишете? Здесь, конечно, о ней [никто] ничего не слыхал, и никто мне, кроме Вас, о ней не упоминал в письмах.

Близится — меньше месяца осталось — день февральский, когда «весна с зимой бьются», день, когда я, если не фактически, то идеологически, мысленно, буду у Вас на Тарасовской пить чай и вспоминать минувшее... А там не за горами появятся белые цветы: нарциссы, ландыши!

Очень справедливыми нахожу присуждения Сталинских премий: по литературе — Шолохову, по музыке Шостаковичу, по театру Немировичу-Данченко. Конечно же они выразители лучших сторон и черт советского искусства.

Несколько статей о Старицком по поводу какого-то его юбилея читал. Как раньше (несколько лет тому назад) его незаслуженно хаяли, так теперь незаслуженно (преувеличенно) превознесли.

Приезжала на школьный перерыв из Харькова внучка, очень был рад ее визиту, но в конце концов огорчила — все жаловалась — сердце болит, дочка повела ее накануне предпола-

гавшегося отъезда к доктору, а тот утешил: эндокардит. Дня на три задержали ее отъезд, так как чувствовала себя неважно. Крепко надеюсь, что диагноз неверен. Откуда бы взяться эндокардиту? Ничем в последнее время не болела. Все же беспокоюсь об ее здоровье. Я постоянно чихаю от форточек, но думаю, что в общем форточки мне на пользу и стал фанатиком чистого воздуха.

Всего лучшего,
Ваш Мих. М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 190–190 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 115
15 лютого 1941
Дніпропетровськ

Днепропетровск, 15/II [19]41 г.

В этот день, милая Наталия Дмитриевна, мысли мои могут быть только возле Вас, с Вами, а тут еще и письмо от Вас получил...

Вот Вам кажется, что все это было давно, а мне так наоборот — таким близким, даже не вчерашним, а сегодняшним кажется все то, что мы с Вами сегодня вспоминаем, словно и голоса тогдашние звучат для меня совсем реально, ну, слышу же их, ну, вижу же лица, знакомые жесты... Вообще, как начнешь оглядываться на пройденный, довольно таки длинный уже путь, как-то все грани смешиваются и время кажется выдумкой человеческого ума, не могущего обходиться без разных условностей, категорий, перегородок. М[ожет] б[ыть], это свидетельствует о некоторой деформации мозга? Вот психологически чувствуешь свое единство во все дни жизни, от первых, памятью сохраненных, до нынешних включительно, а какие-то

изменения ведь происходят где-то в глубинах. Вот, как Вам известно, года три тому назад сдрейфил мозг костный, отказался вырабатывать эритроциты. Ну, против него нашлись способы — в виде печеночных препаратов, без постоянного употребления которых так и не могу существовать. А мозг головной как будто в порядке, даже кажется иногда (м[ожет] б[ыть], только субъективно) все «удосконаливается» (совершенствуется). А все же и ему свойственны некоторые (очевидно, возрастные) «заскоки». Напр[имер], Вы пишете о Вас[илие] Митр[офановиче], а я забыл его фамилию и час, два никак вспомнить не могу, успокаиваюсь только на том, что буду писать Вам — спрощу. И только, взявши бумагу и омокнув перо в чернило, вдруг вспоминаю... Кажется, все вышеизложенное включает в себе и полный ответ на Ваш вопрос о здоровье, по крайней мере, насколько могу смель о нем суждение иметь, а не ограничиваться своим самочувствием, которое особого значения не имеет, ведь вот и академик Соколов на юбилее Агатангела имел, м[ожет] б[ыть], самочувствие неплохое. Ну, а, если в вопросе о значении, роли печеночного питания, дело имеет опытом доказываемую убедительную несомненность, то во всем почти остальном — «темна вода во облацех». Когда, напр[имер], вуаяжировал в Кисловодск, находили у меня некоторое расширение сердца, даже подтверждали его рентгеноскопиями. А вот осенью ленинградская докторша в поликлинике, выслушав мое сердце и сделав ему несколько комплиментов (с существенной оговоркой — «для вашего возраста»), сказала: «Главное, оно у Вас вполне нормального размера» и на груди начертала этот самый размер. Конечно, возможно начертание сие не соответствовало действительности, а с другой стороны, разве невозможно, что не соответствовали ей кисловодские диагнозы и киевские рентгеноскопии?

Однако, совесть начинает упрекать меня, — возможно ли человеку, столь переобтяженному как Вы, писать километрические письма? Но отбиваюсь от укоров совести тем, что это вовсе не письмо, а разговор за чайным столом, за которым,

столько лет не выдавшись, можно себе позволить некоторые излишества, даже граничащие с переходом в болтливость. Вот чего я никак переварить не в состоянии, так это стилия переобременения, перманентной перегрузки людей (с полным забвением «трех восьмерок»). Я того работника, который не может и не хочет поработать даже сутки непрерывно, когда этого требует само существо работы, даже того, который никогда не увлечется своей работой так, что забудет и об еде, и об отдыхе, сне и не встанет, не оторвется от работы, пока ее не окончит, не обсмакует ее результатов, я б такого зарядил в пушку и выпалил из нее, чтобы и ворон костей его не собрал. Но делать из переобременения норму — это возмутительно. И что это за планы — на [19]41 год — 12 листов? Почему 12, а не 20, не 10, не пять? Во-первых, лучше ведь мало да хорошо, чем много и, не скажу плохо, но... посредственно. А во-вторых, надо же исходить не из количества листов, а из тем, над которыми работает исследователь, из материалов, имеющих уже в его распоряжении и т. д., и т. д.¹²⁵ Или вот «История Киева» и прежде, чем обсуждена программа, установлены возможности, связанные с наличием авторов и мн[огим] другим, уже — трах — готово 4 тома. А может и трех будет довольно... Может работа разрастется до 5-ти? Нет, рамки работы должны быть более подвижны, более, стесняясь употребить столь наивное слово, но так уж и быть, произнесу его, — более свободны. Главное, надо же в основном держать курс — на достоинство, валютность работы, а не на количество листов...

О «гучном» праздновании юбилея Агатангела кое-что читал и даже, кажется, высказал Вам свое опасение, как бы эта «гучность» не окончательно свихнула с панталыку юбиляра, у коего оный «панталык», сколько знаю его (а уж прирожденное

¹²⁵ М! И уже если количеством листов иметь в виду ущимить ученого «леннивого и лукавого», то это же, значит, поощрять его к «водоизлиянию», а давно пора научные труды сделать лапидарно краткими, изгнав из них все лишнее (это требование вытекает не столько из задач экономить бумагу, хотя и они не должны быть забыты, сколько из уважения к достоинству научной работы).

ли это качество или благоприобретенное от жизни сей, в том я неизвестен), повторяю, «панталык» у него ведь всегда был не в полном порядке, несмотря на несомненный ум, способности и знания. Но награжден и «отпразднован», конечно, по заслугам.

Театры пустуют, думаю, не от того, что у советского гражданина ослабела любовь к театру, и не оттого, чтобы его не удовлетворял репертуар (м[ожет] б[ыть], чуть-чуть есть это, напр[имер], в Л[енингра]де, [где] публика ругала «непомерно скучного» «Богдана Хмельницкого», шедшего в русском переводе (я ни в оригинале, ни в переводе с пьесой не знаком и судить об ее достоинствах и недостатках не могу, а его ставили и ставили.). Думаю, что в основном театральная пустота восходит к тому, что, кроме театра, надо же и питаться, а цены театральных билетов и цены «предметов питания» все тут красноречиво объясняют. Вот я очень люблю театр, а за 5 месяцев пребывания в Л[енингра]де, только один раз сходил в театр им[ени] Кирова, (урожденный Мариинский) посмотреть балет «Ромео и Джульетта», за что Эмиль Золя уплатил 15 рублей. А как ни хотелось пойти на некоторые гастроли Худож[ественного] театра, даже ресурсы, предоставленные в мое распоряжение Золя, сего не позволили. Сестра за билеты на некоторые спектакли платила по 24 р. (в кассу театра, а не спекулянтам).

Спасибо за сообщение об «Историке-марксисте», думаю, что он есть в здешней облбиблиотеке, хотя она и лишилась обязательного экземпляра по СССР. Завтра же попробую спросить № 12-й. А знаете, я принял некоторые меры к сохранению «для истории» некоторых сведений о Вашем диспуте. Бонч давно ко мне приставал — упорядочьте свой архив и продайте его нам (т[о] е[сть] Гос[ударственному] лит[ературному] музею). А мой «архив» всегда был чем-то вроде того хаоса, над бездной которого носился «дух Божий», прежде чем приступил к шести дням творения. Кроме того, кое-что интересное (письма Тычины, Хвильового и еще кое-что) презентовал рукописному отделу Всеукр[аинской] народн[ой] библиотеки (так она тогда именовалась). Это я ответил Бончу, но имел неосторожность

спросить, интересуется ли их переписка с укр[аинскими] писателями, переписка советского времени? А он мне — интересуется, соберите что есть и продайте. Я имел глупость ответить: торговать перепиской с приятелями не хочу, а что имею — презентую. Но и тут оказалось, что значительное количество моего «архива» в Л[енингра]де. Ну, все-таки собрал десятка три писем и отправил и втелюшил туда Ваше письмо из Москвы, в котором Вы писали о диспуте и открыточку Дм[итрия] Моисеевича, где он кратко, но очень «хвально» сообщал о Вашем диспуте. И сделал это сознательно, чтобы, как выше сказано, сохранить хоть кое-что о Вашем диспуте «для истории».

Дочка 9-го уехала на месяц в Ессентуки, чему я очень рад, хотя это погрузило меня в полное молчание, вот за 5 дней ее отсутствия, кроме 1-го вечера у Эварницкой, где я с некоторого недавнего времени стал раз в неделю с нею и ее сестрами жарить в преферанс, кроме этого вечера за 5 суток дочкиного отсутствия я дважды в хлебной сказал: «кило серого!». И раз на почте: «пожалуйста, пару открыток!». (Писем спрашивать не приходится, довостребовательные девицы уже хорошо знают меня.) Так отъезду дочери в Ессентуки я очень рад, ибо за 4 года она отдыхала только в те дни, когда не могла подняться с постели, а часто ходила на работу с 38° (да еще с гачком в 0,1 и 0,2) t-ры и все последнее время возвращалась с работы в ½ 12-го, 12 ночи. В начале же января был случай, что с 9 утра работала до 7 вечера другого дня непрерывно (ночью делали какую-то срочную работу, а с 9 утра начали обычную). Вот и красноярская дочка (вернее Больше Муртинская, это что-то 110 километров севернее Красноярска) пишет на днях: «хотя сегодня 11 часов не выпускала на работе в конторе (в какой конторе не знаю, хотя и переписываюсь с ней очень оживленно) пера из рук, все же хочу сегодня же ответить на твое письмо» и надрала письмо не короче вот этого моего, в чем, может быть, проявилась наследственность. Но конец сомкнулся с началом: опять мы пришли к теме о стиле перегрузки людей в работе. Но надо и честь знать. Простите за болтливость, если утомил

Вас, — пора домой, ведь мне же довольно далеченько. Будьте здоровы и не забывайте Вашего Мих. Могілянського.

P.S.: Александрю Михайловичу ответно кланяюсь. М.

P.S.: А о случае с Луи Бланом даже думать спокойно не могу. Вы подумайте, — конечно, при слепоте своей без очков — надпись на обороте бандероли: «доставлена в разорванном виде» прочел только дома. Но прочел и не придавал ей значения, так как все было в видимом порядке и два тома перевязаны шворочкой. Только на другой день из открытки Платоновича узнал, что выслал он три тома. И вот, значит, сперли (на почте) один средний (11) том, доставили только 10 и 12-й. Порядки!

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 191–193. Оригінал. Рукопис.

№ 116
7 березня 1941
Дніпропетровськ

Днепропетровск, 7/III (вечером, что озна[ч]ает, в почтовый ящик письмо должно быть опущено завтра).

Милая Наталия Дмитриевна!

Я очень часто вспоминаю Вас без всякого отношения к тем или иным датам, связанным с чем-нибудь для нас взаимно памятным и без всякого к тому «повода», ну, а малейший повод будит целую цепь незабывающихся картин, настроений времени ушедшего. Вот недавно одним из таких поводов явился один из любимых мной белых цветов, преподнести которые Вам я лишен удовольствия уже 7 лет! Речь о «ландыше серебристом», не думайте только, что наша весна так перегнала Вашу, что мы имеем уже эту скромную драгоценность. Иметь дело

с ним мне пришлось не как с цветком, а с его соком, именуемым — *Conv[allaria] Majalis*, входящим в капли мне прописанные. В сущности я ничем не болен, но как, кажется, уже писал Вам, некоторые из основных органов обнаруживают заинтересованность в моей скорейшей смерти и даже как будто состоят в соревновании, кому же из них удастся достичь своей гнусной (с нашей человеческой т[о] е[сть] субъективной точки зрения) цели. Таким образом, это не болезнь, а «возрастное». Больше того, что доктор(ша) прописал(а) мне капли с участием в них ландыша (я их и давно раньше принимал), меня огорчает воспрещение — с почты возвращаться пешком (ибо путь оттуда ко мне все время направляется *plus haut, plus haut, plus haut!*). Во-первых, это сокращает мою ежедневную прогулку вдвое, во-вторых, я трамваев вообще, а здешних в особенности, терпеть не могу и, в-третьих, это вызывает ежедневно лишний расход в 15 к., т[о] е[сть] в месяц 4 р. 50 к. Относительно моего «архива» (лучше сказать, архивного хаоса) напрасно обеспокоились: Лит[ературный] музей не обратил внимания на мой «жест» и, на днях уведомив меня, что представленные мной письма оценены в 65 р., запросил: согласен ли я на такую оценку? Ну, я поскольку мне 65 р. не лишни, поспешил ответить «согласен» и вот теперь жду. Много более солидной суммы жду за представленную 6/1 дальнейшую часть мемуаров (1904–1907 гг.). Она сейчас читается для оценки консультантом музея (в этой части больше всего — Киева, в том числе и все касающееся Ник[олая] Прок[офьевича]). Ну, а если бы мне добраться еще раз до Л[енингра]да, я бы, прежде чем подготовить к сдаче дальнейшую часть (1907–1913 гг.), разобрался в «архиве» и не около 30 писем, как сейчас, а сотни 2 бухнул им еще.

О Викт[оре] Плат[оновиче]. Вы мне не писали раньше, что он в Болшеве. Чего его черт понес отдыхать в столь непоказанное время? Сам он мне (вот тогда, когда высылал в последний раз Луи Блана) написал, что собирается в Москву, где пробудет, м[ожет] б[ыть], до марта. А поелику март уже наступил, я ему

на днях написал в Киев, а его там, как видно из Вашего письма, нет. Если он там еще долго будет, сообщите мне его адрес.

Приезд Крипякевича (по каким делам?) мне напомнил, как tempoга mutantur. Ведь вот сейчас он, чему можно только порадоваться, восстановил свое реноме, а ведь был он одной из тех «собак», которых на меня вешали по комиссии Биогр[афического] словаря, — смотрите, мол, каких он подбирал сотрудников! А если кто-н[и]б[удь] для «Словаря» что-н[и]б[удь] хотя [бы] сделал, то в числе сих немногих одно из первых мест принадлежит Крипякевичу. Я об этой самой «комиссии» вспоминать очень не люблю, ибо до сих пор еще не могу, не нервничая, это делать. Я пошел на посаду керівничого комиссии абсолютно не подготовленный к той работе, которая возложена была на нее. Но могу утверждать, что я справился с правильным методологическим подходом к заданию и подготовительные работы вел так, как это позволяли материальные возможности комиссии. Но смешно же допускать, что один человек мог осуществлять составление Биогр[афического] словаря по широко поставленной программе. Сколько раз и в разговорах с тогдашними академическими «дигнитарами» (выражение Кирилла Осиповича) и в полугодовых отчетах я указывал, что комиссию надо или перестроить, или закрыть. А «дигнитары» мне отвечали: Вы свое дело делайте, а не Ваше дело рассуждать об общей постановке всего задания. Когда-то при улучшении материальных условий и увеличении штатных единиц, дело пойдет другими темпами. Вас же никто не станет обвинять, что Вы единолично не составили словаря. Однако, стали. И мне нисколько не обидно, что этим занималась такая шантрапа, как разные Кокошки-Шаблювские и пр[очие], и пр[очие], коим досталось катюзі по заслугі (все получили заслуженное), и такие «умные» люди как Ив[ан] Ив[анович] Кравченко (кстати, а его-то судьба какова?), но вот и сейчас без волнения вспоминать не могу, как на спільном зібранні при постановке вопроса о моей выкидачке, Ал[ександр] Ал[ександрович] Богомолец прервал мои объяснения вопросом: — «Мих. Мих., что Вы хотите доказать, что в ком[иссии]

Биогр[афического] словаря все обстояло благополучно? (один Ав[ксентий] Вас[ильевич] тогда пробовал по-человечески, правильно поставить вопрос, хотя его проба выражалась главным образом беспомощным размахиванием руками в разные стороны). И меня всегда интересовало, неужели А[лександр] А[лександрович], ну, наедине с самим собою, вспоминая свой вопрос мне, не ощущал стыда и не краснел? Вот раскачали меня на эти неприятные воспоминания (и даже взволновали), а ведь, если бы стать досконально все излагать, то надо бы написать листов 5 печатных. И я, если когда-н[и]б[удь] начну продолжать мемуары и за грань марта 1917-го, всей этой истории посвящу не больше 10-и печатных строк, т[о] е[сть] ее обойду вовсе. Я, впрочем, не предполагаю идти дальше 1917 г., а дошел до июля 1914-го. Сейчас все это прервано, а в голову мне залез некий микроб, вызывающий почти что психическое заболевание — неудержимое писание стихов, случается и на укр[аинском] языке (это в большинстве случаев в переписке с Рыльским), и на русском на самые разнообразные темы. И все это идет crescendo, доходит до того, что между утренними делами (чай, цветы, уборка комнаты, проветривание квартиры и пр[очее]) и почтой, имея 1 ½ часа для библиотеки, иду туда и раскрыв книгу, прочитаю страницы две, а потом вытягиваю из кармана клочок бумаги и карандаш и отдаюсь стихотворчеству. За последние три дня написал свыше 200 строк под заглавием «Праздные мысли», рассуждения на тему, что было бы, если бы из мира бесследно исчезли немцы, и что было бы, если бы также бесследно исчезли французы? Как бы мне хотелось послать Вам этот оeuvre, но сейчас переписывать абсолютно не в силах и голову распирают другие темы. Пускай, когда-н[и]б[удь]... впоследствии, может быть, и соберусь послать Вам что-н[и]б[удь].

Меня удивила Ваша фраза: «если Вы бываете у С[ерафимы] Дм[итриевны]». Разве я не писал Вам, что неуклонно каждое воскресенье отправляюсь к ней, и с нею и ее двумя сестрами часа три–четыре жарим в преферанс. Это единственный вечер в неделе, когда я... живу «полной жизнью». Я С[ерафиме] Дм[ит-

риевне] говорил как-то, что писал Вам об этом, а она ответствовала, смущенная: — «Ай, ай, ай! Что же обо мне подумает Нат[алия] Дм[итриевна]?!» А в том, зачем библиотеку Дм[итрия] Ив[ановича] (не столь и богатую) и кое-что еще забрали в Киев, раз в доме открывается Музей его имени, и я не очень разбираюсь. Дом ею подарен для Музея. Горсовет постановил, кстати сказать, улицу «Железную» назвать улицей Д[митрия] И[вановича] Яворницкого.

Я никогда ни в малой степени не сомневался в «милости» Ал[ександра] Мих[айловича] (существительное от прилагательного «милый», т[о] е[сть] в том, что он человек милый), а если не отвечал на его поклоны и приветы (неужели не отвечал никогда?), то не из непростительной невежливости, а потому же, почему вот капаю соляную кислоту в чайник и совершаю еще более дикие вещи, т[о] е[сть] по рассеянности, еще потому, что пишу письмо, увлекаясь чем-н[и]б[удь] очередным и редко заглядываю в письмо, на которое отвечаю, таким образом, очевидно, забываю¹²⁴, что там был мне привет от Ал[ександра] Мих[айловича]. А письма от него я, действительно, никогда не получал. Вот сейчас-то помню и прошу передать ему мой привет.

А в делах комиссии Биографического словника (в ее материалах) Вы едва ли найдете что-либо существенное для истории Киева. Вспоминаю, когда-то Н[иколай] Пр[окофьевич] в 1905 хотел выпустить специальный № «Киевских откликов», посвященный 80-летию «14 декабря» и на меня возложил две работы — статью «Декабристы» (так сказать общего характера) и заметку «Киев в истории декабристов». Случилось, что ко дню юбилея происходила одна из забастовок, газеты не выходили, и спец[иальный] № не вышел. Весь материал, для него собранный, прошел постепенно, как очередной газетный материал, в том числе и мои статейки. Так что и я подвизался чуть-чуть по истории Киева. Но тогда, как мало еще было материалов для моей темы. Сколько его опубликовано с тех пор.

¹²⁴ Что происходит, вероятно, и от того, что я никогда с ним не встречался ведь.

Что мои ламентации против переобременения людей и, в частности, против нелепой постановки с этой стороны научн[ой] работы — только «словесность». Вы правы (я очень сконфужен сим замечанием Вашим, ибо оно же устанавливает, что мое негодование — есть, в сущности, праздноболтание, вы употребляете более мягкое слово «словестность»). Уже то, что все мои знакомые и близкие кипят в том же котле, указывает, что индивидуальными усилиями от сего не защититься. Но я глубоко уверен, что придет время (доживу ли до него только?), когда т[оварищ] Маленков или кто-н[и]б[удь] другой столь же авторитетный, раскритикует по заслугам нынешнюю нелепую постановку дела в этом направлении не с отвлеченной точки зрения, а «в рассуждении» целесообразности.

Мои лично «труды и дни» все же достаточно наполнены, и работа моя ведется регулярно, поскольку это допускают внешние условия моей жизни. Часа два (после почты) уходят на приготовление обеда и его съедание, мытье после того посуды. А больше всего из всех занятий моих удовольствия мне доставляет английский язык, кстати сказать, самый легкий в мире (конечно, не говоря о произношении и правописании). Чудесный язык!

Об Агатангеле Вы по доброте и старым отношениям, мне кажется, выражаетесь неправильно. Ну, что он немного остыл и опаматовался, сие допускаю, но чтобы «вошел в пантельк», сего не представляю, ибо в полном «нормальном» «пантельке» я его по крайней мере никогда не видел. И думаю, что он у него от рождения с каким-то органическим повреждением.

А побелел ли я, сказать не могу, ибо в зеркало не заглядываю... ну, почти никогда, а если и заглядываю (редко), то не с точки зрения интереса к цвету своих волос или других вопросов своей наружности. Вот сейчас хотел посмотреть специально, но в комнату с зеркалом вход не свободен. Думаю, что, конечно, белею.

Дней через 5–6 жду возвращения дочки из Ессентуков. Думал, она там отдыхает в *dolce far niente*, а ее, бедняжку, из-

мучили несколькоразовым зондированием и промыванием желчного пузыря (процедура не из приятных). После первого раза — унесли ее в палату, t° поднялась до 39,5° и пролежала три дня. Хорош отдых!

Вот оглянусь на такое письмо и совестно перед занятым человеком. Простите великодушно. Будьте здоровы и всего Вам лучшего!

Ваш Мих. М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 194–195 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 117
22–23 березня 1941
Дніпропетровськ

Днепропетровск, 22/III

Если б Вы знали, милая Наталия Дмитриевна, как разболелся у меня живот (и вот болит до сих пор), когда я прочитал в «Советской Украине» статейку, которой Агатангел хвастнул тем, что на него возложено редактирование V и VI т. т. сочинений Коцюбинского (переписка). Ну, вот Вам человек же он больших знаний, неглупый, остроумный (остроумием часто тяжеловесного сокрушительного сарказма), интересный и хороший человек, а какой при всех перечисленных положительных качествах нестерпимо алеповатый! И такого редактора будет иметь переписка деликатнейшего и тончайшей душевной организации человека! (Ну, как не разболеться животу?!). Вот редактор уже не постеснялся утверждать: «С Коцюбинским меня связывали долгие годы дружбы», а никакой дружбы не было (утверждаю с полной ответственностью за свои слова). Франко, Короленко, Горький все это для него свои люди, а никакой близости и здесь во всех этих случаях не было. Ну, а чего стоит безвкусная ляпанина:

Ну, проживет здесь полгода иль год —
 Скажет: довольно! У Вас тут не мед,
 Скажет: — прощайте, зверюшки! — затем,
 — Я уезжаю, спасибо Вам всем,
 Прежде всего, что не съели меня,
 Вот возвращаюсь домой я жива.
 Дольше желаю и Вам всем прожить,
 Шкурки свои от людей сохранить.
 Жадностью злою ведь люди живут,
 Кровью обильною залит их путь.

(Дальше черновики неразборчивы).

Ну, погодкой угощает нас март! Тоже есть от чего живо-
 ту разболеться. Будьте здоровы! Ал[ександру] М[ихайлови]чу
 мой привет. Печеночные запасы мои истощаются. Еще хватит
 недели на три с маленьким гаком. А дальше, что буду делать?
 Но сказано — завтрашнее само о себе печется. Ну, и пусть себе
 печется!¹²⁵

Сердечно Ваш,
 Мих. Могилянский

23/II[I] P.S.: Мне бы очень хотелось Вас попросить, если
 Вас это не затруднит, когда Вл[адимир] Варл[амович] даст Вам
 прочесть «Праздные мысли», заставьте их прочесть Виктора
 Платоновича. Путь убедится, что не даром его я мучил Луи
 Бланом. М.

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 196–197. Оригі-
 нал. Рукопис.

¹²⁵ Сегодня (22/III) у меня большое событие: родилась дочка... 31 год тому
 назад. М.

№ 118
15 квітня 1941
Дніпропетровськ

Куда: Киев. Тарасовская ул., 20, кв. 5.

Кому: Наталии Дмитриевне Василенко-Полонской.

Днепропетровск. 15.4.41.

Киев. Сортировочный пункт. 18 апреля 1941.

Киев. 18.4.41.

Днепропетровск, 15/IV [19]41 г.

Хотя всегда не знаешь теперь, милая Наталия Дмитриевна, на каких волах (скорых или медленных) повезут твое письмо, думаю, что и скорые едва ли поспеют вовремя. Приветствую Вас и А[лександра] М[ихайловича] с праздниками и приближающимся 1-м мая! До сих пор не знаю, получили ли Вы мое последнее письмо, в котором писал между прочим, что просил дать Вам прочесть мои «Праздные мысли». Очень меня интересует вопрос, как разрешится (а м[ожет] б[ыть], уже и разрешился) в академии вопрос о заместителе Соколова по Институту материальн[ой] культуры и пройдет ли на сие место мой кандидат, того несомненно больше других возможных кандидатов заслуживающий. Весна у нас в полном разгаре: на днях валил снег, солнца почти не видим, а когда и видим оно — «светит да не греет». Опять заработало центральное отопление, опять я влез в ватное пальто... (А в последний из 4-х, кажется, совсем весенних дней, т[о] е[сть] уже дней 5 тому назад, я выходил после обеда — без всякого пальто. Но все хорошее непрочно в этом мире, увы.) Вчера прочел заметку Тарле об избранных сочинениях Наполеона и сейчас пойду разыскивать, нельзя ли их купить. Никаких белых цветов еще не видел, кроме хлопьев снега. Но последних я бы Вам не поднес. Засим желаю Вам всего лучшего в наилучшем из возможных миров.

Всегда Ваш, Мих. Могілянський.

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 198–198 зворот.
Оригінал. Рукопис.

№ 119
18–19, 21, 22 квітня 1941
Дніпропетровськ

Днепропетровск, 18/IV (на ночь)

Милая Наталия Дмитриевна!

В том, что в отрывке Некрасовской поэмы встречаются «непричесанности» нет ничего удивительного: во-первых, это же взято из «черновых рукописей», а во-вторых, *ich singe wie der Vogel singt* (Гете), т[о] е[сть] вот как вышло, какой имею голос — без надлежащей «отделки», без парикмахерской, в которой причесывают. Прибавил бы и, в-третьих, нередко «непричесанности» у меня бывают умышленными, ибо не люблю слишком большого порядка в прическе. Но это не относится к «Лесе», в которой я бы исправил прическу, если бы заметил в ней непорядок. А если «материал» так волнует Вас, я «с тем что для Вас» должен его заострить, прибавив то, что не нашло себе места в отрывке поэмы, а именно, что к «всамделишнему» московскому «героиня» прислушивается после двух лет, проведенных там, где все «часы остановились»...

Ну, а на счет моего поэтического «стажа» Вы немножко «помиляетесь» и «молодость» моя поэтическая весьма сомнительна. Ведь что-то в 1898 г. (кажется) я выпустил сборник своих «стихотворений» (под инициалами М. М.), правда, с тех пор этим делом до самого последнего времени не занимался, за 40 лет с гаком написал не больше полудесятка стихов, так что, если можно говорить о «молодости», то это во всяком случае уже «вторая молодость». Года два тому назад случился со мной такой эпизод: сидел я у — вот 25 марта умершего — Арк[адия] Георг[иевича] Горнфельда и мирно с ним беседовал. Вдруг

телефонный звонок. Я, конечно, не вслушивался в разговор, но вот вдруг слышу, Арк[адий] Георг[иевич] говорит: — «Подождите, Дмитрий Петрович, (звонил тоже ныне уже покойный Якубович, сын поэта П. Я., Мельшина, Гриневича) — я сейчас посмотрю в «словаре псевдонимов» и раскрывает неподалеку лежавший «словарь псевдонимов» Масанова (кстати сказать, библиогр[афическая] редкость, ибо его получили только сотрудники составителя, а издание не было выпущено. Сейчас на новое издание объявлена была подписка с тем, что первый том должен был выйти в октябре, но он и до сих пор не вышел.) Вдруг лицо его расплывается в улыбке, он мне подмаргивает, а собеседнику говорит: — «Вот, Дм[итрий] П[етрович], история!, — представьте себе, — этот самый М. М. сидит против меня с другой стороны письменного стола, это Мих. Мих. Могілянський.» А потом объяснил мне, что Якубович спрашивал его, не знает ли он, кто это был М. М., которого за «Стихотворения» и брошюрку «Поэзия Надсона» разносили Михайловский и Гриневич (т[о] е[сть] отец вопрошавшего)? (Разносили за «марксизм», Гриневич так и аттестовал меня — «певец экономического (теперь сказали бы диалектического) материализма». Так вот, какой не короткий мой «поэтический стаж». Думаю, что Вл[адимир] Варл[амович], в конце концов, исполнит мою просьбу и передаст Вам для прочтения «Праздные мысли человека с бессрочным паспортом». Он, послушный общему закону, переобременен работой, как и все. Только вчера после ряда моих открыток с вопросом, получил ли «Праздные мысли», через месяц после их получения — открыткой уведомил: «получил» и прибавил: а письмо пишу понемножку... О всех Ваших выступлениях знаю по газетам, ибо, кроме местной газеты и «Известий», читаю «Советскую Украину», а о выступлении с докладом на акад[емической] сессии и от Вл[адимира] Варл[амовича], который писал мне о нем весьма похвально. А что касается вопроса, меня всегда так волнующего, об обращении людей в почтовых кляч, которых гоняют без внимания к их силам и выносливости, то я понимаю, что индивидуаль-

ными усилиями от этой «ненормальности» защититься трудно (а, м[ожет] б[ыть], и невозможно) и все же надо противиться переобремене[не]нию, — заявляя — не могу, не хочу! Неужели же, в самом деле, «богоподобный разум» дан человеку для того, чтобы он делал глупости? А вот, как же иначе квалифицировать такой случай из этой практики переобременения? Сестра состоит ассистентом у проф[ессора] — по кафедре накожн[ых] болезней в мединституте — Подвысоцкой и ординатором в поликлинике, заведующей которой состоит эта самая Подвысоцкая, человек энергичный, толковый, с прекрасной головой, кстати сказать, партийный. И вот эта самая Подвысоцкая (она много моложе сестры) по общему примеру все время так перегружала себя работой, что все окружающие чувствовали, добром это не кончится, но никто не ожидал все-таки того, что случилось. А случилось очень скверное: доработалась до тромбоза мозговых сосудов с параличом левой стороны тела. А о причинах подобного даже в «Малой сов[етской] энцикл[опедии]» можете прочесть, что ими является — «изнашивание сосудов и сердца вследствие негигиенических условий жизни, чрезмерность физической и умственной работы и т. д.» Спрашивается, кому и для чего нужно было, чтобы так глупо искалечен был незаурядный человек?

А вот во Львов я бы поехал с громадным удовольствием. Для меня подобные поездки — отдых и освежение. Но для Вас, увы, они окрашены иначе, Вы ездить не любите и от поездок устаете... Как жаль!

В моих «Праздных мыслях» «непричесанностей», вероятно, найдете больше, чем в «Лесе», ибо там они не раз, как выше сказано, умышленны. Но в общем «Мысли» написаны с одушевлением и волнением, что, мне кажется, должно чувствоваться читателем.

Очень прошу как-н[и]б[удь] известить меня, кто же призван возглавлять Инст[иту]т материальной культуры (так, кажется, называется Инст[иту]т, во главе которого стоял покойный

Соколов)? Викт[ор] Пл[атонович] на мою последнюю открытку с тем же вопросом не ответил.

Да, забыл, — я еще начал стихами же писать «Автобиографическое» и уже написал свыше 2000 строк, а дошел до лета [18]98 г. (езжу по Рейну, после лечения в Nauheim'e и направляюсь в Швейцарию...).

Боюсь, что столь занятому, как Вы, человеку нельзя писать таких длинных писем.

Привет А[лександру] М[ихайлови]чу. Если таки поедете во Львов — поклонитесь ему от меня. Сюда несколько раз приезжала для свидания с сыном супруга А[лександра] В[асильевича] Леонтовича, а один раз и он сам, но я их не видел, знаю от С[ерафимы] Д[митриев]ны. Кажется, больше они не приезжали, так как сын отсюда выбыл. Но если бы Вы услышали, что едут, перешлите мне биогр[афический] роман из жизни Бальзака и Мирабо и, если существует еще, Пушкинскую медаль. Хотел Вас просить приветствовать с днем 5 апр[еля] (23/III) Лидию Никол[аевну], но, увы, пропустил этот день, голова моя часто бывает замакитрена. Всего, всего лучшего.

Ваш Мих. М.

19/IV. Ко всем «непричесанностям» в стихах я отношусь «либерально», кроме тех, от которых при чтении читатель спотыкается. Но для того, чтобы спотыканий не случалось, часто нужна только правильная акцентация. Вот когда я читаю довольно пространные «Праздные мысли», спотыкание происходит только в одном месте, где приводятся в подлиннике слова Дантона, — тут оно неустранимо, если не отказаться от подлинной цитаты, чего я делать не хотел. А уверен, что редко кто прочтет (особенно сразу) — так, чтобы спотыканий не было. С удовольствием прочел бы Вам сам, но, увы, удовольствия нам в жизни отпущено слишком мало. М.

Наталии Дмитриевне вместо весенних белых цветов.

Праздные мысли человека с бессрочным паспортом.

При праздной голове, незанятых руках
 Какие мысли не проносятся в мозгах,
 Какие не манят, задуматься, вопросы,
 Ей, кажется порой, испортили мозги компрачкосы!
 Ну, вот недавно размышлял, — а что когда
 Исчезли б немцы вдруг без всякого следа,
 Мне было б жаль? — Признаться, очень мало,
 Хотя в дни юности туманной как бывало
 Над Гегелем, над Кантом я потел!
 А как бы Нюня¹²⁶ ликовала,
 С своей сердечной добротой,
 Для немцев оставаясь злой!
 Ну, философия, конечно б, пострадала.
 Бог с ней! Хоть Алика¹²⁷ бы это огорчало
 И старый Либкнехт находил
 Социализма в ней одну из сил,
 Которой надобно гордиться
 Ну, и, конечно... поучиться.
 Ах, многие гордились,
 Но многие ль учились?
 Боюсь, заминка вышла б с пивом,
 Тем огорчив меня, но дивным дивом
 Я б лёгко огорченье перенес, утешившись другим,
 Ну, чем-нибудь не менее смачнѣм.
 Плохих сигар никто б не пожалел
 И немцев так лёгко снесли все горестный удел.
 А Гейне? Ну, а «Фауст», — не жаль их тоже?
 Ну, Гейне родину обрел в Париже и похоже
 На Сенских берегах не очень тосковал о Рейне,
 Как дома чувствовал себя на улицах, в кофейне,
 Романтик над романтикой смеялся
 И умницей, и «барабанщиком лихим» остался.
 А Гете — тот в придворном чине

¹²⁶ Сестра.

¹²⁷ Племянник, увлекающийся философией.

Погиб бы в жесточайшем сплине,
Когда бы «Фауст» его не охранял,
Тот «Фауст», что мир его не сразу разобрал.
Ну, как хотите, в нем и Веймара, и немца
Не очень явственны коленца.
И маску каждой нации прилично
Herr Гете мог носить совсем отлично.
Бетховен мог ли быть не немцем, я не знаю,
Но если бы не мог, я уступаю:
Немного немцев надо б сохранить,
Чтоб были ими те, кто иначе не может быть.
Конечно, речь не о коптителях небес,
А о создателях культурнейших чудес.
А остальных? — В утиль, на мыло,
Чтоб и не пахло, как не было!
Признаться, немцев я любить готов,
Но только б их изъять из Гитлеров оков.
Вот Францию прекрасную возможно-ль не любить?
Ведь солнце без нее не стало бы светить
Так весело, так радостно, так ярко,
Как нас не веселит наилучшая доярка.
Как обеднел бы мир без крепкого Рабле,
Гаргантюа всем мил в циническом грехе.
Как обойтись без страстного Руссо,
Энциклопедистов не любить блестящее кольцо,
Дидро, Гельвеция, Гольбаха, Д'Аламбера?
Какие имена, какая эра!
А остроу и яд ума Вольтера
Утратив, мир не стал бы слишком серым?
Пусть грешен. Мирабо, а мощные рулады
Его речей звучат доселе канонадой.
А был ли где, хоть слабо, повторен
Как глыба мрамора, как страсть сама Дантон?
Как золото Аи искрились мило
Живые блески слов в статьях Камилла.
А образ юного Сен-Жюста

Не создан ли для героического бюста?
А «неподкупный» Робеспьер,
Республиканской доблести пример?
Atie di reuple, — неистовый Мюрат
Не воплощенный ли набат?
А жизненных больших противоречий
Следы встают и средь увечий,
Нанесенных движению вперед
Героями, прошедшими печальный свой черед.
Madame Ролан и пламенный Верньо,
Средь вихря бурь спасавшие лицо
Своей мечты о правовом прогрессе,
Служа ей словно в строгой мессе.
Соратники взошли на тот же эшафот,
Увидевший, как вслед за ними вот,
Как мстительница праведного гнева
Кровавого выступила дева
Шарлотта юная Корде
С кинжалом в трепетной руке.
Как много их и все неповторимы
Герои и борцы не в масках мимы.
Все веком рождены великим «Просвещенья»,
Мечтавшим дать уму его предназначенье.
Был смысл один всех философских дум:
Пусть миром правит полновластно ум!
И если провалилась та мечта не без конфуза,
Провал конфузом не был гения француза,
А на позициях трагической беды
Следов нет неоправданной вины.
За каждую ошибку лучших Франции детей
Страна платила подать кровью,
Мечтательной пролитою любовью.
(Обилие крови печалит гуманиста,
Хоть спрашивал Барер, — да так ли она чиста?
У каждого свои герои и любимцы,
Но нечего таить, были и проходимцы.

5/III

«О, негодяев среди нас немало!»
Жерара честность признавала
В дни революции счастливого начала.)
И разве не звучит еще сейчас еще для нас
Призываю: — de l'audace, et de l'audace et encore de l'audace!
Чье сердце бьется слишком осторожно,
Тому и Францию понять, пожалуй, невозможно.
Но разве мир, скажите, б не увял,
Когда бы Францию вдруг потерял?
Ну, что б за мир был, скажем для примера,
Без злоязычия Вольтера
Без мудрого Панглосса и Кандида,
Ну, где подобных мы нашли бы?
И бешенство цвело бы без Пастера?
И дифтерит душил детей без Ру?
Нет, мир без них какая-то химера
И я в том мире жить не захочу.
Ну, а Бальзак, Золя и Мопассан,
Любимцы всех культурных стран?
А общий их исток — пленительный Стендаль,
Ума расплавленная сталь?
А скеписис добрый Анатоля,
Пилат и Пютуа, и жаждущие боги,
И бедный Кренкебиль, и глупые пингвины
(О, как они похожи на людей
Бессмертной глупостью своей!)
И ангелы, восставшие в небес трясине
Ужели всех так и отдать без боли?
А вместо них повапленные гробы?
(От «Анатolia» слишком «боли» далеки,
Но что ж, когда меж ними
Налезли боги, ангелы, пингвины,
Не только разлучив их, но и богов
В версте поставив от гробов?!)
Ну, а Мане, Моне, Гоген, Сезанн?
Нет, галлерей Шукинской и той я не отдам!

*И, наконец, вне области искусства
Без среднего француза было б пусто.
«Француз — дитя,
От Вам шутя,
Разрушит трон,
Издаст закон»...
Народ дитя, так жадный к жизни —
Ее все нелады пройдя без укоризны,
Веселый детский нрав до старости хранить
Всех ипохондриков способен научить.
Великий в будничном, — и ведь недаром
Кровь пролилась парижских коммунаров,
Грядущим завещав годам:
Идти вперед, не оглядаясь на Notre Dame,
Da Sacré Cœur, да разные Мадлены,
Всю бутафорию давнишней сцены,
Не очень также верить Chambre des Députés
И надписям на тюрьмах: Liberté.
Ну, а Парижские бульвары — искристое вино,
Что сердце веселит отдать разве легко?
Там песни улицы ведь пламенный каскад,
Когда певцам сам черт не брат!
А рядом Марсельеза, Карманьола,
Призыв к борьбе «решительного боя»,
Звучащий, как приказ, но нежно, как виола
И нежностью родящий в свет героя.
Нет, Франции мир не отдаст,
Без Франции он ведь осиротеет,
Все будет проза и умрет фантаст,
Вино, любовь, веселый смех,
И острый ум, и сладкий грех —
Все безнадежно обмелеет.
Ну, все, кто за вино, кто за любовь,
Метал расплавленный чья кровь,
Кого влечет к соблазнам грех
И радует веселый смех,*

Belle France должны для мира отстоять,
Все лучшее нельзя же потерять,
Нельзя ж так жалко захиреть,
Чтоб вместо Марсельезы
«Mein lieber Augustchen» запеть,
Все спутав анамнезы.
Ах, Франция, ты мысли нашей вольной
Второю родиной была
И боль твою переживают больно
Все благодарные сердца,
Но верят встанешь непременно
Вернешься к миссии своей
И впредь пребудешь неизменно
Творцом передовых идей,
Создателем большого счастья
И жизни, полной красоты
В лучах непревзойденной страсти
И победительной мечты
Без метафизики потусторонней,
Без философских колпаков
Филистерству плачевно обреченных,
Для мысли жаждущих оков.
Француз оков не допускает
Ни в буднях жизненных, ни в чувствах, ни в мыслях,
Все несвободное сжигает
Идейно пламенным горением.
И если буржуа неслышно разрушали
Парижа гордого очарованье
И даже камни улиц опошляли,
Зажжется новым он сияньем
В тот час, когда перекликнется
Грядущее с минулым, улыбнется
Минулое грядущему и город мира
Низвергнет, разобьет изжитые кумиры
И гениальный Франции народ
Зажжет непотухающее пламя

И над Парижем развернет
 Как кровью крашенное знамя! 6/III
 И мысль, и новое искусство
 Французский вирус вдохновит,
 Для вящей полноты картины
 Потребные отыщет витамины,
 Чтоб напряженьем творческого чувства
 Иной дать миру колорит,
 А в жизни повседневной будни
 Громокипящий кубок Гебы
 С земли открывшегося неба
 С роскошной щедростью прольет
 Утратит добродетель нудность¹²⁸
 И лицемерящий почет.
 И можно будет позабыть
 Стрелу, отточенную так:
 В сем подлом мире лишь дурак
 Мошенником не хочет быть.
 (О, Габриель Рикетти Мирабо 7/III
 Мог отмочить куда как мирово!).
 Мы многое имеем лишь de jure,
 Осуществление чего в большом труде,
 Но путеводной в рецептуре
 Улечься ли звезде?
 Бывает тяжело, бывает радостно трудиться,
 Но только у французов можно научиться,
 Как радость будни принимать
 И будущность с текущим сочетать
 Так, чтобы света идеала
 Вся современность не слиняла,
 Но чтобы и ведущий идеал
 В потемках будничных не померкал.
 Пускай же мудрость здравствует французов,

¹²⁸ М! В игривом тоне:

Тут, если «нудность» от «будний» далека,
 То в горестном конфузе от рифм таких греха.

*Хотя она и не предмет для вузов,
Совсем, совсем не ригористична,
Порой возвышенно мила,
Порой немножко эластична,
А в целом — на земле — земля,
И оттого доступна, усвоима,
Жизнеспособною землей,
А с нею Францию — неповторима
В греховной святости своей.
Ну, кончить можно, думаю, без заключенья,
Ведь взрослым не нужны нравоченья.*

8/III

(Ну, а на переписку позже (1/IV) написанного PS, излагающего столь же «праздные мысли» об итальянцах и англичанах, у меня уже не хватает духу...)

21/IV Большая просьба: о полученном уведомить. Ваш Мих. Могілянський

22/IV. Ну, как жить в такой дыре?! Новых книг не только не достанешь, а узнаешь о их выходе с таким опозданием, что вот, напр[имер], Шагиняншиного «Шевченка» требовал от «книжных» людей и из Л[енингра]да, и из Москвы (шел на два экземпляра) и не получил ни одного, а книга так нужна, что от отчаяния готов был под трамвай броситься. Теперь то же происходит с сочинениями Наполеона, но Наполеона «хочется» иметь, а Шагинянша треклятая необходима. Ну, что поделаете?! М.

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 199–203 зворот. Оригінал. Рукопис.

№ 120
10 травня 1941
Дніпропетровськ

Куда: Киев. Тарасовская ул., 20, кв. 5.

Кому: Наталии Дмитриевне Василенко-Полонской.

Днепропетровск. 12.5.41.

Киев. Сортировочный пункт. 14 мая 1941.

Киев. 14.5.41.

10 мая [19]41 г. Днепропетровск.

Милая Наталия Дмитриевна!

Посылая Вам свои «Праздные мысли», я просил уведомить об их получении, но одного уведомления не получив, начинаю испытывать тревогу, получили ли? Повторяю по сему просьбу, не прошу, если заняты, письма, а только одного слова — получила или двух — не получила. Only.

Привет Александру М[ихайловичу].

Всего лучшего. Если поедете во Львов, привет городу, где я когда-то провел несколько хороших дней (до трех недель впрочем!) Будьте здоровы!

Ваш Мих. М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 204–204 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 121

28 травня 1941

Дніпропетровськ

Днепропетровск, 28/V [19]41 г.

Если Вы хотите представить себе, милая Наталия Дмитриевна, человека безмерно огорченного и даже обиженного (да, да, на этот раз, признаюсь, обиженного), вспомните обо мне. А огорчили и обидели меня Вы, обидели не только предположением, что я мог обидеться, но категорическим утверждением, что я обиделся на Вас за Ваш отзыв о моих стихах! Да Вы бы меня всем бранным лексиконом, который способен

выговорить Ваш язык, «покрыли», я не обиделся бы нисколько, ибо ценю всякое искреннее мнение и никогда не обижался за самую резкую критику. Агатангел¹²⁹, правда, когда-то уверял меня, что люди прощают все — обман, измену, холодность, лицемерие, только никогда не прощают... неблагоприятной рецензии. Ей-же-ей, я не из таких «чувствительных» к критике. Но главное, неужели Вы меня считаете таким чурбаном, чтобы отзыв, подобный Вашему (помню его на память: «прочитала стихи и всплакнула, так они задушевно хороши... в них много задушевной прелести...

Слушая в 12 ч. ночи бой «московских курантов», я вспоминаю Ваши волнующие стихи.»), неужели Вы меня считаете таким чурбаном, чтобы я после такого волнующего отзыва мог обидеться, каковы бы ни были Ваши оговорки и замечания о форме (хотя и последние у Вас ведь изыскано деликатны)?! Сейчас, когда первое впечатление огорчения и обиды несколько остыло (я не писал сейчас же, так как в открытке Вы писали: «на этих днях еду во Львов»), сейчас я, главным образом, размышляю о том, что возможны же подобные недоразумения (полагаю, что все сводится к какому-то печальному недоразумению, вина в котором, вероятно, лежит на мне и заключается в небрежном («непричесанном»?) и невразумительном изложении моих мыслей), возможны же такие недоразумения между людьми, так хорошо знающими и понимающими друг друга!

Так вот, если на Ваше замечание, что «многие отзываю-
тся (это уже заглядываю в письмо Ваше о 14/IV) поэтической
молодостью автора, коротким стихотворным стажем», я отве-
тил, что «и автор» я «немолодой», то не для того, чтобы похва-
статься своим сорокалетним «стихотворным стажем» (впро-
чем, — после опубликования сборника стихов не то в [18]97, не

¹²⁹ До сих пор я думал, что последний рожден с недостатком одной клепки в голове, но сейчас приходится думать, что если у него еще там остались клепки, то во всяком случае никак не больше одной, да и то, вероятно, дефектной, изъеденной дурным вкусом.

то в [18]98 г. до последней осени я, если написал стихи, то не более пяти–шести за 40 лет, так что «стаж» мой со значительным перерывом), — только для того, чтобы показать Вам, что снисхождения за «поэтическую молодость» и краткость «стихотворного стажа» не заслуживаю¹³⁰, увы. Ну, а что касается «непричесанности» моих стихов («Леси» в данном случае), то, ей-богу, не помню хорошо, что я Вам там написал точно, а по существу, должен был написать, что «непричесанность» стихов моих соответствует в общем наружности (манере быть) автора, — я ведь никогда, признаться, не причесываюсь иначе, как пятерней и гребешка никогда не имел. Из моих стихов не только у Вас, но и у всех «Леся» имела наибольший успех, но никто в своих отзывах не сказал мне более лестного и более волнующего, чем Вы. И вдруг оказывается, что я на Вас «обиделся» за замечание о «непричесанности» моих стихов. Невероятно, но факт! (Кстати сказать, может быть, не употребляя этого слова, но по существу тоже о «форме» моих стихов встречается в нескольких отзывах.)

And that is all, что я могу сказать по поводу этого печального и для меня очень огорчительного «случая».

¹³⁰ Не могу воздержаться от небольшого мемуарного «морсо»: Года два тому назад сидел я у покойного А[ркадия] Г[еоргиевича] Горнфельда. Раздался телеф[онный] звонок. Он взял со стола трубку и начал разговор, в который я не вслушивался, но вдруг слышу: — «Обождите, Д[митрий] П[етрович], я сейчас посмотрю у Масанова (т[о] е[сть] в «Словаре псевдонимов» М.) и Вам скажу.» Взял раскрыл «Словарь» и лицо его расплылось в улыбку, весело подморгнул мне и заговорил в трубку: — «Вот удивительный случай, Д[митрий] П[етрович]! Представьте себе, этот самый М. М. сидит сейчас против меня у письменного стола. Это М. М. Могилянский.» А затем объяснил мне, что звонил Д[митрий] П[етрович] Якубович (сын П[этра] Ф[илипповича] Якубовича, — поэта (П. Я.), беллетриста (Мельшин) и критика (Гриневич)) — увы, с прошлого лета тоже покойный, — спросил, не знает ли А. Г., кто это был М. М., которого за «марксистские стихи» разнесли Михайловский и отец вопрошавшего? А[ркадий] Г[еоргиевич] этого не знал, а, заглянув в «Словарь псевдонимов» с изумлением узнал, что это был я. (Цей сюжет уже згадувався в листі від 18–19, 21, 22 квітня 1941 — ВС)

А Вам в виду Вашей чуткости к трогательному позвольте послать стихотворение — не мое, но автора мне чересчур близкого:

*По твоей морщинистой щеке
Искоркой протянется слеза.
Мама, мамочка, тоскую о тебе,
Видишь, как туманятся глаза!
Старенькая, верно, ты теперь,
Месяцев и дней неслышен лет,
Может быть, сквозь жизни видишь дверь,
Как я ночи плачу напролет.
Делать ведь веселье нелегко,
Если грусть на сердце кирпичом.
А друзья? У них ведь горя нет,
Так мое им горе нипочем.*

Вот этого стихотворения и я не могу прочесть без слез.
Ваш Мих. Могілянський

P.S. Не воздержался и купил «Короткий курс» — «Історія України». С особенным удовольствием прочел написанное Вами. Особенно приятно то, что знамя научности у Вас ни в чем не приспущено. Жаль только, что во многом изложение не выходит за рамки конспективности (это, впрочем, основная «хитба» всего коллективного труда). Тому, кто что-н[и]б[удь] знает, конспект в систематизированном виде напоминает многое и упорядочивает знания, но тому, кто ничего не знает, или знает мало, что дают такие сведения, как:

«З України вийшло немало видатних російських художників — Лосенко, Д. Левицький, В. Боровиковський». Или: «З України вийшли композитори — Бортнянський, Ведель, Березовський»? Как бы хотелось хоть нескольких строк, разъясняющих, что собой представляли эти «вышедшие», внесли ли они какую-н[и]б[удь] «спільну» струю в речіще русской культуры, дали ли они все-таки что-н[и]б[удь] культуре украинской?

Вот и у Ястребова нет анализа того, а чем для украинской культуры была вообще наука украинских университетов, выдвигавшая все же таких корифеев науки, как Кистяковский (Киев), Мечников (Одесса), Потемня (Харьков)? Странно, что последний даже не упомянут, хотя его идеи играли же значительную роль в активе украинского ренессанса. Абсолютно не выяснена громадная роль в том же ренессансе Кулиша, но это еще непреодолимая для сегодняшнего дня установка, хотя вот недавно опубликована замечательная статья Франка (сегодня 25 лет со дня его смерти) в переводе с немецкого «Шекспір в українців», где о Кулише сказано: «К. був людиною вельми талановитою и з великими планами. Він відзначався невтомною енергією і силою волі.... Пристрасною любов'ю до цивілізації...». Далее идут комплименты ему, как поэту, беллетристу, этнографу и затем: «Притім був він визначним знавцем укр. мови, як рідко хто.» (Убежден, что настанет время, когда роль Кулиша будет оценена и без отказа от признания его идеологии в целом — нам чуждой и враждебной).

«Пізніше виступають Леся Українка, М. Коцюбинський, Грінченко, А. Кримський, Грабовський» (стр. 184). Это все равно, что рядом поставит Льва Толстого, Пушкина, Лермонтова, Некрасова — с Оммулевским, Засодимским, Левитовым, Надсоном... Вообще есть и умаление заслуг, и их преувеличение. Странно неупоминание о первых попытках научной обработки истории укр[аинской] литературы (Петров и замечательная «рецензия» на его труд Дашкевича в ХХІХ отчете о присуждении Уваровских премий). При всем почтении к покойной паре Дмитриев Ивановичей никак не могу согласиться, чтобы можно было квалифицировать «значною науковою діяльністю» исторические труды Эварницого и Багалея. Как не специалист, не могу оценить научной работы Крымского, но, думаю, что до основания Укр[аинской] акад[емии] наук его научная работа не принадлежала собственно Украине и если правда, что его ученое имя стало «відомим» — «далеко за межами України», то в научном мире оно воспринималось, конечно, как плод

русской, а не укр[аинской] науки. Ну, а как беллетрист и поэт (особенно, как беллетрист, как поэт он все же кое-что заслужил расширением тематики укр[аинской] поэзии), как беллетрист и поэт, Кр[ы́мский] не поднялся над уровнем посредственности. «Сумлеваюсь, штоп» К[ирилл] Студинський был известен «далеко за межами України», думаю, что и в ее «межах» он не особенно «відомий», как ученый. Пусть ка назовут хоть одну его выдающуюся (а, главное, широко известную даже в кругах, интересующихся наукой и литературой) научную работу. Нет у него таких. И вообще это же мещанин с головы до пят, провинциальный обыватель, «рутенец»...

Ну, ей-богу же, безтактно писать столь длинные письма человеку, как Вы переобремененному работой. А «громов» не мечу, ибо я уже убедился, что «богоподобный разум» человеку дан, чтобы невозбранно делал он, простите (надеюсь, не обидитесь, тем более что тут Вы не оригинальны, все сейчас этим грешат), чтоб делал он «глупости». Я как раз на днях написал стихотворение «О неразумии в природе», которое может даже быть озаглавлено, как современная «Похвала глупости». Но оно совсем «непричесанно», тема меня так одолела, что не освободись я от нее, ночью снились бы отдельные строки и должен был бы вскакивать и записывать приснившееся. Я и сел и часа за полтора без единой помарки написал столько, чтобы почувствовать, что от темы освободился. Но Вы себе можете представить меру непричесанности написанного. А «причесывать» некогда, да и... скучно.

Хотел бы получить от Вас хоть бы два слова о львовских впечатлениях. А[лександр] М[ихайлович] мой искренний привет.

Сердечно Ваш,
Мих. Могілянський

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 205–207 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 122
2 червня 1941
Дніпропетровськ

Куда: Киев. Тарасовская ул., 20, кв. 5.

Кому: Наталии Дмитриевне Василенко-Полонской.

Днепропетровск. [нрзб.].6.41.

Киев. Сортировочный пункт. 6 июня 1941.

Киев. 6.6.41.

2/VI [19]41. Днепропетровск.

В Вашей последней открыточке, милая Наталия Дмитриевна, особенно ужасна ее первая фраза: «Знаю, что мои письма только раздражают Вас, потому и не пишу». Как мало соответствует действительности, будто письма Ваши «только раздражают» меня! У меня вообще немного радостей, а среди них Ваши письма занимают видное место, Вы же вычитали каким-то образом в моем письме «раздражение», да еще по поводу такого лестного отзыва о стихах моих, какой едва ли часто получают авторы! Надо уж воистину быть безнадежным чурбаном, чтобы раздражаться по поводу такого отзыва. Нет, милая Наталия Дмитриевна, я не такой чурбан, уверяю Вас.

Последние известия все о смертях. Дм[итрий] Моис[еевич] писал мне о смерти жены Л[еонида] Н[иколаевича] Яснопольского, а вот из Ленинграда на днях сообщили о смерти И[вана] М[ихайловича] Гревса.

Надеюсь, Вы забудете о моем «раздражении» и хоть два слова о своих львовских впечатлениях напишете.

Привет А[лександр] М[ихайловичу].

Наконец, у нас тепло, хотя и с частыми перебоями.

Всего лучшего!

Искренне Ваш,

Мих. Могилянский

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 208–208 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 123
14 червня 1941
Дніпропетровськ

Куда: Киев. Тарасовская ул., 20, кв. 5.

Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.

Днепропетровск. 17.6.41.

Киев. Сортировочный пункт. 18 июня 1941.

Киев. 19.6.41.

Днепропетровск, 14/VI [19]41 г.

Я не знаю, милая Наталия Дмитриевна, вуаяжировали ли Вы во Львов (в газетных отчетах о тамошней сессии Ак[адемии] наук — «Советск[ая] Укр[аина]» — Вас я не встретил), но если и вуаяжировали, то давно же вернулись. А мои письма последние остались без ответа. Между тем от возникшего недоразумения мне так душевно «мулит» (как ноге тесный ботинок), что я уже начинаю сожалеть не только о том, что послал Вам свои «Праздные мысли», но и о том, что писал их (черт меня дернул писать!), во всяком случае они мне стали неприятны.

А ветер сдувает уже последние лепестки цветков отцветающих акаций и солнце через неделю — восемь дней — начнет уже спускаться к дням осени и зимы. Вот и в радости высшего солнечного стояния кроется тоска сознания этого поворота (мозг — кто-то правильно отметил — главный враг человека).

Мой привет А[лександр]у М[ихайловичу].

Вам же желаю всего лучшего и прежде всего возможной разгрузки от непомерной переобремененности, от которой «дохнуть некогда».

Искренне Ваш,

Мих. М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 209–209 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

№ 124
26 червня 1941
Дніпропетровськ

Куда: Киев. Тарасовская ул., 20, кв. 5.

Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.

Днепропетровск. 28.6.41.

Киев. 2.7.41.

26/VI [19]41 г.

Милая Наталия Дмитриевна!

В первой половине июня я должен был быть уже в Л[енин-гра]де. Лит[ературный] музей в начале мая обещал уплатить гонорар за сданное 6/І между 10–20 мая, но слова не сдержал, на письма не отвечал, а 16/VI огорошил письмом, что в виду полученных указаний приобретать материалы только «по строгому профилю» (?), больше не будет брать моей «Повести о днях моей жизни», а представленное 6/І возвращает. Хуже всего то, что, ввиду на обещания, я не озаботился возобновлением запасов печеночных изделий (это очень сложно, морочно и дорого), а оставшись без них уже испытываю приближение пернициозки, ощущаю припадки слабости и слегка желтею.

А в теперешних условиях — от судеб защиты нет, но в условиях сегодняшнего дня все личное стало таким маленьким, судьба отдельного человека стоит ли внимания? Ведь решаются судьбы нашей милой родной эсэсэсерии и не только ее, но и всего передового человечества, коего форпостом является наша родная первая в мире страна социализма. С нами или без нас она отразит наглое нападение рыцарей тьмы и гнета и под знаменами коммунизма с корнем вырвет пакость фашизма. Наше дело правое!

В далекое прошлое минувших веков отошла и моя горечь, вызванная Вашим ощущением будто я обижен и раздражен был Вашими крит[ическими] замечаниями (исключительно лестными) о моих стихах. О Ваших львовских успехах мне

рассказал, навестивший меня 19/VI, Аг[атангел] Ефим[ович]. Он умолял меня помочь ему в редактировании переписки Коцюбинского и я, никогда не отказываясь от того, что сделать в состоянии, мог ли отказать ему в просьбе? И по его настоянию написал в Институт лит[ерату]ры о своей готовности принять участие в работе. Написал 21 (накануне!), а 22 все изменилось под нашим зодиаком... Чудеснейший, нежнейший язык воспринимается как «жаргон» при плохом его знании благодаря близости к русскому, кажется его коверканием.

А[лександр] М[ихайлович]чу привет, а у Платоновича идиосинкразия к письмам.

ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 210–210 зворот. Оригінал. Рукопис.

№ 125
8 липня 1941
Дніпропетровськ

Куда: Киев, Тарасовская ул. д. 20, кв. 5.
Кому: Наталии Дмитриевне Полонской-Василенко.
Днепропетровск. 10.7.41.
Киев. 22.7.41.

8/VII [19]41 г.
Днепропетровск.

Ваше письмо, милая Наталия Дмитриевна, писанное по возвращении из Львова, во времена еще доисторические, отвечало на мою последнюю открытку, а получили ли Вы письма предыдущие, осталось мне неизвестным, напр[имер], получили ли Вы мое письмо с отзывом на книгу «Історія України»? Никаких ответов на те устаревшие сразу письма — не нужно, а только хочется мне знать, были ли получены те письма?

Я Вам уже писал, что 19/VI меня навестил Агатангел Ефимович и очень просил обратиться к Институту литературы с предложением помощи в редактировании переписки Коцюбинского. Теперь, конечно, все это отошло на задний план и, верно, отложено. Но я бы хотел, чтобы А[гатангел] Еф[имович] знал, что я его просьбу исполнил и 21/VI Институту лит[ерату]ры написал. Пожалуйста, если увидите его (я адреса не знаю), скажите ему это от меня. По моим сведениям, он 4-го проехал уже из Крыма через Днепропетровск — в Звенигородку.

Беспечено[чно]сть, надо думать, поставила точку в моей недописанной «Повести о днях моей жизни», ибо где же теперь печеночных препаратов достать? А моя кровь без них, увы, имеет пернициозную тенденцию. Обман Лит[ературного] музея к тому же оставил меня без всяких средств. Ну, это не важно сейчас; желаю Вам увидеть фашизм уничтоженным с корнями, уверенность в чем скрасит мои последние дни. Расцвела у меня чудным розовым букетом олеандра — символ моих надежд.

Привет А[лександр] М[ихайловичу].

Всегда Ваш,

М.

*ЦДАМЛМ України. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 199. Арк. 66–66 зворот.
Оригінал. Рукопис.*

Фрагменти листів Михайла Могілянського
до Наталії Полонської-Василенко

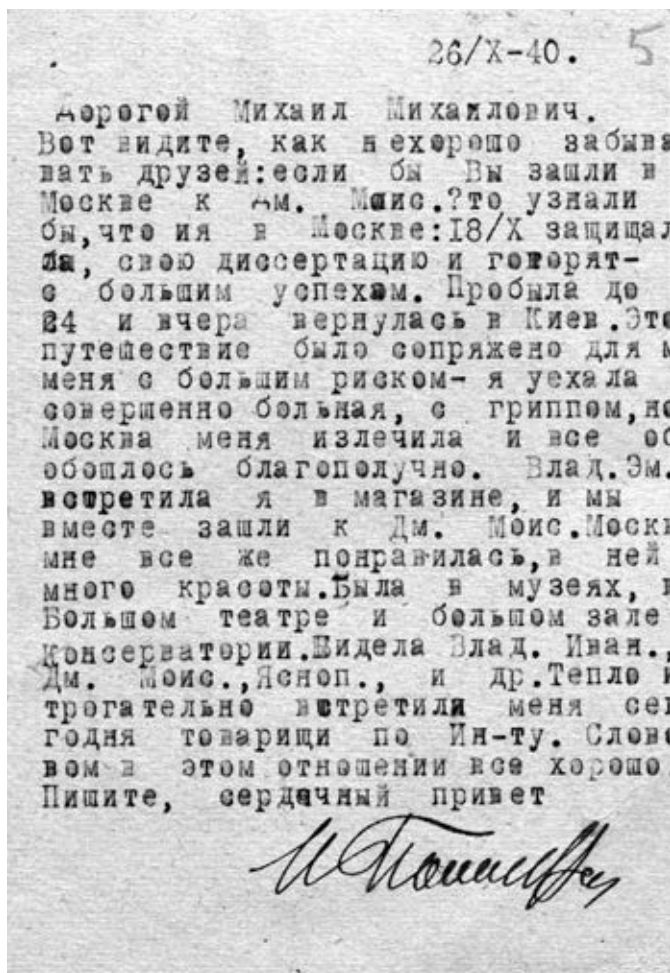
(Зберігаються у Центральному державному історичному архіві-музеї
літератури та мистецтва України)

Знову інтенсивне отхорода
дома, и в академії навчати
не дають працювати. (Корько намага
вирозрадити на мене / роман, для
романа, и есеїсти!) И впер
всього зростає — одно, речення
першов. Разе можна працювати,
квда середнього кр. сформулює
себе об'єктом гнучкої роботи,
клеввет и брехень?! Врезультате
безумная усталість и трагедія одного
— покоя! Покоя, по відношенню
виринчене товко вночле.
не пишеть нічого, — сабжури. Не
писаю — знехотливий висхід!
но що — те еще можна дещо, щоб
мене дали покая, товко покоя?!

Лист від 30 липня 1933 року

Фрагменти листів Наталії Полонської-Василенко
до Михайла Могилянского

(Зберігаються у Російському державному архіві літератури та мистецтва)

Лист від 26 жовтня 1940 року

ГЛМ
12235
12

3

присутствия в Москве, удастся отложить защиту на несколько дней до моего выздоровления, а если я останусь в "неве- то диспут отложат до весны или даже лета.

Приехала я в 10 час, до 12 ч. ждала на площади у вокзала такси. По приезде в дом ученых узнала, что комнаты для меня нет. Поехала на том же такси (к счастью, со мной приехал Оглоблин, одна я не знала об чем делать) в Институт, на Волконку, там просидела около часу пока власти урегулировали вопрос с комнатой (а Оглоблин сидел на улице, в такси). И только часа в 2 я водворилась в гостинной Дома ученых (комнату мне предоставили в 12 ч 30 мин. ночи, когда занимавший ее академик уехал на "стреле" в Ленинград. Могла ли я размышлять Грабарей? а Петрун, я позвонил по телефону в тот же вечер, 17.

Лист від листонад 1940 року

ПОСОБИЯ ПО ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

*История и география
США и Канады*
J. FENIMORE COOPER, *1877*

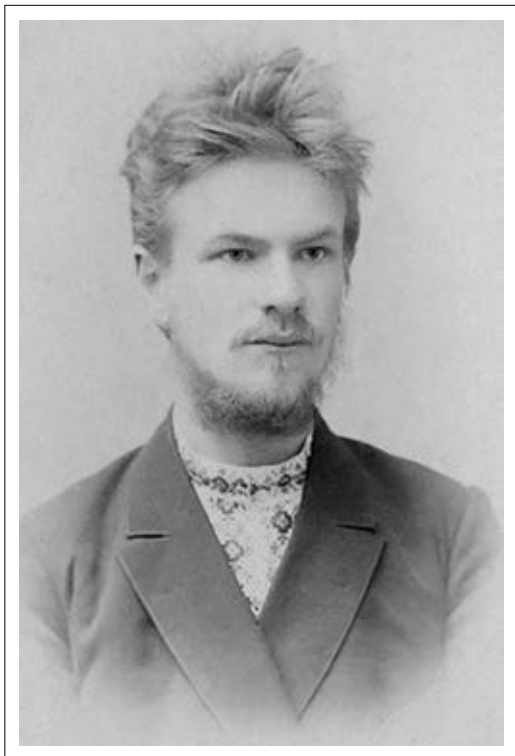
THE PATHFINDER

Ф 195.с 14

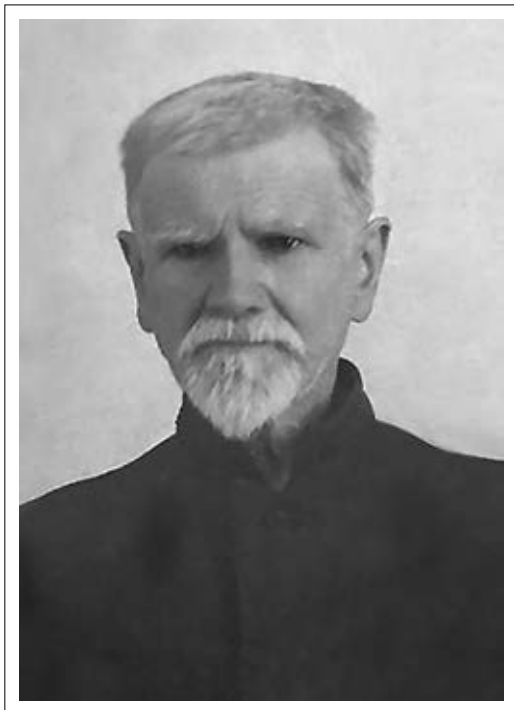
МОСКВА 1938

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

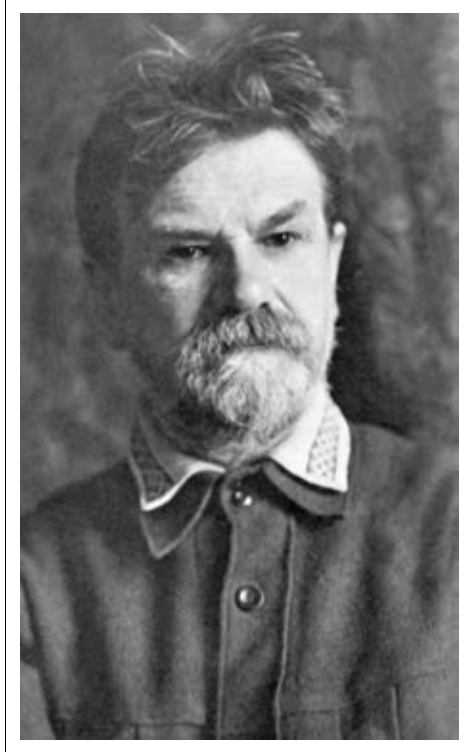
Михайло Могиянський у молодості
(Зберігається у Інституті рукопису Національної бібліотеки України
імені В. І. Вернадського)

Михайло Могилянський (18 або 19 вересня 1940 рік)
(Зберігається у Чернігівському історичному музеї
імені В. В. Тарновського)

Михайло Могілянський (1942 рік)
(Зберігається у Центральному державному архіві-музеї літератури та мистецтва України)

Наталія Полонська-Василенко (1910-ті роки)
(Зберігається у Центральному державному архіві-музеї літератури та мистецтва України)

Наталія Полонська-Василенко (1910-ті роки)
(Зберігається у Центральному державному архіві-музеї літератури та мистецтва України)

**Наталія Полонська-Василенко разом із чоловіком
Миколою Василенком (1920-ті роки)**
(Зберігається у Центральному державному архіві-музеї
літератури та мистецтва України)

**Наталія Полонська-Василенко разом із чоловіком
Миколою Василенком (1933 рік)**
(Зберігається у Центральному державному архіві-музеї
літератури та мистецтва України)

Наталія Полонська-Василенко
(Друга половина 1930-их — початок 1940-х років)
(Зберігається у Центральному державному архіві-музеї
літератури та мистецтва України)

Податки

Додаток 1.

Листи Наталії Полонської-Василенко до Михайла Могилянського

№ 1
26 січня 1938
Київ

Куда: Днепропетровск. Центральный почтамт. До востребования.

Кому: Михаилу Михайловичу Могилянскому.

Киев. 27.1.1938

Днепропетровск. 1.2.1938

26/1-[19]38.

Дорогой Михаил Михайлович.

С Новым Годом, хотя он уже состарился на 26 дней... Шлю Вам не стареющие пожелания всего лучшего и сердечный привет. Письмо Ваше получила три дня тому назад. Из него мне стало ясно, что мое письмо (единственное), посланное по этому адресу, Вы не получили, а я, не получив ответа, не знала, где Вы. В предпоследнем письме Вы ведь писали, что не чувствуете себя прочным тут. Теперь знаю, что Вы хотя и не благоденствуете, но живете по-прежнему в «моем» городе.

К В[иктору] Пл[атоновичу] я зайду специально, т[ак] к[ак] не встречаю его кажется никогда на улице. Я вообще киевлян не вижу никого, кроме тех, кто посещает ВБУ, где я бываю почти каждый день. Работы у меня много, и ежедневная работа до 4 ч[асов], а потом еще в библиотеке, в общем до 5 ч[асов], очень

утомляет меня. А тут еще большие (относительно) неприятности дома. Мои квартиранты — дочь К[онстантина] Пр[окофьевича] и ее муж, жившие в столовой со смерти Ник[олая] Прок[офьевича] под условием, что у них остается вся бывшая там библиотека, — заявили недавно, что если я не уберу книг, то они их вышвырнут из комнаты, и начали осуществлять это решение. Пришлось забрать часть книг, но девать то их мне негде.

И вот сегодня 26 дней, как я придя домой, растаскиваю эти книги по всем комнатам, переставляю из шкафа в шкаф, чтобы вместить больше, составляю «проскрипционные» списки книг, с которыми мне легче расстаться, хожу с этими списками по букинистам, словом — ликвидирую часть библиотеки, чтобы сохранить ядро. Не Вам мне говорить, как мне это больно. Больно потому, что жаль каждую книгу, или как мою, с которой связана часть моей жизни, или как Ник[олая] Прок[офьевича] (его я, по возможности, не трогаю), или наконец потому, что продав теперь за гроши, я, быть может, потом буду покупать за огромные деньги для работы. Больно мне и потому, что от племянницы Ник[олая] Пр[окофьевича] я никак не ожидала такого оборота — я считала гарантированной от всякого рода хулиганства, отдав комнату «своим». Ну что ж, пришлось горько разочароваться.

Получила и я письмо от Дм[итрия] Моис[еевича], пишет, что чувствует себя снова плохо и настроение плохое...

Шлю Вам сердечный привет, я рада, что Вы все же находите радости, хотя в неодоушевленной природе. Всего, всего Вам доброго.

Искренно предана

Н. Полонская

РГАЛИ. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 1–2 об. Оригінал. Машинопис.

№ 2
26 жовтня 1940
Київ

Куда: Днепропетровск. Главный почтамт. До востребования.

Кому: Михаилу Михайловичу Могилянскому.

Киев. 27.10.40.

Днепропетровск. 31.10.40.

26/X-[19]40

Дорогой Михаил Михайлович.

Вот видите, как нехорошо забывать друзей: если бы Вы зашли в Москве к Дм[итрию] Моис[еевичу], то узнали бы, что и я в Москве: 18/X защищала, свою диссертацию и говорят — с большим успехом. Пробыла до 24 и вчера вернулась в Киев. Это путешествие было сопряжено для меня с большим риском — я уехала совершенно больная, с гриппом, но Москва меня излечила и все обошлось благополучно. Влад[адимира] Эм[мануиловича] встретила я в магазине, и мы вместе зашли к Дм[итрию] Моис[еевичу]. Москва мне все же понравилась, в ней много красоты. Была в музеях, в Большом театре и большом зале консерватории. Видела Влад[имира] Иван[овича], Дм[итрия] Моис[еевича], Ясноп[ольского] и др. Тепло и трогательно встретили меня сегодня товарищи по ин[ститу]ту. Словом, в этом отношении все хорошо. Пишите, сердечный привет.

Н. Полонская

РГАЛИ. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 5. Оригінал. Машинопис.

№ 3
Листопад 1940
Київ

Ноябрь [19]40 г.

Дорогой Михаил Михайлович.

Получила Ваше письмо и только теперь установила, что мы **не могли** встретиться в Москве: Вл[адимир] Эмман[уило-вич] как юрист, не ценит хронологии и не мог указать точно, когда Вы были. Оказывается, что мы приехали в один и тот же день — 17 октября, при чем я приехала совершенно больною. Я выехала из Киева с темп[ературой] в 37,6 гр[адусов] после больших колебаний — не отменить ли защиту? Ясно, что извещать Вас о том, что я еду — я не могла. Да и не такое было у меня настроение. Я не спала три ночи перед отъездом, волнуясь, удастся ли мне приехать, и я ехала с тем, что, в случае ухудшения моего гриппа, я буду болеть уже в Москве с расчетом, что при моем присутствии в Москве, удастся отложить защиту на несколько дней до моего выздоровления, а если я останусь в Киеве — то диспут отложат до весны или даже лета. Приехала я в 10 час[ов], до 12 ч[асов] ждала на площади у вокзала такси. По приезде в дом ученых узнала, что комнаты для меня нет. Поехала на том же такси (к счастью, со мною приехал Оглоблин, одна я не знала бы что делать) в институт, на Волхонку, там просидела около часу пока власти урегулировали вопрос с комнатой (а Оглоблин сидел на улице, в такси). И только часа в 2 я водворилась в гостинной Дома ученых (комнату мне предоставили в 12 ч[асов] 30 мин[ут] ночи, когда занимавший ее академик уехал на «стреле» в Ленинград). Могла ли я разыскивать Грабарей? А Петруш[евскому] я позвонил[а] по телефону в тот же вечер, 17.¹³¹

РГАЛИ. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 3–3 об. Оригінал. Машинопис.

¹³¹ Бракує закінчення листа. — ВС.

№ 4
18 листопада 1940
Київ

Куда: Днепропетровск. Центральный почтамт. До востребования.

Кому: Михаилу Михайловичу Могиланскому.

Киев. 19.11.40.

Днепропетровск. 23.11.40.

18/XI [19]40

Дорогой Михаил Михайлович. Письмо получила, спасибо за него. А Вы знаете, что приехала я не на Курской, а на Киево-Брянской вокзал.... Но огорчение от этого, конечно, не меньше. Я так боялась, что мне что-то помешает ехать, что я никому не писала о дне приезда не предупредила даже «Дом для приезжающих». Искренно верю, что мы увидимся с Вами до Вашей поездки на восток.

Землетрясение и у нас было очень сильно, 7 баллов. Наш дом ходил ходуном, стены трескали, скрипели, как на корабле во время качки. Я лежала не вставая, а Алекс[андр] Мих[айлович] встал, и с трудом удерживая равновесие обошел дом, ища повреждений, их, к счастью, не оказалось. Но трескали все стены. В городе много трещин в домах.

Н. Полонская

РГАЛИ. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 4. Оригінал. Машинопис.

№ 5
5 січня 1941
Київ

Куда: Днепропетровск. Главный почтамт. До востребования.
Кому: Михаилу Михайловичу Могілянському.
Киев. 5.1.41.
Днепропетровск. 10.1.41.

5/1 [19]41

Дорогой Михаил Михайлович.

С Новым Годом, искренно желаю, чтобы он принес Вам здоровье и радость. Ваша открытка была первым (кажется и последним) новогодним приветом, полученным мною в 1940 г., и получила я ее вечером 31/ХІІ. Вижу, что Вы еще пишете Ваши воспоминания, мне очень жаль, что они проходят мимо меня. Новый год приносит мне если не радость, то волнение: в Москве издается «история культуры» — и в ней будет глава о Н[иколае] Пр[окофьевиче]. Страшно хочется узнать, кому поручена она. Я уже запросила об этом Дм[итрия] Моис[еевича] и — в зависимости от полученных от него сведений — буду действовать. Читали ли Вы о Аг[атангеле] Еф[имовиче]? Получил орден, звание «заслуженного деятеля», 16/І празднуют его юбилей. Недавно чествовали память Старицкого, но я не была — было очень холодно, а я простужена, конечно. Шлю искренний привет и лучшие пожелания.

Н. П. В.

РГАЛИ. Ф. 1267. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 6. Оригінал. Машинопис.

Додаток 2.

Творчі матеріали Михайла Могилянського

СОБАЧКА

Человек — с датой рождения в одно из последних десятилетий 19-го века, я вступил в век XX-й с безграничной верой в могущество разума и безостановочное торжество прогресса, чему нисколько не препятствовали скептические наклонности моего ума, удивительным образом уживавшиеся с моей в общем верующей (не в религиозном смысле) натурой. Я так бы и определил себя, как верующего скептика, или вернее... впрочем я совсем не хочу добиваться точности в самоопределении, как не собираюсь доискиваться корней своих качеств, а тем более подробно останавливаться на перечислении последних, тем более, что по крайней мере некоторые из них обнаружатся из дальнейшего рассказа, рассказа о том, как небольшая собачка, обыкновенная ищейка благотворно повлияла на мое мирозерцание, если не совсем опрокинула его...

Возвратившись на днях часов около 9-и вечера после недолгой прогулки вокруг да около (для моциона), я застал наш тихий коммунальный дом № 1 подобным развороченному муравейнику. Оказалось, в угловую комнату второго этажа из «красного уголка» по нужде обращенную в общежитие погорельцев, забрался отрицатель и любитель чужой собственности. Одна из обитательниц общежития застала вора за еще неоконченной работой, что заставило его подобно бомбе выскочить к выходу и броситься в темноту плохо освещенных улиц, при чем ноги его оказались быстрее ног его преследователей, с разных сто-

рон сбежавшихся на крик. Ну, а затем мирный коммунальный дом № 1 и обратился в развороченный муравейник. Даже печальное «происшествие» всегда таит в себе и некий радостный элемент, внося некоторое разнообразие, некоторое «остранение» в утомившую обыденность. Элемент радостной взволнованности не чужд даже тревоге «пострадавших» от происшествия, особенно, если урон от последнего уже учтен, как не очень значительный.

Уморительно со стороны наблюдать, как инцидент, казалось бы, столь незначительный вызывает разговор в повышенных тонах, заставляет перебивать друг друга, по несколько раз повторять одно и то же, — с особенным удовольствием ново-прибывшим, еще не слыхавшим «новости», вплетать в точные показания очевидцев петельки добросовестно легендарных кружев, не расходиться в ожидании «развязки», подавать советы, как добиться последней... В числе последних было произнесено и «послать за ищейкой», что встретило единодушное одобрение и было сейчас же исполнено. «Черта с два тут поможет ищейка!» — почему-то с некоторым злорадством подумал я. Сколько десятков людей входило любопытствовать, посмотреть на живописный беспорядок на месте происшествия, сколько десятков рук тревожно перебирало разбросанные вещи, спеша убедиться, что именно пропало и что — кому везет — везет — уцелело. Не станет ли ищейка бросаться с обличительным лаем и на любопытных, и на пострадавших? Я не входил в комнату происшествия, но все же, признаться, робко подумал, а вдруг собачка с дуру бросится и на меня? Но когда собачку привели, ничего подобного не произошло. С подчеркнутой профессиональной внимательностью понюхав разбросанные вещи, собачка подняла голову и бросилась к выходу, а затем увела в темноту плохо освещенных улиц...

Припоминаю, давно-давно в теплый апрельский день я стоял на набережной Невы около египетских сфинксов, а несметные толпы народа заливали все набережные, мосты, крыши... Ожидали «почти полного» солнечного затмения. Я, конеч-

но, хорошо знал, что затмение состоится, но за всю свою жизнь я, кажется, ничего не желал так страстно (пожалуй, даже с некоторой «подпольной» злостью), как вот этого невозможного, чтобы затмения не было! И острота этого безумного желания была обратно пропорциональна абсолютной непоколебимости сознания его неосуществимости. А поверь я на одно мгновение в возможность осуществления, я в то же мгновение и сгорел бы в пламени экстатического восторга. Астрономической уверенности в успехе собачки, конечно, ни у кого быть не могло, но (таковы потемки души человеческой) как я страстно желал ее провала! Не прошло, однако, и часа, как в коммунальном доме № 1 уже было известно о блестящем триумфе собачки. Она привела и в притон, куда вор уже успел сбыть украденные вещи, она «накрыла» и самого правонарушителя, уже «предававшегося» невинным удовольствиям на «заработанные» деньги. Но я не был ни пристыжен, ни огорчен триумфом собачки. Наоборот, мне не то, что неверящему в беспроволочный телеграф, радио, но воспринимающему их почти как мистификацию, этот, казалось бы, такой незначительный инцидент дал неожиданно острое переживание от живого ощущения фундаментальных сдвигов во всем мироощущении. Правда, последнее, очевидно, не было уже в равновесии устойчивом и некоторые основы его, явственно трещали и колебались. Так, напр[имер], было с моей нелюбовью, с моим неприятием кино. Еще недавно оно казалось мне искусством для утомленных дегенератов, избегающих напряжения мысли, чувства, обостренности переживания, и взамен того ищущих быстрой смены легких поверхностных впечатлений. Многое я воспринимал в нем, как обезьяньи ужимки (кстати сказать, меня никогда не оскорбляла мысль, что обезьяны были моими предками, но возврат к обезьяньему не казался мне прогрессом)... Но уже «Земля» Довженко и особенно «Чапаев» победили в значительной мере мою кинофобию. «Земля» прозвучала мне благостным — «благословляю» — «и в поле каждую былинку, и в небе каждую звезду»... А «Чапаев» радостно убедил, что кино может быть могучим

возбудителем к перестройке мироздания, вне чего никакое искусство, как и вообще ничто из области функций сознательности людской ничего не стоит...

Так что собачка подошла ко мне, имела дело со мной уже теряющим некоторые идиосинкразии психоидеологии, унаследованные от 19го века, а, м[ожет] б[ыть], восходящие и еще глубже. Но только ее триумф над мелким правонарушителем окончательно и бесповоротно из человека 19-го столетия сделал меня человеком века XX-го, безоговорочно принимающим все достижения последнего. Как, собственно, это произошло, как столь, по-видимому, незначительный случай постулировал решающие сдвиги в моей психоидеологии, рассказать, т. е. показать пути от собачьего случая к психоидеологическим трансформациям, не умею. Но что так было, свидетельствую.

24/IV [19]35 г.

ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Спр. 203. Арк. 6–7.

DE PROFUNDIS

Мягкая женственность, нежность и непрестанное лирическое звучание, создававшее очарование исключительной обаятельности, непостижимым образом уживались в Зое Львовне с суровой, непреклонной революционностью, при чем что касается революционных методов, тактики — она не только неизменно примыкала к крайним левым, но нередко выступала с инициативой безумно-отважных, дерзких предложений, претворяя их в решения организации, к которой принадлежала, неотразимым влиянием на товарищей своей обаятельности.

По инициативе Зои Львовны произведена была нашумевшая экспроприация в коммерческом банке, при чем на себя она взяла общее наблюдение над выполнением операции. Именно она стояла у главной кассы банка, ожидая уплаты по

некрупному чеку своего текущего счета в момент, когда экспроприаторы с бомбами в руках и криком — «руки вверх!» ворвались в операционный зал и рассыпались в разные стороны. С покорно поднятыми вверх руками простояла Зоя Львовна около получаса у кассы, пока налетчики делали свое дело и, если бы вблизи случился внимательный наблюдатель, он заметил бы, что на красивом лице юной вкладчицы вместо естественного испуга все время играла ласковая ободряющая улыбка, с какой она наблюдала за работой смелых товарищей.

Через час после происшествия здесь же в помещении ограбленного банка Зоя Львовна была допрошена следователем по особо-важным делам, а еще через час на конспиративной квартире приняла довольно крупную сумму, как трофей без сучка и задоринки удавшегося налета. На первом же заседании руководящего центра организации настояла она повелительной обаятельностью на обращении всей добытой суммы полностью на подготовку решительных военных действий. Заработали динамитные мастерские, объявлена была мобилизация всех сил. Зоя Львовна без усталости носилась из конца в конец по всей стране и отовсюду потянулись в Москву транспорты новой формы снарядов, отовсюду съезжались наиболее испытанные в своей беззаветной отважности бойцы. Чтобы дать возможность принять участие в подготовляемом наступлении заслуженным ветеранам организации, были осуществлены в провинции два побега из тюрьмы. И вдруг именно последний побег прошел при такой обстановке, что возбудил у бдительных товарищей даже не подозрение, а полную уверенность в том, что в организации есть предатель. Особенно горячо и убедительно это доказывал сам товарищ, бежавший из тюрьмы и немедленно после побега прибывший в Москву. Факты, им во всех деталях рассказанные трудно было истолковать как-нибудь иначе, их грозный и зловещий смысл казался неоспоримым. И совершенно естественно эти факты вызвали осторожное предложение об отсрочке совсем уже подготовленного наступления, сворачивании всех активных предположений организации, даже

временном роспуске ее до тех пор, пока «тройка» с особыми чрезвычайными полномочиями произведет сложные внутренние контр разведочные обследования и не возобновит организации при самой строгой проверке кандидатур ново-принимаемых членов, не взирая на лица и их революционные заслуги в прошлом. Убедительность фактов убивала даже у противников предложения об отсрочке психологическую возможность выступать с возражениями и даже испытанная обаятельность Зои Львовны едва не спасовала перед трудностями ситуации и лишь с приведением в действие всех ее чар удалось ей ликвидировать предложения, продиктованные разумной осторожностью. Для усыпления ее у наиболее долго не сдававшегося товарища, бежавшего из тюрьмы, Зое Львовне пришлось даже пустить в ход ослепляющую убедительность страстных объятий и поцелуев и всей гамы восторгов любви, приведших его к безоговорочной сдаче победительнице.

Наконец, все было готово к бесповоротно решенному наступлению и на последнем утреннем заседании центра выработана и окончательно утверждена была диспозиция боя, назначенного на завтра. После заседания Зоя Львовна обедала с возлюбленным в первоклассном ресторане, а затем «прощалась» с ним в его, как монастырская келья, суровой комнатушке, вряд ли за все время своего существования бывшей свидетельницей взлетов такой красивой, такой бурной страсти.

Поздно вечером в тот же день Зоя Львовна делала деловой доклад начальнику охраны в его кабинете, удобно расположившись в утомленной позе на мягком кресле по другую сторону письменного стола, за которым немолодой уже жандарм в чине полковника с пронзительными сверлящими мышинными глазками на апатичном сером лице, только в суетливости этих беспокойно бегающих мышинных глазок терявшем неподвижность маски, — быстро записывал диктуемые адреса и другие важные «для дела» указания. После доклада, когда Зоя Львовна уже ушла «домой», в охранке долго трещали телефоны, агенты и сотрудники учреждения нервно работали до поздней ночи,

а поздней ночью из различных полицейских районов в различных направлениях двигались усиленные полицейские наряды в сопровождении наиболее опытных агентов. К утру в помещении охраны начали доставлять арестованных и богатые трофеи бомб, револьверов, кинжалов, кистеней. Вся организация была разгромлена, одной Зое Львовне — видимость обыска да еще с компрометирующими результатами для отвода глаз было произведена и у нее — удалось бежать непредусмотрительно неохраняемым черным ходом. В тот же день с подложным паспортом она счастливо «бежала» за границу. Ее возлюбленный вместе с двумя-тремя наиболее скомпрометированными товарищами погиб на виселице, остальные получили долгосрочную каторгу, ссылку на поселение.

О счастливом бегстве Зои Львовны все знали, и все были рады за нее и за «общее дело», которому она еще сумеет послужить, и ни у кого против нее не шевельнулось ни малейшего подозрения, ни тени подозрения.

А через год знаменитый разоблачитель сотрудников охраны и тайн тайной политической полиции получил от видного чиновника, изменившего департаменту полиции, ценные материалы, которые в числе других изобличили и обаятельную Зою Львовну, хотя ее разоблачитель уже давно держал в поле своего зрения, верхним чутьем опытной ищейки почуяв в ее поведении недоброе.

Зоя Львовна тем временем, словно предчувствуя неизбежность катастрофы, уединенно жила на скромной даче под Парижем, не суя своего носа в революционные дела и даже избегая встреч с эмигрантами...

Знаменитый разоблачитель, сделавший себе из своих разоблачений специальность, доведенную до мономании, счел своим священным долгом посетить Зою Львовну для беседы. Несмотря на свою опытность в такого рода беседах, предстоящая с Зоей Львовной его очень нервировала, что выражалось в усиленном против обыкновения лущении подсолнечных семечек, — без этих семечек, которые почему то находил очень

полезными, он совсем не мог существовать и даже в Париже добывал их в лавчонках, продававших корм для попугаев. Зою Львовну он застал помолодевшей и похорошевшей, все ее существо излучало непередаваемое словами обаяние. Даже такой увалень, как знаменитый разоблачитель, не удержался, чтобы не начать беседы с невольно вырвавшегося комплимента:

— Как Вы помолодели и... похорошели!

Комплимент, однако, не отвел умственных глаз Зои Львовны от истинной цели неожиданного посещения. Погрузясь целиком в частную жизнь, она однако была своевременно осведомлена о материалах, попавших в руки разоблачителя от изменившего департаменту полиции чиновника. И потому она сразу отчетливо поняла связь визита с этими материалами. Это, однако, нисколько не помешало при взгляде на немного смехотворную кургузую фигурку разоблачителя с жидкой козлиной бородкой и сверлящими мышьиными глазками, почему то напоминавшими глазки начальника Московской охраны, зарождению игривой мысли, — а устоял бы этот мономан, прославленный строго монашеской жизнью, перед ее любовными чарами, если бы ей вздумалось пленить его сердце? При всем интересе ответа на этот вопрос, играть роль Пентефрии в отношении подобного Иосифа, просто не хотелось, было скучно. Нестерпимо скучно стало Зое Львовне и от далеких осторожных подходов к интересовавшей разоблачителя теме, какими он начинал беседу. Она вдруг весело рассмеялась звонким серебристым смехом и прямо в лицо собеседнику бросила откровенное:

— Э, послушайте! Бросьте хитрить и политиканить! И имейте мужество чистосердечно признаться, что если бы не знаменитые материалы, полученные Вами от этого дурака и негодяя, Вы и Ваши друзья через сколько там лет не знаю похоронили бы меня с революционными почестями и с красными лентами на венках, возложенных на мой гроб!

Раздраженный цинизм разоблаченной провокаторши ограничивал потери от разоблачения утратой посмертных революционных почестей, но историческая Немезида воздала ей заслу-

женное полностью. После октябрьской революции, еще сохраняя остатки былой красоты и женственной привлекательности, Зоя Львовна попала в Москве в руки ВЧК и была расстреляна.

3/V

ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Спр. 203. Арк. 11–12 зв.

БАРОНЕССА

Глафиру Аркадьевну редко кто в лагере называл по имени и отчеству, даже на работе к ней чаще обращались — «баронесса!» и именно не просто — баронесса, а «баронесса», — в кавычках, с легким оттенком иронии. Но иронии она не замечала (впрочем, разве разберешься «наверное» в потемках чужой психологии?), — а принимала «баронессу» как должное и притом с заметной приятностью, манерно поджимая губы и чуть-чуть улыбаясь. Ни у кого о ее действительном звании никогда и никаких подозрений или сомнений не возникало, тем более, что баронесса с подчеркнутой важностью блюла свое «аристократическое» достоинство, даже голову держа так, будто несла на ней священный сосуд, который боялась расплескать, и не скрывала некоторой брезгливости ко всему, что считала ниже себя, величественно произносила излюбленные штампы, вроде: «для людей нашего круга», не выносила «скверного запаха» и постоянно подносила к носу бутылочку с какими то освежающими солями, на последние деньги покупала хотя бы плохенькие духи. К советской власти относилась «баронесса» «лояльно», хотя многое в окружающей ее действительности и воспринимала, несомненно, как «печальное недоразумение» временного характера: накуролесили, а вот «одумаются» и все станет на свои привычные, самой природой указанные места. В отношениях к советским пролетарским праздникам, к займам на социалистическое строительство, к анекдотам, переда-

ваемым шепотом на ухо, в неожиданно сорвавшихся репликах по поводу каких-либо из ряда вон выходящих событий — обнаруживала холодность и отчужденность, но никогда неосторожно не переходила границ, за которыми начинаются открытая враждебность и змеиное шипение. Только выражение лица человека, понюхавшего что-то очень скверно пахнущее, иногда выдавало истинные чувства баронессы, но манерно поджатые губы быстро справлялись с этим выражением и свои истинные чувства она умела скрыть под неподвижной маской величественного равнодушия к суете сует «торжествующей вульгарности».

Все это и не позволяло кому-нибудь усомниться в действительности баронского звания Глафиры Аркадьевны.

И вдруг в одно прекрасное утро встретила Глафира Аркадьевна здорового парня, приветствовавшего ее радостным восклицанием:

— А, и ты тут, Глашенька, вот никак не чаял встретить! Только вот постарела, — едва признал.

Баронессу точно палкой по голове ударили. Она даже пошатнулась, но быстро бросив — Оставьте меня в покое, я Вас не знаю», — манерно поджала губы, понюхала свои соли и хотела как ни в чем не бывало продолжать свой путь.

Но парень не отставал:

— Вот-те и на: не знаю, чем память, Глашенька, отшибло, что двоюродного братца не признаешь?

Близко как будто никого не было. Баронесса вдруг согнала с лица заученную манерность и почти ласково обратилась к братцу:

— Ну, хорошо, хорошо, признаю Вас, Федор Иванович. Но чего Вы хотите от меня? Очень прошу Вас, оставьте меня в покое.

— Да ничего я от тебя не хочу, Глашенька, а только брось ты кочевряжиться: не баронесса же ты какая-н[и]б[удь], а свой человек, двоюродная сестра Федора Ивановича Тубина, делов наделавшего в качестве наследственного алкоголика, а ныне

лучшего ударника. Неужели не могу я сердечно обрадоваться сестрице? Ведь сродственников и близких людей не видал я уже почитай что три года!

Не в бровь, а в глаз ударили Глафиру Аркадьевну слова: не баронесса же ты какая-нибудь! Федор Иванович — к тому же горланил так, что проходящие мимо обращали внимание на странную пару, видимо, прислушивались к еще более странно-му разговору. Глафиру Аркадьевну и коробило, и в жар бросало, а вместе с тем искренние нотки в тоне брата как-то за сердце хватили, поднимали какие-то смутные, но такие волнующие воспоминания...

Малодушие подстрекало бежать, спрятаться в свое «баронство» от всех усложнений судьбы, какими угрожал дальнейший разговор, могущий разрушить все искусственно воздвигнутое здание причудливой и странной биографии...

Но Федор Иванович загораживал дорогу и продолжал беседу в дружеских теплых тонах, создававших для баронессы и психологические затруднения повиноваться велениям малодушия... Это, в конце концов, привело к тому, что она согласилась назначить брату свидание.

Только они простились, как к Федору Ивановичу подошел случайный свидетель их встречи, кое-что слыхавший из ихнего разговора.

— Ты это что к нашей баронессе пристал?

— Баронессе?

— Ну да, к Глафире Аркадьевне.

Федор Иванович все понял.

— А твое какое дело? Может я и барон, — вот и пристал к баронессе — отшил он любопытного, а сам подумал: «такая же баронесса, как я архиерей, или генерал царский. Да и такая же Аркадьевна, как я Сигизмундович. Ведь Прокофьевна, а не Аркадьевна, дочка мелкого чиновника — писца, горького пьянчужки и обыкновенной прачки. Кому это лучше знать, как не ему, — сыну родного брата Прокофия Ивановича Губина, отца Глафиры, а его родного дяди? От дяди и его братца — Федорова

отца, а Глафириноного дяди — Ивана Ивановича Губина принял он и тяжелое наследство — алкоголизма, приведшего его сюда в лагерь почти потерянным человеком. Но нет, ничего, не пропал, перековался на социалистической стройке, в лучшие ударники попал, совсем человеком стал, не отребьем, а социально-полезным человеком. А как же Глафира?

И припомнил Федор ее прошлое.

Вхожа была мать Глафиры в дом князей Оболенских, поденщицей не раз на мытье белья работала у них в доме. Дочку не на кого бросать было дома, брала с собой на работу и Глашеньку. Было последней лет уже 14, а все любила ходить с матерью в княжеский дом, нравилась ей «чистая кухня», а не бывало никого дома, прислуга и в хоромы допускала взглянуть. Было Глаше 14 лет, как попалась она как-то на глаза княгине Оболенской, попалась на глаза и понравилась. И взяли ее тогда в княжеский дом для разных мелких услуг, хорошо обучили грамоте, а потом подросла — сделали камеристкой старшей дочери княжны Оболенской. А уже совсем была взрослой девицей, как в доме появился товарищ брата княжны и ее жених барон Шлипенбах. И пристроил этот барон Глаше ребенка. Ну, из дома княжеского, конечно, выгнали, хотя выдали «на расходы» (от кого, уж неизвестно, от князей или от самого барона) рублей 200, а, может, и больше. Имела ребенка, в воспитательный отдали, скоро помер. А с тех пор и начались у Глашеньки баронские фантазии.

Не знал только Федор Иванович, что баронские фантазии начались у Глашеньки много раньше того, как барон Шлипенбах «пристроил ей ребенка».

С ранних детских лет в нужде и грязи, окружавшей ее, родились у Глашеньки страстные мечты о хорошей, о «чистой» жизни. Бедность умственного развития и окружавшая ребенка убогая среда не давали мечтам разумно-человеческого направления. Мечты эти получили первую робкую конкретизацию в «чистой» кухне князей Оболенских, расцвелились, когда заглянула в хоромы и окончательно оформились, когда вошла

в княжеский дом, как «свой» человек. Барон, пристроивший ребенка, навел только на работу долголетних мечтаний блестящую лакировку. Вслед за переменной казавшегося Глашеньке не аристократическим отчества Прокофьевна на Аркадьевна — постепенно пришли и манерно-поджатые губы, и освежающие соли, убивающие скверные запахи, и аристократическая брезгливость ко всему нижестоящему, и разговоры о «людях нашего круга», все то, что своим комплексом в представлении Глашеньки образовывало из нее баронессу. И ведь все это было так убедительно для по крайней мере поверхностного взгляда и, м[ожет] б[ыть], несколько преувеличенно подозрительного уха, «роль» была разыграна так удачно, что вскоре после великого «Октября» Глафира Аркадьевна, как элемент социально-подозрительный, если не явственно опасный, с титулом баронессы попала в лагерь, где, не компрометируя его, несколько лет носила с таким «достоинством», что никто никогда и не заподозрил ее самозванства.

Все это смутно с глубоким волнением, с внезапно нахлынувшим чувством непонятного, раньше никогда неиспытанного смущения, вспоминала Глафира, готовясь к свиданию с двоюродным братом. Давно уже считала она погибшим в грязи житейской этого первого товарища детских лет, даже никогда не вспоминала о нем, как не вспоминала ничего, что противоречило взятой на себя роли. А вот он стоял перед ней живой, с крепкими мышцами, здоровый и сильный, жизнерадостный и улыбающийся, и притом такой ласковый, внимательный, «свой». А она? Чего она добилась в жизни, что заработала на своем выдуманном баронстве? Не отгородилась ли она своей выдумкой от хорошей людской жизни, где рядом с трудом есть и настоящие радости, веселый смех, шутка? Не ушла ли от простых и несложных, но теплых, «своих» людей в холодное одиночество глупой мечты о «людях нашего круга»? И выдумка, которой она так старательно многие годы наполняла свою жизнь, вдруг завяла, как сорванный цветок, стала казаться пустой, глупой, почти стыдной и такой жалкой, жалкой, что слезы

душили и просились на глаза. А когда Федор Иванович рассказал ей прекрасную повесть о том, как он на стройке «человеком стал», она все, как умела и понимала, рассказала ему о себе, обливаясь горькими, неутешными слезами.

— Ведь вот, — закончила Глафира свой грустный рассказ, — с малолетства жизнь измывалась надо мной, измывались князья и бароны, а больше всех надсмехалась над собою я сама, настоящая пролетарка — баронессу из себя корчить стала, да вот и до сих пор этим занимаюсь.

А Федор Иванович, Федя, вдруг ставший таким родным и близким, тепло утешал: трудно сознать свои ошибки, а раз со знала, направить их дело нетрудное, ведь само сознание властно принуждает к исправлению.

Несколько ночей продолжались Глафирины бесконечные беседы с Федей, поддерживавшим ее доброе настроение, дававшим советы, а вскоре затем бросила она свою обычную работу и, записавшись в бригаду, ушла работать на трассу. Теперь грудь ее украшает значок «строителя Белморстроя», а то, как была баронессой, вспоминает она, как дурной сон.

6/V

ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Спр. 203. Арк. 3–5 зв., 8–10 зв.

МОЙ ПЕРВЫЙ РОМАН

Гончая сучка Залетная привела щенят под амбаром, построенном на таких низких стояках, что при всем нашем любопытстве мы с братом никак не могли проникнуть к ним и даже хотя бы узнать количество новорожденных, только с замиранием сердца прислушивались к их редкому повизгиванию, доносившемуся из далекого угла подамбарной темноты... Наконец, недели через две наши дежурства у амбара увенчались успехом, щенки, ища расширения своего знакомства с миром, вылезли из-под амбара и мы всех их переловили. Их оказалось

шесть и, поделив их, «поровну», мы имели по три щенка. Дележ прошел не совсем гладко, так как и мне, и брату сразу особенно понравился один щенок, какой-то исключительно аккуратненький, грациозный, «симпатичный». И я, и брат — оба в одинаковой мере хотели называть этого щенка «своим», и так как никто не хотел уступить другому, возникли трудности, которых не устранило и компромиссное предложение брата — каждому взять себе по два щенка, а двух, в том числе и обоими нами излюбленного — считать «общими», так как я ни за что на уступки не шел и на компромисс не соглашался. Когда же брат начал упрекать меня в неуступчивости, я предложил другую комбинацию дележа: я отдавал брату всех других пятерых щенят, а себе брал одного «спорного». Не знаю уж, что мешало брату отказаться от моего «выгодного» предложения, то ли ему совестно было обнаружить такую жадность — себе взять пятерых, мне же отдать — одного! — то ли и пять щенят не вознаграждали его за отказ от излюбленного... Дележ затянулся на несколько дней, при чем по полу дня мы не разговаривали, а затем переговоры возобновлялись с новыми вариациями предложений с обеих сторон. Наконец, когда я предложил брату отказаться в его пользу от своих прав на оставшегося в городе (это и облегчало мне «отказ», известно ведь — «разлука уносит любовь») — нашего «общего» кота и подарил — давний предмет зависти брата — свисток, в порыве великодушия брат вдруг согласился на дележ «поровну» с предоставлением мне в числе трех щенят и «спорного». Думаю, что «порыв великодушия» вызван был не столько безраздельными правами на «общего» доселе кота и не подарком свистка тем более, что я выговорил себе право ежедневно свистеть в него. Просто подтвердилась истина, утверждаемая военными авторитетами, что побеждает тот, у кого крепче нервы: затянувшийся дележ утомил нервы брата. Но это не так важно.

Итак, в числе трех щенков я получил и того аккуратненького, грациозного, симпатичного, оказавшегося почему-то каким-то робким, будто чем-то запуганным. Когда утром или

после обеда мы с братом появлялись у амбара и заставляли всю компанию щенят резвящимися на солнце, пятеро из них бросались к нам и не разбираясь в «хозяине», наступали лапками на ноги, махали хвостиками, заигрывали, а шестой, мой «излюбленный» норовил улизнуть и спрятаться под амбаром, что иногда, к моему большому огорчению, и удавалось ему. Тогда мне приходилось притаиться на крыльце и иногда подолгу ожидать пока мой любимец, соскучившись в одиночестве, покажется из-под амбара. Очутившись в моих руках, щенок выглядел каким-то жалким, обиженным, а мои самые пламенные, самые нежные ласки принимал без всякого удовольствия с видимым равнодушием и достаточно мне было выпустить его из рук и сделать вид, что я не обращаю на него внимание, как он опять пытался скрыться под амбар. Никакими способами не удавалось мне пробудить в любимце какие-бы то ни было положительные чувства к себе, но дело в этом отношении приняло уж совсем безнадежный оборот, когда однажды, едва догнав улепетывавшего к амбару щенка, я во внезапно охватившем меня раздражении несколько раз ударил его. После этого инцидента ловить его мне удавалось, только незаметно для него подобраться к амбару и отрезав ему пути к отступлению. И вот однажды, встретив всех шестерых довольно далеко от амбара, я направился к ним и пятеро бежали мне навстречу, весело размахивая хвостами, а мой любимец со всех ног испуганно бросился к амбару. Острое раздражение, охватившее все мое существо, бросило меня в погоню. Казалось, не поймай я сейчас щенка, сердце мое не выдержит припадка злого отчаяния. Но случилось нечто худшее. Щенок уже прятался под амбаром, когда я, добежав, споткнулся, упал, лбом ударился о бревно, но глубоко засунув руку, поймал убежавшего за ножку и вытащил, не давая себе отчета, отчего так жалобно взвизгнул пойманный, от испуга или от боли? Тут я точно провалился в какую-то бездну, перейдя границы запальчивости и раздражения, устраняющие вменяемость поступков. Не помня себя, не соображая, что делаю, я приблизил трепещущего щенка к лицу

и укусил его за носик. Сейчас же я и бросил обиженного, более обиженным чувствуя себя, спрятался в густой траве сада и горько проплакал больше часа, не отзываясь на голоса разыскивавших меня брата и матери.

На этом и окончился мой роман со щенком. Я больше не ходил к амбару играть с гончаками, они больше не существовали для меня. Через месяц я встретился случайно там, где совсем не ожидал этого, со всеми шестью, причем все шесть, ласкаясь, просительно махали хвостами, нуждаясь, впрочем, видимо, не столько в ласке, сколько в еде... Герой моего первого романа подурнел, выглядел обыкновенным гончим щенком, ничем не отличался от других. Во мне эта встреча не шевельнула ничего, кроме стыдного воспоминанья о пережитом тогда припадке «запальчивости и раздражения».

Дмитров, 18-го мая 1935 г.

ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Спр. 203. Арк. 2–2 зв.

ШЕКСПИР (PENSEES)

В мире словесного художественного творчества Шекспир представляется нам явлением настолько исключительным, неповторимым, необъяснимо чудесным, в сравнении со всеми прочими высшими достижениями человеческого творческого гения, стоящим как будто в пределах другого измерения¹³²,

¹³² В самом деле, до художественного уровня Шекспира «Гамлета», «Короля Лира», «Отелло», «Макбета», «Кориолана» не поднялся ведь, не стал вровень ни один из гениальнейших художников слова. Недаром такой изысканный и авторитетный ценитель произведений словесного искусства, как Флобер, прочитав «Войну и Мир», не написал других слов для выражения своего высшего восхищения, как — «Да это Шекспир! Это Шекспир!». Но, даже вполне разделяя мнение В. И. Ленина, что ни в одной европейской литературе нет произведения, подобного «Войне и Миру», не скажем, что художественные достижения Л. Н. Толстого стоят вровень с Шекспировскими. А что в устах Флобера значило

что нисколько не удивительно возникновение легенд об авторстве произведений, кажущихся созданиями того сверхчеловеческого искусства, о котором Генрих Гейне почтительно писал: «В Шекспировских произведениях мы видим иногда живую истину без одежды искусства». В создании этих легенд ум человеческий искал объяснения ослепительно чудесного, делал усилия создать образ того, кому это чудесное оказалось бы посильным. Обращались к исключительному интеллекту Бэкона, к таинственной личности графа Ретленда и пр[очее]¹³³, а по существу все эти попытки создать «Шекспира» сводились к попыткам облечь плотью и кровью то, что в одном письме

слово «Шекспир», свидетельствуют его строки: «Читая Шекспира, я становлюсь умнее, чище. Когда дохожу до вершин его творчества, мне кажется, что я на высокой горе, все и исчезает и все появляется в новом виде». И ведь в этой восторженной оценке нет атома преувеличения.

¹³³ Первый наиболее полно и талантливо авторство подлинного Шекспира оспорил, как известно, в начале XIX столетия в своих лекциях Кольридж. Ему показалось совершенно неуместным, более того непристойным, допускать, чтобы такой гений мог быть сыном мясника и сам работать на городской скотобойне. Научной мысли о общественному сознанию того времени это воображение показалось достаточно сильным, и актер Вильям Шекспир получил, как автор гениальных пьес, «чистую» отставку, а так как «природа боится пустоты», начались поиски автора. Бэконская гипотеза, первая встретившая широкое признание и поддержанная авторитетом сильных мира — Пальмерстона, Дизраэли, Гладстона, пришла в начале второй половины 19 стол. из южных штатов Северной Америки. Когда же убедительность Бэконовской гипотезы была поколеблена, в дальнейших поисках автора договорились до того, что спекулянт и ростовщик Шекспир заставлял своих клиентов писать пьесы (неповторимый Шекспир становился многоликим) и затем издавал их под своим именем... В начале 20 ст. (1911 г.) депутат Бельгийского парламента Селестин Дамблон предложил кандидатуру в Шекспиры графа Ретленда и предложение было обставлено так солидно, что показалось убедительным и даже серьезным литературоведам. У нас его, было, приняли Луначарский и Фриче (впоследствии оба от Ретленда отказались). Но 20 век оказался урожайным для новых Шекспировских легенд: в 1918 г. проф[ессор] Абель Лефранк выдвинул кандидатуру Уильяма Стэнли графа Дерби, в 1920 полковник Луни выступил с гипотезой авторства Эдуарда де Вера графа Оксфордского... Самого основного в проблеме авторства Шекспировских пьес — тайны неповторимости Шекспира ни одна из творимых легенд разгадать и разъяснить оказалось, однако, не в состоянии...

к Шевченку Кулиш удачно назвал разумом, получаемым не из книжной науки, а «от самого Бога»¹³⁴. Но поскольку задача таким образом сводилась к созданию образа носителя творческой потенции, способного быть «Шекспиром», — ни в исключительном интеллекте Бэкона, ни в остроумнейшим образом скомбинированном облике графа Ретленда в сущности не было же никакой надобности, а для заподозривания настоящего, подлинного актера Шекспира в том, что он ставил только подпись свою под произведениями автора, желавшего почему-то сохранять «неизвестность», — никаких серьезных оснований. Истина, что «дух Божий веет где хочет»¹³⁵ устраняет сколько-нибудь серьезные основания к созданию Шекспировских легенд, тем более, что ни одна из них ничего в необъяснимо чудесном творчестве Шекспира не объясняет и для этого объяснения ни исключительный интеллект Бэкона, ни все «качества» графа Ретленда не дают ничего. Мало ли история человечества знает исключительных интеллектов и самых изысканнейших душевных качеств, а Шекспир — один. Все легенды, стремившиеся установить авторство Шекспировских пьес, отняв право на него у подлинного, исторического актера Шекспира, родом из Стратфорда, самым убедительнейшим образом именно за ним это авторство неоспоримо закрепляют. Именно к «профессии» автора восходят крепкие органические основы всего его творчества, постулировавшегося не «тленной мысли раздраженьем», не запросами пытливого интеллекта, не проблемами, волновавшими беспокойную душу, а практической потребностью «ремесла», потребностью иметь пьесу для постановки. Конечно же, в формальной стороне своего «театра» Шекспир имел предшественников, как затем создал и преемников. Только в творческом гении своем не имел он ни предшественников,

¹³⁴ ...«Мені ні з ким порадитись. Усе то бач народ судовий, або военний, або дуже розумний з книжної науки, а такого, щоб розум брав от самого Бога, як ти, мій брате, і нема коло мене».

¹³⁵ Во все цитаты с «богом», конечно, не вкладываем ни грана мистики, ни отдаленнейшего намека на будь-какие религиозные представления.

ни преемников, оставшись теми «одними в свете Гималаями», с высотой которых состязаться бесполезно. И исследователи Шекспира, раскрывая его связи с предшественниками, должны дать себе отчет в том, что дают по возможности полное представление об его художественной технике, о форме его творчества и, хотя в последней нет ничего, что не восходило бы и к его существу, тем не менее все это не раскрывает необъяснимо чудесного, комплекс чего находим в Шекспире.

Практические задания «ремесла» снимали для Шекспира все «теоретические» сомнения и колебания, не раз смущавшие художников, пугавшие их страшным представлением о плагиате. Только через два века после Шекспира Гейне провозгласил: «Ничего не может быть глупее требования, чтобы писатель свои сюжеты создавал сам, потому что в этом будто бы заключается оригинальность», а Лермонтов утверждал: «В искусстве не существует VI заповеди, поэт может брать везде, где находит материал для своих произведений».

Шекспир никаких мнений по этому вопросу не высказывал, тем более никаких заявлений не делал, в успокоительных авторитетных разъяснениях Потемнина вопроса о плагиате, нимало не нуждался, пред ним стояла практическая задача — «пьеса для постановки» и без всяких колебаний «ничтоже сумняшеся» черпал он из всех доступных ему источников: старых пьес, исторических хроник, при чем иногда настолько близко следовал своему источнику, что порой «о личном творчестве его в сюжетном творчестве говорить не приходится», нам это отмечало авторитетное Шекспиrowедение. Но черпая, обессмертил свои источники. Разве, напр[имер], все мы помним «Хроники Англии, Шотландии и Ирландии» Холиншеда не потому, что из них взял Шекспир матерьял для своих национально-исторических драм, сюжеты для таких своих шедевров, как «Король Лир», «Макбет»? Чужой, заимствованный матерьял в свете ума, полученного «прямо от Бога», обращался в художественные произведения, на высоту которых ни до, ни после того не поднимался человеческий творческий гений.

В чем же заключались особенности этого «ума»? В остроте зрения, в способности глубоко проникнуть, рассмотреть самые факторы, движущие силы человеческого поведения, раскрыть самую сущность его природы, что обуславливало объективное постижение каждого жизненного явления, а в результате столь же объективное целостное постижение всего жизненного механизма и его практики. Этот объективизм и лежит в основе того познавательного значения Шекспировских образов, которое не раз отмечал Маркс, напр[имер], утверждая: «Шекспир превосходно изображает сущность денег».

При этом в объективизме Шекспира нет ни грана равнодушного «невмешательства» (в члены Плимутской комиссии, он совсем бы ни годился) ни намек на фатализм. Острота его оценки лишь обратно пропорциональна полному отсутствию «морали», которую он своего искусства не осквернил. В творчестве его органические особенности ума, вооруженного проникновенной остротой видения, счастливо сочетались с атмосферой бодрой актуальности, насыщавшей историческую эпоху становления буржуазии, еще позволявшую ее передовым элементам нелицемерно вдохновляться иллюзией нераздельности, тождества интересов их класса с интересами целостного человечества.

Необычайная широта охвата в целом Шекспировского творчества жизненных явлений прежде всего выразилась в необыкновенном разнообразии и разносторонности созданных им образом при столь же необыкновенном умении художника в индивидуальном находить типическое, а характеры созданных персонажей показывать не готовыми, статическими, а в их диалектическом развитии, согласованном с анализом силы обстоятельств в их психологическом выражении. Все это отметил еще Пушкин, подчеркнувший, что «обстоятельства развивают перед зрителем разнообразные и многосторонние характеры лиц, созданных Шекспиром»¹³⁶. Показ исторической причинно-

¹³⁶ А. С. Пушкин, Table-talk, Полное собрание сочинений, т. VI, стр. 357. Изд[ание] четвертое. Гос[ударственное] Изд[ательство]во. М[осква], 1936.

сти, обусловленность индивидуального поведения требованиями «времени», — «так хочет время. Мы его рабы» — говорит, например, мятежник Гастингс в «Генрихе IV», представлены в изумительном богатстве бытовых подробностей, красочных сцен обстановки, а все напряжение ключевого кипения жизни эпохи отражается уже в исключительном богатстве словаря, в каком-то среди великих писателей Шекспир не знает соперников.

«Позыченный» материал, как уже сказано, в творчестве Шекспира модифицировался его глубоким и острым видением, а последнее неразрывно соединялось с обусловленной требованиями времени психоидеологией художника. Раскрытие методов, способов этой модификации, ее содержания и достижений и составляет большую задачу Шекспироведения, уже богатого замечательными работами, но в целом еще далеко не исчерпанную¹³⁷. Окончательно решенным, однако, следует признать вопрос об авторстве. Шекспир не был писателем в обычном представлении, побудительными мотивами к творчеству у него не были отвлеченные «вечные» проблемы, оно приводилось в движение практической задачей — дать постановочную пьесу и в ней развязывалось соединением острого зрения и буйной фантазии художника с энергией актуальной эпохи.

Отсюда та непосредственность, органичность творческих произведений, в которой разгадка тайны Шекспировского ху-

¹³⁷ Задачи аналитического исследования творчества Шекспира в сущности выходят за границы настоящих реузеес, подытоживающих синтетические «заключения», сложившиеся от впечатлений непосредственного знакомства с целым этим творчеством — в чтении, со сцены, от обширного штудирования трудов шекспироведов и долголетних размышлений обо всем этом, при чем эстетические эмоции всегда превалировали над аналитикой, отводя последней второстепенное, служебное место (напрасно некоторые исследователи думают, что художественные произведения для того и создаются, чтобы дать материал для их исследований). Первостепенное и самостоятельное значение принадлежит, конечно, очарованию непосредственного эстетического восприятия, волнующего восхождением от Евклидова разума трех измерений plus haut, plus haut, plus haut, что, однако, не означает полного разрыва с «Евклидом», ибо восхождение выше не призывает к неразумию. Отсюда и заслуженное уважение к аналитике, поскольку она не претенциозна и не ограничена в переоценке своих возможностей.

дожественного гения, для которой ничего не дает ни исключительный интеллект Бэкона, ни высшая культурность Ретленда, ни все вообще качества теоретически измышленного автора и которая раскрывается в художественной органической непосредственности «дикаря», как называл его Вольтер, актера и постановщика пьес. Ни мясничество отца, ни собственная работа на городских скотобойнях препятствием для последнего стать «Шекспиром» не были, а отсутствие рационализма и рафинированной психологии, питая органическую непосредственность, в том ему могущественно содействовало и помогало. А в том, в чем, обыкновенно, видели главнейшее доказательство противного, мы видим, если не главнейшее, то одно из главных доказательств авторства поставщика пьес. Удалившись на покой в родной Стратфорд и проживя там еще три года, Шекспир не написал ничего. Но ведь он не был «писателем», а с переселением на родину ему больше не надо было давать пьес для постановки. С отходом от ремесла прекратилось и творчество.

Днепропетровск, 9–10 ноября 1940 г.

ІР НБУВ. Ф. 131. Од. зб. 10. Могилянський М. М. Шекспір (стаття). 9 листопада 1940. Арк. 1–4 зворот.

PS. К «ПРАЗДНЫМ МЫСЛЯМ»

*Друзья бросают мне вопрос, —
Ну, хорошо-с, ну, хорошо-с,
Но почему же итальянцы, бриты
В пренебрежении забыты?
Наследников седого Рима,
Детей «владычицы морей»
— (Останется ль титул за ней?) —
Забуть совсем недопустимо
Среди культурнейших семей
Дряхлеющего мира. Ей-же, ей*

*Ни тех, ни тех не унижаю,
Но итальянцев мало знаю
(Хоть увлекался как Элеонорой
Неповторимую Дузе,
Как трепетал, когда опорой
Надежною явился мне
Сальвини в чтении Шекспира!
И слушал певческого мира
Каких-то уникалов: Мадзини,
И Баронат, и Бат[т]истини,
Катони, Зембрих — все они
Как увлекали в оны дни,
Которые, увы, прошли!..).
Ну, знаю, есть там лаццарони,
Ну, знаю, любят макароны,
Кианти пьют, еще, еще?!
Да вот, ей Богу, ничего!
Конечно, знаю Муссолини,
Но лучше бы его забыли
И лучше с Гитлером подряд
Обоих бы коленом в зад!
Для справедливости, однако,
Я вспомнить должен, — мой приятель,
Сам математик, мне сказал когда-то, —
Есть несомненный показатель
Успехов итальянского ума:
Вот между войнами двумя
Их в математике успехи
Покроют прочие прорехи.
Увы, наследникам великих
Отцов бывает нелегко
Не опустить свое лицо.
Ну, вот — об итальянцах — все.
Иные Альбиона блики.
О них, не тратя много слов
Одно я здесь сказать готов:*

Я Дарвина, конечно, почитаю
Величиной едва-ли достижимой
В научной мысли у других, вершиной
Равной Гималаям, утверждаю,
Без Дарвина мир потерял
Не мало б лучших достижений
И в разных областях мышленья
Немного бы рекордов взял.
Ну, даже Маркса например
Едва-ли бы имели мы.
Во всем другой и глазомер,
Установился б, — меньшей остроты.
Не закрывая глаз на все грехи
Сынов надменных Альбиона,
— А кто безгрешен? — что ли спросим
Серьезно, не для моциона
В словесной схватке языка,
Отрадного для дурака.
Упреки нужны-ли? Их бросим
И скажем: если бы стократно
Там в Альбионе нагрешили,
За их язык мы многое б простили.
Боюсь, не поняли б превратно:
Бросает в дрожь произношенье
И начертанье на письме,
Но логики красивой в языке
Такой не сыщешь для сравненья.
А чудо из чудес Шекспир?
Равновеликого не видел мир.
За Гамлета, Макбета, лира
Чего, чего нельзя простить?
— Не сотвори себе кумира!
Но тут в восторге цепенеешь,
Пред гением благоговеешь
И учишься его ценить.
А потому индальгенций кучу

Охотно Англии даем
(И не в аренду, не в заем) —
И на политики качучу
Взираем и не проклянем.
Не проклянем, ведь знаем мы,
Что в ней, как в сумерках все кошки
Серы, судя не очень строго,
Все, право, жулики немножко,
А строже то и много —
Все лидеры и все вожди.
Увы, так было, есть и будет,
Пока пробьет урочный час
И не возьмут примера с нас
Их пролетарии и сбудет
Страна — весь тяжкий гнет
Капиталистических тенет.
Вот раз дана ситта ситтагит,
Зачем же будем дальше даром
Великих ряд имен давать,
Известных всем перечислять
Ньютона, Бэкона, других
В науке равно дорогих.
И тех, кто в области искусства
Глубокие затронул чувства,
Все вспоминать, они что дали,
Рейнольдса, Хогарта, Россети,
И Тернера, и Рюнсдаля...
Ну, а за ними рядом эти:
Лорд Байрон, Шелли, Теккерей
И Диккенс, Шоу, Уэллс — до наших дней...
Конечно же их знают все
И можно точку ставить мне.

1/IV

ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Спр. 690. Листи Святловській А. М.
від Могілянської О. М. 20 березня 1941. Арк. 5–6.

Примітки

ЛИСТИ МИХАЙЛА МОГИЛЯНСЬКОГО ДО НАТАЛІЇ ПОЛОНСЬКОЇ-ВАСИЛЕНКО

№ 1

14 серпня 1929

Київ

...дістав біографію Антуана де Сен-Жозефа... — йдеться про французького барона Антуана де Сен-Жозефа (1749–1826), який на початку 1780-х років започаткував морську торгівлю між портами Середземного моря і Російською імперією через Херсон. Автор книжки «Історичний нарис про торгівлю і судноплавство Чорним морем» (Anthoine de Saint-Joseph. *Essai historique sur le commerce et la navigation de la Mer-Noire ou voyage et enterprises pour établir des rapports commerciaux et maritimes entre les ports de la Mer-Noire et ceux de la Méditerranée.* Paris: Chez H. Agasse, 1805.)

Як себе почуваете Ви й Мик[ола] Прокопович? — **Микола Прокопович Василенко (1866–1935)** — історик, громадський діяч, член Української Центральної Ради, академік, а в 1921–1922 роках президент Всеукраїнської академії наук (далі — ВУАН), спеціаліст із історії права ранньомодерної України. У 1923–1935 роках перебував у шлюбі з Полонською-Василенко. У 1924 році Василенка було репресовано у справі вигаданої антирадянської організації — «Київського обласного центру дії». Рік потому, завдяки клопотанням Полонської-Василенко та керівництва ВУАН, він вийшов на свободу, але у результаті пережитої травми психічне здоров'я Василенка незабаром

почало погіршуватися. Неопубліковані чернетки спогадів Полонської-Василенко про чоловіка зберігаються в ЦДАМЛМУ, Ф. 542. Оп. 1. Спр. 44–47.

№ 2
10 листопада 1929
Київ

Ком[ісія] Біограф[афічного] словн[ика]... — Постійна комісія для складання Біографічного словника українських діячів ВУАН (далі — Біографічна комісія) упродовж 1919–1933 років займалася укладанням біографічного словника діячів України. Попри брак фінансування та репресії проти її співробітників Біографічна комісія впродовж свого існування встигла виготовити картки на близько 200 000 осіб, діяльність яких була пов'язана з Україною та україністикою. Керівничим Біографічної комісії із липня 1923 до середини 1933 року був Михайло Могілянський. Див. докладніше про роботу Біографічної комісії та її голови: С. М. Ляшко. Постійна комісія УАН-ВУАН для складання Біографічного словника діячів України (1918–1933). Документи. Матеріали. Дослідження. Київ: НБУВ, 2003, 688 с.; С. М. Ляшко. Постійна комісія УАН-ВУАН для складання Біографічного словника діячів України: Персоналогічний вимір // Українська біографістика. 2015. Вип. 12. С. 42–81; Світлана Ляшко. М. Могілянський — останній лицар Постійної комісії для складання біографічного словника діячів України (1923–1933) // Пам'ятки України. 2013. № 9. С. 34–41.

№ 5
19 вересня 1930
Кисловодськ

...ЦЕКУБУ... — **Центральная комиссия по улучшению быта ученых** — Центральна комісія з покращення побуту вчених — орган виконавчої влади, що існував у Радянському Сою-

зі у 1921–1931 роках із метою надання матеріальної допомоги вченим та сприяння їхній науковій роботі. ЦЕКУБУ підпорядковувалися комісії при радах народних комісарів союзних та автономних республік, виконкомах обласних рад. У віданні ЦЕКУБУ, зокрема, знаходилась мережа гуртожитків, санаторіїв та будинків відпочинку.

...бачив Петрушевського, Грабаря, Челпанова... –

Дмитро Мойсейович Петрушевський (1863–1942) — історик-медієвіст, професор Варшавського та Московського університетів, академік ВУАН, а згодом Академії наук УРСР (далі — АН УРСР), дослідник середньовічної історії Англії. Листи Михайла Могилянського до Дмитра Петрушевського зберігаються у особовому фонді останнього в: Архив Российской академии наук. Ф. 493. Оп. 3. Ед. хр. 138. 1932–1941.

Володимир Еммануїлович Грабар (1865–1956) — правознавець, професор Юр'євського, Воронежського та Московського університетів, дослідник міжнародного права.

Георгій Іванович Челпанов (1862–1936) — психолог, професор Київського та Московського університетів, сприяв інституціоналізації в Російській імперії психології як академічної науки, фактично заснувавши і очоливши в 1912 році Психологічний інститут при Московському університеті.

Вас ще 8-го хотів вітати з днем іменин... — згідно православному літургійному календарю 8 вересня є днем ангела Наталії.

...до санаторії ім[ені] Леніна... — один із санаторіїв, що перебували у віданні ЦЕКУБУ. Див. примітку ЦЕКУБУ вище.

...Дм[итро] Ів[анович]... — йдеться про **Дмитра Івановича Яворницького (1855–1940)** — історика, археолога, етнографа, фольклориста, директора Катеринославського (згодом Дніпропетровського) краєзнавчого музею, професора Катеринославського (згодом Дніпропетровського) інституту народної

освіти, академіка ВУАН, дослідника історії запорозького козацтва та Південної України.

...Прошу Вас ... виготовити список на «Б»... — йдеться про роботу Біографічної комісії. Наталія Полонська-Василенко перебувала в її складі впродовж 1928–1932 років на посаді редактора відділу гетьманської доби.

...як побачите Вас[иля] Митр[офановича], попросити його, щоб написав на «А»... — йдеться про **Василя Митрофановича Базилевича (1892–1942)** — історика, джерелознавця, музеєзнавця, секретаря Історичного товариства Нестора Літописця, члена Біографічної комісії.

...Нагадайте й Вікт[ору] Ол[ександрови]чу, щоб скінчив справу з біографіями Крип'якевича... — історик і архівіст **Віктор Олександрович Романовський (1890–1971)** обіймав у Біографічній комісії впродовж всього часу її існування посаду редактора відділу діячів литовсько-польської доби до середини XVII ст.

Історик **Іван Петрович Крип'якевич (1886–1967)** перебував у цій же комісії з листопада 1927 до 1930 року на посаді співробітника для спеціальних доручень, надсилаючи біографічні матеріали з Галичини. Крип'якевич був професором Львівського університету, обіймав посади академіка Академії наук УРСР, директора Інституту суспільних наук (нині — Інститут українознавства Національної академії наук України).

№ 6

11 жовтня 1930

Кисловодськ

«От высот нахмуренной природы»... — цитата з вірша письменника Олексія Миколайовича Толстого (1882–1945) «Минула страсть и пыл ее тревожный...» (1858).

...акад[емік] Левицький... — йдеться про **Володимира Фастовича Левитського** (1854–1939) — спеціаліста з економічної теорії, історії економіки та статистики, якого в 1925 році обрано академіком ВУАН.

Вашу кваліфікацію («не гаразд») з приводу похорон О[лени] Пчілки я б зміцнів на кілька степенів... — під час похорон письменниці Олени Пчілки (1849–1930) у жовтні 1930 року на Байковому кладовищі у Києві радянська влада заборонила проголошувати промови. Учасниця похоронної процесії Марія Туркало описувала подію так: «В день похорону вся вулиця перед будинком [Олени Пчілки — ВС] була повна народу. Стиха розмовляли, озираючись навколо, бо серед натовпу напевне є чимало агентів ГПУ. [...] Тихо винесли домовину, поставили на катафалк, і процесія рушила, розтягнувшись на кілька кварталів. Не було духовенства, не було й звичайної тоді оркестри. Всі йшли мовчки. Розпорядники похорону скерували похоронну процесію іти повз Українську Академію Наук. Очевидно, в глибині їх душ ще жевріла надія, що українська культурна установа не може не зарагувати і хоч чим-небудь не вшанувати пам'яті одного з піонерів української культурної праці, невтомної громадської діячки і письменниці. Але даремні були ці надії. В Академії Наук тоді вже запанував новий дух. [...] Місце останнього спочинку Ольги Петрівни білило свіжою глиною поряд з могилою Лесі Українки. Мовчки зняли труну з катафалку. Не грала оркестра, не було промов. [...] Михайло Грушевський, який стояв над самою розкритою ямою, нахилився, взяв грудку землі і кинув на труну, стиха промовивши: “Хай тобі земля буде легка!” Це був перший і останній звук людського голосу.» Цит. за: Л. Дражевська, Н. Данилевська. Визначні жінки України. Мюнхен: Об'єднання українських жінок на еміграції, 1950, с. 31–32.

...«жив Курилка» наш «неодмінний» з його перманентним обуренням... — фразеологізм «жив Курилка»

означає людину, про яку помилково гадано, що вона зникла, припинила працювати або померла. Також «Жив курилка» це підназва повісті Ромена Роллана (1866–1944) «Кола Брюньйон» (1918) в російському перекладі Михайла Леонідовича Лозинського (1886–1955). Тут йдеться про епідеміолога Овксентія Васильовича Корчак-Чепурківського (1857–1947), який у 1928–1934 роках обіймав посаду неодмінного секретаря ВУАН.

Крім Вас писав: Харламповичу ... і Ользі Дмитровні (з проханням вплинути на Горбаня, щоб здійснив обіцянку щодо біографії М[иколи] Аркаса), і Руліну, і Камишану, і Конишевському... —

Костянтин Васильович Харлампович (1870–1932) — історик, академік ВУАН, дослідник історії православної церкви в Східній Європі в XVI–XVIII століттях.

Ольга Дмитрівна Багалій-Татарінова (1889–1942) — історик, архівіст, бібліограф, секретар та наукова співробітниця Харківської науково-дослідної кафедри історії української культури, очолюваної її батьком — істориком Дмитром Івановичем Багалієм (1857–1932).

Микола Васильович Горбань (1899–1973) — історик, белетрист, вчений секретар Археографічної комісії ВУАН, дослідник українсько-турецьких зв'язків, історії Сибіру та Казахстану.

Микола Миколайович Аркас (1852–1909) — культурний діяч, меценат, автор популярного нарису «Історія України-Русі» (1908).

Петро Іванович Рулін (1892–1940) — театрознавець, професор Музично-драматичного інституту імені Миколи Лисенка, організатор і директор Українського театального музею, дослідник українського театру. З 01.05.1921 до 1926 року був нештатним постійним співробітником Біографічної комісії, а від 1927 до 1932 року — секретарем та редактором підвідділу діячів театру цієї ж комісії.

Олександр Камишан — історик, завідуючий Науково-дослідною кафедрою марксизму-ленінізму ВУАН (1926–1930).

І. І. Конишевський — у 1930 році обіймав посаду асистента у Біографічній комісії.

№ 8
9 березня 1931
Київ

...в залі Антоновича... — мається на увазі зала в будинку ВУАН у Києві, де за адресою вулиця Короленка 54 (нині — Володимирська 54) знаходилося приміщення Біографічної комісії.

...М[ихайло] Могилянський зачитає доповідь на тему: «Ідеологічна постать П. О. Куліша»... — незавершений текст доповіді зберігається в особовому фонді Михайла Могилянського в Інституті рукопису Національної бібліотеки України імені Володимира Вернадського (далі — ІР НБУВ): Могилянський М. М. Ідеологічна постать Куліша. Спроба синтетичної характеристики. ІР НБУВ. Ф. 131, Од. зб. 208. 41 арк.

№ 11
3 січня 1933
Кисловодськ

...у Харкові ходжу по пл[ощі] Тевелева... — нині площа Конституції.

...Addio!... — італ. «До побачення!».

№ 12
24 липня 1933
Київ

...Вул. Ворошилова, 36, 8... — йдеться про нинішню вулицю Ярославів Вал у Києві, яка у 1928–1957 роках (окрім періоду німецької окупації в роки Другої світової війни) називалася

Ворошилова. На цій вулиці знаходилася квартира Наталії Романович-Ткаченко і Могилянського.

Ежедневно хожу на чистку... — у 1930 році у ВУАН розпочалися так звані «чистки», які полягали у публічному звинуваченні та самозвинуваченні вчених у вигаданих злочинах проти радянської влади та каятті за них. Внаслідок «чисток» багато науковців втратили роботу та були репресовані. Могилянського було звільнено з ВУАН внаслідок однієї з «чисток» академічних працівників у 1933 році.

...таких «великанов» науки, как Либерберг, Кокошко... — Йосип Ізраїльович Ліберберг (1899–1937) — історик, доброволець Червоної армії, член КП(б)У, за розпорядженням якої займався підпільною роботою в Україні, директор Інституту єврейської пролетарської культури при ВУАН, голова обласного виконавчого комітету Єврейської автономної області з центром у далекосхідному місті Біробіджан, член-кореспондент АН УРСР.

Степан Степанович Кокошко (1892–?) — історик, керівник сектору історії України у складі Історико-археографічного інституту ВУАН, старший науковий співробітник Музею Революції, завідуючий Київського істпарту.

...распоряжение Ив[ана] Ив[ановича] — предложитъ Галанту переходить в комиссию... —

Іван Іванович Кравченко (1899–1953) — історик, після Жовтневого перевороту 1917 року брав участь встановленні більшовицької влади в Україні, член Всеукраїнського центрального виконавчого комітету УСРР, впродовж своєї кар'єри в сфері освіти і науки обіймав різні керівні посади в Україні та Росії. У 1920–1930-их роках входив до складу кількох комісій при ВУАН: Комісії для виучування соціально-економічної історії України XIX–XX століть, Археографічної комісії, Комісії революційних рухів в Україні.

Ілля Володимирович Галант (1867–1941) — історик, археограф, один із ініціаторів створення та керівник Гебраїстичної історико-археографічної комісії при ВУАН, у 1919–1923 роках нештатний постійний співробітник, а у 1928–1930 роках редактор підвідділу єврейських діячів Біографічної комісії.

№ 13
30 липня 1933
Київ

Ітак, я пережил 6-ой обыск в жизни! — перед Лютневою революцією 1917 року Михайло Могилянський займав активну політичну позицію. За його ж свідченнями, наданими в анкеті у серпні 1918 року: «Брав участь у загальноросійському визвольному русі, кілька разів сидів у тюрмі.» (Цит. за: С. М. Ляшко. Постійна комісія УАН-ВУАН... С. 236.) Вперше Михайла Могилянського арештовано ще за часів університетського навчання, а саме 21 березня 1899 року у зв'язку з його участю в студентських протестах, що відбувалися в Петербурзькому університеті. «Повість о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Спр. 632. Арк. 34.

Готов подать прошение — прошу предоставитъ мне место, скажем, в Медвежьей Горе... Уехал бы туда и по доброй воле к дочке... — серія листів до Наталії Полонської-Василенко з Ведмежої Гори за 1933–1934 роки (лист № 16–18, 22–27) підтверджує, що Михайло Могилянський дійсно жив у своєї доньки — поетки Лади (Лідії) Могилянської (1899–1937).

...КСУ... — Комиссия содействия ученым — Комісія сприяння вченим при Раді народних комісарів Радянського Союзу виникла після реорганізації ЦЕКУБУ (див. примітку до листа № 5 від 19 вересня 1930 року) в 1931 році і була ліквідована 1937 року.

№ 14
6 серпня 1933
Київ

... секретаря секції (Удовицького)... — особу не встановлено.

...ВУКСУ... — Всеукраїнський комітет содействия ученим — Всеукраїнський комітет сприяння вченим у 1921–1931 роках підпорядковувався ЦЕКУБУ, виконуючи аналогічні функції на рівні УСРР.

...«компания невеличка, але чесна» — из Барановича, Чехового, Кирилюка... —

«компания невеличка, але чесна» — цитата із народної пісні «Нехай же нас Бог ратує (про Купер'яна) (з побиту Волинських цехових братчиків за часів Магдебургії)», опублікованої вперше композитором Миколою Віталійовичем Лисенком (1842–1912) у Збірнику українських пісень для голосу в супроводі фортепіано. Вип. 3. Київ, 1876. В тексті пісні йдеться про традиційне застілля членів ремісничого цеху, яке закінчується через страх перед гнівом дружин братчиків.

Олексій Іванович Баранович (1892–1961) — історик, співробітник ряду комісій ВУАН, після їх закриття в 1934 році — викладав у Сімферополі, працював у Москві в Інституті історії АН СРСР.

Євген Прохорович Кирилюк (1902–1989) — літературознавець, у 1930-ті висловлював офіційні погляди, лауреат Ленінської та Шевченківської премій, член-кореспондент АН УРСР.

Третю особу не встановлено.

Я виноват уж тем, что кому-то хочется «кушать»... — алюзія на байку Івана Андрійовича Крилова (1769–1844) «Волк и Ягненок» (1808).

...удивительное увольнение Кристера... —

Арнольд Едмунович Кристер (1886–1937) — правознавець, обіймав керівні посади в Київському інституті народного господарства та ВУАН, де, зокрема, був керівником Комісії для виучування звичаєвого права України та Комісії для виучування радянського права. Звільнений із ВУАН 1933 року за звинуваченням у саботажі.

...беседовал с Адамовичем... — йдеться про вченого секретаря Президії ВУАН І. А. Адамовича.

...Левадный, Веселый, Рябчук... —

М. С. Левадний — керуючий справами ВУАН. Двох інших осіб не встановлено.

...все к лучшему в лучшем из миров... — не зовсім точна цитата з повісті «Кандід, або Оптимізм» (1759) філософа і письменника Вольтера (1694–1778), де ці слова вживаються під час чергових лих, що випадають на долю героїв, які вони змушені стоїчно переносити. Так Вольтер іронізував над думкою з трактату «Теодіцея» (1710) філософа Готфріда Ляйбніца (1646–1716) про те, що Бог не міг би створити світ, який не був би найкращим із можливих.

...отряхнуть киевский прах от ног своих... — Біблійний вислів, що означає припинення з кимось відносин, зустрічається в Євангелії від Матвія: «І як хтось вас не прийме та й не послухає ваших слів, то ви, виходячи з дому чи з того міста, обтрусіть порошок із ніг ваших» (10:14).

...«важку ворожать осінь нам зарниці»... — цитата з вірша поета Івана Яковича Франка (1856–1916) «Як віл в ярмі, отак я день за днем...» (1896), вміщена в його поетичній збірці «Зів'яле листя» (1896).

№ 15
8 серпня 1933
Київ

Прощай, прощай! / И если навсегда, — / то навсегда прощай! — початок вірша «Прощай» («Fare thee well») Джорджа Гордона Байрона (1788–1824) із циклу «Вірші про розлуку» («Poems of separations») (1816), який в оригіналі виглядає так: «Fare thee well! and if for ever, / Still for ever, fare thee well».

...«Казак на север держит путь»... — цитата з поеми «Полтава» (1828) Олександра Пушкіна.

...больная внучка моей хозяйки... — «хазяйкою» тут названа письменниця Наталія Романович-Ткаченко (1884–1933), із якою Могілянський від 1923 року перебував у фактичному шлюбі. Онука, про яку згадується, це Інна — донька Наталі Ткаченко-Ходкевич (1904–?) (Див. про неї примітку до листа № 80 від 13 листопада 1937 року). Обидві вони мешкали разом із Романович-Ткаченко. Як згадує дослідниця Оксана Якименко: «Влітку 1933 р. онука письменниці захворіла на висипний тиф. Бабуся її доглядала, але сама не вбереглась. Н. Романович-Ткаченко померла від тифу в Жовтневій лікарні у вересні 1933 р.» Якименко О. Поетика творчості... С. 49.

...Пал[л]адин... — йдеться про **Олександра Володимировича Палладіна (1885–1972)** — біохіміка, академіка АН УРСР і АН СРСР, президента АН УРСР.

...Козубовский... — мається на увазі **Федір Андрійович Козубовський (1895–1938?, 1942?)** — археолог, був у лавах Червоної армії, у 1933–1934 роках обіймав посаду вченого секретаря ВУАН, у 1934–1936 роках директор Інституту історії матеріальної культури ВУАН.

...все «темно и непонятно», как история мидян... — фразеологізм, що використовується на позначення беззмістовної розпо-

віді, ймовірно, походить від усного виступу актора і оповідача Івана Федоровича Горбунова (1831–1896), записаного письменником і художником Павлом Сергійовичем Шереметевим (1871–1943).

№ 16
26 серпня 1933
Ведмежа Гора

...[оварищу] Дуднику... — йдеться про **Якима Миновича Дудника (1881–1934)** — радянського партійного і державного діяча, який обіймав керівні посади в різних державних органах УРСР, зокрема був заступником голови Ради народних комісарів УРСР, членом ЦК КП(б)У в 1927–1934 роках.

...с высоты птичьего д'уазо... — à vol d'oiseau — фр. «з висоти пташиного польоту».

...requiescat in pace... — латин. «хай спочине з миром».

...sancta simplicitas... — латин. «свята наївність». Вираз, що приписують релігійному реформатору Яну Гусу (1369–1415), який нібито під час спалення його на вогнищі за звинуваченням у ересі сказав ці слова, побачивши як одна жінка підкидала хмиз у вогонь.

...Ничего нет в мире гаже / Ссоры с гадиною мелкой / Защищающейся вонью!.. — цитата з поеми Гайнріха Гайне (1797–1856) «Атта Троль. Сон в літню ніч» («Atta Troll. Ein Sommernachtstraum») (1860) в перекладі Дмитра Івановича Пісарєва (1840–1868): «Отдавайтесь на съеденье, / А давить клопа не смейте! / Коль раздавите, то запах / Вам всю ночь не даст покоя. / На земле всего страшнее / Ссора с гадиною мелкой, / Защищающейся вонью. / Да, дуэль с клопом несносна.» («Musst dich ruhig beißen lassen — / Das ist schlimm — Noch schlimmer ist es / Wenn du sie zerdrückst; der Missduft / Quält dich dann die ganze Nacht. / Ja, das Schrecklichste auf Erden / Ist der Kampf mit Ungeziefer, / Dem Gestank als Waffe dient — / Das Duell mit einer Wanze!»).

№ 17

31 серпня 1933

Ведмежа Гора

...«**За радянську академію**»... — газета, яку в 1930–1934 роках видавала профспілка ВУАН.

...«**лакомства нещасного**»... — фразеологізм, вживаний в українських думках, що означає зраду задля отримання вигоди.

...**Prügelknabe**... — нім. «хлопчик для биття».

...**Мих[аил] Ол-ч**... — особу не встановлено.

№ 18

4 вересня 1933

Ведмежа Гора

...**Виктор Александрович**... — йдеться про Віктора Романовського. Див. примітку до листа № 5 від 19 вересня 1930 року.

...**дописать хотя бы «Трын-траву**»... — йдеться про роман, над яким працював тоді Могілянський. Незавершений рукопис цього твору був викрадений. Див. лист і примітку до листа № 34 від 25 листопада 1934 року.

№ 19

10 вересня 1933

Ленінград (Санкт-Петербург)

...**в архиве Венгерова**... — колекція із більше 4000 автобіографій та біобібліографічних матеріалів російської інтелігенції літературознавця та видавця Семена Опанасовича Венгерова (1855–1920), збирана ним від середини 1880-х до 1920 р.; міститься у Рукописному відділі Інституту російської літератури Російської академії наук (далі — РАН), так званий «Пушкінський дім».

№ 20
10–11 вересня 1933
Ленінград

...«**горбатого**»... — йдеться про українське прислів'я: «горбатого могила виправить». Означає вперту людину, яка не хоче відмовлятися від своїх вад.

...**verloren**... — нім. «втрачений».

...**alles verloren**... — нім. «все втрачено».

...**dum spiro — spero**... — латин. «доки дихаю — сподіваюсь».

...**страха не боюся и смерти не страшуся**... — змінена цитата з лібрето до опери Михайла Івановича Глінки (1804–1857) «Жизнь за царя» (інша назва «Іван Сусанін») (1836). На початку першої дії хор із селян села Домніна, зокрема Іван Сусанін, та народних ополченців проти поляків, які захопили Москву, співає: «Страха не страшусь, / Смерти не боюсь, / Лягу за святу Русь!».

...**разделяю взгляд Ан[атоля] Франса**... — творчість письменника Анатолія Франса (1844–1924) була близькою Могилянському, який присвятив письменнику статтю: «Іронія і скепсис Анатолія Франса» // Червоний шлях. 1925. № 9. С. 172–185.

...**С этим можно стоять на том, на чем стоишь, можно не мочь «иначе»!**.. — перефразований вислів церковного реформатора Мартина Лютера (1483–1546): «На цьому я стою — не можу інакше. Господи, допоможи мені. Амінь.» («Hier stehe ich — ich kann nicht anders. Gott helfe mir! Amen.»), яким він відкинув вимогу Вормського райхстага (1521) зректися своїх релігійних поглядів.

...«все минеться — одна правда останеться!». — українське прислів'я, що означає віру в перемогу справедливості.

Возможно, «доки сонце зійде, — роса очі виїсть»... — українське прислів'я, означає бездіяльність, що призводить до негативних наслідків.

...если нельзя гордо жить, можно гордо умереть!... — неточна цитата зі збірника нарисів філософа Фрідріха Ніцше (1844–1900) «Сутінки ідолів, або як філософствувати молотом» («Götzen-Dämmerung oder Wie man mit dem Hammer philosophiert») (1888), яка в оригіналі звучить так: «Auf eine stolze Art sterben, wenn es nicht mehr möglich ist, auf eine stolze Art zu leben», що означає: «Померти гордо, коли більше неможливо жити гордо» (переклад укладачки).

...был вечер — вечер моего выступления в истор[ическом] цикле... — йдеться про виступ Могилянського 23 червня 1933 року на заключному засіданні виробничої сесії Історичного циклу ВУАН, де проходила «чистка» тих, кого названо «учнями Грушевського». Див. докладніше: Оксана Юркова. Діяльність науково-дослідної кафедри історії України М. С. Грушевського. 1924–1930. Київ: Інститут історії України НАН України, 1999. С. 139–140.

...пока «пуговичник» не сочтет нужным «переплавить» меня (Пер Гинт)... — йдеться про персонажа з драми Генріка Ібсена «Пер Гінт» (1867) — гудзикаря, який переплавляє душі людей, що не принесли нікому користі, на олов'яні гудзики. Цей образ згаданий теж у листі Могилянського до Наталії Романович-Ткаченко: «якось час лине і не встигаєш робити те, до чого прагне душа, а все розмінюєшся на дрібниці і нісенітницю... Життя — ж не довге і, мабуть, десь за кутком недалеко вже стоїть відомий Вам персонаж з Пера Гинта, який перетоплює тих, хто не зумів «бути собою»... Мені — ж усе здається,

що я ще не був «собою», хіба що так випадково, прихапцем, меж іншим...» Лист Михайла Могілянського до Наталії Романович-Ткаченко від 29 жовтня 1922 року. Інститут рукопису НБУВ. Ф. 121. Спр. 112. С. 2.

...цитати из Гейне я приводил в своем письме... — йдеться про цитату з поеми Гайнріха Гайне «Атта Троль. Сон в літню ніч». Див. лист № 16 від 26 серпня 1933 року і примітку до нього.

...воспоминания Елпатьевского... — йдеться про **Сергія Яковича Єлпатьєвського (1854–1933)** — лікаря, який за участь у народницькому рухові відбув заслання в Сибіру. Підтримував знайомство зі Львом Миколайовичем Толстим (1828–1910), Антоном Павловичем Чеховим (1860–1904), Максимом Горьким (1868–1936) та ін. Після Жовтневого перевороту 1917 року працював лікарем у Кремлівській лікарні. Бібліографічний опис згаданої книжки: С. Я. Елпатьевский. Воспоминания за пятьдесят лет. Ленинград: Издательство «Прибой», 1929.

№ 21

9 лютого 1934

Дніпропетровськ (Дніпро)

...лодырное житье мое в Днепропетровске... — після звільнення з ВУАН Михайло Могілянський мешкав у родині наймолодшої доньки Ірини (1910–1987), яка працювала бухгалтером у Дніпропетровську, та її чоловіка доктора технічних наук — Матвія Матвійовича Саф'яна (1910–2003). Водночас їхнє спільне життя не завжди складалося добре, про що, зокрема, свідчать такі рядки листівки Михайла Могілянського до Володимира Грабаря, написаної в Ленінграді 29 серпня 1940 року: «Дело ведь в том, что в Днепропетровск я не «не собираюсь» возвращаться, а не могу возвратиться, ибо там для меня перестали существовать «и стол, и дом»... Много в СССР прекрасных

городов, много берегов хороших рек, но вот обстоятельства мои складываются, то реальной возможностью становится только что-н[и]б[удь] вроде речного дна, где тоже, может быть, хорошо... рыбам». Российская государственная библиотека (далі — РГБ). Фонд 376. Единица хранения 20. Лист 39.

...«беззаботного монастыря», о котором когда-то грезил поденщик Лазарь... — існує російська народна казка, де йдеться про «безтурботний монастир». У казці оповідається про монахів, які живуть ситим лінивим життям, за що їх карає цар Петро I. Див.: Русские народные сказки. Упорядник В. П. Аникин. Москва: Детская литература, 2020.

...«много ли человеку нужно»... — алюзія на назву одного з оповідань Льва Толстого «Много ли человеку земли нужно?» (1886), де головний герой — російський селянин Пахом, — метою життя якого є накопичення землі, помирає від перенапруження сил, намагаючись виграти земельну ділянку у парі на витривалість з башкирами, вчинками яких керує чорт.

...глупости Иван Ивановичей (имею в виду явление безличное... — тут алюзія на сатиричні повісті Миколи Васильовича Гоголя (1809–1852) «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1831) та Миколи Хвильового «Іван Іванович» (1929).

...преюдициально обеспечены... — Преюдиція — юридичний термін, що означає обов'язковість прийняття судом фактів, встановлених щодо учасників судового процесу іншим судовим рішенням, яке набуло законної сили. Тут мається на увазі, що Михайло Могілянський тоді проживав у доньки Ірини в Дніпропетровську.

...биографию художника Сурикова... — художник **Василь Іванович Суриков (1848–1916)** став відомий завдяки монументальним полотнам «Ранок стрілецької страти» (1881),

«Бояриня Морозова» (1887), «Підкорення Сибіру Єрмаком Тимофійовичем» (1895), «Перехід Суворова через Альпи» (1899). Можливо, йдеться про книжку: Іван Евдокимов. Суриков. Москва: Журнально-газетное объединение, 1933.

...мемуари Белого («Начало века»), мемуари Бенедикта Лившица («Полутораглазый стрелец»)... — книжка письменника Андрія Белого (справжнє ім'я — Борис Бугаєв) (1880–1934) «Начало века» (1933) є другою частиною трилогії його спогадів, що охоплюють період від кінця ХІХ століття до передодня Лютневої революції 1917 року. Опубліковані того ж року мемуари поета Бенедикта Костянтиновича Лівшиця (1886–1938) описували рух футуристів початку ХХ століття. Див.: Андрей Белый. Начало века. Москва — Ленинград: ОГИЗ-ГИХЛ, 1933; Бенедикт Лившиц. Полутораглазый стрелец. Ленинград : Изд-во писателей в Ленинграде, 1933.

...в музыканты не годятся! — Алюзія на байку Івана Крилова «Квартет» (1811), де різні тварини захотіли разом грати музику, і яка закінчується словами: «А вы, друзья, как ни садитесь, / Всё в музыканты не годитесь».

Сталин в своей речи на съезде... — йдеться про виступ Йосифа Віссаріоновича Сталіна (1878–1953) на ХVІІ з'їзді ВКП (б), що відбувався у Москві 26 січня — 10 лютого 1934 року, у якому він продовжив свою думку, висловлену 9 липня 1928 у промові «Про індустріалізацію і хлібну проблему» на пленумі ЦК ВКП(б), про посилення класової боротьби у міру зміцнення радянської влади. Буквально він сказав таке: «И они [частина членів комуністичної партії — ВС] прикидывали: ежели бесклассовое общество, то значит — можно ослабить классовую борьбу, можно ослабить диктатуру пролетариата и вообще покончить с государством, которое все равно должно отмереть в ближайшее время. И [...] значит можно сложить оружие и пойти на боковую — спать в ожидании пришествия бесклассового

общества. (Общий смех всего зала.)» И. В. Сталин. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП (б) 26 января 1934 г. // Правда. № 27. 28 січня 1934. С. 350–351.

...testimonium paupertatis... — латин. «свідощтво про вбогість».

...«все это было когда-то, но только не помню когда!...» — цитата із вірша Олексія Толстого «По гребле неровной и тряской...» (1840-ті роки).

...в[ольно]н[аемной] Лидии Михайловне Могілянської... — дочка Михайла Могілянського, поетка Лада (Лідія) Михайлівна Могілянська (1899–1937), після першого ув'язнення в ГУЛАГу в 1929–1933 роках за вигаданим звинуваченням у «контрреволюційній діяльності», працювала вільнонайманою працівницею на будівництві Біломорсько-Балтійського каналу, а також друкувалася у табірних виданнях, зокрема у той час вийшла збірка її віршів «Два канала» (1935).

Заходил в Краевый музей... — йдеться про Обласний музей імені Олександра Поля (нині — Дніпровський національний історичний музей імені Дмитра Яворницького), заснований 1902 року в Катеринославі на базі зібраних громадського музею, спів-заснованого катеринославським губернатором Андрієм Яковичем Фабром (1789–1863), приватного музею Олександра Миколайовича Поля (1832–1890) та ряду колекцій, найбільша серед яких належала історикові та директору музею у 1902–1933 роках — Дмитру Івановичу Яворницькому (1855–1940).

...надо думать, дееварнизации... — йдеться про звинувачення у «націоналізмі» та звільнення Дмитра Яворницького із посади директора Обласного музею імені Олександра Поля 31 серпня 1933 року.

№ 22
21 лютого 1934
Ведмежа Гора

...за роботу для политкаторжан... — йдеться про те, що Михайло Могілянський, разом із донькою Лідією, працював як вільно найманий працівник у ГУЛАГу.

...зашел к Дм[итрию] Моисеевичу... — йдеться про Дмитра Мойсейовича Петрушевського. Див. примітку до листа № 5 від 19 вересня 1930 року.

РКК — Расценочно-конфликтная комиссия — орган, що існував у Радянському Союзі у 1922–1957 роках, для розгляду у межах підприємства чи установи трудових спорів між працівниками і працедавцем.

№ 23
24–25 лютого 1934
Ведмежа Гора

...«милый север»... — алюзія на вірш «Тучи» (1840) Михайла Юрійовича Лермонтова (1814–1841).

...nih admirari... — лат. «нічому не дивуйся».

...немного помогают своему пятому сыну... — йдеться про Володимира — наймолодшого сина Наталії Романович-Ткаченко, якого в родині звали Діма. (Оксана Якименко. Поетика творчості... С. 161.) З інших листів у цій збірці відомо, що саме Діму впродовж багатьох років після смерті матері Михайло Могілянський підтримував фінансово.

...день Валентины... — згідно православного літургійного календаря 23 лютого іменини Валентини.

...видел «Иудушку Головлева». — фільм режисера Олександра Вікторовича Івановського (1881–1968) «Іудушка Головльов» (1933), знятий за мотивами роману Михайла Салтикова-Щедріна (1826–1889) «Господа Головлевы» (1880).

...«покой и волю»... — алюзія на вірш Олександра Пушкіна «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит» (1834), в якому є такі слова: «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит / Летят за днями дни, и каждый час уносит / Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем / Предполагаем жить... И глядь — как раз — умрем. / На свете счастья нет, но есть покой и воля.»

№ 24
7 березня 1934
Ведмежа Гора

Что же образовался в конце концов Институт истории? — Інститут історії України Академії наук УРСР (нині Інститут історії України НАН України) засновано в 1936 році внаслідок реорганізації ряду кафедр і комісій АН УРСР, а також Інституту історії України Всеукраїнської асоціації марксистсько-ленінських науково-дослідних інститутів.

...панегирические биографии Бродских... — особу не встановлено.

№ 25
21 березня 1934
Ведмежа Гора

...«дом» мой на Ворошиловской ул. 36, кв. 8... — див. примітку до листа № 12 від 24 липня 1933 року.

...«на севере диком»... — алюзія на вірш Михайла Лермонтова «На севере диком стоит одиноко...» (1841).

...ни грана... — одиниця виміру маси, яка вираховується на основі ваги ячмінного зерна.

...«на деревню дедушке»... — жартівливий вислів, що означає адресувати щось в нікуди. Вжитий Антоном Чеховим в оповіданні «Ванька» (1886), герой якого хлопчик Іван підписав так листа до дідуся.

...Влад[имир] Варламович... — йдеться про **Володимира Варламовича Міяковського (1888–1972)** — літературознавця, історика, архівіста, який у 1920–1930 роках обіймав посади голови Київського губернського архівного управління, директора Київського центрального історичного архіву, директора Будинку-музею Тараса Шевченка в Києві, був членом різних комісій при ВУАН, зокрема Біографічної комісії. Збереглися листи Михайла Могілянського до Володимира Міяковського, які свідчать про товариські стосунки кореспондентів. Див.: Г. Курас. Михаил Могиланский. Письма Владимиру Мияковскому Новый журнал. 2001. Кн. 225. С. 186–208.

...taedium vitae... — латин. «відраза до життя».

...«я побегу по улицам знакомым»... — неточна цитата з п'єси «Камінний гість» (1830) Олександра Пушкіна: «Дон Гуан: Дождемся ночи здесь. Ах, наконец / Достигли мы ворот Мадрида! Скоро / Я полечу по улицам знакомым, / Усы плащом закрыв, а брови шляпой / Как думаешь? Узнать меня нельзя?»

Не сею, не жну, в житницу не собираю... — алюзія на Євангеліє від Матвія: «Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их» (6 : 26).

Читаю внукам «Давида Коп[п]ерфильда». — йдеться про роман «Життя Девіда Коперфілда, розказане ним самим»

(«The Personal History, Adventures, Experience and Observation of David Copperfield the Younger of Blunderstone Rookery») (1849) письменника Чарльза Дікенса (1812–1870).

№ 26
2 квітня 1934
Ведмежа Гора

...5-го именины дочки... — згідно православного літургійного календаря 5 квітня іменини Лідії. Тут йдеться про іменини старшої доньки Могилянського — Лади (Лідії), яка народилася 26 листопада 1899 року.

...8-го Пасха... — Великдень у 1934 року припадав на 8 квітня.

...«благорастворение воздуха»... — вислів, що означає гарну погоду, сповнену приємних ароматів, у переносному сенсі — мир, спокій.

Dum spiro, spero... — лат. «поки дихаю — сподіваюсь».

...возделывать свой сад... — цитата зі слів Кандіда, звернених до філософа Панглосса, у повісті Вольтера «Кандід». Повністю ця фраза, що наводяться наприкінці твору, звучать так: «il faut cultiver notre jardin» — «треба обробляти наш сад». У відповідь Панглосс стверджує, що в Едемі людина працювала, отже це є підтвердженням того, що людина створена для праці.

...будет заниматься Виктор Александрович... — йдеться про Віктора Романовського. Див. примітку до листа № 5 від 19 вересня 1930 року.

...Оплакал на днях Дудника... — йдеться про смерть Якима Миновича Дудника 14 березня 1934 року. Див. примітку про нього до листа № 16 від 26 серпня 1933 року.

...«не говорите мне — он умер, — он живет!»... — цитата з однойменного вірша поета Семена Яковича Надсона (1862–1887), опублікованого 1886 року.

...«ты хоть пой, хоть не пой, в тебе голос не такой!»... — цитата з п'єси Михайла Опанасовича Булгакова (1891–1940) «Дни Турбиных» (1925), написаний на основі його роману «Біла гвардія» (1925). Ці слова належать одному з героїв, юнаку на ім'я Ніколка Турбін, і в тексті роману не зустрічаються.

№ 27

14 квітня 1934

Ведмежа Гора

...Heimkehr... — нім. «повернення додому».

...роман «Честь», трагедія «Гимн», да несколько литературознавательских работ... — обидва твори, хоч і були завершені, проте не опубліковані за життя Могилянського з огляду на заборону друку його праць після появи оповідання «Вбивство» (1926). Роман «Честь» вперше побачив світ у журналі «Вітчизна» // 1990. № 1. С. 86–147. Трагедії «Гимн» в нині відомих архівних колекціях не виявлено.

...«Трынть-Трава» — роман (в 1/3 даже написан, хотел продолжать здесь и не «раскачался»...), семейная хроника в 4-х романах «19-й век» («Священник», «Судья» («Великие реформы»), «Террорист» и «Социал-демократ»). Отдельно — «1905 год»... И «Мемуары» (написано только краткое вступление)... — недописаний роман «Трин-Трава» викрав грабіжник, після чого Могилянський до написання твору більше не повертався. Див. про цей епізод примітку до листа № 34 від 25 листопада 1934 року. Згадана сімейна хроніка не була написана. Щодо мемуарів, то досі неопублікований чистовик під назвою «Повесть о днях моей жизни» зберігається у машинописному

вигляді в особовому фонді Михайла Могілянського в Російському державному архіві літератури та мистецтва (Ф. 1267, Оп. 1, Ед. хр. 1–3, Оп. 2, Ед. хр. 1–3). Див. докладніше про це примітку до листа № 74 від 9 травня 1937 року. Рукописна чернетка спогадів, де оповідається про батьків та родичів Могілянського, а також про його власне життя від народження до 1913 року, знаходиться в особовому фонді його племінника — Олександра Могілянського (1909–2001) у Центральному державному архіві літератури та мистецтва України (Ф. 195, Оп. 1, Спр. 630–637).

...Вольтер (в несколько дней) своего «Кандида», имея 65 лет... — йдеться про поширену, але неправдиву чутку нібито Вольтер написав повість «Кандід» за три дні. Насправді твір створювався протягом 1757–1758 років.

...Вельтмановские «Приключения из моря житейского»... — йдеться про цикл із п'яти романів «Приключения, почерпнутые из моря житейского» (1848–1863) письменника Олександра Хомича Вельтмана (1800–1870).

№ 28
14 липня 1934
s. l.

...vice versa... — латин. «навпаки».

...«честное слово, осень возвратится!»... — змінена цитата із вірша Козьми Пруткова «Юнкер Шмідт» (1854).

...«из пистолета застрелиться»... — неточна цитата з вірша «Юнкер Шмідт» Козьми Пруткова.

...«маленькие недостатки механизма»... — йдеться про однойменне оповідання письменника Гліба Івановича Успенського (1843–1902), опубліковане в 1882 році.

...Festinant lente... — латин. «поспішають повільно».

...что-то не слышно об исключении из секции Шабльовского... — йдеться про Євгена Степановича Шабліовського (1906–1983) — літературознавця, який у 1933–1935 роках очолював Інститут літератури імені Тараса Шевченка у Харкові.

...называвшего Скрыпника «незламним ленинцем» и утверждавшего, что в нац[иональном] вопросе Скрыпник на шаг не отступал от ленинизма... — йдеться про книжку Євгена Шабліовського: «Т. Г. Шевченко та його історичне значення». Київ, 1933. У доопрацьованому виданні «Т. Г. Шевченко, його життя і творчість», що вийшло наступного року, Шабліовський кардинально змінив оцінку тоді вже покійного Миколи Скрипника (1872–1933), котрого оскаржив за «антиленінську націоналістичну концепцію».

...порошок изобретения Бертольда Шварца... — йдеться про винахід пороха у Європі, що приписується францисканському монахові Бертольдові Шварцу, який нібито жив у XIV столітті.

...он слаще всех боль сердца утолит... — змінена цитата з вірша Олександра Пушкіна «В степи мирской, печальной и безбрежной...» (1827): «В степи мирской, печальной и безбрежной, / Таинственно пробилась три ключа: / Ключ юности, ключ быстрый и мятежный, / Кипит, бежит, сверкая и журча. / Кастальский ключ волною вдохновенья / В степи мирской изгнанников поит. / Последний ключ — холодный ключ забвенья, / Он слаще всех жар сердца утолит.» Варто зауважити, що Могилянський замінив у цій цитаті слово «жар» на «боль».

№ 29

25 липня 1934

s. l.

...зашел поздравить одну Ольгу... — можливо, йдеться про Ольгу Багалій-Татарінову. Див. примітку до листа № 6 від 11 жовтня 1930 року.

...contra spem spero... — латин. «без надії сподіваюсь».

Смерть Мити Требинського... — йдеться про лікаря Дмитра Миколайовича Требинського (1887–1933).

...катастрофа с Мишей Кистяковским... — йдеться про наймолодшого сина правознавця Богдана Кістяківського (1868–1920) — Михайла, який 1930 року потонув у морі.

...хождение по Бусловым... — особу не встановлено.

№ 30
9 серпня 1934
Київ

Wie Blätter fallen draussen alle Tage, / Vom Zeitwind weggeweht... — цитата з вірша поета Герріта Енгельке (1890–1918) «Осінь» (1916): «Ніби листя, що падає надворі щодень, / Вітром часу віднесене» (переклад укладачки).

...«час за час, а к вечору ближче»... — українське народне прислів'я.

...напоминают собой тех вампуковских персонажей... — **Вампука** — фразеологізм, що вживається на позначення чогось трафаретного, зробленого в низькій якості. Вислів походить від назви пародійної опери «Вампука, невеста африканская, образцовая во всех отношениях опера» (1909) авторства письменника і драматурга Михайла Миколайовича Волконського (1860–1917).

...«Памфлеты» Марата... — йдеться про видання: Жан-Поль Марат. Памфлеты. Редактор Цви Фридлянд. Москва–Ленинград: Academia, 1934.

...жилкопе... — скорочення від «жилищный кооператив».

...квadrатуры круга... — задача про побудову за допомогою циркуля та лінійки квадрата, рівновеликого за площею до заданого круга.

№ 31
Початок вересня 1934¹³⁸
Київ

...буду жаловаться в ЦБ в Москву... — із щоденникового запису від 4 квітня 1935 року відомо, що Михайло Могилянський здійснив свій намір: «Рекомендованим листом написав до Центрального Бюро секції наукових робітників (Москва) прохання, врешті, розглянути питання про моє поновлення в правах члена секції наукових робітників та профспілки “Робос”». Михайло Могилянський. Щоденник. 1934, листопад–1937, жовтень. Упор. О. Сергеев // Хроніка-2000. Вип. 59. Київ, 2007. С. 306.

...«чудеса в решете»... — фразеологізм, який означає щось безглузде, нісенітниця.

...«Возвращенной молодости» Зощенка... — повість Михайла Зощенка (1894–1958) «Возвращенная молодость» була вперше опублікована в журналі «Звезда». 1933. № 6. С. 19–68; № 8. С. 39–57; № 10. С. 3–39.

№ 32
7 вересня 1934¹³⁹
Київ

...наблюдаем преобразование Киева... — йдеться про плани перебудови центральної частини міста після перенесення столиці УСРР у 1934 році до Києва. Із метою побудови урядо-

¹³⁸ Дату написання листа встановлено за змістом сусідніх листів.

¹³⁹ Рік написання листа встановлено за згадкою про виступ Бухаріна на Першому Всесоюзному з'їзді радянських письменників.

вого кварталу було знесено ряд історичних споруд, серед них Михайлівський Золотоверхий монастир та Трьохсвятительську церкву. Натомість повстав будинок ЦК КПУ (нині там знаходиться Міністерство закордонних справ України) — єдина будівля з запланованого архітектурного комплексу.

...«я не знаю плохой погоды, я знаю только разные виды хорошей погоды»... — ця дещо змінена цитата належить біологу Джону Леббоку (1834–1913). Її оригінальний вигляд такий: «We often hear of bad weather, but in reality, no weather is bad. It is all delightful, though in different ways.» («Ми часто чуємо про погану погоду, але насправді не існує поганої погоди. Вона вся чудова, хоча і в різний спосіб.») (переклад укладачки) *The Use of Life*. John Lubbock. New York — London: Macmillan and Co, 1895. P. 69.

...«сумлеваюсь, штоп»... — цей вислів, який згодом став крилатим, належить генералу Миколі Онуфрійовичу Сухозанету (1794–1871). За словами правника Анатолія Федоровича Коні (1844–1927) генерал «был до того несоответствен в смысле современной науки, что некоторые его резолюции не забыты до сих пор, как, например, приписываемая ему: “сумлеваюсь, штоб Прискорб (Брискорп) мог оболванить эфто дело кюлю (к июлю)”». А. Ф. Коні. *Собрание сочинений*. Том 5. Москва: Издательство «Юридическая литература», 1968. С. 223.

«Хождение по мукам»... — алюзія на перекладений церковнослов'янською мовою апокриф «Ходіння Богородиці по муках» (найдавніший список датується XII століттям), де описано як Богородиця у супроводі архангела Михаїла споглядає муки грішників у пеклі і молить Господа про милосердя для них. Це теж відсилка до трилогії Олексія Толстого «Хождение по мукам», два перших романи якої «Сестры» і «Восемнадцатый год» були опубліковані в 1918–1922 та 1927–1928 роках відповідно.

...слух об этом назначении — «несколько преувеличен». — письменник Марк Твен (1835–1910) заперечив в газеті

New York Journal 2 червня 1897 року чутки про свою смерть фразою: «The report of my death was an exaggeration» («Повідомлення про мою смерть було перебільшенням»).

Читали ли виступлення Бухарина на писательском съезде? — йдеться про висвітлення в газеті «Известия» Першого Всесоюзного з'їзду радянських письменників, який відбувався в Москві між 17 серпня та 1 вересня 1934 року, і на якому з доповіддю про поезію виступив член ЦК ВКБ(б) Микола Іванович Бухарін (1888–1938).

№ 34

25 листопада 1934

Дніпропетровськ

...путешествие мое началось бедою: в вагоне украли у меня чемодан со всеми вещами... — цей самий епізод Михайло Могілянський занотував у щоденнику 27 листопада 1934 року: «23-го виїхав з Києва (Дмитро [син Могілянського — ВС] проводив на вокзал), а вночі трапилось мені нещастя: пішов десь після станції Бобринської до вбиральні, аж потухла електрика. В темряві добрався до свого місця, — аж мого жовтого чемодана, що мандрував зі мною з липня 1927 року, нема: вкрали! А в чемодані все моє майно (я ж з Києва виїхав “всерйоз і надовго”). Крім білизни й одягу, рукописи — 4 наукових праці за 1933 р., на третину написаний роман “Трин-Трава”, початок “мемуарів” (вступ і перший розділ) та матеріали до них, щоденник з половини серпня 1933 року, деякі документи, книжки: [...] Як цю біду перебуду, не уявляю собі. Але що поробиши? — відомо, що — “от судеб защиты нет”». Михайло Могілянський. Щоденник. С. 276–277.

Ирине Михайловне Могілянской — див. примітку до листа № 21 від 9 лютого 1934 року.

№ 35
3 грудня 1934
Дніпропетровськ

«Что-то, граждане, воров нынче много развелось. Кругом прут без разбора. Человека сейчас прямо не найти, у которого ничего не сперли. У меня вот тоже недавно чемоданчик унесли, не доезжая Жмеринки.» — цитата з оповідання Михала Михайловича Зоценка (1894–1958) «Воры» (1926).

Прошибся — те саме, що помилився.

...«украли пук моих стихов... — Жалею я о воре.»... — вірш Івана Івановича Дмитрієва «Эпиграмма» (1803): «Я разорился от воров!» / — «Жалею о твоём я горе». / — «Украли пук моих стихов!» / — «Жалею я об воре».

...гуляю по проспекту Карла Маркса... — нині проспект Дмитра Яворницького у Дніпрі.

...о легендарном Тантале... — йдеться про персонажа давньогрецької міфології лідійського або фригійського царя Тантала, якого за образу боги відправили в підземне царство, аби він там вічно страждав на голод і спрагу.

...«мемуары» Сен-Симона... — йдеться про перший том двотомного видання: Луи де Сен-Симон. Мемуары: Избранные части «Подлинных воспоминаний герцога де «Сен-Симона о царствовании Людовика XIV и эпохе регентства». Том 1. Перевод И. М. Гревса. Москва–Ленинград: Academia, 1934.

...как прошли похороны Мих[аила] Серг[ееви]ча... слышал, что траурный вагон проследовал через Днепрпетровск... — йдеться про перевезення труни з тілом Михайла Грушевського з Кисловодська, де він помер, до Києва для поховання на Байковому кладовищі.

...о смерти М[арии] Н[иколаев]ны... — Марія Миколаїв-на Требінська (дівооче прізвище Євреїнова) (?–1934) — лікарка, меценатка, громадська діячка. Одна з-поміж видавців газети «Киевские отклики». В її оселі на вул. Тарасівській, 11 у Києві діяв «гурток Требінської», де збиралася українська інтелігенція. Див. спогади про цей гурток Полонської-Василенко, яка була серед його відвідувачок: Наталія Полонська-Василенко. З молодих років Вячеслава Липинського. [в] «В'ячеслав Липинський та його доба». Книга 3. Київ: Темпора, 2013. С. 444–455. Марія Миколаїв-на була дружиною лікаря Миколи Вікторовича Требінського (помер 1887 р.), а потім — цивільною дружиною Миколи Василенка, із яким Полонська-Василенко одружилася 2 травня 1923 року. Полонська-Василенко так писала про смерть Марії Требінської: «Помер М. С. Грушевський 1934 р. в санаторії в Кисловодську. Вістку про його смерть ми одержали в Києві якраз на другий день після смерти нашого друга М. М. Требінської. Я пішла до квітникарства замовити квіти на труну М. М. Требінської [...] Труну для М. М. Требінської я дістала, але похоронної колісничі з кіньми не можна було замовити, бо всі наявні запряги (в Києві 1934 р. коней було мало) були замовлені для Академії — під труну й вінки». Н. Д. З моїх спогадів про М. Грушевського (Процес СВУ. Смерть і похорон М. Грушевського) // Україна. 1953. № 9. С. 746.

...«тленной мысли раздраженье»... — цитата з вірша Михайла Лермонтова «Не верь себе» (1839).

№ 36

**6 грудня 1934
Дніпропетровськ**

...знает В[ладимир] Варламович... — йдеться про Володимира Міяковського. Див. примітку до листа № 25 від 21 березня 1934 року.

Укркуруп — Украинское курортное управление.

№ 37

11 грудня 1934

Кисловодськ

...Александра Григорьевича... — можливо, йдеться про лікаря Могілянського під час його перебування у санаторії у Кисловодську.

...Сидоряка. — особу не встановлено.

...с носом, повешенным на квинту... — фразеологізм, що означає впадати у відчай, відчувати пригнічений стан.

№ 38

23 грудня 1934

Кисловодськ

...«по улице мостовой»... — йдеться про однойменну російську народну пісню.

...Газетная вырезка не могла «омрачить моего счастья»... — у щоденниковому записі від 22 грудня 1934 року Михайло Могілянський так само згадує про цей випадок: «Наталія Дмитрівна прислала в листі газетну вирізку — промову В. П. Затонського на похороні Грушевського. Між іншим, він сказав: “Ми пригадуємо, як цькували його націоналісти (Могілянський та інші)”. Прочитавши, схвилювався до головного болю, хоч вже й звик до подібного. Хвилює неможливість довести несправедливість обвинувачення (хто тебе слухатиме?), але втішає глибока певність, що прийде час, коли й сам Затонський переконається незаперечно, як погано його інформували про Могілянського». Михайло Могілянський. Щоденник. С. 282.

...во время «дискусии» о Грушевском, когда вся Академия «единым фронтом» «критиковала» последнего,

Могілянський осмелілся указать на его громадныя научныя достижения... — йдеться про три публічні обговорення у Києві у травні 1931 року поглядів історика Михайла Сергійовича Грушевського (1866–1934), що мали на меті звинуватити його в антирадянській позиції. На одному з них Могілянський опонував публіцисту Андрію Річицькому (справжнє ім'я Анатолій Андрійович Пісоцький) (1893–1934). Див. спогади Полонської-Василенко про це в: Наталія Полонська-Василенко. Михайло Михайлович Могілянський // Українська літературна газета. 1960. № 3 (57). С. 5.

...Затонский... — **Володимир Петрович Затонський** (1888–1938) — нарком просвіти УРСР у 1922–1924 роках, член Політбюро ЦК КП(б)У, академік ВУАН, один із прихильників радянської політики українізації.

Sapienti sat... — латин. «розумному достатньо».

...sine ira et studio... — латин. «без гніву і пристрасті».

...1) Толстая. «Бестужев». 2) Муратов. «Эгерия». 3) Уэллс. «Мир Вильяма Клиссольда»... — йдеться про наступні книжки: 1. Татьяна Толстая. Бестужев-Марлинский. Москва: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1932. 2. Павел Муратов. Эгерия. Берлин — Петербург: Издатель 3. И. Гржебин, 1922. 3. Герберт Уэллс. Мир Вильяма Клиссольда. Перевод Н. П. Вельмина, В. А. Барбашевой и С. Г. Займовского. Москва — Ленинград: Государственное издательство РСФСР, 1928.

...Уэллс так беспомощно развивал в известной Вам беседе со Сталиным... — бесіда Сталіна з Веллсом була надрукована в: Беседа т. Сталина с английским писателем Г. Д. Уэллсом (23 июля 1934 год) // Большевик. 1934. № 17. С. 8–18.

...приближение «утра года»... — цитата з роману у віршах «Евгений Онегин» Олександра Пушкіна: «Улыбкой ясною природа / Сквозь сон встречает утро года».

...«казак на север держит путь»... — див. примітку до листа № 15 від 8 серпня 1933 року.

№ 39
27 грудня 1934
Кисловодськ

...Владимир Иванович... — йдеться про **Володимира Івановича Вернадського** (1863–1945) — геолога і мінеролога, одного із засновників Української академії наук та першого її президента. Листування Могилянського з Вернадським опубліковано в: М. М. Могилянський — В. І. Вернадському (1927–1933) [в] Вибрані наукові праці академіка В. І. Вернадського. Том 2: Володимир Іванович Вернадський. Листування з українськими вченими. Книга 2: Листування Д–Я. Ч. 1: Д–Н. Ред. А. Г. Загородній, О. С. Онищенко та ін. Київ: Б. в., 2012. С. 629–635.

...«Последнего из Могикиан» Ф[енимора] Купера, а потом «Рикки-Тикки-Тави» Киплинга... — йдеться про наступні книжки: Джеймс Фенимор Купер. Последний из могикиан. Берлін: Государственное издательство РСФСР, 1923; Редьярд Киплинг. Рикки Тикки Тави. Перевод К. Чуковского. Ленинград: Государственное издательство детской литературы, 1934.

№ 40
1 січня 1935
Дніпропетровськ

...настоящая волковня!... — пастка у вигляді ями, що використовується для полювання на вовків. Тут у значенні дуже холодної погоди.

...темна вода во облацех. — фразеологізм, що означає щось незрозуміле. Згадується у церковно-слов'янському тексті Псалтиря: «И положи тму закров Свой, окрест Его селение Его, темна вода во облацех воздушных» (17:12).

№ 41
2 січня 1935
Кисловодськ

...Давидсонов... — йдеться про подружжя Іллю Львовича Давидсон та Євгенію Самойлівну Давидсон (?–1941).

№ 42
24 січня 1935
Дніпропетровськ

...«как будто в буре есть покой!»... — цитата з вірша Михайла Юрійовича Лермонтова «Парус» (1832).

...навещал Еварницких... — йдеться про подружжя Дмитра Івановича Яворницького (див. примітку до листа № 5 від 19 вересня 1930 року) та Серафими Дмитрівни Бурякової (див. примітку до листа № 43 від 9 лютого 1935 року).

№ 43
9 лютого 1935
Дмитров

...московская дочка... — йдеться про середню доньку Могілянського — Олену (1905–1998), яка з 1926 року була співробітницею Російського телеграфного агентства та навчалася журналістських курсах, а потім працювала як журналіст у московських газетах «Советская торговля» (від 1935 року) та «Архитектурная газета» (від 1937 року).

...Помнітся, — Серафима?... — йдеться про **Серафиму Дмитрівну Бурякову (1879–1943)**, вчительку за професією, яка побралася із Дмитром Яворницьким у 1918 році. Катерина Іванівна Литвиненко (дівоче прізвище Купрій), хатня робітниця Яворницьких, пригадувала побут подружжя: «Вона [Серафима Бурякова — ВС] переписувала його [Дмитра Яворницького — ВС] рукописи, нотувала спогади, підтримувала морально. Була отим надійним тилом, якого він потребував. Відносились один до одного з повагою і любов'ю: молодша на 23 роки, Серафима Дмитрівна зверталась до чоловіка на “Ви”, а Дмитро Іванович — “Сіма” або “Сімочка”». Спогади К. І. Литвиненко від 26.07.1984 р. Фонд Дніпровський історичний музей. № 10. Арх. 47688. Арк. 3.

...mutatis mutandis... — латин. «після здійснення необхідних змін».

...Городню... — протягом 1904–1917 років Могілянський був гласним Городнянського повітового земського зібрання Див.: Михайло Могілянський: Життєвий та творчий шлях // Пам'ятки України. 2013. № 9. С. 3. Крім того, як відомо зі слів самого Могілянського, у листопаді 1913 року земські збори обрали його на посаду мирового судді у Городні. Див.: С. М. Ляшко. Постійна комісія УАН-ВУАН... С. 237.

№ 44
17 лютого 1935
Дмитров

...lapsus... — латин. «помилка».

...«16-ое» это день Анны Вильямовны... — згідно православного літургійного календаря 16 лютого іменини Анни. Йдеться про Ганну Вільямівну Беренштам (1866–?) — доньку Вільгельма Людвиговича Беренштама та Зінаїди Орестівни Беренштам (дівоче прізвище Новицька).

...Н[иколай] З[ахарович] Левченко психически заболел... — йдеться про Миколу Захаровича Левченка (1903–1934) — історика, сходовознавця, який обіймав посади завідуючого друкарнею ВУАН та секретаря академіка ВУАН Агатангела Юхимовича Кримського (1871–1942). У 1929 році його арештовано у сфабрикованій справі так званої «Спілки визволення України». Не давши показів на Кримського, яких вимагало ОДПУ, Левченка відправили до ГУЛАГу, звідки його випустили у 1934 році через психічний розлад. У Києві Левченко кілька місяців мешкав на квартирі Кримського, а потім покінчив життя самогубством.

...«презренных душ презрения к заслугам»... — цитата з монологу Гамлета у першому перекладі на російську мову, який у 1828 році здійснив військовий і перекладач-любитель Михайло Павлович Вронченко (1802–1855).

...modus vivendi... — лат. «спосіб жити».

Драгоманов когда-то осуждал Шевченка (доказывал, что он не социалист)... — йдеться про працю Михайла Петровича Драгоманова (1841–1895) «Шевченко, українофіли й соціалізм» (1878). У ній Драгоманов писав про Шевченка наступне: «Не можучи згодитись із тим, щоб Шевченко був і міг бути соціалістом, ми не можемо згодитись і з тим, щоб Шевченко був і дійсним революціонером або навіть постійним громадським, політично-соціальним діячем. Ні для того, ні для другого ні в Шевченка, ні кого його не було ґрунту ні в думках, ні в силах». Михайло Драгоманов. Шевченко, українофіли й соціалізм [в] Літературно-публіцистичні праці. Том 2. Упор. І. С. Романченко, В. В. Лисенко. Київ: Наукова думка, 1970. С. 73.

«Немає в світі України, немає другого Дніпра!» — цитата з вірша Тараса Григоровича Шевченка (1814–1861) «І мертвим, і живим, і ненародженим землякам моїм в Україні і не в Україні моє дружнее посланіє» (1845).

...даже «другої Либеді»... — у Києві в районі річки Либідь ще з часів Російської імперії проживала значна частка єврейських мешканців міста. Тут йдеться про міркування Могілянського щодо меж допустимого в національній політиці Радянського Союзу 1930-х років.

...Вышли: Батюшков (стихи и переписка), 4-й том мемуаров Чичерина («Земство и город»), мемуары Л[онгина] Ф[едоровича] Пантелеева, письма народовольца Баранникова... — йдеться про книжки: 1. К. Н. Батюшков. Сочинения. Ред. Д. Д. Благой. Москва–Ленинград: Academia, 1934; 2. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская Дума. Том 4. Москва: Кооперативное издательство «Север», 1934; 3. Лонгин Пантелеев. Из воспоминаний прошлого (1840–1919). Ред. С. А. Рейснер. Москва–Ленинград: Academia, 1934; 4. Народоволец А. И. Баранников в его письмах. Сост. В. Н. Фигнер. Москва: Издательство политкаторжан, 1935.

...посмотреть в кино «Чапаева»... — йдеться про радянський ігровий фільм, знятий 1934 року режисерами Георгієм Миколайовичем Васильєвим (1899–1946) і Сергієм Дмитровичем Васильєвим (1900–1959) на підставі однойменного роману Дмитра Андрійовича Фурманова (1891–1926). Фільм оповідає про героя громадянської війни в пореволюційній Росії — Василя Івановича Чапаєва (1887–1919).

...«постыдно равнодушно»... — цитата з вірша Михайла Лермонтова «Дума» (1838).

...как мне добыть мои работы — от Иванушкина... — йдеться про **Василя Михайловича Іванушкіна (1892 або 1902–1937)** — бібліотекознавця, у 1933–1936 роках директора Бібліотеки ВУАН, який у 1935 році обійняв посаду головного редактора видавництва ВУАН.

...«где есть истина»... — цитата з Євангелія від Іоанна, де точиться розмова між Ісусом та Понтієм Пілатом (18 : 38).

№ 45
23 лютого 1935
Дмитров

...«**чертогон**» **какой-н[и]б[удь] устройть...** — алюзія на оповідання «Чертогон» (1879) письменника Миколи Семеновича Лескова (1831–1895). В оповіданні йдеться про великий запій та пізніше покаяння перед Богом головного героя, який у такий спосіб повертає собі відчуття нормальності життя.

...«**Dichtung und Wahrheit**»... — нім. «Поезія і правда» — спогади в чотирьох частинах Йоганна Вольфганга фон Гете (1749–1832), опубліковані в 1811, 1812, 1814 та 1833 роках.

...«**Вильгельма Мейстера**». — йдеться про серію романів Гете «Театральне покликання Вільгельма Мейстера» (1785), «Роки навчання Вільгельма Мейстера» (1796) та «Роки мандрів Вільгельма Мейстера, або Ті, що зрікаються» (1821).

...**sua sponte...** — латин. «сам по собі».

№ 46
7 березня 1935
Дмитров

...«**презренных душ презрения к заслугам**»... — цитата з монологу Гамлета в перекладі Андрія Івановича Кронберга (1814–1855), що вперше був опублікований 1844 року.

...**nous avons changé tout cela...** — фр. «ми все це змінили».

...«**мальчиков без штанов**»... — алюзія на героя п'єси «Мальчик в штанах и мальчик без штанов» (1881) Михайла Євграфовича Салтикова-Щедріна (1826–1889).

...**осматривая Дмитровский «музей»**... — йдеться про локальний музей Дмитрівського краю, що із 1926 року знаходив-

ся на території Борисоглібського монастиря, приміщення якого у 1932 році передали на баланс Дмитлага при ОДПУ. Керівництво музею за оскарження цього рішення арештували, а музей перевезли до закритого раніше Успенського собору.

...caveant consules... — повністю ця фраза латинською звучить наступним чином: «caveant consules ne quid detrimenti respublica capiat», що дослівно перекладається як «нехай консули дбають, щоб Республіка не зазнала шкоди». Цитата походить із так званого *Senatus consultum ultimum*, тобто ухвали Сенату Римської республіки, що приймалася в ситуації особливої загрози для держави.

...«скучно на этом свете»... — цитата з «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (1834) Миколи Гоголя.

...эпатанты... — те саме, що епатажний.

...(по поводу мысленных цветов), что желание выше осуществления... — йдеться про квіти, які Могілянський подумки «дарував» Полонській-Василенко, бо, мешкаючи поза Києвом, не мав можливості подарувати їх насправді.

...устрояет... — те саме, що влаштовувати.

...«по улицам знакомым», и даже ни лица плащом не закрывая, ни очей шляпой... — прихована цитата з п'єси «Камінний гість» Олександра Пушкіна.

...уподобиться тем рыболовам, которые удят там, где нет рыбы (Ницше)... — алюзія на твір Фрідріха Ніцше «Так говорив Заратустра. Книга для всіх і ні для кого» («Also sprach Zarathustra. Ein buch für alle und keinen»), а саме на уривок із розділу «До відступників» («Von den Abtrünnigen»): «Oder sie sitzen

tagsüber mit Angelruten an Sümpfen und glauben sich ties damit; aber wer dort fischt, wo es keine Fische gibt, den heiße ich noch nicht einmal oberflächlich!» («Або сидять цілий день з вудками біля боліт і вважають себе глибокими; але хто ловить рибу, де риби немає, того я не називаю навіть поверховим!») (переклад укладачки). Friedrich Nietzsche. Also sprach Zarathustra. Ein buch für alle und keinen. Alfred Kröner Verlag: Leipzig, 1927. S. 200.

...Тарасенко или Кульчицкий... — йдеться про **Михайла Олександровича Тарасенка** (1898–1938) — історика та етнографа, співробітника Київського інституту народної освіти, Музею українського мистецтва, Всеукраїнського етнографічного товариства. Науковий співробітник Михайло Тарасенко та лаборант М. Кульчицький працювали у комісії над укладанням Біографічного словника під керівництвом Могилянського.

...Миките ли Миновиче... — йдеться про Микину Миновича Дудника. Див. примітку до листа № 16 від 26 серпня 1933 року.

...право «суждение иметь»... — цитата з п'єси «Горе от ума» (1824) авторства Олександра Сергійовича Грибоедова (1795–1829). Ці слова промовляє Олексій Степанович Молчалін, один із головних героїв твору.

Горьким смехом моим посмеюся! — цитата зі статті «Загадки Гоголя...» (1909) публіциста і критика Василя Розанова (1856–1919): «Моим горьким смехом посмеются» — это не одна эпитафия на его надгробном памятнике в Москве, это и эпиграф ко всей его биографии». Тут Розанов робить відсилку до епітафії на могилі Гоголя, замінивши оригінальне словосполучення «горьким словом» на «горьким смехом». Зі свого боку згадана епітафія є неточною цитатою з Біблії, а саме з книги пророка Ієремії (20 : 8), у перекладі на церковнослов'янську мову, який здійснено 1751 року в Російській імперії за царювання

імператриці Єлизавети Петрівни (1709–1762), так звана Єлизаветинська Біблія.

...Иванушкина... — йдеться про Василя Михайловича Іванушкіна. Див. примітку до листа № 44 від 17 лютого 1935 року.

...моей большой работы о Коцюбинском... — у щоденниковому записі Михайла Могілянського від 12 квітня 1935 року згадується, що: «В. М. Іванушкін повернув, врешті, копію моєї праці “Літературна генеалогія “Fata Morgana” М. Коцюбинського”, що я давав йому прочитати (тим часом оригінал загинув у злочасному чемодані злочасної ночі на 24 листопада — з іншими моїми активними рукописами)». Михайло Могілянський. Щоденник. С. 307.

...«Людоловов»... — історичний роман письменниці Зінаїди Павлівни Тулуб (1890–1964) про часи гетьманування Петра Конашевича-Сагайдачного (1570, або 1577, або 1578–1622), перший і другий томи якого опубліковано в 1934 та 1937 роках відповідно. Україномовний варіант першого тому «Людоловів» прийняло до друку харківське видавництво «Молодий більшовик», проте його керівництво було незабаром репресоване, а машинописний варіант твору знищено. Російськомовний варіант того ж тому Тулуб надіслала Максиму Горькому, після схвалення якого книга вийшла друком у щойно заснованому московському видавництві «Советский писатель». Дізнавшись про це, нове керівництво «Молодого більшовика» попрохало в авторки та видало український варіант роману, попередньо його відцензурувавши. Щойно з’явившись у продажу, роман набув популярності. Однак 1937 року Тулуб арештувало НКВС за звинуваченням у «контрреволюційній діяльності», а її роман заборонили.

А я таки купил мемуары Л[онгина] Ф[едоровича] Пантелеева... — у щоденниковому записі від 5 березня 1935 року Михайло Могілянський писав: «Дочитав мемуари Пантеле-

ева. Неталановито написані. Вміщені, як додаток, наприкінці кілька сторінок спогадів жінки Пантелеева написані багато талановитіш. Проте в спогадах проходять значні події, встають образи і досить великих, і зовсім маленьких постатей цікавої епохи, а тому й мемуари все-таки цікаві». Михайло Могилянський. Щоденник. С. 297.

№ 47
18 березня 1935
Дмитров

...названы «Аросівними» довідками... — тут друкарська помилка у назві довідки, виданої Могилянському.

Городня (где я мирсудствовал)... — див. примітку до листа № 43 від 9 лютого 1935 року.

...выдали тогда всем уволенным — Новицкому, Камышану... —

Михайло Михайлович Новицький (1892–1964) — літературознавець, дослідник творчості Тараса Шевченка, співробітник Комісії для видавання пам'яток новітнього письменства ВУАН.

Олександр Михайлович Камишан (1898–1937) — історик, завідувач Науково-дослідної кафедри марксизму-ленінізму при ВУАН, вчений секретар Соціально-економічного відділу ВУАН.

...Дураковського... — йдеться про **Володимира Федоровича Дурдуківського (1874–1938)** — літературознавця, мовознавця, співробітника ВУАН, де зокрема був членом Постійної комісії для складання словника української живої мови, а також головував у Науково-педагогічній комісії ВУАН.

...Кухаренчиха... — особу не встановлено.

...бедный Илья Захарович... — особу не встановлено.

...Кокошек да Кравченко... — йдеться про Степана Кокошка та Івана Кравченка. Див. про них примітки до листа № 12 від 24 липня 1933 року.

...принимает характер «недуга»... — алюзія на роман Євгена Павловича Плужника (1898–1936) «Недуга» (1928).

...«Гамлета» в Еврейском театре. — йдеться про один із театрів мережі ГОСЕТ. Див. примітку до листа № 89 від 23 травня 1939 року.

№ 48
24 березня 1935
Дмитров

...заказное дочке в Днепропетровск... — йдеться про Ірину Могілянську.

...инициалов И. И. — йдеться про Івана Кравченка. Див. примітку до листа № 12 від 24 липня 1933 року.

№ 49
25, 27 березня 1935
Дмитров

...письмо «об И. И., М. М. (конечно, это он), С. Р. и (?) общих друзьях»... — можливо, йдеться про неодноразово згаданих у листах Івана Кравченка та Степана Кокошка. Див. про них примітки до листа № 12 від 24 липня 1933 року. Ініціали «М. М.» не вдалося розшифрувати.

...не С. Р., а С. С.? Если догадался, значит, «тоска»... — можливо, йдеться про Степана Кокошка. «Тоска» — це алюзія

на слова Олександра Пушкіна з «Евгения Онегина»: «Зачем не чувствую в плече / Хоть ревматизма? — ах, создатель! / Я молод, жизнь во мне крепка; / Чего мне ждать? тоска, тоска!..».

...судьбу, от которой ведь, как известно, «защиты нет»... — прихована цитата останніх рядків поеми «Цыганы» (1824) Олександра Пушкіна: «Но счастья нет и между вами, / Природы бедные сыны!.. / И под издранными шатрами / Живут мучительные сны, / И ваши сени кочевые / В пустынях не спаслись от бед, / И всюду страсти роковые, / И от судеб защиты нет».

...crescendo... — італ. «зростаючи».

...diminuendo... — італ. «зменшуючи».

«Тут я впервые увидел этот перл русских городов, расположенный на высоком берегу Днепра, с старинными золотыми церквами, утопающий в зелени, с стройными тополями, с прелестным видом на окрестность» — цитата з мемуарів російського філософа права Бориса Миколайовича Чичеріна (1828–1904). Див.: Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина. Земство и Московская Дума. Том 4. Москва: Кооперативное издательство «Север». С. 43.

...Чайковский, тоже восхищавшийся им «проездом через здешний город»... — у листуванні Петра Ілліча Чайковського (1840–1893) із меценаткою Надією Філаретівною фон Мекк (1831–1894) є кілька подібних місць, де описані його враження від Києва. Зокрема у листі від 7 серпня 1880 року композитор писав: «Я очень люблю Киев и хотя не желал бы жить в нем, но всегда с удовольствием готов там провести два-три дня». (П. И. Чайковский. Переписка с Н. Ф. фон Мекк. Том 2. 1879–1881. Ред. В. А. Жданов, Н. Т. Жегин. Москва–Ленинград: Academia. С. 392.) Водночас у листі від 19–21 травня того ж року Чайковський відмовляв свою кореспондентку від переїзду до Києва,

пояснюючи цю пораду провінційністю міста: «Известно ли Вам, что в Киеве нет порядочного оркестра, что Вы обречены там никогда не услышать хорошего симфонического или квартетного исполнения? Что вообще умственные и художественные ресурсы общественной жизни даже в Киеве сводятся к нулю, хотя он и претендует на значение большого города?» Ibid. С. 350.

...«завиральные идеи»... — те саме, що нісенітниця, безглуздя.

...«человеческого, слишком человеческого»... — алюзія на працю Фрідріха Ніцше «Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов» («Menschliches, Allzumenschliches: Ein Buch für freie Geister»), вперше опублікована 1878 року.

...в политкаторжанском словаре... — йдеться про книжку: Деятели революционного движения в России. Био-библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма. Ред. В. Виленский-Сибиряков, Ф. Кон, А Шилова и др. Москва: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1927–1934. Комісія Біографічного словника за керівництва Могілянського надавала допомогу товариству політкаторжан у виданні цього словника. Див.: Т. В. Варава. Основні етапи діяльності «Постійної комісії для складання словника українських діячів науки, історії, мистецтва та громадського руху» (1918–1933) // Рукописна та книжкова спадщина України. 2000. Вип. 5. С. 137.

...встретил Яшу Ждановича... — йдеться про **Якова Миколайовича Ждановича (1885–1953)** — архівіста, звільненого в 1931 році внаслідок «чистки» апарату Центрархіву РСФСР, який після цього тривалий час не міг знайти постійної праці.

...они не знали о смерти Марии Николаевны. — див. примітку до листа № 35 від 3 грудня 1934 року.

№ 50
3–4 квітня 1935
Дмитров

...о «трех мушкетерах» от киевской науки... — йдеться про згаданих Полонською-Василенко ініціалах осіб «С. С., И. И., М. М.» у листі № 49 від 25, 27 березня від 1935 року. Див. примітку до попереднього листа.

...надо сопричислить и Ф[едора] А[ндреевича]... — йдеться про Федора Козубовського. Див. примітку до листа № 15 від 8 серпня 1933 року.

...ВБУ... — Всенародна бібліотека України, нині — Національна бібліотека України імені Володимира Івановича Вернадського.

...о выдержании в 1903 году государственных экзаменов по юридич[ескому] факультету при Одесском ун[иверсите]те. — у спогадах Могилянський писав про цей епізод так: «Между тем приближался срок моего “гласного надзора”: 26 апреля 1903 года он заканчивался. Заботясь о том, чтобы у меня не пропал еще один год, мать моя начала в Петербурге хлопоты о разрешении мне сдать государственные испытания при каком-нб. университете весной 1903 г. (...) К концу января или в начале февраля мать уже сообщала мне о последовавшем разрешении Министерства вн[утренних] дел по департаменту полиции на мой въезд в Одессу для сдачи государственных испытаний при Одесском ун[иверсите]те. (...) я “рискнул” 20-ю рублями, т. е. подал прошение о допущении меня к экзаменам и, забегая вперед, скажу — по всем предметам получил “весьма удовлетворительно”, чему впрочем в равной мере с невысокими одесскими экзаменационными требованиями способствовала и моя всегдашняя экзаменационная удача». «Повесть о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Спр. 633. Арк. 235–235 зворот, 245.

...«Что нужно нам, того не знаем мы, / Что знаем мы, того, увы, для нас не надо!»... — слова Фауста, звернені до Вагнера, із поеми «Фауст» (1808, 1832) Гете, цитовані Михайлом Могілянським у перекладі ентомолога Миколи Олександровича Холодковського (1858–1921).

Приезжал ли на сессию Д[митрий] И[ванович] Эварницкий? — йдеться про ухвалену постановою ЦК КП(б)У чергову сесію ВУАН, яка відбулася 26 березня 1935 року. Зокрема під час цієї сесії виключено зі складу президії ВУАН академіка Ізраїля Йосиповича Агола, якого Могілянський не вважав гідним цього звання. Див.: Протокольна постанова Політбюро ЦК КП(б)У про скликання сесії ВУАН та зміни в складі президії ВУАН [в] Історія Національної академії наук України. 1934–1937. Документи і матеріали. Ред. О. С. Онищенко та ін. Київ: Національна бібліотека України імені Володимира Вернадського, 2003. С. 172.

...І в темній ямі, як на те / Зелена травка поросте. — цитата з вірша Тараса Шевченка «Буває, іноді старий» (1849): «Буває, іноді старий / Не знає сам, чого зрадіє, / Неначе стане молодий, / І заспіває... як уміє. / І стане ясно перед ним / Надія ангелом святим, / І зоря, молодість його, / Витає весело над ним. / Що ж се зробилося з старим, / Чого зрадів оце? Того, / Що, бачите, старий подумав / Добро якесь комусь зробить. / А що ж, як зробить? Добре жить / Тому, чия душа і дума / Добро навчилася любити! / Не раз такому любо стане, / Не раз барвінком зацвіте. / Отак, буває, в темну яму / Святеє сонечко загляне, / І в темній ямі, як на те, / Зелена травка поросте.»

№ 51

7 квітня 1935

Дмитров

...finis coronat opus. — латин. «кінець справи вінець».

...Журба мене сушить, журба мене вялить... — алюзія на однойменну українську народну пісню.

...при участии «честного маклера»... — фразу про роль Німецької імперії як «чесного маклера, який справді хоче укласти угоду» сказав райхсканцлер Отто фон Бісмарк (1815–1898) під час виступу в райхстагу 19 лютого 1878 року у зв'язку з тією функцією посередника, яку Німеччина взяла на себе у вирішенні міжнародної напруженості, що виникла в Європі внаслідок військових успіхів Російської імперії у війні проти Османської імперії в 1877–1878 роках.

...«превращению в ничто» Агола. — Израиль Йосипович Агол (1891–1937) — біолог, генетик, академік АН УРСР, заарештований в 1936 році у рамках репресивної кампанії з переслідування генетичних досліджень у Радянському Союзі, так звана «лисенківщина». Тут йдеться про виключення Агола зі складу Президії ВУАН. Див. про це примітку до попереднього листа.

...ВБУ — «консультант», редактор библиографических изданий... — можливо, йдеться про Василя Іванушкіна. Див. про нього примітку до листа № 44 від 17 лютого 1935 року.

...Евгении Самойловны. — йдеться про Євгенію Давидсон.

...Илья Львович... — йдеться про Іллю Давидсона.

...«прекрасном далеке»... — вислів Миколи Гоголя у поемі «Мертвые души» (1842). Вживається іронічно на позначення місця, де можна відпочити від щоденної рутини, безтурботно проживати життя.

...№№-ах за «Сто літ» помещены «Спомини» С[офии] Ф[едоровны] Русовой... — Див.: С. Русова. Мої спомини, 1879–

1915 // За сто літ: матеріали з громадського й літературного життя України XIX і початків XX ст. Книга 3. Київ, 1928. С. 147–205.

...моя (Т. Максимович) рецензія на них под заглавиєм «Чернігівські мемуаристки»... — Див.: Т. Максимович. Чернігівські мемуаристки (С. Русова та М. Грінченкова з Аркадієм Верзиловим) // Записки Історично-філологічного відділу. Книга XXV. 1929. С. 358–373.

№ 52
19 квітня 1935
Дмитров

...два тома «Писем» Ван Гога... — йдеться про видання: Винсент Ван-Гог. Письма в двух томах. Пер. Н. М. Щекотова. Москва — Ленинград: Academia, 1935.

...письмо Марку Григорьевичу Виленскому... — йдеться про **Марка Григоровича Віленського (1881–1937)** — київського адвоката, відомого зокрема завдяки участі в судових процесах у справі Кишинівського погрому 1903 року, справі Київської ради робітничих депутатів 1905 року та справі Бейліса 1913 року.

№ 53
24 квітня 1935
Дмитров

Христос Воскрес! — Великдень у 1935 році припадав на 28 квітня.

...занимався писаниєм пространного заявлення в президиум ВУАН... — у щоденниковому записі від 18 березня 1935 року Могілянський писав: «Н. Д. [Полонська-Василенко — ВС] надіслала мені копію “трудового списку”, що дістала за моїм дорученням з ВУАН. Переглянув і знов відчув сверблячку —

писати до Президії ВУАН з проханням переглянути постанову про моє звільнення, адже ж мотивування цієї ухвали — стовідсоткова брехня!» Михайло Могилянський. Щоденник. С. 302. Записи від 15, 21 та 22 квітня того ж року свідчать, що Могилянський впродовж тривалого часу писав та переписував свою заяву.

...sui generis... — латин. «свого роду».

...«остранение» ее... — мається на увазі метод російських формалістів, автором якого вважається літературознавець Віктор Борисович Шкловський (1893–1984). Літературознавець Борис Вікторович Томашевський (1890–1957) пояснював у своєму підручнику цей метод наступним чином: «О старом и привычном надо говорить как о новом непривычном. Об обыкновенном говорят как о странном». Б. Томашевский. Теория литературы. Ленинград: Государственное издательство, 1925. С. 153.

...Und ein Narr wartet auf Antwort! — нім. «І дурень чекає відповіді». Заключні слова з вірша Гайне «Запитання» («Fragen»), який увійшов до циклу «Північне море» («Die Nordsee»), написаного в 1825–1826 роках. У вірші юнак запитує морські хвилі: «Sagt mir, was bedeutet der Mensch? / Woher ist er gekommen? / Wo geht er hin? / Wer wohnt dort oben auf goldenen Sternen?» / Es murmeln die Wogen ihr ewges Gemurmel, / Es wehet der Wind, es fliehen die Wolken, / Es blinken die Sterne, gleichgültig und kalt, / Und ein Narr wartet auf Antwort». («Скажіть мені, що означає людина? / Звідки вона прийшла? Куди йде? / Хто там на золотих зорях живе? / Хвилі дзюрчать своїм вічним дзюрчанням, / Віє вітер, хвилі біжать, / Мерехтять байдужі і холодні зірки, / І дурень чекає відповіді» (переклад укладачки).

...бараньї сны... — алюзія на казку «Баран-непомнящий» (1885) Михайла Євграфовича Салтикова-Щедріна (1826–1889),

в якій баран бачить сон, що не може запам'ятати та зрозуміти, згодом тужить за чимось баченим уві сні, а коли врешті розуміє, що снився йому «вільний баран», яким він ніколи не стане, то помирає від переживання цього відкриття.

...«все хорошо, что хорошо кончается». — алюзія на однойменну п'єсу Вільяма Шекспіра (1564–1616), опубліковану в 1623 році у першому збірнику його п'єс — «Перше фоліо» («First Folio»).

...«нас возвышающего (в сущности — унижающего) обмана». — цитата з вірша «Герой» (1830) Олександра Пушкіна: «Да будет проклят правды свет, / Когда посредственности хладной, / Завистливой, к соблазну жадной, / Он угождает праздно! — Нет! / Тьмы низких истин мне дороже / Нас возвышающий обман... / Оставь герою сердце! Что же / Он будет без него? Тиран...».

Бывает и обман, помимо того, что он «хороший», еще и такой, что в нем больше правды, чем в самой подлинной стопроцентной штампованной правде!.. — у цьому ж абзаці згадується з листів Вінсента Ван Гога у виданні Academia, яке в цей час читав Михайло Могілянський. У зв'язку з цим примітно, що в одному з листів Вінсента Ван Гога до брата Тео є аналогічна думка щодо неспівпадіння академічної техніки малювання та художньої правди: «... я был бы в отчаянии, если бы мои фигуры были правильными; [...] Скажи ему, что Милле и Лермит являются для меня подлинными художниками по той причине, что они пишут вещи не такими, как они выглядят, если сухо и аналитически копировать их, а так, как они, Милле, Лермит, Микеланджело, чувствуют их. Скажи ему, что мое заветное желание — научиться делать такие же ошибки, так же перерабатывать и изменять действительность, так же отклоняться от нее; если угодно, пусть это будет неправдой, которая правдивее, чем буквальная правда». Ван-Гог. Письма.

Пер. П. В. Мелковой. Ленинград — Москва: Издательство «Искусство», 1966. С. 247.

...«**несть спасения**»... — цитата з Євангелія від Матвія (6 : 7).

Und damit Punctum. — нім. «І крапка».

№ 54
29 квітня 1935
Дмитров

...«**сипле, сипле, сипле сніг**»... — алюзія на однойменний вірш Івана Франка, що увійшов до його поетичної збірки «Зів'яле листя» (1896): «Сипле, сипле, сипле сніг. / З неба сірої безодні / Міриадами летять / Ті метелики холодні. / Одностайні, мов жура, / Зимні, мов лихая доля, / Присипають все життя, / Всю красу лугів і поля. / Білий килим забуття, / Одубіння, отупіння / Все покрив, стискає все / До найглибшого коріння. / Сипле, сипле, сипле сніг, / Килим важче налягає... / Молодий огонь в душі / Меркне, слабне, погасає».

№ 55
2 травня 1935
Дмитров

...**сообщение о юбилее Саксаганского.** — у 1935 році радянська влада організувала гучне святкування 75-ліття від дня народження та 50-ліття творчої діяльності актора та режисера Панаса Карповича Саксаганського (1859–1940), нагородженого тоді ж орденом Трудового Червоного Прапора. Свою промову із цього приводу Саксаганський, який починав професійне життя за царювання Олександра III, завершив словами: «Хай живе вождь і проводир світового пролетаріату великий Сталін!» (П. Саксаганський. По шляху життя: Мемуари. Харків: Державне літературне видавництво, 1935. С. 20). Цікаво зауважити, що

в 1920-ті роки театр Саксаганського не користувався подібною шаною влади, як писав літературний критик Сергій Олександрович Єфремов (1876–1939) у своєму щоденниковому записі від 9 лютого 1925 року: «Два останні вечори (7-го і 8-го) збавив у паршивенькому театрику, швидше — нужденній шопі на Вознесенському спуску, де був колись кінематограф «Геліос», а тепер виступав Саксаганський. [...] Зазначаю цей факт, бо це ж ганебна подія, що красі нашої сцени — Саксаганському доводиться вряди-годи виступати десь у паршивій шопі». С. О. Єфремов. Щоденники. 1923–1929. Київ: ЗАТ «Газета «Рада», 1997. С. 194.

...адресовать — «Вселенная — Гумбольдту»... — йдеться про **Александра фон Гумбольдта (1769–1859)** — вченого-енциклопедиста, одного з засновників біогеографії, який заклав підвалини сучасних геомагнетичних та метеорологічних досліджень. У п'яти томах своєї праці «Космос» (1845–1862) Гумбольдт відстоював концепцію цілісного та взаємопов'язаного Всесвіту.

...Все муки жизненных тревог / Всегда даются нам на срок. — цитата з XXI строфи четвертої пісні поеми «Паломництво Чайльд Гарольда» («Childe Harold's Pilgrimage») (1812–1818) письменника Джорджа Гордона Байрона (1788–1824) у перекладі поета і перекладача Дмитра Дмитрійовича Мінаєва (1835–1889): «Жизнь может долго протянуться — / И все страдания земли / Корнями в сердце разрутятся. / Под тяжелой ношею, в пыли / Идёт верблюд в степи безводной / И издыхает волк голодный / Безмолвно. Вот для нас урок: / Ужь если зверь ничтожный мог / Без жалоб вынести страданья, / То должен с гордостью страдать / И о страдании молчать / Ты, человек — венец созданья! / Все муки жизненных тревог / Всегда даются нам на срок».

...«можно делать большие глупости с большим лиризмом»... — цитата з роману «Бог плоті» («Le Dieu des corps») (1928) письменника Жуля Ромена (1885–1972).

«...чтобы судить о том, что людям действительно хочется делать, крайне неразумно основываться на том, что они делают...» — цитата з роману «Бог плоти» Жуля Ромена.

...навверное, бывает у Чекеруль-Куша. — йдеться про **Костянтина Костянстиновича Чекеруль-Куша (1872–1940)** — присяжного повіреного, адвоката, який, так само як і Могилянський, захищав інтереси постраждалих євреїв під час одного із сумнозвісних у Російській імперії погромів, вчиненого за мовчазного схвалення влади в Кишиневі 6–7 квітня 1903 року. У листі до Володимира Грабаря від 12 січня 1940 року Могилянський писав: «А Конст[антин] Конст[антинович] Чекеруль-Куш, которого знаю по Киеву, конечно, и с которым подвизался во второй серии погромных кишневских процессов в качестве гражданского истца, существует на улице Мархлевского (Милютинский, кажется, раньше переулок, 16, кв. 23). С адвокатурой он давно порвал, а окончанием его карьеры была работа в Сахаротресте». РГБ. Ф. 376. Ед. хр. 20. Л. 29.

А «собачкой» я тогда — в письме к Вам — очевидно, начал заболеть. Заболевание кончилось маленьким рассказом... — Див. Додаток 1, де вміщене оповідання Могилянського «Собачка». Оригінал зберігається у: Листи М. М. Могилянського до О. П. Могилянського. ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Спр. 203. Арк. 6–7. Варта уваги паралель між зав'язкою оповідання Михайла Могилянського «Собачка» (написане 1935 року) та новели «Собака» (написана 1864 року) Івана Сергійовича Тургенева (1818–1883). Обидва автори оповідають, як їх раціоналістичний світогляд підважив один випадок із собакою. Так Михайло Могилянський від першої особи оповідає, що «небольшая собачка, обыкновенная ищейка благотворно повлияла на мое мирозерцание, если не совсем опрокинула его...» (Арк. 6), а герой Тургенева запитує: «...Но если допустить возможность сверхъестественного, возможность его вмешательства в действительную жизнь, то позвольте спросить, какую роль после

этого должен играть здравый рассудок?» И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Сочинения в двенадцати томах. Том седьмой. Сочинения (1861–1867). Отцы и дети. Повести и рассказы. Дым. Издание второе, исправленное и дополненное. Москва, «Наука», 1981. С. 232.

...сейчас же написал и другой рассказик — De profundis... — Див. Додаток 1, де вміщене оповідання Могилянського «De profundis». Оригінал зберігається у: Листи М. М. Могилянського до О. П. Могилянського. ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Спр. 203. Арк. 11–12 зворот.

Мих. Ал. ... — особу не встановлено.

...А когда думаете — в «Преображение»... — йдеться про літній відпочинок родини Наталії Полонської-Василенко та Миколи Василенка під Києвом. Можливо, тут маються на увазі околиці Спасо-Преображенського монастиря в Межигір'ї.

Я ридуаю, як згадаю... — цитата з вірша «І мертвим, і живим» (1845) Тараса Шевченка: «Я ридуаю, як згадаю / Діла незабуті / Дідів наших. Тяжкі діла! / Якби їх забути, / Я оддав би веселого / Віку половину».

№ 56
13 травня 1935
Дмитров

...vouloire ç'est pouvoir. — фр. «хотіти — означає могти».

А вот я встретил двух знакомых дам моего черниговск[ого] поднадзорного периода (1899–1904). — з щоденникового запису Могилянського від 12 травня 1935 року: «Бувши в редакції Словника “Деятели”, випадково почув у розмові народовольця Морозова (не Миколи Олександровича, а якогось

іншого) прізвище Сотникова. Я зараз же спитав, чи не знає він, жива жінка С. В., чи вмерла? Жива й живе в Москві з сестрою Гедеоновського. Не бачив їх не менше 30 років (колись С. В. жив під доглядом поліції у Чернігові, і я з ними був дуже близький, не дивлячись на наші ідеологічні розходження: вони були есери, я — соціал-демократ)». Михайло Могилянський. Щоденник. С. 316.

...Б[ио]б[ибліографического] словаря «Деятели рев[олюционного] движения в России»... — Могилянський співпрацював із редакцією згаданого словника. Див.: Библиографический словарь: От предшественников декабристов до падения царизма. Ред. В. Д. Виленский-Сибиряков, Ф. Я. Кон, А. А. Шилов и др. Москва: Издательство Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльнопоселенцев, 1927–1934.

«Як черешневий цвіт» — говорил Коцюбинский. — це слова з повісті Михайла Михайловича Коцюбинського (1864–1913) «Тіні забутих предків» (1912): «Бо що наше життя? Як блиск на небі, як черешневий цвіт... нетривке й дочасне...» Михайло Коцюбинський. Твори в п'ятьох томах. Гол. ред. П. Г. Тичина. Том 2. Твори. Упор. Ю. С. Кобилецький, І. І. Стебун. Київ: Держане видавництво художньої літератури, 1947. С. 345.

...Мой сожитель — хлопец, сын покойной покойной Нат[алии] Дан[илов]ны... — йдеться про Володимира, сина Наталії Романович-Ткаченко.

Теперь, думаю, если напишу, то не Затонскому, а Постышеву. — Михайло Могилянський написав таки листа до радянського партійного і державного діяча, члена ЦК ВКП(б) Павла Петровича Постишева (1887–1939) із клопотанням про поновлення його на роботі у ВУАН. Про це є запис у щоденнику Могилянського від 17 травня 1935 року: «Рекомендований лист П. П. Постышеву: прошу мене вислухати, дати мені змогу

виправдатись від анекдотичних обвинувачень». Михайло Могілянський. Щоденник. С. 319–320.

...знакомой (Масловой)... — можливо, йдеться про **Олену Митрофанівну Маслову (1887–1934)** — літературознавицю, яка від 1929 року працювала в Комісії давнього українського письменства ВУАН.

№ 57
13 травня 1935
Дмитров

...«что надо нам, того не знаем мы, что знаем мы, того, увы, для нас не надо!»... — див. примітку до листа № 50 від 3–4 квітня 1935 року.

Следующий раз при посещении Москвы уже надеюсь проехать на лучшем в мире метрополитене. — перші 13 станцій московського метрополітену було відкрито 15 травня 1935 року.

№ 58
15 травня 1935
Дмитров

...Людм[илу] Мих[айловну]... — йдеться про **Людмилу Михайлівну Старицьку-Черняхівську (1868–1941)** — письменницю, перекладачку, громадську діячку. Полонська-Василенко неодноразово писала у спогадах про спілкування з нею, зокрема у 1935 році: «майже щодня приїздила вона до мене з В. Підвальної на Тарасівську, щоб не залишати мене самотньою». Наталія Полонська-Василенко. Спогади. С. 420. Див. там само статті-спогади Полонської-Василенко: «Людмила Михайлівна Старицька-Черняхівська». С. 410–426; «Остання п'єса Л. М. Старицької-Черняхівської». С. 427–430; «СВУ та ВУАН (до 30-ліття процесу СВУ)». С. 431–440.

...моих сожителей по комнате, детей Нат[алии] Дан[илов]ны Романович-Ткаченко... — від шлюбу члена Української Центральної Ради Михайла Степановича Ткаченка (1879–1920) та громадської діячки та письменниці Наталії Данилівни Романович-Ткаченко (1884–1933) лишилося троє дітей: Лев, Наталія і Володимир. З листів Могілянського до Полонської-Василенко відомо, що на квартирі, про яку йдеться, тоді проживали Володимир та Наталія з донькою Інною.

№ 59
25 травня 1935
Дмитров

...«Листовки Петербургск[ого] союза борьбы за освобожд[ение] рабочего класса» (1895–1897)... — йдеться про книгу: С. Н. Валк. Листовки Петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», 1895–1897 гг. Москва: Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б), 1934. 171 с.

...«упорствуя, волнуясь и спеша»... — цитата з вірша поета Миколи Олексійовича Некрасова (1821–1877) «Пам'яті Белінського» (між 1851 і 1853 роками).

...«на заре туманной юности»... — оповідання «На заре туманной юности» (1892) письменника Володимира Сергійовича Соловйова (1853–1900).

...Георга Бюхнера («Смерть Дантона» и прочее)... — йдеться про книжку: Георг Бюхнер. Сочинения. Перевод Е. Т. Рудневой. Москва — Ленинград: Academia, 1935.

...в литературный музей на Чеховский вечер... — йдеться про святкування 23 травня 1935 року 75-ліття із дня народження Антона Чехова у Державному літературному музеї історії російської літератури імені Володимира Даля.

...имеющий очи видеть и уши слышать... — цитата з Євангелія від Матвія (13 : 9).

№ 60
28 травня 1935
Дмитров

...«В дебрях Уссурийского края»... — повість географа і письменника Володимира Клавдійовича Арсеньєва (1872–1930). Див.: В. К. Арсеньєв, В дебрях Уссурийского края. Владивосток: Книжное дело, 1926.

№ 61
4 червня 1935
Дмитров

От Л[юдмилы] М[ихайловны] я открытку получил... — йдеться про Людмилу Старицьку-Черняхівську. Див. примітку до листа № 58 від 15 травня 1935 року.

...его сестры или племянницы... — йдеться про Наталю Ткаченко-Ходкевич та її дочку Інну. Див. примітку до листа № 80 від 13 листопада 1937 року.

...непрорецензированную тоже большую работу «К. Е. Ворошилов». — машинопис праці Михайла Могілянського про маршала Радянського Союзу Климента Єфремовича Ворошилова (1881–1969) «К. Є. Ворошилов. Біографія» зберігається в ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Спр. 640. 30 вересня 1926–26 жовтня 1933. 42 арк.

...по вызову — в результате моих собственных хлопот последовавшему. — йдеться про запланований візит Могілянського до помічника Павла Постишева — Зармайра Андрійовича Ашрафяна (1898–1937), про який він згадує у щоденниковому записі від 2 червня 1935 року: «Зранку дістав телеграму:

“Въезжайте Киев переговоров завкультпроп ЦЕКА КПБУ Аш-рофян”. Як тільки дістану грошей та квитка, зараз же й поїду, — так і написав йому листівкою. Скільки надій на ці “переговори”. Я знав, я був певний, що П. П. Постишев якось реагуватиме на звертання до нього, не промовчить, як торік промовчали Попов та Кілерог». (Михайло Могілянський. Щоденник. С. 324.). Варто згадати, що надії на відновлення у правах і доброму імені, які покладав Могілянський на зустріч із радянським чиновником, не виправдались.

№ 62
27 червня 1935
Дмитров

В Москві Ром[ен] Роллан. — письменник Ромен Роллан (1866–1944) із 23 червня до 21 липня 1935 року перебував на запрошення Максима Горького у Радянському Союзі, де його книжки видавалися великими накладками.

№ 64
17 липня 1935
Дмитров

... неведомого мне Н. Крэнa... — особу не встановлено.

...станет «портом 5-и морей»... — фраза «Москва — порт пяти морей», що мала символізувати успіхи радянської індустріалізації та зростання статусу столиці Радянського Союзу, приписується Сталіну у зв'язку з відкриттям у 1937 році каналу Москва–Волга, завдяки якому Москва через мережу каналів теоретично отримала водне сполучення з п'ятьма морями.

О Тулуб ничего не могу сказать... — йдеться про видання першого тому роману «Людолови» (1934) Зінаїди Тулуб. Див. примітку до листа № 46 від 7 березня 1935 року.

...купил себе книжку Гроссмана о Достоевском... — історик літератури Леонід Петрович Гроссман (1888–1965) опублікував кілька праць про Федора Михайловича Достоевського (1821–1881). Тут йдеться про книжку: Л. М. Гроссман. Жизнь и труды Ф. М. Достоевского. Биография в датах и документах. Москва — Ленинград, 1935.

...II том (только что вышел) Марселя Пруста... — йдеться про книжку: М. Пруст. Собрание сочинений. Том. 2. В поисках за утраченным временем : Под сенью девушек в цвету. Пер. А. Федорова. Ленинград: Художественная литература, 1935.

№ 65
27 липня 1935
Дмитров

...«Четки» Ахматовой... — йдеться про книжку: Анна Ахматова. Четки. Санкт-Петербург: Гиперборей, 1914. У спогадах Могілянський пригадував враження, яке при особистому знайомстві у 1912 році справила на нього поетка: «Анна Ахматова, (тогда) казавшаяся мне прекрасным портретом кисти Серова в манере портрета Иды Рубинштейн». М. М. Могілянський. Кабаре «Бродячая собака». Отрывки из повести о днях моей жизни / Публикация А. Сергеева // Минувшее. Исторический альманах. 1993. Вып. 12. Москва — Санкт-Петербург: Atheneum — Феникс, 1993. С. 172.

...Гамсуновский «Пан»... — йдеться про роман «Пан» (1894) письменника Кнута Гамсуна (1859–1952).

...«Четки» в 1934 г. ... — Могілянський згадує 1934 рік, хоча лист написано 1935 року.

...возвращение домой с Мияковскими... — йдеться про подружжя Володимира Варламовича Міяковського та Інну Леонтіївну Міяковську (дівоче прізвище Голошвілова).

...**«по жизни шагаешь» с глубокой уверенностью, что «нигде и никогда не пропадешь».** — алюзія на пісню «Марш веселых ребят» композитора Ісаака Осиповича Дунаєвського (1900–1955), написану на слова поета Василя Івановича Лебедева-Кумача (1898–1949). Пісня прозвучала у фільмі «Веселые ребята» (1934) режисера Григорія Васильовича Александрова (1903–1983). Оригінальна цитата виглядає так: «И тот, кто с песней по жизни шагает, / Тот никогда и нигде не пропадет!»

...**«миг один — и нет волшебной сказки!»** — не зовсім точна цитата з вірша «Фантазія» (1847) поета Афанасія Афанасійовича Фета (1820–1892), що увійшов до циклу «Мелодии». В оригіналі ця фраза звучить так: «Миг еще — и нет волшебной сказки, / И душа опять полна возможным».

...**«В девяностые годы»...** — йдеться про мемуарну статтю: М. М. Могілянський. В девяностые годы // Былое. 1926, № 23. С. 132–161; № 24. С. 97–139.

...**прочел написанное за эти дни сыну...** — йдеться про сина Михайла Могілянського — Дмитра Тася (справжнє ім'я Дмитро Михайлович Могілянський) (1901–1938) — письменника, журналіста, автора поезій та прозових збірок «Ведмеді танцюють» (1927) і «Сад» (1930).

...**«трудов и дней»...** — алюзія на однойменну поему поета Гесіода (кінець VIII — початок VII ст. до н. е.).

...**«разлука уносит любовь»...** — цитата з вірша поета Нестора Васильовича Кукольника (1809–1868) «Уймитесь, волнения страсти» (1838). Ціла строфа виглядає так: «Напрасно надежда / Мне счастье гадает, — / Не верю, не верю / Обетам коварным: / Разлука уносит любовь...»

...**«голубой розе»...** — образ блакитної троянди як прагнення до недосяжного ідеалу був поширений серед російських

символістів початку ХХ століття. Наприклад, назву «Голубая роза» мала група російських художників-символістів. Образ має своє походження, зокрема, від роману «Генріх фон Офтердінген» (1802) Новалиса (1772–1801) та п'єси Моріса Метерлінка (1862–1949) «Синій птах» (1908).

...Я не большой поклонник нашего недавнего гостя Ромэна Роллана ... «Жана-Кристофа» ... «Кола Брюньону»... — див. примітку № 62 від 27 червня 1935 року. Йдеться про романи Ромена Роллана «Жан Крістоф» (1904) та «Кола Брюньон» (1919).

...люблю очень Федина... — у Державному музеї Костянтина Федіна у Саратові зберігаються п'ять листів Могілянського до Костянтина Олександровича Федіна (1892–1977) за 1934–1938 роки.

...новое издание «Братьев» и «Викрадення Європи», украинский перевод «Похищения Европы», недавно с большим интересом прочел Ильина (увы, автор уже «сгорел») «Большой конвейер», очень интересуюсь Эренбургом (никак не достану его последних, говорят, очень интересных и значительных вещей «День второй» и «Не переводя дыхания»). А из поэтов — в безумном увлечении Б[орисом] Пастернаком... — йдеться про видання: 1. Константин Федин. Братья. 7-е изд. Москва: Советский писатель, 1935; 2. Константин Федин. Похищение Европы. Ленинград: Художественная литература, 1935; 3. Яков Ильин. Большой конвейер. Москва: Молодая гвардия, 1934; 4. Илья Эренбург. День второй. Париж: Б. и., 1933; 5. Илья Эренбург. Не переводя дыхания. Москва: Художественная литература, 1935.

Борис Леонідович Пастернак (1890–1960) — поет, письменник, лауреат Нобелівської премії з літератури у 1958 році, від якої був змушений відмовитись через тиск радянської влади.

Esse poeta! — парафраз латинського вислову «Esse homo!», який Вульгата вкладає в уста Понтієві Пілату, коли той показує Ісуса Христа народу, даремно сподіваючись на людське милосердя.

№ 66
19 серпня 1935
Дмитров

...«Мой первый роман»... — Див. Додаток 1, де вміщене оповідання Могілянського «Мой первый роман». Оригінал зберігається в ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Спр. 203. 18 травня 1935. Арк. 2–2 зворот. У щоденниковому записі від 18 травня 1935 року Могілянський зазначав: «Написав малюсіньке оповідання “Мой первый роман” (російською мовою), взявши для нього матеріал із спогадів давніх, давніх літ». Михайло Могілянський. Щоденник. С. 320.

...Геннадия Евгеньевича Жураковского. — Геннадій Євгенійович Жураковський (1894–1955) — доктор педагогічних наук, професор, член-кореспондент Академії педагогічних наук РРФСР.

...в каком году был отлучен от церкви Л[ев] Толстой — в 1901 или 1902? — Лев Толстой був відлучений від Російської православної церкви постановою Святійшого правлячого синоду від 20–22 лютого 1901 року.

...Und der Narr wartet auf Antwort. — див. примітку до листа № 53 від 24 квітня 1935 року. Змінивши неозначений на означений артикль біля слова «Narr» — дурень, Михайло Могілянський, вочевидь, мав на увазі себе.

«Силе нас гнетущей»... — цитата з вірша Василя Андрійовича Жуковського (1783–1852) «Торжество победителей» (1828).

Ціла строфа виглядає так: «Смертный, силе, нас гнетущей, / По-коряйся и терпи; / Спящий в гробе, мирно спи; / Жизнью пользуйся, живущий».

...о каковой и мечтать не смела «наша мудрость». — алюзія на трактат «Еміль, або Про виховання» («Émile, ou De l'éducation») (1762), в якому письменник Жан-Жак Руссо (1712–1778) зокрема писав: «Вся наша житейская мудрость состоит в рабских предрассудках; все наши обычаи — не что иное, как подчинение, стеснение, принуждение». Эмил, или О воспитании [в] Ж.-Ж. Руссо. Педагогические сочинения. Том 1. Ред. Г. Н. Джибладзе. Москва: «Педагогика», 1981. С. 32.

№ 67
4 вересня 1935
Дмитров

...адресовано оно было в Китаев... — у Китаєві, південній околиці Києва, Наталія Полонська-Василенко та Микола Василенко провели свою весільну подорож і згодом відпочивали влітку.

«Вянет лист, проходит лето»... — цитата з вірша «Юнкер Шмидт» Козьми Пруткова.

...Бертольд Шварц, порошок которого рекомендовал еще Гейне. — алюзія на книжку Гайнріха Гейне «Подорожні картини» («Reisebilder») (1826–1831), де в частині другій «Ідеї. Книга Ле Гран» («Ideen. Das Buch Le Grand») (1827) він писав: «Но у меня была зубная боль в сердце. Это самая скверная боль, в этом случае хорошо помогает свинцовая пломба и зубной порошок, изобретенный Бертольдом Шварцем». Путевые картины [в] Генрих Гейне. Полное собрание сочинений в 12 томах. Ред. Н. Я. Берковский, М. А. Лифшиц, И. К. Луппол. Том 4. Москва — Ленинград: Academia. С. 262.

№ 68
14 вересня 1935
Дмитров

...разнествует... — бути відмінним від когось чи чогось.

№ 69
25 вересня 1935
Дмитров

...о получении сообщения секретаря Ашрафяна... — йдеться про відповідь на звернення Могілянського до Павла Постишева щодо перегляду постанови про його звільнення з ВУАН. Див. примітки та листи № 56 від 13 травня 1935 року та № 61 від 4 червня 1935 року.

№ 70
9 жовтня 1935
Дмитров

У меня нет тех слов, которые бы выразили всю боль... — йдеться про смерть 3 жовтня 1935 року чоловіка Наталії Полонської-Василенко — Миколи Василенка.

№ 71
5 листопада 1935
Дмитров

...эпоха «Киевских откликов»... — Микола Василенко та Михайло Могілянський познайомилися та приятелювали з 1904 року, коли Могілянський почав дописувати до редакційної Миколою Василенком газети «Киевские отклики» (існувала в 1903–1906 роках). Див. спогади Могілянського про роботу в «Киевских откликах» і спілкування з Василенком у: «Повесть о днях моей жизни». Центральний державний архів літератури та мистецтва України (далі — ЦДАМЛМУ). Ф. 195. Оп. 1. Спр. 633. Арк. 289–297.

...«выбирать» Муханова... — йдеться про балотування до Державної Думи першого скликання колишнього чернігівського губернського предводителя дворянства Олексія Олексійовича Муханова (1860–1907), який був відомий завдяки ініціативі надсилання наприкінці 1904 року телеграми чернігівського земства до імператора Миколи II про необхідність проведення в Російській імперії демократичних реформ.

...«всем биеньем нервов, всем огнем страстей»... — цитата з вірша поета Семена Яковича Надсона (1862–1887) «О, проклятье сну, убившему в нас силы!» (1884).

...«ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»... — цитата з роману у віршах «Евгений Онегин» Олександра Пушкіна.

...«рукописному отделению» нынешней библиотеки УАН. — в Інституті рукопису Національної бібліотеки України імені Володимира Вернадського (що в 1935 році називалася Бібліотека Всеукраїнської Академії наук) є особовий фонд Михайла Могілянського № 131, який містить 210 одиниць зберігання за 1891–1959 роки.

...все рукописи «Биогр[афического] словаря» переданы в «Рукописное отделение» библиотеки. — в Інституті рукопису НБУВ у фонді Х за назвою «Архів Академії наук України» зберігається близько 2000 справ, що містять архів Біографічної комісії за 1918–1933 роки. Список переданого Біографічною комісією не відповідає тим матеріалам, що наявні нині у фондах НБУВ. «Відсутні біобібліографічні картки — база для написання біографічних статей (їх було підготовлено 200 000), списки з прізвищами діячів.» Так зазначає упорядник фонду і припускає, що основні матеріали Біографічної комісії «надійшли до редакції УРЕ (ДВУЕ), Істпарту ЦК КП(б)У та до інших установ, видавнича продукція

яких включала і біографічну». С. М. Ляшко. Постійна комісія УАН-ВУАН. С. 29.

...«Дневника» П[антелеймона] А[лександровича] Кулиша... — «Щоденник» Пантелеймона Олександровича Куліша (1819–1897) вперше опубліковано в 1993 році. Див.: Пантелеймон Куліш. Щоденник. Упор. С. М. Кіржаєв. Київ: 1993.

...Вас[илием] Мих[айловичем]... — особу не встановлено.

...принадлежащей УАН (из архива Кулиша). — йдеться про особистий архів, що збирав Пантелеймон Олександрович Куліш (1819–1897), а після смерті письменника — його дружина, письменниця Ганна Барвінок (1828–1911), яка передала архів для публікації Івану Михайловичу Каманіну (1850–1921) — історикові, археографові, директорові Центрального архіву давніх актів у Києві. Після смерті Каманіна новий директор архіву Віктор Романовський подарував архів Куліша до ВУАН.

№ 72
5 грудня 1935
Дмитров

...мне исполнится, ну, лучше не скажу, сколько лет... — Могиланський народився 4 грудня 1873 року. Отже, в 1935 році йому виповнювалося 62 роки.

...Анне Вильямовне... — йдеться про Ганну Вільямівну Беренштам. Див. примітку до листа № 44 від 17 лютого 1935.

...придет Варвара и урвет ночи, а дня «приточає»... — йдеться про день святої Варвари, який відзначають 4 грудня згідно юліанського календаря та 17 грудня — згідно григоріанського.

№ 73
16 грудня 1935
Дмитров

...поворотом сонця заводить Спиридон... — йдеться про день святого Спиридона, який відзначається 25 грудня.

Остались ли у Ник[олая] Прок[офьевича] написанные воспоминания? — спогади Миколи Василенка були надруковані в: Микола Василенко. Вибрані твори у трьох томах. Том 3. Спогади. Щоденники. Листування. Упор. І. Б. Усенко та ін. Київ: ТОВ «Юридична думка», Видавничий дім «Академперіодика», 2008.

...Леон[ид] Ник[олаевич]... — йдеться про **Леоніда Миколайовича Яснопольського (1873–1957)** — економіста, що у 1926–1930 роках головував у Комісії для вивчення продукційних сил України ВУАН, звідки був звільнений внаслідок «чистки» та переїхав до Москви.

№ 74
9 травня 1937
Дмитров

...весь «Ленинград», т[о] е[сть] два с половиной месяца (!) — точно сон... — листів Могілянського до Полонської-Василенко з Ленінграду не встановлено.

...Тарле... — **Євген Вікторович Тарле (1874–1955)** — історик, академік АН СРСР, після арешту в 1930 році в «академічній справі» давав завідомо неправдиві свідчення на своїх колег, був інформатором ОДПУ, у 1932 році помилуваний, відновлений у професорській посаді та званні академіка, тричі лауреат Сталінської премії.

...киевские черные усы, пересаженные в Ижевск... — йдеться про літературознавця Олександра Костянстиновича

Дорошкевича (1889–1946), який у 1933 році переїхав до Іжевська.

...«Все іде, все минає» — говорив Шевченко. — цитата з вірша «Гайдамаки» (1841) Тараса Шевченка: «Все йде, все минає — і краю немає. / Куди ж воно ділось? відкіля взялось? / І дурень, і мудрий нічого не знає. / Живе... умирає...»

...Lasciate ogni speranza! — цитата з «Божественної комедії» («La Divina Commedia») (1472) Данте Аліґ'єрі (1265–1321), що є частиною напису над брамою до Пекла. Повністю напис виглядав так: «Lasciate ogni speranza, voi ch'entrate» («Залиште надію ви, що входите»).

...получить за рукопись с Бонч-Бруевича... — йдеться про продаж Могилянським тексту своїх спогадів до Державного літературного музею у Москві, очолюваного істориком Володимиром Дмитровичем Бонч-Бруевичем (1873–1955).

№ 75

9 червня 1937

Дмитров

...дондеже... — церковносл. «доки».

...повторить Байроновское — прощай, прощай! — див. примітку до листа № 15 від 8 серпня 1933 року.

№ 76

12 червня 1937

Дмитров

...fait la musique... — фр. «робити музику».

...о существовании А[лександра] М[ихайлови]ча я никогда ничего не слышал. — йдеться про третього чоловіка

Наталії Полонської-Василенко економіста, земського і кооперативного діяча — **Олександра Михайловича Моргуна (1874–1961)**.

...тревоги за неизвестную судьбу близкого человека... — йдеться про дочку Михайла Могилянського Лідію, яку НКВС вдруде арештувало 10 або 11 травні 1937 року, а 6 червня того ж року її розстріляли та поховали в Москві на Донському кладовищі.

№ 77
23 липня 1937
Ленінград

В[арвара] П[авловна] Адрианова-Перетц випустила цю книгу о сатирической литературе 17-го века. — **Варвара Павлівна Адріанова-Перетц (1888–1972)** — літературознавиця, дослідниця українського та російського фольклору і літератур XI–XVII століть. Тут йдеться про книжку: В. П. Адрианова-Перетц. Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. Москва — Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1937.

...узнал о смерти Евг[ения] Фил[ипповича] Вотчала. — **Євген Пилипович Вотчал (1864–1937)** — ботанік, академік АН УРСР, співзасновник Наукового інституту селекції в Києві. Помер 1 квітня 1937 року.

№ 78
24 вересня 1937
Дніпропетровськ

...роман (писанный по-русски) я уже окончил... — йдеться про роман «Гильда», автограф якого зберігається в ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Спр. 639. 50 арк.

...Сен-Симон... — Анрі Сен-Сімон (1760–1825) — філософ, один із засновників утопічного соціалізму, учасник війни за незалежність США.

...Любченко... — йдеться про Андрія Петровича Любченка (1894–1937) — біолога, директора Київського ветеринарного інституту.

Фомин, Вотчал, еще кто? Да, вспомнил, Владимир Ипполитович?...

Олександр Васильович Фомін (1867–1935) — ботанік, директор Інституту ботаніки АН УРСР.

Євген Пилипович Вотчал (1864–1937) — див. примітку до попереднього листа.

Владимир Ипполитович — йдеться про **Володимира Іпполітовича Липського (1863–1937)** — ботаніка, президента ВУАН у 1922–1928 роках.

...Холодного, то по отзыву Влад[имира] Иван[ови]ча... — Григорій Григорович Холодний (1886–1938) — фізик, директор Інституту української наукової мови ВУАН.

...«гуляку праздного»... — вислів із «маленької трагедії» «Моцарт і Сальєрі» (1832) Олександра Пушкіна.

...Немає в світі України, немає другого Дніпра! — див. примітку до листа № 44 від 17 лютого 1935 року.

Радует мое сердце ... каждое слово Литвинова. — Максим Максимович Литвинов (1876–1951) — дипломат, який у 1930–1939 роках був народним комісаром закордонних справ Радянського Союзу. Тут йдеться про промову Литвінова щодо необхідності невтручання європейських держав у війну в Іспанії, яку він виголосив на пленарному засіданні Асамблеї Ліги націй 21 вересня 1937 року. Текст виступу було надруковано радянськими газетами, зокрема «Известиями», № 222 (6384) від 22 вересня 1937 року.

№ 79

31 жовтня 1937
Дніпропетровськ

...посмотрел Манизерова Шевченка... — йдеться про пам'ятник Тарасові Шевченкові авторства скульптора Матвія Генріховича Манізера (1891–1966) та архітектора Йосипа Григоровича Лангбарда (1882–1951), який відкрито у Харкові в 1935 році.

№ 80

13 листопада 1937
Дніпропетровськ

...«природа не терпит пустоты»... — лат. «tatura abhorret vacuam» — вислів, приписуваний Арістотелю (384–322 до н. е.), який вважав, що у природі немає пустоти, оскільки матерія довкола прагне її заповнити.

...вышла довольно интересная заметка «Смерть и похороны Золя». — йдеться про статтю: М. Могілянський. Смерть и похороны Золя // Ленинград. 1940. № 6. С. 16–17.

...в Лит[ературном] музее оказались письма Н[иколая] Пр[окофьевича] к Мельгунову. — **Сергій Петрович Мельгунов (1880–1956)** — історик, редактор журналу «Голос минувшего» та «Голос минувшего на чужой стороне», дослідник історії Російської революції 1917 року та громадянської війни в Росії. Листи Миколи Василенка до Сергія Мельгунова зберігаються в Російському державному архіві літератури та мистецтва: Ф. 305. Оп. 1. Ед. хр. 219. 31.10.1909 — 08.02.1917. 50 л.

...бедного Макара... — йдеться про російську народну приказку: «на бедного Макара все шишки валятся», що означає людину, яку переслідують нещастя.

...шишки, часто весьма и весьма увесистые, заставляющие сожалеть, что жизненная нить не оборвалась несколько лет тому назад... — після розстрілу Лідії Могілянської НКВС видало довідку про арешт її брата — письменника Дмитра Могілянського (1901–1938), який відбувся наприкінці січня 1938 року. Дмитро був розстріляний за «контрреволюційну діяльність» 28 лютого того ж року. 16–17 жовтня 1938 року теж арештовано середню доньку Могілянського — Олену (1905–1998) — журналістку за фахом.

...кое-что еще у Новицких... — 28 липня 1937 року Могілянський занотував у щоденнику: «Деся коло сотні, а може, й двох-трьох сотень теж прекрасних книжок ще зберігається в М. М. Новицького». Михайло Могілянський. Щоденник. С. 473.

...эту потвору Наталию Михайловну... — йдеться про **Наталю Михайлівну Ткаченко-Ходкевич** (1904–?) — дочку Наталі Романович-Ткаченко, яка була технічною секретаркою журналу «Життя і Революція». Письменниця Докія Кузьмівна Гуменна (1904–1996) згадувала про неї так: «Вічно з папірською в зубах, делікатна і ввічлива, тонковида, з картовиною в розмові, перекладачка з чужих мов, вона все-таки викликала мимовільний жаль, щось таке жалісне було в її карих очах. Хоч вона не казала, та всі знали, що вона — морфіністка, її неохайний, небалий одяг теж це засвідчував. Всі свої заробітки (а за заробітками вона ганяла!) вона витрчала на щось інше, ніж на одяг та взуття». Докія Гуменна. Дар Евдотеї. Київ: Видавництво «Дніпро», 2004. С. 282.

№ 81

6 січня 1938

Дніпропетровськ

От Виктора одновременно с Вашим письмом получил еще две книги. — йдеться про історика, філолога, літературоз-

навця, археолога, письменника Віктора Платоновича Петрова (1894–1969). Листи Михайла Могілянського до Віктора Петрова зберігаються у: ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Спр. 660. 1938–1939 роки.

...краткую историю СССР под редакцией Шестакова... — йдеться про книжку: Краткий курс истории СССР: учебник для 3-го и 4-го классов. Ред. А. В. Шестаков. Москва: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1937.

...проштудировал историю ВКП (б)... — йдеться про книжку: История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Москва: Издательство ЦК ВКП(б) «Правда», 1938.

...Владим[ир] Эммануилович... — йдеться про Володимира Грабаря. Див. примітку до листа № 5 від 19 вересня 1930 року.

...«Историю Французской революции» Карлейля... — йдеться про книжку: История Французской революции Карлейля. Ред. Н. Ляпидевский. Том 1. Москва: Типография Лазаревского института, 1866.

№ 82
14 грудня 1938
Дніпропетровськ

...Дм[итрия] И[вановича] пушкинскую медаль... — йдеться про одну з пам'ятних медалей, виготовлених до 100-річчя з дня смерті Олександра Пушкіна в 1937 році. Найвідоміші серед них були спроектовані художником-гравером Самуїлом Львовичем Тульчинським (1900–1981).

...тома два–три Барсукова («Жизнь и труды Погодина»)... — йдеться про видання: Николай Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина. В 22-х т. Санкт-Петербург: Погодин и Стасюлевич, 1888–1910.

...ad calendas graecas... — лат. «до грецьких календ» — календами римляни називали перший день кожного місяця в році, тоді як у греків такого поняття не існувало. Цей вислів означає сумнів, що певна подія у майбутньому коли-небудь відбудеться.

Сейчас перечитываю I-й том «Капитала», читанный 40 лет тому назад (купил даже книгу)... — в одному з листів до Грабаря Могілянський пригадував історію з придбанням першого тому «Капіталу», що трапилася з ним під час університетського навчання: «Это было 19го ноября 1897 года — пришел я в университет и, просматривая объявления, выставленные под стеклом в специальной комнате, прочел: «Продаю — «Капитал», т. I, Карла Маркса. Хороший экземпляр ц. 20...» И мне представилось, что, если не весь, то пол университета бросится сейчас же на Малую Посадную. А потому на извозчике бросился домой за деньгами, а потом на конке (на извозчика уже не хватало) поехал на Петерб[ургскую] сторону, добрался до Малой Посадской, запыхавшись взбежал на 4-й этаж... — Здесь живет студент N? (фамилии уже не помню). — Здесь. Пожалуйста! Постучался в двери. — Войдите! — Это Вы продаете «Капитал»? (и сердце замирало при мысли, — вдруг ответит: «Уже продал»). Но ответ радостно гласил: — Я, пожалуйста! Студент с физиономией забулдыги, сидевший за самоваром, не вставая из-за стола, взял книгу и протянул мне. «Хороший» экземпляр ничем особенно не был хорош, но страницы были все и, выну из кармана 20 р., я протягнул их забулдыге и в радостном возбуждении пошел домой пешком (на конку уже не хватало)... «капиталистом»...» Письмо Михаила Могілянського к Владимиру Грабарю от 2.12.1938. Отдел рукописей РГБ. Ф. 376. Карт. 6. Ед. хр. 20. Л. 15.

...«Происхождение видов» Дарвина... — теорія еволюції натураліста Чарльза Дарвіна (1809–1882) була вперше повністю опублікована в праці «Походження видів» («The origin of species by means of natural selection») (1859).

...дочка заболела язвой желудка. — йдеться про Ірину Могілянську.

№ 83
3 лютого 1939
Дніпропетровськ

...к 15 февраля, конечно, напишу, ибо есть для меня незабываемые даты. — йдеться про день народження Миколи Василенка 14 лютого 1866 року.

...«седой ворчун» февраль... — цитата з вірша «Сплин (Февраль, седой ворчун и враг всего живого...)» («Spleen»), що увійшов до збірки «Квіти зла» («Les Fleurs du mal») (1857) письменника Шарля Бодлера (1821–1867). Ціла строфа у перекладі письменника і перекладача Петра Пилиповича Якубовича (1860–1911) звучить так: «Февраль, седой ворчун и враг всего живого, / Насвистывая марш зловещий похорон, / В предместьях сеет смерть и льет холодный сон / На бледных жителей кладбища городского».

...проф[ессор] Дерюгин (его помню студентом), Георгий Чулков (поэт, литературовед)... — Костянтин Михайлович Дерюгін (1878–1938) — гідробіолог, океанолог, організатор науки.

Георгий Иванович Чулков (1879–1939) — поет, літературознавець, літературний критик.

...архитектор Щуко... — Володимир Олексійович Щуко (1878–1939) — архітектор, автор відомих до- та післяреволюційних архітектурних проєктів таких як, будівля губернського земства у Києві (зараз штаб-квартира Служби безпеки України), пам'ятника Леніну біля Фінського вокзалу у Петербурзі, Бібліотеки СРСР імені Леніна у Москві.

...скульптора Гинцбурга... — Ілля Якович Гінцбург (1859–1939) — скульптор, академік Петербурзької академії

мистецтв, працював у галузі монументальної та станкової скульптури.

...академик Келлер. — Борис Александрович Келлер (1874–1945) — біолог, академік АН СРСР, дослідник екології рослин.

...А[лександр] А[лександрович] Богомолец... — Олександр Александрович Богомолец (1881–1946) — патофізіолог, академік, президент УАН, а згодом АН УРСР.

...академика Крылова... — Микола Митрофанович Крилов (1879–1955) — математик, академік АН СРСР.

№ 84

15–16 лютого 1939

Дніпропетровськ

It is a quarter past eight... — англ. «Зараз п'ятнадцять хвилин по восьмій.»

...Сегодня ведь, кроме того, чем нам этот день на веки памятен... — див. примітку до листа № 83 від 3 лютого 1939 року.

...«весенний и тлетворный дух»... — цитата з вірша поета **Олександра Александровича Блока (1880–1921)** «Незнакомка» (1906). Ціла строфа виглядає так: «По вечерам над ресторанами / Горячий воздух дик и глух, / И правит окриками пьяными / Весенний и тлетворный дух».

...мой кандидат А[лександр] И[ванович] Белецкий. Юшкова — совсем не знаю, Пичета... киевлянина Грунского... —

Олександр Іванович Білецький (1884–1961) — літературознавець, академік АН УРСР та АН СРСР, директор Інституту літератури імені Тараса Шевченка у Києві, головний редактор

журналу «Радянське літературознавство», автор численних біографічних нарисів українських та російських письменників.

Серафим Володимирович Юшков (1888–1952) — історик держави і права часів Давньої Русі, доктор історичних наук.

Володимир Іванович Пічета (1878–1947) — історик, впріс і почав кар'єру в Україні, був першим ректором Білоруського державного університету, академіком АН Білоруської РСР та АН СРСР. У 1940 році був опонентом на захисті докторської дисертації Полонської-Василенко.

Микола Кузьмич Грунський (1872–1951) — славіст, доктор філологічних наук.

...выбирайте, конечно, Белецкого. — йдеться про кандидатуру в академіки Академії наук УРСР Олександра Білецького.

...«исполнились времена и сроки». — під «временами и сроками» в Християнстві мається на увазі очікування другого пришестя Ісуса Христа, Страшного суду та встановлення Царства Божого.

...«в лености житие мое иждих»... — цитата із Біблійної притчі про митаря та фарисея (Євангеліє від Луки 18 : 10–14).

...моего любимого «Рудина»... — йдеться про повість Івана Тургенева «Рудин» (1856).

...испанские события заставляют стыдиться... — йдеться про громадянську війну в Іспанії в 1936–1939 роках, перемогу в якій здобула військова хунта Франсіско Франко (1892–1975).

№ 85

3 березня 1939

Дніпропетровськ

...один купил я для дочки... — йдеться про Ірину Могилянську.

...в Шевченковском парке... — нині Центральний парк культури та відпочинку імені Тараса Шевченка у Дніпрі, який до 1925 року називався на честь свого засновника — князя Григорія Олександровича Потьомкіна (1739–1791).

...отрицательно относился и к «потной системе», и к «фордизму»... — **фордизм** — спосіб організації масового виробництва, заснований на розподілі праці, стандартизації деталей та кінцевої продукції, використанні конвеєра. Назва виникла на початку ХХ століття у США та пов'язана з ім'ям засновника автомобільної корпорації Генрі Форда (1863–1947).

...не требуемый Аполлоном «к священной жертве» поэт... — алюзія на вірш Олександра Пушкіна «Поэт» (1827): «Пока не требует поэта / К священной жертве Аполлон, / В заботах суетного света / Он малодушно погружен; / Молчит его святая лира; / Душа вкушает хладный сон, / И меж детей ничтожных мира, / Быть может, всех ничтожней он. / Но лишь божественный глагол / До слуха чуткого коснется, / Душа поэта вострепнется, / Как пробудившийся орел».

...«Искусство я люблю больше добродетели, чем людей ... важно утро от 9 до 12 перед картиной.» — цитата із листа художника Іллі Юхимовича Рєпіна (1844–1930) до художнього критика Володимира Васильовича Стасова (1824–1906) від 27 липня 1899 року. Див. лист у: И. Репин. Избранные письма в двух томах. 1893–1930. Сост. И. А. Бродский. Москва: «Искусство», 1969. С. 153.

...pas un jour sans une ligne... — фр. «жодного дня без лінії». Цей афоризм — латин. «Nulla dies sine linea» — належить історикові Плінію Старшому (23/24 н. е. — 79 н. е.), який вжив його в енциклопедичному трактаті «Природнича історія» («Naturalis historia») (77 н. е.) для характеристики творчого принципу придворного художника Олександра Македонського (356–353

до н. е.) Апеллеса (IV до н. е.). У переносному сенсі означає відданість людини своїй праці.

...«парадокс» гласит: «человек создан для счастья, как птица для полета». — цитата з нарису «Парадокс» (1894) письменника Володимира Галактіоновича Короленка (1853–1921).

...особенно рад избранию А[лександра] И[вановича] Белецкого и М[ихаила] Я[ковича] Калиновича. — йдеться про обрання в 1939 році в академіки АН УРСР літературознавця Олександра Білецького та мовознавця Михайла Яковича Калиновича (1888–1949).

№ 87

10 квітня 1939

Дніпропетровськ

Хватить Вашей снисходительности, милая Наталия Дмитриевна! — у цій цитаті із листа Михайла Могілянського міститься шарада для Наталії Полонської-Василенко. Початкові літери перших двох слів підкреслені і творять акронім «ХВ». Оскільки Великдень у 1939 році припадав на 9 квітня, можна зробити висновок, що малися на увазі слова традиційного православного привітання «Христос Воскресе!». Не схоже, що тут Могілянському йшлося про самоцензуру, адже в інших листах він відкрито вітає Полонську-Василенко з Великоднем.

That is all... — англ. «це все».

№ 88

3 травня 1939

Дніпропетровськ

...«холодный ключ забвенья»... — цитата із вірша Олександра Пушкіна «В степи мирской, печальной и безбрежной» (1827).

Праздновал 375 лет Шекспировых... — йдеться про 375-річчя з дня народження Вільяма Шекспіра.

№ 89
23 травня 1939
Дніпропетровськ

...обл[асная] библиотека и чудесный читальный зал... — нині Дніпропетровська обласна універсальна наукова бібліотека імені Первоучителів слов'янських Кирила і Мефодія — найбільша наукова бібліотека Дніпра, заснована 1834 року.

...вроде обезьяньей «ужимки» по Тэновской аттестации. — можливо, йдеться про Іпполіта Тена (1828–1893) — філософа-позитивіста, теоретика літератури.

...«Опасный поворот». — п'єса «Небезпечний поворот» («Dangerous Corner») (1932) належить письменнику Джону Бойнтону Прістлі (1894–1984).

...«ГОСЕТ»... — Государственный еврейский театр — мережа єврейських державних театрів, що проіснували в Радянському Союзі до 1949 року, коли розпочалася репресивна кампанія проти «космополітизму».

...МХАТ... — Московский художественный академический театр — драматичний театр, заснований 1898 року театральними режисерами Костянтином Сергійовичем Станіславським (1863–1938) та Володимиром Івановичем Немировичем-Данченко (1858–1943).

...пусть этот ответ не покажется Вам чем-то вроде: а к нам солдат пришел... — фраза «а к нам солдат пришел» є цитатою з оповідання Антона Чехова «Розовый чулок» (1886): «Сплошная белиберда! Слова и фразы, а содержания ни ма-

лейшого. Всё твоє письмо походить точь-в-точь на розговор двох мальчишек: “А у нас блины ноне!” — “А к нам солдат пришел!”». Вислів став анекдотичним і використовується на позначення нелогічного, беззмістовного діалогу.

...Михоэлс... — Соломон Михайлович Міхоелс (1890–1948) — актор, режисер, голова створеного під час Другої світової війни Єврейського антифашистського комітету задля залучення коштів для Радянського Союзу.

...Я видел в Шекспировских ролях Томмазо Сальвини, Барная, Посарта... —

Томмазо Сальвіні (1829–1915) — один із найуспішніших в європейському театрі ХІХ століття актор, відомий завдяки майстерному психологізму гри, зокрема славу йому принесла роль Отелло.

Людвіг Барнай (1842–1924) — актор, режисер, здобув популярність завдяки трагедійним ролям, у тому числі в п'єсах Вільяма Шекспіра і Фрідріха Шиллера.

Ернст фон Посарт (1841–1921) — актор, режисер, більша частина кар'єри якого пов'язана з Мюнхеном. Відомий завдяки ролям у п'єсах Фрідріха Шиллера, Генріха Ібсена, а також деламуванню текстів із опер Ріхарда Вагнера.

...Александринки... — йдеться про Російський державний академічний театр драми імені Пушкіна, заснований 1756 року в Санкт-Петербурзі. Свою неформальну назву «Александринський» отримав ще в ХІХ столітті від імені дружини імператора Миколи І (1796–1855) — імператриці Олександри Федорівни (1798–1860).

...Качалова... — Василь Іванович Качалов (1875–1948) — актор, багатолітній співробітник МХАТа, лауреат Сталінської премії.

...барона Тузенбаха («Три сестры»), не то от Пети Трофимова («Вишневый сад»)... — йдеться про персонажів драм

Антон Чехова: барона Тузенбаха з «Трьох сестер» (1901) та Петра Сергійовича Трофімова — «Вишневий сад» (1904).

...театра Радлова, Московского театра Революции. — йдеться про Театр під керівництвом режисера Сергія Ернестовича Радлова (1892–1958), заснований 1928 року в Ленінграді. Театром Революції в 1922–1943 роках називався Московський академічний театр імені Маяковського.

...Тарасову... — Алла Костянтинівна Тарасова (1898–1973) — акторка, працювала в МХАТі, зокрема грала у виставах по творах Антона Чехова, Льва Толстого, Олександра Островського, Федора Достоєвського, п'ять разів нагороджувалась Сталінською премією.

...на постановке «Воскресения» читка Качалова у многих вызывала восторженные «ахи»... — театральна постановка за повістю Льва Толстого «Воскресение» (1899), що ставилася на сцені Московського художнього академічного театру (далі — МХАТ) у 1930–1962 роках. Режисером і виконавцем головної ролі був актор, народний артист СРСР — Василь Іванович Качалов (1875–1948).

«Богдана Хмельницького» и не читал, и не видел... — йдеться про п'єсу «Богдан Хмельницький» (1938) письменника Олександра Євдокимовича Корнійчука (1905–1972) та її театральну постановку, що вперше відбулася у березні 1939 року в приміщенні Київського театру імені Івана Франка, а згодом ставилася на сценах багатьох інших театрів Радянського Союзу.

...Коккинали и Гордиенко уже «дома». — йдеться про безпосадочний переліт довжиною 6516 кілометрів, який 28–29 квітня 1939 року здійснили на літаку ЦКБ-30 «Москва» пілот Володимир Костянтинівич Коккінакі (1904–1985) та штурман Михайло Харитонович Годрієнко (1906–1972).

Тяжело переживал последнюю авиакатастрофу. — авіакатастрофа на навчально-тренувальному винищувачі УТИ-4 в Рязанській області 11 травня 1939 року, в якій загинули льотчики Анатолій Костянтинівич Серов (1910–1939) та Поліна Денисівна Осипенко (1907–1939).

...«цветной показ[атель]»... — параметр лабораторного дослідження крові, який показує вміст гемоглобіну в одному еритроциті.

...por la bonne bouche... — фр. «за красивий рот» — ідіома, що означає приберегти найкраще наостанок.

... de jure ... de facto... — латин. «юридично», «фактично».

№ 90

28 травня 1939
Дніпропетровськ

...недавнего юбиляра (Салтыкова-Щедрина)... — 28 квітня 1939 року, згідно юліанського календаря, було 50-річчя від дня смерті Михайла Салтикова-Щедрина.

№ 91

3 червня 1939
Ленінград

...посетили выставку Левитана... — йдеться про виставку картин художника Ісаака Ілліча Левітана (1860–1900) в Державному Російському музеї в Ленінграді. Див.: И. Левитан. Выставка картин. Каталог выставки в Государственном русском музее. Ленинград: Б. и., 1939.

Теперь у нас на очереди «Выставка собак». — йдеться про ІХ чергову виставку собак 4–7 червня 1939 року в Ленінграді.

...«тоска, тоска» и совсем не Онегинская... — див. примітку до листа № 49 від 25, 27 березня 1935 року.

№ 92
13 червня 1939
Ленінград

...«дни торжеств в Аранжуеце»... — тут мається на увазі п'єса «Прекрасні дні Аранхуеса» («Die schönen Tage von Aranjuez») (1933) письменника Яноша Секелі (1901–1958). По ній того ж року знято фільм режисера Йоханнеса Мейера (1888–1976) із Бригіттою Гельм (1899–1996) в головній ролі.

№ 93
15 червня 1939
Ленінград

...«театре «Комедии»... — йдеться про Санкт-Петербурзький академічний театр Комедії імені Миколи Акімова, заснований 1929 року.

...бывш[ем] магазине Елисеева. — магазин торговельної спілки «Брати Єлісеєви», збудований у Санкт-Петербурзі на розі Невського проспекту та Малої Садової вулиці в 1902–1903 роках архітектором Гаврилом Васильовичем Барановським (1860–1920) у стилі модерн.

...в Ленинграде, как знаете еще от Гоголя, — жизнь тонкая и политичная, собаки если и не пляшут... — цитата із п'єси «Ревізор» (1836) письменника Миколи Васильовича Гоголя (1809–1852). Ці слова промовляє слуга головного героя Івана Олександровича Хлестакова — Осип: «...житье в Питере лучше всего. Деньги бы только были, а жизнь тонкая и политичная: кеятры, собаки тебе танцуют, и все что хочешь» (Дія 2, Акт 1).

...«Анна Каренина» в интерпретации МХАТа... — театральна постановка за повістю Льва Толстого «Анна Каренина»

(1878), прем'єра якої відбулася на сцені Московського художнього академічного театру (далі — МХАТ) 21 квітня 1937 року. Режисерами були Володимир Немирович-Данченко та Василь Григорович Сахновський (1886–1945).

№ 94
4 вересня 1939¹⁴⁰
Дніпропетровськ

...Вам свои искренние поздравления... — згідно православного літургійного календаря 23 лютого іменини Наталії.

...«Историю XIX века» Лависса и Рамбо. — йдеться про друге доповнене і виправлене видання цієї багатотомної праці: *История XIX века*. В 8 т. Ред. Э. Лависс, А. Н. Рамбо. Москва: Государственное социально-экономическое издательство ОГИЗ, 1938–1939.

...Poste restante... — лат. «до запитання».

...«покоя сердце просит»... — цитата з вірша Олександра Пушкіна «Пора, мой друг, пора! Покоя сердце просит...» (1834).

...очень утешен договором с Германией... — йдеться про укладений 23 серпня 1939 року Договір про ненапад між нацистською Німеччиною і Радянським Союзом (так званий пакт Молотова — Ріббентропа), згідно якого протягом наступних 10 років обидві сторони зобов'язувались не нападати одна на одну та дотримуватися нейтралітету у разі нападу третьої сторони на одну з країн-підписанток договору. Крім того, згідно таємного додаткового протоколу передбачався поділ між обома державами Польщі та країн Балтії.

¹⁴⁰ Рік написання листа встановлений за згадкою про укладання пакту Молотова — Ріббентропа.

...si vis pacem, para bellum... — латин. «якщо хочеш миру — готуйся до війни».

...в странах беллигерантов... — тобто таких, що знаходяться в стані війни.

№ 95

17 вересня 1939
Дніпропетровськ

...тур е ретур. — фр. «tour é retour» — «туди і назад».

№ 96

1 жовтня 1939
Дніпропетровськ

...в ближайшие дни печальная годовщина (четвертая?)... — йдеться про смерть 3 жовтня 1935 року Миколи Василенка.

«Опасный поворот» Пристли (идет в Киеве). — йдеться про постановку п'єси режисером Григорієм Михайловичем Козінцевим (1905–1973) у театрі Комедії (Ленінград).

...Анна Львовна Берло... — Ганна Львовна Берло (1859–1942) — історик, працювала при ВУАН, зокрема з 1919 року була співробітницею, а в 1919–1930 роках — нештатною постійною співробітницею Біографічної комісії.

№ 97

23 жовтня 1939
Дніпропетровськ

...книгу Тарле «Нашествие Наполеона»... — йдеться про книжку: Е. Тарле. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1938.

№ 98

11 листопада 1939

Дніпропетровськ

В конце октября промочил ноги, я безкалошный... — про свою «безкалошність» Михайло Могілянський теж згадує у листі до Володимира Грабаря від 6 листопада 1939 року: «когда-то была изгойная категория — безлошадных, теперь вместо нее появилась категория не менее злосчастная безкалошных и пока что я состою в ней». Отдел рукописей РГБ. Ф. 376. Ед. хр. 20. Л. 27.

...просидел над «Обрывом»... — йдеться про роман Івана Олександровича Гончарова (1812–1891) «Обрыв» (1869).

...Дм[итрию] Ив[ановичу] в этот день исполнилось, кажется, 85 лет (м[ожет] б[ыть], 84). — 6 листопада 1939 року Дмитру Яворницькому виповнилося 84 роки.

№ 99

5 січня 1940

Дніпропетровськ

...Сер[афимы] Дм[итриевны] не видел, а только с ¼ часа поговорил с ее сестрой... — йдеться про одну з сестер Серафими, дружини Дмитра Яворницького, яких звали Варвара Дмитрівна Бурякова та Зінаїда Дмитрівна Бурякова.

Calceх... — противірусний лікарський засіб.

Долго ли Виктор должен пробыть во Львове? — йдеться про Віктора Петрова, який, так само як і Наталія Полонська-Василенко, їздив у відрядження до анексованої Радянським Союзом у 1939 році Східної Галичини. Див. примітку про нього до листа № 81 від 6 січня 1938 року.

№ 100
23 січня 1940
Дніпропетровськ

...Вы собираетесь защищать диссертацию, для чего, между прочим, посетитъ Москву. — йдеться про захищену Наталією Полонською-Василенко 18 жовтня 1940 року в Інституті історії АН СРСР в Москві докторську дисертацію з історії (за сукупністю наукових праць) на тему «Очерки по истории заселения Южной Украины в середине XVIII века (1734–1775 гг.)». Опонентами на захисті виступали Олександр Петрович Оглоблин (1899–1992), Володимир Пічета та Олександр Антонович Савич (1890–1957).

...отчасти желание съехаться с Виктором... — йдеться про Віктора Петрова.

...absolument... — фр. «абсолютно».

...III-й том Луи Блана я в середине января дочитал. — йдеться про російський переклад багатотомного видання історика Луї Блана (1811–1882). Див.: Луї Блан, История французской революции. В 12 т. Пер. А. П. Редкина. Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина, 1907–1909.

№ 101
9 лютого 1940
Дніпропетровськ

...«до сих пор горит в моей памяти, в сокровенной его глубине»... — цитата з вірша Шарля Бодлера «Признание (Раз, один только раз, дорогая волшебница)», що увійшла до збірки «Квіти зла» («Fleurs du Mal») (1857). Ціла строфа у перекладі Петра Якубовича звучить так: «Раз, один только раз, дорогая волшебница. / Ваша нежная ручка доверилась мне / (Этот день

еще ярко горит в моей памяти, / В сокровенной ее глубине).»
Йдеться про день народження Полонської-Василенко 12 лютого 1884 року.

...как «белых с яблонь дым». — цитата з вірша поета Сергія Олександровича Єсеніна (1895–1925) «Не жалею, не зову, не плачу...» (1921). Ціла строфа виглядає так: «Не жалею, не зову, не плачу, / Все пройдет, как с белых яблонь дым. / Увядания золотом охваченный, / Я не буду больше молодым.»

...сообщите мне адрес Калиновича ... день рождения его жены бывает раз в 4 года и я хотел бы ее поздравить. — йдеться про **Маргариту Михайлівну Калинович (1896–1983)** (дівоче прізвище Отроковська) — дружину Михайла Калиновича, яка закінчила Фундуклеївську гімназію й Вищі жіночі курси. Перекладала з французької Анатолія Франса та Дені Дідро. Маргарита Калинович народилася 29 лютого 1896 року за юліанським календарем, відповідно 13 березня — за григоріанським. У 1940 році подружжя Калиновичів мешкало в Києві за адресою: вул. Горького, 4/6 (тепер вул. Антоновича).

...книгу Петровского по истории Украины (Хмельниччина?)... — йдеться про книжку: Микола Неонович Петровський. Визвольна війна українського народу проти гніту шляхетської Польщі і приєднання України до Росії 1648–1654 рр. Київ, 1940.

№ 102
24 лютого 1940
Дніпропетровськ

...надо 4 том Луи Блана... — див. примітку до листа № 100 від 23 січня 1940 року.

№ 103
27 березня 1940
Дніпропетровськ

...радио жарило Чайковского и Шуберта, а в начале 4-го исполнило сонату мирного договора... — йдеться про укладений 12 березня 1940 року в Москві мирний договір між Радянським Союзом та Фінляндією, який завершив радянсько-фінську війну 1939–1940 років. Згідно договору Фінляндія втратила більше, аніж Радянський Союз вимагав перед війною, а саме: Карельський перешийок, кілька островів у Фінській затоці, частину півостровів Рибачький та Середній, а також у 30-річну оренду Радянському Союзу передавався острів Ганко для створення там військово-морської бази. Внаслідок цього договору домівки втратили більше 400,000 фінів, які змушені були полишити 8% територій, що перейшли Радянському Союзу. Протестуючи проти укладання договору, у відставку подали кілька високопоставлених чиновників та міністрів фінського уряду. Умови договору були закріплені країнами-переможицями у Другій світовій війні на Паризькій мирній конференції 10 лютого 1947 року. У листівці до Володимира Грабаря від 13 березня 1940 року Михайло Могилянський писав про Московський договір: «Счастливый случай (нашел конверт!) дает мне возможность излить Вам свои радостные чувства по поводу сообщений радио, сделанных в ночь с 12 на 13. С вечера, т. е. в ½ 12-го, когда сообщались последние известия, объявлено было, что после 12-и сделано будет к ним «дополнение». И затем после 12 (обыкновенно после боя часов на Красн[ой] Площади и «Интернационала» радио умолкает до утра) — всю ночь транслировались Чайковский и Шуберт, — чтобы в сердце слушателя прокралось сомнение, будет ли «дополнение». Я-то ничего этого не знал, а дочка (мы сейчас только вдвоем в квартире) терпеливо ждала и в начале четвертого, выслушав сообщение о мирном договоре и самый текст оного, пришла мне сказать о проис-

шедшем. Итак, открылись некоторые перспективы для моей поездки (мається на увазі, до Ленінграду — ВС) [...] И осуществилась моя программа — я всегда в последние годы, бывая в Лениграде и проезжая трамваем по Нижегородской ул. [...], поглядывал при повороте к Финляндск[ому] вокзалу на столь мне знакомое здание его и не мог вместить, как это вот и конец СССР (ведь до Белоострова всего что-то около 30-и верст), чувствовал всю несуразность положения, при котором такой город как Л-д, очутился на краечку страны. И утверждал, что существует объективная военно-техническая необходимость (все время обострявшаяся международной политической конъюнктурой) обеспечить оборону Л-да присоединением к СССР плацдарма от Белоострова до Выборга включительно. А раз это так, был я убежден, то рано или поздно в том или другом порядке это должно осуществиться. При первоначальных переговорах, когда имелось в виду проблему разрешить мирным путем, мы были скромны и компромиссно соглашались довольствоваться скромным отодвижением границы от Белоострова на несколько десятков километров (приблизительно пол дороги до Выборга). Но вейки, поддерживаемые англо-французскими «друзьями» забыв о польском примере, показавшем, чего стоят поддержка и помощь этих друзей, заупрямились. Ну, и в результате, правда, недешевой ценой (но ведь «даром ничто не дается»), компромисс отпал, и моя программа осуществлена полностью.» (РГБ. Ф. 376. Ед. хр. 20. Л. 32.) Цікаво, що Михайло Могілянський під псевдонімом М. Руссобтовский був автором книжки: Историческое освещение финляндского вопроса. Санкт-Петербург: Типография «Родник», 1910. 195 с. Про цю працю товариша Михайло Коцюбинський писав у листі від 28 жовтня 1910 року: «Прочитав Вашу книжку про Фінляндію — і мушу признатися, що тільки тепер фінляндське питання стало для мене ясным. І за це дякую Вам. Книжка зроблена прекрасно, картина виходить сильна і яскрава.» (Михайло Коцюбинський. Твори. Том 7. Київ: «Наукова думка», 1975. С. 77).

Спасибо за указание на статью Пичеты. — йдеться про статтю: В. И. Пичета. Исторический путь народов Западной Украины и Западной Белоруссии // Октябрь. 1939. Кн. 10–11. С. 3–11.

№ 104
27–28 березня 1940
Дніпропетровськ

...продолжаю на сем изобретении из-за отсутствия открыток. — листівку написано на бланку повідомлення про вручення листа.

...пишу Виктору, но не уверен, что правильно пишу № его дома 14... — Віктор Петров жив тоді у Києві на вул. Малій Підвальній, 14, кв. 3.

№ 105
3 квітня 1940
Дніпропетровськ

...я не преминул уже вчера прочесть в 10–11 № «Октября» за прошлый год статью Пичеты... — див. примітку до листа № 103 від 27 березня 1940 року.

Only. — англ. «лише».

...Молотов воздал должное и заслуженное всем Чемберленам... — йдеться про виступ В'ячеслава Молотова на засіданні Верховної Ради СРСР 29 березня 1940 року: «О внешней политике правительства. Из доклада В. М. Молотова на заседании Верховного Совета СССР 29 марта 1940 года» // Правда. 1940. 30 марта.

...доходит ли благополучно вот такой суррогат их? — листівку написано на бланку повідомлення про вручення листа.

№ 106
14 травня 1940
Ленінград

Дождались меня белые ночи! (Вал[ерий] Брюсов) — тут помилка, ця цитата із вірша Володимира Сергійовича Соловйова (1853–1900) «У себя» (1899). Після сімейної сварки у родині дочки Ірини, Михайло Могілянський 12 травня 1940 року виїхав із Дніпропетровська, до якого повернувся лише в жовтні. У листівці до Володимира Грабаря від 24 жовтня 1940 року він писав: «Невероятно, но факт — завтра уже целая неделя, как я тут и колесо завертелось по-старому с того места, на котором остановилось 12 мая», водночас він шукав фінансових можливостей, аби поїхати з Дніпропетровська назавжди: «И теперь все мои мечты в тайге. Если это можно, к весне уеду туда». РГБ. Ф. 376. Ед. хр. 20. Л. 42.

...Ваш фельетон о борьбе за Балтику... — йдеться про статтю Наталії Полонської-Василенко. Петр I и Карл XII // Советская Украина. 1939. № 48.

№ 107
1 вересня 1940
Ленінград

...Гослитмузей... — Державний музей історії російської літератури імені Володимира Даля, заснований як музей російської літератури у 1933 році в Москві публіцистом і більшовиком передреволюційних часів Володимиром Бонч-Бруєвичем (1873–1955).

...спасавшей меня от участи епископа Гаттона... — алюзія на вірш поета Василя Андрійовича Жуковського (1783–1852) «Суд Божий на епископом» (1831), в якому миші роздерли жадібного епископа Гаттона, який у голодні роки не поділився хлібом із місцевими людьми.

А Дм[итрий] Ив[анович] помре. — Дмитро Яворницький помер 5 серпня 1940.

№ 108
19 вересня 1940
Ленінград

...hic Rhodus, hic salta! — латин. «тут Родос, тут стрибай!» — цитата з байки Езопа «П'ятиборець-хвалько». Один не дуже хороший атлет нахвалявся, що стрибає далі за всіх олімпійських атлетів, і нібито найкраще йому вдаються стрибки саме на острові Родос. Тоді один із слухачів заперечив йому фразу: «Тут Родос, тут стрибай!», тобто що слова зайві, якщо щось можна довести на ділі.

В Каневе я не бывал, а на «могиле», тогда с высоким, издали видным крестом, — был. — йдеться про могилу Тараса Шевченка на Чернечій горі в місті Каневі Черкаської області. Першим, встановленим на ній у 1884 році, пам'ятником був чавунний хрест авторства архітектора Віктора Івановича Сичугова (1837–1892). У 1923 році хрест було замінено тимчасовим бюстом Шевченка, проект якого створив скульптор Каленик Терещенко (1879–1969). У 1939 році його замінили на сучасний бронзовий пам'ятник скульптора Матвія Манізера та архітектора Євгена Адольфовича Левінсона (1894–1968).

А Панас Карпович помре... — Панас Саксаганський помер 17 вересня 1940 року.

№ 110
31 жовтня 1940
Дніпропетровськ

...приветствую Вас с успехом и большим научным достижением... — див. примітку до листа № 100 від 23 січня 1940 року.

...привет мой препоручаю передать Вам моему любимому Петру Ильичу (см[отри] марку на конверте). — конверт не зберігся, але, вочевидь, у листі йдеться про композитора Петра Ільїча Чайковського (1840–1893), листування якого з меценаткою Надією Філаретівною фон Мекк (1831–1894) неодноразово згадувалося вище.

...les affaires sont les affaires... — однойменна комедія письменника Октава Мірбо (1848–1917), вперше поставлена на сцені в 1903 році.

№ 111
13 листопада 1940
Дніпропетровськ

...«Оправдайся, Радамес!» — цитата з лібрето до опери «Аїда» (1870) композитора Джузеппе Верді (1813–1901).

...мой привет Л. Н-е с дочерью и мамашей... — осіб не встановлено.

...несколько томов Золя в укр[аинском] переводе... — йдеться про видання: Еміль Золя. Твори. В 18 т. Харків — Київ — Одеса: Державне видавництво України, 1929–1930.

...сборник «Пант[елеймон] Куліш» (тоже акад[емическое] издание)... — йдеться про видання: Пантелеймон Куліш: збірник праць Комісії для видавання пам'яток новітнього письменства. Ред. С. Єфремова, О. Дорошкевича. Київ: Друкарня Київської філії «Книгоспілки», 1927.

...как Вы пережили второе землетрясение? — йдеться про Карпатський землетрус 10 листопада 1940 року з епіцентром у Румунії.

№ 113
22 грудня [1940]
Дніпропетровськ

...«**козья колбаса из конины**»... — йдеться про кази — традиційну для багатьох тюркських народів ковбасу із конини.

...«**Шекспир**» (**Pensées**)... — див. Додаток 2 цього видання.

...«**Пушкин и Франц[узская] революция**» (**это, впрочем, послал в «Пушкинский временник**)... — стаття за такою назвою не була опублікована.

...**живу сейчас за счет своего прошлого (Лит[ературный] музей в Москве)**. — див. примітку до листа № 74 від 9 травня 1937 року.

№ 114
24 січня 1941
Дніпропетровськ

О высоком заслуженном награждении Агатангела... — у 1940 році Агатангела Кримського нагороджено орденом Трудового Червоного Прапора, а в січні 1941 року республіканською владою організовано публічне відзначення його 70-річного ювілею, що й мається на увазі у листі. Проте на долю вченого фатальним чином вплинув початок німецько-радянської війни, невдовзі після якого, а саме 19 липня 1941 року, його заарештували співробітники НКВС.

...**академик Соколов...** — **Соколов Юрій Матвійович (1889–1941)** — фольклорист, академік Академії наук УРСР та директор Інституту фольклору від 1939 року. Помер 15 січня 1941 року після виступу на урочистому засіданні Академії наук УРСР.

...**Айзеншток...** — **Айзеншток Ієремія Якович (1900–1980)** — літературознавець, зокрема відомий завдяки дослі-

дженню творчості Тараса Шевченка, вчений секретар Інституту літератури імені Тараса Шевченка у Харкові. В Інституті рукопису Національної бібліотеки імені Володимира Вернадського зберігаються листи Айзенштака до Могілянського: Ф. 131. Од. зб. 31–62. 4 липня 1935 –30 жовтня 1940 рік. 59 арк.

А что это за «история культуры», о которой Вы пишете? — згадана книжка не вийшла друком. Можна припустити, що її появі завадив початок німецько-радянської війни.

...присудження Сталинских премий: по литературе — Шолохову, по музыке Шостаковичу, по театру Немировичу-Данченко. — у 1941 році Сталінську премію першого ступеню отримали у художній прозі Михайло Олександрович Шолохов (1905–1984), у музиці — Дмитро Дмитрович Шостакович (1906–1975), а ось Володимиру Івановичу Немировичу-Данченку (1858–1943) премію у театральному мистецтві присуджено 1942 року за попередній рік.

Несколько статей о Старицком по поводу его юбилея... — йдеться про столітній ювілей із дня народження Михайла Старицького, датою народження якого вважалося 14 грудня 1840 року, хоча в «Малороссийскому родословнику» (1908–1914) Вадима Львовича Модзалевського (1882–1920) наведено дату 14 листопада 1839 року. Див. докладніше: Андрій Кравцов. Метричний запис про народження та хрещення Михайла Петровича Старицького (до 180-річчя з дня народження) // Сіверянський літопис. 2019. № 4–5. С. 223–230.

№ 115
15 лютого 1941
Дніпропетровськ

В этот день, милая Наталия Дмитриевна, мысли мои могут быть только возле Вас... — див. примітку до листа № 83 від 3 лютого 1939 року.

...Вас[илие] Митр[офановиче]... — йдеться про **Василя Митрофановича Довнар-Запольського (1867–1934)** — історика, професора Імператорського університету святого Володимира у Києві, Білоруського державного університету у Мінську, члена Інституту білоруської культури (реорганізованого на Білоруську академію наук). Полонська-Василенко була ученицею Довнара-Запольського і відстоювала його під час переслідувань у 1920–1930-х роках.

...«темна вода во облацех». — фраза, що означає щось незрозуміле, непояснюване. Походить із Псалтиря: «И положи тму закров Свой, окрест Его селение Его, темна вода во облацех воздушных» (17 : 12).

...с полным забвением «трех восьмерок». — див. лист № 85 від 3 березня 1939 року.

Или вот «История Киева»... — «Институт истории приступил к работе над историей гор. Киева. Создана специальная комиссия, которой руководит д-р исторических наук Полонская-Василенко. Комиссия рассчитывает привлечь к этой работе широкий круг добровольцев-любителей истории города, в руках которых находится значительное количество ценных документов». (О научной работе историков Одессы и Киева // Историк-марксист. 1941. № 6. С. 144) Задумане видання не було завершено, ймовірно, через початок німецько-радянської війни.

...трах — готово 4 тома. А может и трех будет довольно... — у листі до Володимира Грабаря із Великої Мурти від 26 лютого 1942 року Могілянський писав: «Ницше язвил, что профессор — это человек, из двух книг делающий третью». Отдел рукописей РГБ. Ф. 376. Ед. хр. 20. Л. 69.

...балет «Ромео и Джульетта»... — балет композитора Сергія Сергійовича Прокоф'єва (1891–1953) за однойменною трагедією письменника Вільяма Шекспіра, написаний у 1935 році.

...ресурсы, предоставленные в мое распоряжение Золя... — йдеться про написану Могилянським статтю-спогад про Еміля Золя, за яку він отримав гонорар. Див.: Мих. Могилянський. Смерть и похороны Золя. Страничка воспоминаний // Ленинград. 1940. № 6. С. 16–17.

...«Историке-марксисте»... — науковий журнал, центральне історичне видання СРСР, що виходило друком в 1926–1941 роках у Москві. Тут йдеться про повідомлення про захист докторської дисертації Наталією Полонською-Василенко. Историк-марсист. 1940. № 12. С. 135–136; 1941. № 5. С. 30–46.

...я принял некоторые меры к сохранению «для истории» некоторых сведений о Вашем диспуте. — Могилянський передав до Державного літературного музею історії російської літератури імені Володимира Даля 5 листів Полонської-Василенко. Тепер вони зберігаються в Російському державному архіві літератури та мистецтва. Див. Додаток 1 цього видання.

А мой «архив» всегда был чем-то вроде того хаоса... — архівна спадщина Могилянського роззосереджена по різних установах і потребує подальшого вивчення та укладання покажчика. Нині відомо, що його документи і матеріали зберігаються в: Інституті рукопису Національної бібліотеки імені Вернадського, Центральному державному архіві літератури та мистецтва України, Відділі рукописів Інституту літератури імені Тараса Шевченка, Чернігівському літературно-меморіальному музеї імені Михайла Коцюбинського, Російському державному архіві літератури та мистецтва, Архіві Російської академії наук, Інституті рукопису Російської державної бібліотеки та Державному музеї Костянтина Федіна у Саратові.

...кое-что интересное (письма Тычины, Хвильового и еще кое-что) рукописному отделу Всеукр[аинской] народн[ой] библиотеки (так она тогда именовалась). — листи Миколи Хвильового (1893–1933) до Михайла Могилянського

зберігаються в особовому фондї останнього (№ 131) в Інституті рукопису НБУ імені Вернадського. Так само в Інституті рукопису НБУВ (фонд І) зберігаються листи Могілянського до Павла Григоровича Тичини (1891–1967), а листи Тичини до нього — в Центральному державному музеї літератури та мистецтва України (фонд № 464.)

...втелюшил туда Ваше письмо из Москвы, в котором Вы писали о диспуте... — ймовірно, йдеться про лист Наталії Полонської-Василенко до Михайла Могілянського від листопада 1940 року. Див. лист № 3 у Додатку № 1.

...красноярская дочка (вернее Больше Муртинская... — Олена Могілянська, заарештована 16–17 жовтня 1938 року НКВС, відбувала заслання у селищі Велика Мурта, Красноярський край. Могілянський у листі до народного комісара внутрішніх справ Лавренія Павловича Берії (1899–1953) писав про можливі причини її арешту так: «Поводы к недоразумениям возможно заключаются в аресте за несколько месяцев до того ее мужа В. И. Исаева». Лист М. М. Могілянського до Л. П. Берії. Після 1937 року. Ф. 195. Оп. 1. Спр. 645. С. 3 зворот.

...Александру Михайловичу ответно кланяюсь... — йдеться про Олександра Моргуна. Див. примітку до листа № 76 від 12 червня 1937 року.

№ 116
7 березня 1941¹⁴¹
Дніпропетровськ

...Conv[allaria] Majalis... — латин. «конвалія травнева», вона ж конвалія звичайна.

¹⁴¹ Рік написання листа встановлено за згадкою, що пройшло 7 років після того, як Михайло Могілянський змушений був покинути Київ.

...plus haut, plus haut, plus haut! — фр. «вище, вище, вище!»

Приезд Крипякевича... — йдеться про кар'єрні успіхи історика Івана Петровича Крип'якевича (1886–1967), якого спершу призначено на посаду завідувача кафедрою історії України Львівського університету (1939), а потім професором та керівником відділу Інституту історії України АН УРСР у Львові (1941).

...tempora mutantur. — латин. «часи змінюються». Зустрічається також довший варіант цього вислову у вигляді гекзаметра: «Tempora mutantur, nos et mutamur in illis» — «Часи змінюються — і ми змінюємось разом з ними».

...выражение Кирилла Осиповича... — йдеться про Кирила Йосиповича Студинського (1868–1941) — літературознавця, філолога, громадського діяча, голову Наукового товариства Шевченка у Львові, академіка ВУАН.

...разные Кокошки-Шаблювские... — йдеться про Степана Кокошка та Євгена Шаблювського. Див. про них примітки до листа № 12 від 24 липня 1933 року та № 28 від 14 липня 1934 року.

...Ав[ксентий] Вас[ильевич]... — йдеться про Овксентія Корчак-Чепурківського. Див. примітку до листа № 6 від 11 жовтня 1930 року.

...неудержимое писание стихов, случается и на укр[аинском] языке (это в большинстве случаев в переписке с Рильским)... — листи Могілянського до Максима Тадейовича Рильського (1895–1964) опубліковані в: Максим Рильський. Зібрання творів у 20 томах. Том. 19. Автобіографічні матеріали. Записні книжки. Листи (1907–1956). Київ: Наукова думка, 1988.

...oeuvre... — фр. «мистецький твір».

Дом ею подарен для Музея. — після смерті Дмитра Яворницького в 1940 році його дружина, Серафима Бурякова, подарувала їхній будинок місту з умовою створення там музею.

...«Железную» назвать улицей Д[митрия] И[вановича] Яворницкого. — вулиця Залізна, нині Європейська, у Дніпрі ніколи не носила імені Дмитра Яворницького.

...т[оварищ] Маленков... — йдеться про **Георгія Максиміліановича Маленкова (1902–1988)** — радянського партійного та державного діяча, члена Політбюро ЦК КПСР в 1946–1957, голову Ради Міністрів СРСР у 1953–1955 роках.

...dolce far niente... — італ. «солодке неробство».

№ 117

22–23 березня 1941¹⁴²

Дніпропетровськ

...в «Советской Украине» статейку, которой Агатангел хвастнул тем, что на него возложено редактирование V и VI т. т. сочинений Коцюбинского (переписка). — йдеться про статтю: А. Крымский. Достойный памятник М. М. Коцюбинскому // Советская Украина. 1941. 13 марта.

...переписка деликатнейшего и тончайшей душевной организации человека! — публікації листування Михайла Коцюбинського за редакцією Агатангела Кримського не з'явилося. У 1938 році вийшло раніше не відоме листування Михайла Коцюбинського з Олександрою Іванівною Аплаксіною (1880–1973) та її спогади про письменника. Див.: Листи М. М. Коцюбинського до О. І. Аплаксіної. Ред. І. І. Стебун. Київ: Видавництво АН УРСР, 1938.

¹⁴² Рік написання листа встановлено за змістом сусідніх листів.

...завтрашнее само о себе печется. — цитата з Євангелія від Матвія (6 : 34), яка у перекладі Біблії на російську мову, затвердженому Святійшим правлячим синодом, звучить так: «Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем: довольно для каждого дня своей заботы».

Сегодня (22/III) у меня большое событие: родилась дочка... 31 год тому назад. — йдеться про день народження наймолодшої доньки Могілянського — Ірини. Див. про неї примітку до листа № 21 від 9 лютого 1934 року.

№ 118
15 квітня 1941
Дніпропетровськ

...заметку Тарле об избранных сочинениях Наполеона... — йдеться про передмову Євгенія Тарле до видання: Наполеон. Избранные произведения. Том I. Предисловие академика Е. Тарле. Москва: Воениздат НКО СССР, 1941.

№ 119
18–19, 21, 22 квітня 1941¹⁴³
Дніпропетровськ

...в отрывке Некрасовской поэмы... — йдеться про «Праздные мысли» Могілянського, у яких імітована метрика, ритміка та строфіка Миколи Олексійовича Некрасова (1821–1878).

...ich singe wie der Vogel singt (Гете)... — цитата з вірша «Співець» («Der Sänger») (1783). Цитований початок строфи у перекладі перекладача Миколи Андрійовича Ігнатенка (1939–2005) звучить так: «А я співаю, наче птах / Між віття на

¹⁴³ Рік написання листа встановлено за його змістом.

свободі, / І дяки більшої в світах / Мені шукати годі» («Ich singe, wie der Vogel singt, / Der in den Zweigen wohnt; / Das Lied, das aus der Kehle dringt, / Ist Lohn, der reichlich lohnet»).

...в 1898 г. (кажется) я выпустил сборник своих «стихотворений»... — цей збірник Могілянський видав у 1897 році: М. М. Стихотворения. Санкт-Петербург: Типография А. А. Пороховщикова, 1897, 64 с.

...Арк[адия] Георг[иевича] Горнфельда... — Аркадій Георгійович Горнфельд (1867–1941) — літературний критик, член редакції журналу «Русское богатство» та співробітник ряду інших періодичних видань.

...«словарь псевдонимов» Масанова... — йдеться про книжку: И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей и ученых. В 3 т. Том. 1. Москва — Ленинград: Academia, 1936, 440 с. Існує її перевидання: И. Ф. Масанов. Словарь псевдонимов русских писателей и ученых. В 3 т. Москва: Всесоюзная книжная палата, 1941–1949.

...М. М., которого за «Стихотворения» и брошюрку «Поэзия Надсона» разносили Михайловский и Гриневич... — йдеться про згадану вище збірку Михайла Могілянського «Стихотворения» (1897) та про брошуру: М. М. Поэзия Надсона. Санкт-Петербург: Типография А. А. Пороховщикова, 1897, 26 с. На обидва видання написав рецензію письменник і один із лідерів революційної терористичної організації «Народна воля» — Петро Якубович (псевдонім П. Ф. Гриневич), якому йшлося не так про зміст написаного, як про тогочасну суспільно-політичну дискусію щодо розвитку капіталізму і соціалізму в Російській імперії. Хибно інтерпретувавши підхід Михайла Могілянського як противника соціалізму, критик пройшовся по його віршах, назвавши їх «бездарным подражанием, чуть-чуть не с литературным плагиатом» віршів поета Семена Яковича

Надсона (1862–1887). (П. Ф. Гриневич. Певец экономического материализма // Русское богатство. 1897. № 8. С. 149.) З приводу цієї полемічної статті Михайло Могілянський писав: «Жестокый разнос, которому Гриневич подверг мою брошюру о поэзии Надсона и мои «стихотворения» за «экономический материализм», совершенно не касаясь художественных недостатков последних, доставил мне большое удовлетворение. Художественные недостатки своей поэзии я сам признавал в такой мере, что больше никогда не писал стихов, но титул «певца экономического материализма», преподнесенный мне Гриневичем, льстил юношескому самолюбию...» Див. ці та інші його опубліковані спогади в: Михаил Могілянський. В девяностые годы. Воспоминания // Былое. 1924. Том 23. С. 132–161; Том 24. С. 96–139.

...с докладом на акад[емической] сессии... — 3–7 червня 1941 року у Львові на червневій сесії Відділу суспільних наук АН УРСР Полонська-Василенко виступила з доповіддю «До історії заселення Південної України в XVIII столітті»: Інститут історії України НАН України. Документи і матеріали. 1936–1991. Кн. 1. 1936–1947. Упор. О. С. Рубльов, О. В. Юркова. Київ, 2011. С. 303.

...«богоподобный разум» дан человеку... — цитата з п'єси «Гамлет» Віяльма Шекспіра у російському перекладі поета і перекладача Михайла Леонідовича Лозинського (1886–1955) повністю звучить так: «Что человек, когда он занят только / Сном и едой? Животное, не больше. / Тот, кто нас создал с мыслью столь обширной, / Глядящей и вперед и вспять, вложил в нас / Не для того богоподобный разум. / Чтоб праздно плесневел он» (Акт IV, сцена IV).

Сестра состоит ассистентом... — йдеться про рідну сестру Могілянського — Анну Михайлівну Святловську (нар. 1878) — лікарку, яка мешкала в Ленінграді, де пережила блокаду (Див.: Пам'ятки України. 2013. № 9. С. 15). На її адресу Могілянський просив Полонську-Василенко надсилати йому листи до Ленінграду (Див. листи № 15, 16, 25).

...у проф[ессора] — по кафедре накожн[ых] болезней в мединституте — Подвысоцкой... — йдеться про Подвисоцьку Ольгу Миколаївну (1884–1958) — дерматолога, професорку, члена Академії медичних наук СРСР, члена-кореспондента Академії наук СРСР.

...«Малой сов[етской] энцикл[опедии]»... — універсальна енциклопедія, що випускалася в СРСР видавництвом «Советская энциклопедия».

...призван возглавлять Инст[иту]т материальной культуры... — у 1940–1945 роках Інститут історії матеріальної культури очолював Лазар Мойсейович Славін (1906–1971) — археолог, дослідник античного періоду Північного Причорномор'я, член-кореспондент Академії наук УРСР.

...супруга А[лександра] В[асильевича] Леонтовича... — **Олександр Васильович Леонтович (1869–1943)** — фізіолог, гістолог, академік Академії наук УРСР.

...Лидию Никол[аевну]... — особу не встановлено.

...слова Дантона... — йдеться про фразу «de l'audace, et de l'audace et encore de l'audace». Див. нижче примітку до цього листа.

...компрачिकосы... — ісп. comprachicos — «скупники дітей». Так у романі Віктора Гюго «Людина, яка сміється» (1869) названі торговці дітьми в Європі XVII–XVIII століть.

...«барабанщиком лихим»... — цитата із вірша Гайнріха Гайне (1797–1856) «Doctrin» («Schlage die Trommel und fürchte dich nicht...») (1844), у перекладі письменника Юрія Миколайовича Тинянова (1894–1943) вірш звучить так: «Бей в барабан и не бойся беды, / И маркитантку целуй вольней! / Вот тебе

смысл глубочайших книг, / Вот тебе суть науки всей. / Людей барабаном от сна буди, / Зорю барабань, не жалея рук, / Маршем вперед, барабаня, иди, — / Вот тебе смысл всех наук. / Вот тебе Гегеля полный курс, / Вот тебе смысл наук прямой: / Я понял его, потому что умен, / Потому что я барабанщик лихой.» Гайнівський образ барабанщика і биття в барабан неодноразово використовував у своїх поезіях (наприклад, «Наш марш» (1917), «150 000 000» (1919–1920), «На цепь!» (1923)) Володимир Маяковський (1893–1930). Так у «150 000 000»: «Бей, барабан! Барабан, барабань! / Были рабы! Нет раба! / Баарбей! Баарбань! Баарабан! / Эй, стальнорудые! Крепкие, эй! / Бей, барабан! Барабан, бей! / Или — или. / Пропал или пан! / Будем бить! Бьем! Били! / В барабан! В барабан! В барабан!».

...о копителях небес... — фразеологізм, що означає людину без мети в житті, неробу.

...рулады. — віртуозний прийом у співі, що полягає у швидкому виконанні кількох нот для озвучення одного складу у слові.

...Amie du peuple, — неистовый Мюрат... — фр. «Друг народу» — газета, що видавалася в революційній Франції у 1789–1792 роках публіцистом Жаном Полем Маратом (1743–1793), назва якої стала водночас прізвиськом її редактора.

...Жерара честность признавала... — Мішель Жерар (1737–1815) — єдиний селянин у Франції, обраний депутатом від третього стану до участі в Генеральних штатах 1789 року. Письменник та історик Томас Карлайл (1795–1881) писав про нього: «Народ в Ренне избрал крестьянина Жерара, “человека честного, от природы рассудительного, но без всякого образования”. Он шествует твердым шагом, единственный “в крестьянском костюме”, который он всегда и будет носить, его не интересуют плащи и камзолы. Имя Жерара, или Отца Жерара

(Pere Gerard), как землякам нравится его называть, станет широко известно, разнесется в бесконечных шутках, в роялистских сатирах, в республиканских назидательных альманахах. Что касается самого Жерара, то, когда его однажды спросили, что он может честно сказать о парламентской деятельности, познакомившись с ней, он ответил: «Я считаю, что среди нас слишком много негодяев».» Томас Карлейль. Французская революция. История. Пер. Ю. В. Дубровин, Е. А. Мельникова. Москва: «Мысль», 1991. С. 97.

...de l'audace, et de l'audace et encore de l'audace! — дещо неточна цитата з промови у Законодавчих зборах (Assemblée nationale législative) громадського діяча часів Французької революції Жоржа Жака Дантона (1759–1794), виголошеної ним під час австро-пруської військової інтервенції у Францію в 1792 році: «потребуємо мужності, більше мужності, завжди мужності, — і Франція врятована» («il nous faut de l'audace, encore de l'audace, toujours de l'audace, et la France est sauvée»).

...Без мудрого Панглосса и Кандида... — персонажі з «Кандіда» Вольтера.

...Пилат и Пютуа, и жаждущие боги, / И бедный Кренкебиль, и глупые пингвины ... И ангелы, восставшие в небесах... — йдеться про оповідання письменника Анатолія Франса (1844–1924) «Пютуа» (1900), «Прокуратор Іудеї» (1891), роман «Боги прагнуть» (1912), оповідання «Кренкебиль» (1901), романи «Острів пінгвінів» (1908) та «Повстання янголів» (1914).

...А вместо них поваленные гробы?... — алюзія на цитату з Євангелія від Матвія (23 : 27) у перекладі схваленому Святійшим правлячим синодом. Повна цитата звучить так: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты».

...Ну, а Мане, Моне, Гоген, Сезанн? / Нет, галереи Шукинской и той я не отдам! — йдеться про колекцію картин французьких художників-імпресіоністів, зібрану мільйонером і колекціонером Сергієм Івановичем Шукіним (1854–1936). У 1918 році галерею націоналізували більшовики, а після Другої світової війни вона була поділена між Ермітажем та Державним музеєм образотворчих мистецтв імені Олександра Пушкіна.

«Француз — дитя, / От Вам шутя, / Разрушит трон, / Издаст закон»... — цитата з вірша поета Олександра Івановича Полежаєва (1804–1838) «Четыре нации» (1827).

Идти вперед, не оглядаясь на Notre Dame, / Da Sacré Соенг, да разные Мадлены... — йдеться про розташовані у Парижі католицькі храми — Собор Паризької Богоматері, Базиліку Сакре-Кер, церкву Сен-Мадлен.

...Не очень также веритъ Chambre des Députés / И надписям на тюрьмах: Liberté. — фр. «палата депутатів», фр. «свобода».

...Карманьола... — популярна у роки Французької революції пісня, автор якої невідомий.

...Belle France... — алюзія на памфлет «Гарна Франція» («La Belle France») (1901), написаний 1898 року письменником Жоржем Дарн'єном (1862–1921), що через свої ліві погляди перебував на еміграції у Великобританії. Брошура містить критику французького суспільства та пропозиції його реформування, а саме відокремлення церкви від держави, поступову емансипацію жінок, відмову Франції від статусу колоніальної імперії.

...«Mein lieber Augustchen» запеть... — дещо змінена назва популярної пісні «О, мій милий Августине» («O, du lieber Augustin»), написаної у Відні під час Великої чуми 1679 року.

...Громокипящий кубок Гебы... — цитата із вірша «Весенняя гроза» (1828) поета Федора Івановича Тютчева (1803–1873).

...Шагиняншиного «Шевченка» вимагав від «книжних» людей... — йдеться про книжку: Мирэтта Шагинян. Шевченко. Москва: Художественная литература, 1941. Михайло Могилянський у листі до Володимира Грабаря від 14 травня 1941 року із Дніпропетровська писав: «Сейчас вгрызаюсь в книгу талантливой и умной дуры («умная дура» — это оксюморон!), намолотившей гороху с капустой, невероятной чепухи, что не мешает рецензентам книжку превозносить» Отдел рукописей РГБ. Ф. 376. Ед. хр. 20. Л. 56 зворот — 57.

№ 120
10 травня 1941
Дніпропетровськ

...Если поедете во Львов, привет городу, где я когда-то провел несколько хороших дней (до трех недель впрочем!)... — у спогадах Могилянський оповідав про перебування у Львові в 1913 році. Див. Михайло Могилянський. «Повесть о днях моей жизни». ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Од. зб. 637. Арк. 75–108.

№ 121
28 травня 1941
Дніпропетровськ

...я ответил, что «и автор» я «немолодой»... — див. № 119 лист від 18–19, 21–22 квітня 1941 року.

...купил «Короткий курс» — «Історія України». — йдеться про книжку: Історія України: Короткий курс. Ред. С. М. Белоусов, К. Г. Гуслистий, О. П. Оглоблін та ін. Київ: Видавництво АН УРСР, 1940. Полонська-Василенко була однією із авторок цієї книжки, до якої написала підрозділи 6–9 у розділі VI.

Вот и у Ястребова нет анализа... — йдеться про Федора Олександровича Ястребова (1903–1973) — історика, співробітника ВУАН.

«...корифеев науки, как Кистяковский...» — йдеться про Богдана Олександровича Кістяківського (1868–1920) — правознавця, громадського діяча, одного з засновників Української академії наук.

...статья Франка (сегодня 25 лет со дня его смерти) в переводе с немецкого «Шекспир в украинців»... — 25 років із дня смерті Івана Франка припадало на 28 травня 1941 року. Йдеться про статтю вперше опубліковану німецькою мовою під назвою «Shakespeare bei den Ruthenen» («Шекспір у русинів») у віденській газеті «Die Zeit» 18 квітня 1903 року, с. 32–34. Перший український скорочений переклад вийшов у «Літературній газеті» 18 квітня 1941 року.

...неупоминание о первых попытках научной обработки истории укр[аинской] литературы (Петров и замечательная «рецензия» на его труд Дашкевича... — йдеться про видання: Николай Иванович Петров. Очерки истории украинской литературы XIX столетия. Киев, 1884. та Дашкевич Н. Отзыв о сочинении г. Петрова: «Очерки истории украинской литературы XIX столетия, составлен профессором Н. Дашкевичем» // Отчет о двадцать девятом присуждении наград графа Уварова: приложение к LIX-му тому записок Императорской академии наук № 1. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук, 1888. С. 37–301.

...«Похвала глупости». — йдеться про однойменну книгу Еразма Роттердамського (1466–1536).

№ 122
2 червня 1941
Дніпропетровськ

...о смерти жены Л[еонида] Н[иколаевича] Яснопольского... — йдеться про другу дружину Леоніда Яснопольського — **Ганну Митрофанівну Піневич (1882–1941)** – випускницю Вищих жіночих курсів у Києві, співачку.

...на днях повідомили о смерті І[вана] М[ихайловича] Гревса. — Іван Михайлович Гревс (1860–1941) — історик, спеціаліст із римської та середньовічної історії.

**№ 123
14 червня 1941
Дніпропетровськ**

...о тамошней сессии Академии наук — «Советская Украина»... — див. примітку до листа № 119 від 18–19, 21, 22 квітня 1941 року.

...Наталія Дмитрієвна, вояжирували ли Ви во Львов... — йдеться про наукову сесію АН УРСР у Львові 3–7 червня 1941 року, у якій брала участь Наталія Полонська-Василенко.

**№ 124
26 червня 1941
Дніпропетровськ**

...Литературный музей... больше не будет брать моей «Повести о днях моей жизни»... — після відмови Літературного музею у виплаті 1000 рублів гонорару Михайло Могілянський 17 червня 1941 року писав із Ленінграду до племінника Олександра: «Итак, парижские рационы, на которых питаюсь уже больше месяца, стабилизируются ad infinitum, беспечность (послезавтра кончаю Мережковский подарок) грозит в связи с блестящим питанием рецидивом пернициозки, о поездке в Л-д нечего и думать, как уплачу долги, не столь большие, но все же мучительные, не представляю себе...» Листи Могілянському О. П. від Могілянського М. М. ЦДАМЛМУ. Ф. 195. Оп. 1. Спр. 203. 28 жовтня 1935 — 9 березня 1942. С. 27.

...все изменилось под нашим зодиаком... — жартівливий вірш приписуваний Олександрю Пушкіну: «Всё изменилось под нашим зодиаком: / Лев козерогом стал, а дева стала раком».

№ 125
8 липня 1941
Дніпропетровськ

Ваше письмо, милая Наталия Дмитриевна, писанное по возвращении из Львова... — згаданий лист не зберігся.

...получили ли Вы мое письмо с отзывом на книгу «Історія України»? — див. лист № 121 від 28 травня 1941 року.

Теперь, конечно, все это отошло на задний план и, верно, отложено. — див. примітку до листа № 117 від 22–23 березня 1941 року.

Беспечено[чно]сть, надо думать, поставила точку в моей недописанной «Повести о днях моей жизни»... — йдеться про те, що Михайло Могілянський хворів на анемію.

Обман Лит[ературного] музея... — див. лист № 124 від 26 червня 1941 р.

ЛИСТИ НАТАЛІЇ ПОЛОНСЬКОЇ-ВАСИЛЕНКО
ДО МИХАЙЛА МОГІЛЯНСЬКОГО

№ 1
26 січня 1938
Київ

...посещает ВБУ... — див. примітку до листа № 50 від 3–4 квітня 1935 року.

...дочь К[онстантина] Пр[окофьевича] и ее муж... — Наталія Полонська-Василенко писала у спогадах про чоловіка, що у 1924 році під час процесу «Центру Дій», по якому проходив Микола Василенко, на його квартирі у Києві по вул. Тарасівська, 20 вона оселила кілька нових квартирантів, аби запобіг-

ти вилученню за рішенням влади вільних кімнат. «Предвидя дурной исход процесса мы стали принимать меры к уплотнению квартиры — 3 февраля у нас поселилась племянница Мик. Прок. [О. И.?] Олейникова, студентка Политехнического института». ЦДАМЛМУ. Ф. 542. Оп. 1. Спр. 47. Арк. 118–119.

№ 2
26 жовтня 1940
Київ

Видела Влад[имира] Иван[овича], Дм[итрия] Моис[еевича], Ясноп[ольского] и др. — йдеться про Володимира Пічету (див. примітку до листа № 84 від 15–16 лютого 1939 року), Дмитра Петрушевського (див. примітку до листа № 5 від 19 вересня 1930 року) та Леоніда Яснопольського (див. примітку до листа № 73 від 16 грудня 1935 року).

№ 4
18 листопада 1940
Київ

Землетрясение и у нас было очень сильно... — див. примітку до листа № 111 від 13 листопада 1940.

№ 5
5 січня 1941
Київ

...издается «история культуры» — и в ней будет глава о Н[иколае] Пр[окофьевиче]. — див. примітку до листа № 114 від 24 січня 1941 року.

Показчик імен

А

Агол, Ізраїль 162, 163, 412, 413
Адамович, І. 68, 103, 148, 161,
373
Адріанова-Перетц, Варвара
217, 436
Айзеншток, Ієремія 29, 289,
463, 464
Александров, Григорій 427
Апеллес 446
Аплаксіна, Олександра 469
Арістотель 438
Аркас, Микола 53, 368
Арсеньєв, Володимир 424
Аруе, Франсуа-Марі 21, 105,
237, 247, 310, 312, 359,
373, 386, 388, 475
Ахматова, Анна 19, 188, 426
Ашрафян, Зармайр 199, 200,
424, 431

Б

Багалій, Дмитро 51, 321, 368
Багалій-Татарінова, Ольга 53,
109, 368, 389
Базилевич, Василь 366

Байрон, Джордж Гордон 70,
214, 362, 374, 418, 435
Бальзак, Оноре де 125, 308, 312
Баранников, Олександр 139,
402
Баранович, Олексій 68, 72, 73,
88, 119, 125, 166, 372
Барановський, Гаврило 451
Барбюса, Анрі 192
Барвінок, Ганна, див.
Білозерська-Куліш,
Олександра
Барер, Бертран 311
Барнай, Людвіг 248, 448
Баронат, Олімпія 360
Барсуков, Микола 191, 228, 440
Баттістіні, Маттіа 360
Батюшков, Костянтин 139, 402
Бейліс, Менахем-Мендель 29,
414
Бейль, Анрі-Марі 312
Бекон, Френсіс 354, 355, 359,
362
Березовський, Максим 320
Беренштам, Вільгельм 400
Беренштам, Ганна 264, 266,
400, 433

- Беренштам (Новицька), Зінаїда 400
- Беренштами (родина) 10
- Берія, Лаврентій 35, 467
- Берло, Анна 257, 453
- Белий, Андрій, див. Бугайов, Борис
- Белінський, Віссаріон 14
- Білецький, Олександр 237, 242, 443, 444, 446
- Білозерська-Куліш, Олександра 29, 433
- Бісмарк, Отто фон 413
- Блан, Луї 264, 267, 272, 278, 289, 296, 297, 303, 455, 456
- Блок, Олександр 191, 443
- Богомолець, Олександр 235, 236, 242, 298, 299, 443
- Бодлер, Шарль 35, 442, 455
- Бонч-Бруевич, Володимир 213, 294, 435, 460
- Боровиковський, Володимир 320
- Бортнянський, Дмитро 320
- Брюллов, Карл 164
- Брюсов, Валерій 271, 460
- Бугайов, Борис 381
- Булгаков, Михайл 387
- Бунін, Іван 16
- Бурггардт, Освальд 28
- Бурякова, Варвара 454
- Бурякова, Зінаїда 454
- Бурякова, Серафима 136, 263, 264, 267, 283, 299, 308, 399, 400, 444, 454, 469
- Бухарін, Микола 115, 391, 393
- Бюхнер, Георг 179, 423

В

- Вагнер, Марія 6
- Вагнер Ріхард 448
- Ван Гог, Вінсент 37, 164, 168, 414, 416
- Ван Гог, Тео 416
- Василенко, Костянтин 332, 480
- Василенко, Микола 6, 7, 40, 45, 51, 52, 63, 64, 67, 69, 71, 74, 77–80, 82, 90, 91, 95, 98, 100, 103, 105, 108, 111–113, 115, 116, 118, 119, 121, 123, 126, 127, 131, 133–135, 140, 142, 143, 146, 150, 152, 156, 159, 163, 165, 168, 170, 173, 176, 178–184, 188, 189, 192, 195, 197, 198, 200–203, 206, 208, 218, 222, 259, 273, 297, 332, 363, 395, 420, 430, 431, 434, 438, 453, 480
- Васільєв, Георгій 402
- Васільєв, Сергій 402
- Ведель, Артемій 320
- Веллс, Герберт Джордж 397
- Вельтман, Олександр 105, 388
- Венгеров, Семен 79, 83, 376

Вер, Едуард де 354
Вернадський, Володимир 127,
156, 162, 219, 235, 398
Верньо, П'єр Віктюрнієн 311
Віленський, Марк 165, 171, 175,
180, 414
Вілінська, Марія 29
Вовчок, Марко, див. Вілінська,
Марія
Волконський, Михайло 390
Вольтер, див.,
Аруе, Франсуа-Марі
Ворошилов, Климент 173, 424
Вотчал, Євгеній 217, 219, 436,
437
Вронченко, Михайло 401

Г

Гайне, Гайнріх 39, 74, 82, 162,
168, 197, 309, 354, 356,
375, 379, 415, 430, 473,
474
Галант, Ілля 65, 370, 371
Гамсун, Кнут, див. Педерсен,
Кнуд
Гарденберг, Фрідріх фон 428
Гаттон (єпископ) 273, 460
Гегель, Георг Вільгельм Фрідріх
309, 474
Гайне, Гайнріх 74, 82, 162, 168,
197, 309, 354, 356, 379,
430
Гельвецій, Клод Адріан 310
Гельм, Бригітта 451

Герцен, Олександр 12
Гете, Іоганн Вольфганг фон
141, 305, 309, 310, 470
Гінзбург, Лідія 15
Гінцбург, Ілля 442
Гітлер, Адольф 243, 255, 310,
360
Гладстон, Вільям 354
Глінка, Михайло 377
Гоген, Поль 312, 476
Гоголь, Микола 238, 253, 380,
404, 405, 413, 451
Голінshed, Рафаель 356
Гольбах, Поль Анрі 310
Гончаров, Іван 454
Горбань, Микола 53, 368
Горбунов, Іван 375
Гордієнко, Михайло 248, 449
Горнфельд, Аркадій 305, 306,
319, 471
Горький, Максим, див.
Пешков, Олексій
Грабар, Володимир 4, 8, 11, 51,
52, 227, 233, 251, 272, 278,
279–282, 333, 334, 365,
379, 419, 440, 441, 454,
457, 460, 465, 477
Грабарі (родина) 251, 334
Грабовський, Павло 321
Гревс, Іван 323, 479
Греков, Борис 9
Грибоедов, Олександр 191, 405
Грінченко, Борис 15, 321
Гроссман, Леонід 188, 426

Грунський, Микола 237, 443,
444
Грушевський, Михайло 19,
27–30, 118, 124, 367, 378,
394–397
Гумбольдт, Александер фон
170, 418
Гуменна, Докія 439
Гумільов, Микола 19
Гус, Ян 73, 375
Гюго, Віктор 191, 473

Д

Давидсон, Євгенія 413
Давидсон, Ілля 156, 159, 413
Давидсони (родина) 133, 399
Дамблон, Селестин 354
Данте, Аліг'єрі 131, 435
Дантон, Жорж Жак 17, 308, 310,
473, 475
Дарвін, Чарльз 229, 361, 441
Дарн'єн, Жорж 476
Дашкевич, Микола 321, 478
Демулен, Каміль 310
Дерюгін, Костянтин 234, 442
Джугашвілі, Йосиф 33, 34, 89,
125, 173, 191, 381, 397,
417, 425
Дідро, Дені 310, 456
Дізраелі, Бенджамін 354
Дікенс, Чарлз 362, 386
Дмітрієв, Іван 394
Довнар-Запольський,
Митрофан 4, 10, 51, 465

Донцов, Дмитро 31, 32
Дорошкевич, Олександр 435
Достоевський, Федір 101, 106,
188, 191, 426, 449
Драгоманов, Михайло 12, 15,
16, 138, 401
Драй-Хмара, Михайло 33
Дудник, Яким 72–74, 76, 103,
375, 386, 405
Дуже, Елеонора 360
Дунаєвський, Ісаак 427
Дурдуківський, Володимир 407
Дюма-батько, Олександр 15,
247
Д'Аламбер, Жан Лерон 310

Е

Езоп 461
Енгельке, Герріт 390
Еразм Роттердамський 478
Еренбург, Ілля 192, 428

Є

Єлизавета Петрівна
(імператриця) 406
Єлпатьєвський, Сергій 82, 379
Єсенін, Сергій 456
Єфремов, Сергій 27, 418

Ж

Жданович, Галя 156
Жданович, Яків 156, 410
Жерар, Мішель 312, 474, 475

Жид, Андре 192

Жуковський, Василь 429, 460

Жураковський, Геннадій 195,
429

З

Засодимський, Павло 321

Затонський, Володимир 124,
125, 166, 175, 396, 397,
421

Зеров, Микола 19, 22–25, 27, 33

Золя, Еміль 223, 283, 294, 312,
438, 462, 466

Зощенко, Михайло 113, 114,
117, 270, 391, 394

І

Ібсен, Генрік 378, 448

Івановський, Олександр 384

Іванушкін, Василь 139, 141,
145, 146, 159, 182, 402,
406, 413

Ігнатенко, Микола 470

Ігнат'єв, Олексій 270

Ільїн, Яків 192, 428

Ісаєв, В. І. 467

К

Калинович, Маргарита 456

Калинович, Михайло 242, 266,
446, 456

Каманін, Іван 433

Камишан, Олександр 53, 368,
369

Кант, Іммануїл 309

Карлейль, Томас 191, 227, 228,
440, 474

Качалов, Василь 248, 448, 449

Келлер, Борис 235, 443

Кирилюк, Євгеній 68, 73, 372

Кіплінг, Редьярд 127, 398

Кістяківський, Богдан 321, 390

Кістяківський, Міша 109, 390

Клеменс, Сем'юел Ленгхорн
220, 222, 392

Кніппер-Чехова, Ольга 180

Козінцев, Григорій 453

Козубовський, Федір 70, 71,
158, 161, 374, 411

Козьма Прутков 388, 430

Коккінакі, Володимир 248, 449

Кокошко, Степан 64, 88, 93, 95,
125, 150, 209, 298, 370,
408, 468

Кольридж, Сем'юел Тейлор 354

Конашевич-Сагайдачний,
Петро 406

Конишевський, І. 53, 368, 369

Коні, Анатолій 392

Корде, Шарлотта 311

Корнійчук, Олександр 449

Короленко, Володимир 302,
446

Корчак-Чепурківський,
Овксентій 299, 368, 468

Косач-Квітка, Лариса 321

- Косач, Ольга 52, 53, 367
 Коцюбинський, Михайло 16,
 19, 29, 145, 175, 207, 302,
 321, 406, 421, 466, 469
 Кравченко, Іван 64, 66, 73, 88,
 93, 95, 119, 125, 138, 145,
 150, 204, 298, 370, 408
 Крилов, Іван 276, 372, 381
 Крилов, Микола 235, 236, 443
 Кримський, Агатангел 289,
 292, 293, 301, 302, 318,
 321, 326, 327, 401, 463,
 469
 Крип'якевич, Іван 51, 298, 366,
 468
 Кристер, Арнольд 68, 373
 Кронберг, Андрій 403
 Кропивницький, Марк 13
 Кукольник, Нестор 427
 Куліш, Пантелеймон 25, 29, 58,
 191, 204, 205, 224, 283,
 321, 355, 369, 433, 462
 Кульчицький, М. 145, 405
 Купер, Джеймс Фенімор 127,
 398
 Курас, Григорій 34
- Л**
- Лавісс, Ернест 254, 452
 Лазар 87, 88, 380
 Лангбард, Йосип 438
 Ласкоронський, Віктор 12
 Лассаль, Фердинанд 12
 Леббок, Джон 392
 Лебедев-Кумач, Василь 427
 Левадний, М. 69, 373
 Левінсон, Євген 461
 Левитський, Володимир 367
 Левицький, Дмитро 52, 112,
 320, 367
 Левітан, Ісак 251, 450
 Левітов, Олександр 321
 Левченко, Микола 137, 401
 Ленін, Володимир, див.
 Ульянов, Володимир
 Леонтович, Олександр 308, 473
 Лермітт, Леон 416
 Лермонтов, Михайло 267, 321,
 356, 383, 384, 395, 399,
 402
 Лефранк, Абель 354
 Лесков, Микола 403
 Липинський, Вячеслав 395
 Липський, Володимир 219, 437
 Литвиненко, Катерина 400
 Литвинов, Максим 219, 437
 Ліберберг, Йосип 64, 370
 Лібкнехт, Карл 309
 Лівшиць, Бенедикт 88, 94, 381
 Лозинський, Михайло 368, 472
 Лосенко, Антон 320
 Луначарський, Анатолій 25, 29,
 354
 Луні, Томас 354
 Любченко, Андрій 219, 437
 Лютер, Мартин 377
 Ляйбніц, Готфрід 102, 373

М

- Мадзіні, Джузеппе 360
Маленков, Георгій 301, 469
Мандельштам, Осип 19
Мане, Едуард 312, 476
Манізер, Матвій 220, 438, 461
Манн, Генріх 192
Манн, Томас 192
Марат, Жан-Поль 111, 191, 390, 474
Маркс, Карл 29, 118, 191, 240, 242, 254, 357, 361, 441
Масанов, Іван 306, 319, 471
Маслова, Олена 175, 422
Мартов, Юлій, див.
 Цедербаум, Юлій
Маяковський, Володимир 19, 474
Мейер, Йоханнес 451
Мекк, Надія фон 107, 108, 136, 149, 153, 154, 187, 409, 462
Мельгунов, Сергій 223, 438
Меннерс, Роджер 354
Меньшова, Д. П. 4
Меньшова, М. Ф. 4
Метерлінк, Моріс 428
Мечников, Ілля 321
Микола II (імператор) 432
Михайловський, Микола 306, 319, 471
Мікеланджело, Буонарроті 416
Мілле, Жан-Франсуа 416
Мінаєв, Дмитро 418
Мірабо, Оноре Габріель
 Рікеті де 17, 125, 308, 310, 315
Мірбо, Октав 462
Міхоелс, Соломон 248, 448
Міяковська, Інна 426
Міяковська, Оксана 34
Міяковський, Володимир 34, 100, 120, 303, 306, 385, 395, 426
Міяковські (родина) 189, 426
Могілянська (Саф'ян), Ірина 36, 71, 101, 116, 126, 217, 379, 380, 393, 408, 442, 444, 460, 470
Могілянська, Лідія 35, 90, 92, 96, 133, 382, 439
Могілянська, Марія 12
Могілянська, Олена 33, 75, 399, 439, 467
Могілянський, Дмитро 35, 393, 427, 439
Могілянський, Михайло (Якович) 13
Могілянський, Олександр 39, 42, 388, 479
Модзалевський, Вадим 464
Молотов, В'ячеслав 33, 271, 459
Моне, Оскар-Клод 312, 476
Мопассан, Гі де 312
Моргун, Олександр 6, 296, 300, 303, 304, 308, 317, 322–324, 326, 327, 335, 435, 436, 467

Муратов, Павло 125, 397
 Муссоліні, Беніто 243, 360
 Муханов, Олексій 202, 432
 Мюрат, Йоахім 311, 474

Н

Надсон, Семен 387, 432, 472
 Наполеон I Бонапарт 304, 316
 Некрасов, Микола 305, 321, 470
 Немирович-Данченко,
 Володимир 290, 447, 452,
 464
 Нізан, Пол 192
 Ніцше, Фрідріх 145, 378, 404,
 410, 465
 Новаліс, див Гарденберг,
 Фрідріх фон
 Новицькі (родина) 224, 439
 Новицький, Михайло 148, 407,
 439
 Ньютон, Ісаак 362

О

Оглоблин, Олександр 39, 282,
 334, 455
 Олександр III (імператор) 417
 Омупевський, Інокентій 321
 Осипенко, Поліна 450

П

Палладін, Олександр 70, 71,
 242, 374

Пальмерстон, Генрі Джон
 Темпл 354
 Пантелеєв, Лонгін 139, 146,
 402, 406, 407
 Пастер, Луї 312
 Пастернак, Борис 192, 428
 Педерсен, Кнуд 188, 426
 Петро I 380
 Петров, Віктор 23, 25, 33, 227,
 228, 234, 238, 251, 253,
 259, 263, 264, 266, 269,
 272, 274, 277, 278, 280,
 282, 289, 296, 297, 303,
 326, 439–440, 454, 455,
 459
 Петров, Микола 321, 478
 Петровський, Микола 266, 456
 Петрушевський, Дмитро 51, 52,
 91, 94, 98, 103, 112, 136,
 139, 146, 155, 156, 162,
 164, 173, 175, 176, 180,
 183, 197, 198, 205, 217,
 228, 235, 251, 263, 264,
 272, 279, 280, 283, 295,
 323, 332–334, 336, 365,
 383, 481
 Пешков, Олексій 32, 302, 379,
 406, 425
 Піневич, Ганна 478
 Пісарєв, Дмитро 375
 Пісоцький, Анатолій 29, 30, 397
 Пічета, Володимир 9, 237, 269,
 270, 333, 443, 444, 455,
 459, 481

Плеханов, Георгій 15, 191
Пліній Старший 445
Плужник, Євген 408
Плутарх 39
Подвисоцька, Ольга 307, 473
Полежаєв, Олександр 476
Полонський, Сергій 9
Поль, Олександр 382
Посарт, Ернст фон 248, 448
Постишев, Павло 34, 175, 199,
200, 421, 424, 425, 431
Потебня, Олександр 321, 356
Потьомкін, Григорій 445
Прістлі, Джон Бойнтон 227,
239, 253, 257, 447, 453
Прокоф'єв, Сергій 465
Пруст, Марсель 188, 190, 244,
426
Пушкін, Олександр 13, 176,
191, 238, 321, 357, 374,
384, 385, 389, 398, 404,
409, 416, 432, 437, 440,
445, 446, 452, 479
Пчілка, Олена, див.
Косач, Ольга

Р

Рабле, Франсуа 310
Радлов, Сергій 449
Рамбо, Альфред 254, 452
Рейнольдс, Джошуа 362
Рейсдал, Якоб ван 362
Репін, Ілля 241, 242, 445

490

Рильський, Максим 23, 299,
468
Річицький, Андрій, див.
Пісоцький, Анатолій
Робесп'єр, Максиміліан 17, 311
Розанов, Василій 405
Ролан, Манон 311
Роллан, Ромен 184, 191, 368,
425, 428
Романова, Олександра
(імператриця) 448
Романович-Ткаченко, Наталія
11, 21, 22, 175, 177, 370,
374, 378, 379, 383, 421,
423, 439
Романовський, Віктор 51, 53,
78, 100, 103, 105, 115, 127,
132, 134, 136, 137, 141,
152, 172, 366, 376, 386,
433
Ромен, Жюль 418, 419
Россетті, Данте Габріель 362
Ру, Еміль 312
Рубінштейн, Іда 426
Рулін, Петро 53, 368
Русова, Софія 163, 413
Руссо, Жан-Жак 310, 430

С

Савич, Олександр 455
Саксаганський, Панас 170, 176,
417, 418, 461
Салтиков-Щедрін, Михайло
250, 384, 403, 415, 450

- Сальвіні, Томмазо 248, 360, 448
 Саф'ян, Матвій 379
 Сахновський, Василь 452
 Святловська, Анна 71, 72, 74, 472
 Сезанн, Поль 312, 476
 Секелі, Янош 451
 Сембріх, Марселла 360
 Сен-Жозеф, Антуан де 45, 363
 Сен-Жюст, Луї Антуан де 310
 Сен-Сімон, Анрі 118, 136, 219, 394, 437
 Сергеев, Федір 98
 Серов, Анатолій 450
 Сидоряк 123, 396
 Синявський, Антін 27
 Ситенська, Олександра 11
 Сичугов, Віктор 461
 Скотт, Вальтер 270
 Скрипник, Микола 389
 Славін, Лазар 473
 Соколов, Юрій 289, 292, 304, 308, 463
 Соловійов, Володимир 423, 460
 Сталін, Йосиф, див. Джугашвілі, Йосиф
 Станіславський, Костянтин 447
 Старицька-Черняхівська, Людмила 177, 181, 182, 422, 424
 Старицький, Михайло 464
 Стасов, Володимир 445
 Стендаль, див. Бейль, Анрі-Марі
 Стенлі, Вільям 354
 Стівенсон, Роберт Луїс 220, 222
 Студинський, Кирило 298, 322, 468
 Суриков, Василь 88, 380
 Сухово-Кобилін, Олександр 228
 Сухозанет, Микола 392
- ## Т
- Тарасенко, Михайло 76, 145, 405
 Тарасова, Алла 248, 449
 Тарле, Євгеній 213, 258, 304, 434, 453, 470
 Твен, Марк, див. Клеменс, Сем'юел Ленгхорн
 Теккерей, Вільям Мейкпіс 362
 Тен, Іпполіт 247, 447
 Терещенко, Каленик 461
 Тернер, Вільям 362
 Тинянов, Юрій 473
 Тичина, Павло 27, 466, 467
 Ткаченко, Володимир 22, 177, 383
 Ткаченко, Михайло 423
 Ткаченко-Ходкевич, Наталя 224, 374, 424, 439
 Толстая, Тетяна 125, 397
 Толстой, Лев 195, 238, 321, 353, 379, 380, 429, 449, 451
 Толстой, Олексій 366, 382, 392
 Томашевський, Борис 415
 Торрес-і-Вільярроель, Диего де 191

Требінський, Дмитро 109, 390
Требінська, Марія 119, 156,
395, 410
Требінський, Микола 395
Тулуб, Зінаїда 187, 406, 425
Тульчинський, Самуїл 440
Тургенєв, Іван 238, 419
Туркало, Марія 367
Тютчев, Федір 477

У

Українка, Леся, див.
Косач-Квітка, Лариса
Ульянов, Володимир 10, 18,
31–33, 144, 179, 191, 353
Ульяновський, Василь 14, 39
Успенський, Гліб 388

Ф

Фабр, Андрій 382
Федін, Костянтин 13, 192, 428,
466
Фет, Афанасій 427
Филипович, Павло 22, 33
Фітільов, Микола 23–26, 28,
380, 466
Флобер, Гюстав 353
Фомін, Олександр 219, 437
Форд, Генрі 445
Франко, Іван 19, 38, 302, 321,
373, 417, 449, 478
Франс, Анатоль 23, 81, 312, 377,
456, 475

Франко, Франсіско 444
Фріче, Володимир 354
Фурманов, Дмитро 402

Х

Харлампович, Костянтин 53,
368
Хвильовий, Микола, див.
Фітільов, Микола
Хижняков, Василь 16
Хільчевська, Ліда 20
Хогарт, Вільям 362
Холодковський, Микола 412
Холодний, Григорій 219, 437

Ц

Цедербаум, Юлій 32

Ч

Чайковський, Петро 107, 108,
136, 149, 153, 154, 187,
268, 409, 457, 462
Чапаєв, Василь 402
Чекеруль-Куш, Костянтин 171,
419
Челпанов, Георгій 51, 365
Чемберлен, Невіл 271, 459
Чернишевський, Микола 12
Чехов, Антон 100, 180, 248, 379,
385, 423, 447, 449
Чичерін, Борис 139, 146, 149,
153, 183, 187, 191, 402,
409

Чулков, Георгій 234, 442

Ш

Шабліовський, Євген 107, 298,
389, 468

Шагінян, Марієтта 316, 477

Шварц, Бертольд 107, 197, 389,
430

Шевченко, Тарас 13, 29, 138,
213, 219, 220, 355, 401,
407, 412, 420, 435, 438,
445, 461, 464

Шекспір, Вільям 38, 246, 248,
353–361, 416, 447, 448,
465, 472

Шеллі, Персі Біші 362

Шереметєв, Павло 375

Шестаков, Андрій 227, 440

Шиллер, Фрідріх 448

Шкловський, Борис 415

Шолохов, Михайло 290, 464

Шостакович, Дмитро 290, 464

Шоу, Джордж Бернард 362

Шраг, Ілля 16

Шуберт, Франц 268, 457

Щ

Щукін, Сергій 476

Щуко, Володимир 234, 442

Ю

Юшков, Серафим 237, 443, 444

Я

Яворницький, Дмитро 36, 51,
90, 131, 136, 160, 222, 228,
259, 263, 264, 266, 267,
270, 274, 277, 300, 365,
382, 399, 400, 412, 440,
454, 461, 469

Яворницькі (родина) 134, 399,
400

Якименко, Оксана 374

Якубович, Дмитро 306, 319

Якубович, Петро 319, 442, 455,
471, 472

Яснопольський, Леонід 209,
323, 333, 434, 478, 481

Ястребов, Федір 321, 478

Наукове видання

**Михайло Могілянський.
Листування
з Наталією Полонською-Василенко
1929–1941**

Упорядкування
Вікторія Сергієнко

(українською та російською мовами)

ISBN 978-617-8186-08-1

9 786178 186081

Відповідальна за випуск

В. Г. Сергієнко

Редактор

В. Г. Сергієнко

Комп'ютерна верстка

О. А. Мірошниченко

Підписано до друку 25.04.2023
Формат 60×84 ¹/₁₆, Папір офсетний.
Умов. друк. арк. 29,76. Гарнітура PT Serif
Наклад 300 прим. Зам. № ПЛ-01/23

ТОВ «ВИДАВНИЦТВО ПРАВА ЛЮДИНИ»
61002, Харків, вул. Дарвіна, 7, кв. 35
Свідоцтво Державного комітету телебачення і радіомовлення України
серія ДК № 4783 від 23.10.2014 р.
ел. пошта: distribution.hr.publisher@gmail.com

Для нотаток